471.

В. В. Юнкеръ

Путешествія по Африкѣ.

Э. Петри.

ПУТЕШЕСТВІЯ В. В. ЮНКЕРА

ПО АФРИКѢ.

DE GRUYTER

1893.
Дмитриев-Кавказский
69

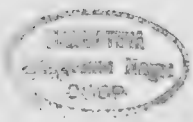
1894
471

ПУТЕШЕСТВІЯ
В. В. ЮНКЕРА
ПО АФРИКѢ.

ИЗЛОЖЕНО
Э. Ю. Петри,
профессоромъ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета.

16192

Съ 114 рисунками въ текстѣ,
44 отд. гравюрами, 2 картами и портретомъ В. В. Юнкера.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 ноября 1893 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій просп. № 53.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прошло почти два года со дня смерти В. В. Юнкера. За это время вполнѣ выяснилось значеніе нашего великаго путешественника въ исторіи изученія Африки и въ географической наукѣ вообще. Говоря въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ «Petermanns Mitteilungen» о книгѣ Юнкера, извѣстный берлинскій ученый, профессоръ Ашерсонъ, называетъ ее «классическою» и таковою она дѣйствительно считается въ настоящее время. Опредѣлилась постепенно и симпатичная личность Юнкера, благодаря воспоминаніямъ его друзей или сотрудниковъ. Укажемъ въ этомъ отношеніи на простодушную, но содержательную книгу Виты Гасана «Die Wahrheit über Emin Pascha» Berlin, 1893. Высокія похвалы, воздаваемыя Юнкеру, какъ ученому и какъ человѣку, пишутся уже не подъ впечатлѣніемъ внезапной утраты его и имѣютъ, поэтому, тѣмъ большую цѣну.

Отсутствіе какого-либо сочиненія о Юнкерѣ на русскомъ языкѣ чувствуется нынѣ весьма настоятельно; съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что переводъ обширнаго трехтомнаго сочиненія Юнкера, по нашимъ мѣстнымъ условіямъ, можетъ стать достояніемъ только весьма небольшой группы читателей. Въ виду этого родственники и почитатели покойнаго остановились на мысли

издать краткій и общедоступный обзоръ его изслѣдованій и путешествій. Честь иниціативы и матеріальнаго осуществленія этого дѣла принадлежитъ зятю покойнаго путешественника, Альфреду Федоровичу Девріену. Въ изложеніи нашемъ мы придерживались, по возможности, текста Юнкера, хотя, въ интересахъ самаго предмета, дѣлали тамъ, гдѣ это вызывалось новѣйшими изслѣдованіями или необходимостью разъясненія описываемыхъ явленій, болѣе или менѣе обширныя дополненія.

Пожелаемъ, чтобы, благодаря нашей небольшой книгѣ, имя знаменитаго изслѣдователя Африки, Юнкера, стало ближе русскому читателю.

Э. Петри.

ВВЕДЕНІЕ.

В. В. Юнкеръ.

Юнкеръ, какъ путешественникъ. — Стэнлей и стэнлеисты. — Біографическія свѣдѣнія о Юнкерѣ. — Характеристика Юнкера, какъ человѣка. — Краткій обзоръ путешествій Юнкера. — Кончина его.

Среди путешественниковъ-изслѣдователей настоящаго столѣтія покойный Вильгельмъ Юнкеръ занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Имя Юнкера тѣсно связано съ эпохою блестящихъ открытій въ Африкѣ и смѣло можетъ быть поставлено на ряду съ именами крупнѣйшихъ научныхъ изслѣдователей этого материка: Барта, Нахтигаля и Швейнфурта. Восточная экваторіальная часть пресловутаго «темнаго материка» выступила въ болѣе или менѣе ясныхъ чертахъ и получила, въ извѣстныхъ предѣлахъ, по крайней мѣрѣ, изумительно точное картографическое изображеніе именно благодаря трудамъ и смѣлымъ подвигамъ Юнкера.

Почетное имя свое въ исторіи географической науки Юнкеръ пріобрѣлъ, не только благодаря многолѣтнимъ странствованіямъ, преисполненнымъ опасностей, лишеній и грандіозныхъ успѣховъ. Онъ выдавался среди другихъ путешественниковъ и по точности и совершенству своихъ научныхъ изслѣдованій; съ точки зрѣнія техники научныхъ географическихъ изслѣдованій Юнкеръ можетъ послужить образцомъ для послѣдующихъ поколѣній путешественниковъ.

Помимо заслугъ фактическихъ, или, выражаясь географическимъ языкомъ, хорологическихъ, измѣряемыхъ количествомъ пройденныхъ верстъ и размѣрами открытыхъ земель, мы требуемъ въ настоящее время отъ путешественника заслугъ иного рода, заслугъ, которыя мы, поскольку онѣ касаются техники изслѣдованія, могли бы назвать методическими.

Недалеко отъ насъ то время, когда сердца всѣхъ интеллигентныхъ людей волновались при слухахъ о дивныхъ странствованіяхъ какого нибудь Рене Калье, проникшаго, какъ подобаетъ истому авантюристу, безъ всякаго снаряженія и безъ всякой научной подготовки въ Тимбукту и пробравшагося оттуда черезъ Сахару въ Марокко. Въ настоящее же время, для насъ до извѣстной степени утратилъ свое обаяніе даже Стэнлей. Въ глазахъ современнаго читателя географическихъ книгъ величайшія чудеса храбрости и самыя невѣроятныя приключенія и лишенія не имѣютъ уже прелести новизны. Читатели наши пресытились чудесами...

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что на нашихъ глазахъ вырабатывается новый типъ путешественниковъ, научныхъ изслѣдователей.

Но это — типъ далеко еще не господствующій. Достаточно взглянуть на современную литературу объ Африкѣ, — наиболѣе обширный и бойкій отдѣлъ географической литературы вообще, — чтобы признать, что вся она проникнута духомъ сенсаціоннымъ и полемическимъ. Въ ней господствуютъ люди, ищущіе громкаго успѣха, люди, совершающіе чудеса геройства не во имя дѣла, а во имя личности. Имъ чужды детальныя изслѣдованія въ небольшихъ районахъ: они стремятся къ тому, чтобъ прорѣзывать цѣлые материки, чтобы проникнуть въ области, считающіяся недоступными; они ищутъ опасностей и подвиговъ ради шумныхъ восторговъ толпы.

Юнкеръ былъ прежде всего человѣкомъ науки: онъ

не смотрѣлъ на путешествія глазами авантюриста, ищущаго въ нихъ пути къ славѣ, или же туриста, для котораго путешествіе является занимательнымъ спортомъ. Онъ относился къ своей задачѣ, какъ къ серіознѣйшему и отвѣтственному труду, и въ пути, несмотря на болѣзнь, переутомленіе, голодъ и опасности, неуклонно велъ свои наблюденія и записи. Благодаря упорному труду, Юнкеръ достигъ выдающихся результатовъ. Сочиненія его не блещутъ ни показною, ни разсказною стороною, но они представляютъ собою вполнѣ надежный и точный сборникъ замѣтокъ ученаго изслѣдователя. Вотъ почему работы Юнкера не вызываютъ тѣхъ безчисленныхъ поправокъ и подчасъ крайне бурныхъ споровъ, которые слѣдуютъ за каждымъ произведеніемъ другихъ знаменитыхъ африканскихъ путешественниковъ. Вспомнимъ, напримѣръ, пресловутую и грязную полемику по поводу враждебныхъ отзывовъ Стэнлея о своихъ сподвижникахъ и объ Эминѣ-пашѣ, вспомнимъ, до какого минимума доведено въ настоящее время значеніе области Конго, которая нѣкогда описывалась Стэнлеемъ, какъ рай земной. Вспомнимъ, что въ прекрасно-изданной книгѣ Карла Петерса карты не сходятся съ текстомъ, что талантливый Іосифъ Томсонъ изобличенъ былъ въ томъ, что онъ сочинилъ геологическую карту области горъ Кенія и Килиманджаро и т. д. Что касается Юнкера, то путешественники, слѣдовавшіе за нимъ, неоднократно подтверждали показанія его и ссылались на него, какъ на величайшій авторитетъ. Укажемъ, напримѣръ, на Эмина-пашу и Каетано Касати, раздѣлявшихъ съ нимъ опасности возстанія махдистовъ, на Фанъ-Желя и Руже, добравшихся до земель, описанныхъ Юнкеромъ, съ запада, на Беккера, Стэнлея и другихъ. Наиболѣе виднымъ свидѣтелемъ точности работъ Юнкера является, въ нашихъ глазахъ, знаменитый картографъ Бруно Гассенштейнъ въ Готѣ, который при изданіи и обработкѣ съемокъ Юнкера заявилъ, что со временъ

Генриха Барта ему еще не встрѣчался болѣе тщательный и полный матеріалъ, касающійся столь продолжительныхъ путешествій, какъ тотъ, который доставленъ былъ ему докторомъ Юнкеромъ.

Результаты путешествій Юнкера изложены въ его: «Wissenschaftliche Ergebnisse der Reisen in Central-Afrika». Gotha 1889 и 1890 и «Reisen in Afrika». Wien, 1889 и 1891. Послѣдній трудъ представляетъ собою обширное трехтомное сочиненіе приблизительно въ 2000 страницъ, украшенныхъ многочисленными рисунками; къ тексту приложено множество цѣнныхъ картъ, составлявшихъ предметъ особой гордости скромнаго автора, который въ нихъ, по справедливости, видѣлъ наглядное отраженіе того, что онъ «работалъ точно». Книга эта еще при жизни автора признана была ученою критикою за одинъ изъ капитальнѣйшихъ источниковъ по литературѣ объ Африкѣ и переведена на англійскій языкъ.

Что касается частной жизни Юнкера, то въ ней, повидимому, немногое способствовало тому, чтобы изъ него выработался типъ самоотверженнаго ученаго путешественника.

В. В. Юнкеръ, родившійся 6 апрѣля 1840 года въ Москвѣ, былъ младшимъ сыномъ основателя петербургской и московской банкирской фирмы И. В. Юнкера. Получивъ превосходное образованіе частью заграницею, частью въ С.-Петербургѣ въ Петропавловской гимназіи, онъ затѣмъ изучалъ медицину въ Гёттингенѣ и Дерптѣ. Его, однако же, не привлекала дѣятельность практическаго врача; еще въ большей степени чуждъ онъ былъ праздной жизни вполнѣ обезпеченнаго человѣка, какимъ онъ былъ уже по своему рожденію. Дѣйствительное призваніе свое, быть путешественникомъ-изслѣдователемъ, онъ обрѣлъ въ 1869 году во время экскурсіи по Исландіи.

Страннымъ образомъ, тутъ же, въ этой суровой и

обледенѣлой странѣ, ему явилась мысль избрать цѣлью своихъ изслѣдованій знойный материкъ Африки.

Рѣшившись посвятить себя изученію Африки, Юнкеръ серьезно принялся за подготовку. Съ 1873 по 1874 годъ онъ находился въ сообществѣ съ профессоромъ Вильмансомъ, собиравшимъ древности для знаменитаго историка Момзена, въ Тунисѣ, чтобъ здѣсь, въ странѣ, болѣе или менѣе изученной въ научномъ отношеніи и имѣющей свою классическую географическую литературу, усвоить себѣ технику географическихъ работъ. Здѣсь же онъ практически ознакомился съ арабскимъ языкомъ и съ магометанскимъ міромъ вообще, въ которомъ онъ призналъ руководящую силу для большинства африканскихъ народовъ. Въ 1874 и 1875 годахъ онъ продолжительное время работалъ въ Берлинѣ подъ руководствомъ знаменитаго географа Киперта.

Въ 1875 году Юнкеръ встрѣтился на парижскомъ географическомъ конгрессѣ съ извѣстными африканскими путешественниками: Нахтигалемъ, Рольфсомъ и Швейнфуртомъ и, слѣдуя ихъ совѣтамъ, намѣтилъ себѣ, какъ ближайшую цѣль изслѣдованій, таинственную въ то время область Даръ-Форъ. Обстоятельства, однако, сложились такимъ образомъ, что ему во весь тринадцатилѣтній періодъ странствованій по Африкѣ не удалось осуществить этой мысли. Въ концѣ того же года онъ предпринялъ въ высшей степени интересное и плодотворное путешествіе по Ливійской пустынѣ, описанію котораго посвящена первая глава нашего очерка. Въ 1876 году онъ первымъ изъ европейцевъ-изслѣдователей поднялся по рѣкѣ Барака, посѣтилъ городъ Кассала, провинцію Така и черезъ Кедарефъ пробрался въ столицу Судана Хартумъ. Въ 1877 и 1878 годахъ онъ изслѣдовалъ область рѣки Собатъ и, затѣмъ, черезъ Ладо по Бахръ-эл-Джебелю проникъ въ глубь экваторіальной Африки и изучилъ область рѣкъ Роль, Тонджь, Джуръ, страну Митту и Калика. Затѣмъ онъ

черезъ Ладо, Хартумъ и Каиро возвратился въ С.-Петербургъ.

Богатыя коллекціи, привезенныя имъ изъ этого путешествія, являются однимъ изъ лучшихъ украшеній этнографическаго музея Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ.

Въ 1879 году Юнкеръ вновь пустился въ путь. На этотъ разъ онъ рѣшилъ продолжать свои изслѣдованія какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они были прерваны имъ въ предшествующемъ году.

Главною задачею его было изучить область рѣки Уэллэ и настолько пройти внизъ по теченію этой рѣки, чтобы окончательно выяснить спорный вопросъ о томъ, принадлежитъ-ли она къ системѣ Конго или Шари. По Бахръ-эл-Газалю онъ достигъ до Мешра-эр-Рекъ и отсюда до Дэмъ-Солимана, столицы провинціи Газель. Затѣмъ онъ въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ путешествовалъ по землямъ людоѣдовъ нямъ-нямовъ и мангбатту и достигъ наиболѣе южнаго пункта своихъ странствованій въ Тэли близъ р. Непоко, оказавшейся притокомъ рѣки Арувими, открытой Стэнлеемъ; отсюда Юнкеръ направился на западъ и прослѣдовалъ по рѣкѣ Уэллэ до самаго западнаго пункта своихъ путешествій, Сериба-Абдалла, приблизительно подъ 23^0 восточной долготы по Гриничу и 4^0 сѣверной широты. Такимъ образомъ выяснилось, что эта рѣка принадлежитъ къ обширной системѣ Конго и является верховьемъ Макуа. Юнкеръ намѣревался было вернуться въ Европу; онъ успѣлъ даже раздарить значительную часть оставшихся у него запасовъ и послать впередъ своего помощника Бондорфа съ коллекціями, когда до него дошелъ слухъ о возстаніи туземцевъ на сѣверѣ. Прямой путь въ Европу былъ отрѣзанъ. Бондорфу пришлось бросить всѣ драгоцѣнныя коллекціи, собранныя въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Путь къ югу былъ заложенъ сыномъ столь благово-

лившаго въ свое время къ европейцамъ Мтезы. Юнкеръ направился къ Эмину-пашѣ въ Ладо и оттуда, въ интересахъ его, предпринималъ поѣздки къ вассаламъ, помощь которыхъ могла имѣть значеніе для самоотверженнаго губернатора, рѣшившаго во что бы-то ни стало удержать за Египтомъ экваторіальную провинцію. Лишь черезъ два года Юнкеру удалось съ великимъ трудомъ пробраться черезъ Уніоро и Уганду къ Занзибару. По дорогѣ уже онъ узналъ о томъ, какимъ страшнымъ ураганомъ пронеслось возстаніе махдистовъ надъ сѣверомъ; онъ получилъ вѣсть о смерти Гордона-паши, котораго онъ искренно почиталъ какъ человѣка и какъ государственнаго дѣятеля; наконецъ, онъ узналъ о томъ, что его собственнымъ братомъ была снаряжена экспедиція для его спасенія подъ предводительствсмъ Г. Фишера, но что ей не удалось пробиться къ нему. 29 ноября 1886 года Юнкеръ вновь увидѣлъ море. Прошло семь лѣтъ, исполненныхъ всякихъ тревогъ, опасностей и лишеній, съ тѣхъ поръ какъ онъ разстался съ нимъ. Въ первыхъ числахъ января 1887 года онъ встрѣтился въ Суэсѣ съ своими родными и Швейнфуртомъ.

Послѣдующіе годы Юнкеръ проводилъ преимущественно въ Вѣнѣ, поглощенный разработкою своихъ обширныхъ матеріаловъ. Коллекціи послѣдняго путешествія погибли безслѣдно, но все же удалось спасти дневники, съ которыми онъ никогда не разставался. Матеріалы его охватываютъ всѣ вопросы, имѣющіе извѣстный интересъ для географа; менѣе вниманія обращено было нашимъ путешественникомъ лишь на геологическія наблюденія. Главная сила Юнкера лежитъ въ точности его картографическихъ работъ; много вниманія онъ удѣлялъ также вопросамъ орографіи, гидрографіи и метеорологіи. Въ дневникахъ его и въ опубликованныхъ сочиненіяхъ находится множество весьма цѣнныхъ указаній на флору, фауну и спеціально на образъ жизни человѣко-

подобныхъ обезьянъ. Любимою областью изслѣдованій Юнкера были вопросы этнографическіе; относительно мало вниманія онъ удѣлялъ только обычному праву негрскихъ народовъ, представляющему столь много интереснаго и важнаго для науки. Наблюденія его надъ обитателями Африки имѣютъ, помимо научной цѣнности, и извѣстный историческій интересъ, такъ какъ совпадаютъ съ эпохою возстанія махдистовъ, взволновавшаго все населеніе экваторіальной восточной Африки.

По характеру своему Юнкеръ былъ человѣкъ не только въ высшей степени гуманный и благородный, но и скромный, почти до застѣнчивости. Идеаломъ его была тихая жизнь изслѣдователя, жизнь среди природы и среди людей, близкихъ къ природѣ. Закончивъ свое великое путешествіе и сознавая, что силы его подсѣчены тропическими лихорадками, и что ему не выдержать новыхъ трудовъ, Юнкеръ мечталъ лишь о томъ, чтобы по изданіи своей книги поселиться на югѣ Европы или въ Египтѣ въ какомъ нибудь тихомъ уголкѣ и тамъ заняться сельскимъ хозяйствомъ. Можно сказать, что онъ положительно боялся тѣхъ почестей, которыми его осыпали въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Стокгольмѣ, С.-Петербургѣ и т. д.

Въ бытность свою въ Вѣнѣ Юнкеръ, по выраженію друга его Гевеши, блестящаго венгерскаго фельетониста, сталъ «рабомъ своей книги». Онъ весь ушелъ въ литературный трудъ. Чтобы избѣжать городского шума, онъ занялъ квартиру, выходившую окнами на дворъ; но въ ней оказалось такъ мало свѣта, что зимою, по крайней мѣрѣ, почти всегда приходилось работать при газовомъ освѣщеніи. Здѣсь Юнкеръ жилъ и работалъ въ продолженіе трехъ лѣтъ среди обстановки, которую по справедливости можно было бы назвать красиво и комфортабельно устроеннымъ музеемъ африканскихъ рѣдкостей.

Юнкеръ всей своею жизнью доказалъ, что онъ умѣлъ переносить лишенія, но въ то же время онъ умѣлъ цѣнить и удобства и все прекрасное въ культурной жизни. Извѣстное стремленіе къ комфорту проглядывало даже въ симпатичной внѣшности путешественника. Это былъ человѣкъ средняго роста, крѣпкаго, хотя въ то же время на видъ нѣжнаго сложенія съ правильнымъ красивымъ лицомъ и добрыми, ясными темнокарими глазами. Одѣвался онъ въ высшей степени аккуратно и даже нѣсколько щеголевато. Въ обращеніи съ посторонними онъ былъ всегда предупредителенъ и деликатенъ, хотя сдержанъ. О своихъ подвигахъ и о путешествіяхъ онъ распространялся крайне неохотно.

Упорная работа окончательно подкосила здоровье Юнкера, и безъ того подорванное лишеніями и долголѣтнимъ пребываніемъ подъ тропиками. По выходѣ своей книги на нѣмецкомъ языкѣ Юнкеръ прибылъ въ концѣ 1891 года къ своимъ роднымъ въ С.-Петербургъ. Здѣсь же велись переговоры о русскомъ изданіи его путешествій. Надеждамъ его не суждено было осуществиться. Онъ заболѣлъ инфлуэнціею, господствовавшей въ то время въ С.-Петербургѣ. Болѣзнь продолжалась весьма недолго; она осложнилась злокачественною саркоммою. Перваго февраля 1892 года его не стало. Онъ умеръ на 52-мъ году своей жизни.

Смерть Юнкера произвела сильное впечатлѣніе не только въ ученомъ мірѣ, давно уже цѣнившемъ его, но и въ русскомъ обществѣ, относительно мало интересовавшемся до того времени своимъ знаменитымъ соотечественникомъ. Нѣтъ, однако, сомнѣнія въ томъ, что оно его теперь не забудетъ.

Яркимъ свидѣтельствомъ этого служили не только торжественные проводы праха знаменитаго путешественника на Смоленское кладбище, гдѣ онъ нынѣ покоится, и многочисленные сочувственные некрологи, посвященные

ему, но и замѣтный интересъ читающей публики къ личности Юнкера и къ его заслугамъ. Личность эта и заслуги ея, дѣйствительно, таковы, что память о нихъ не должна исчезнуть. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что Юнкеръ явится учителемъ многихъ поколѣній путешественниковъ-изслѣдователей не только на Западѣ, но и у насъ, на Руси.

ГЛАВА I.

Ливійская пустыня.

Александрія. — Бахръ-била-ма. — Караванъ. — Географическій очеркъ пути. — Бедуины.—Переходъ ихъ къ осѣдлости. — Коптскіе монастыри и ихъ книгохранилища. — Фаіумъ. — Лабиринтъ.

Въ первыхъ числахъ октября 1875 года тріестскій пароходъ, на которомъ нахо-

цился нашъ путешественникъ, приближался къ Александріи.

Нельзя сказать, чтобы первое впечатлѣніе, производимое египетскимъ берегомъ, было выгодное. Это — узкая и низменная песчаная полоса. Издали уже виднѣются группы длинныхъ, расходящихся во всѣ стороны крыльевъ вѣт-

Высадка въ Александріи.

ряныхъ мельницъ; вотъ, выступаетъ масса залитыхъ солнцемъ бѣлыхъ домовъ; вотъ маякъ; вправо форты, каменоломни и, наконецъ, куполы заброшеннаго дворца Саида-паши. Пальмы горделиво покачиваютъ свои вершины; издали онѣ поразительно похожи на метлы. Но именно эти пальмы болѣе всего приковываютъ къ себѣ взоры путника, жаждущаго вступить на африканскую почву.

Пароходъ подъ руководствомъ лоцмана проходитъ

опасный узкій проливъ Бугазъ, въ который суда рѣшаются вступать только днемъ. Вотъ и гавань Александріи. Сутолока и суматоха, начавшаяся уже въ виду берега, теперь достигаютъ невозможныхъ предѣловъ. Пассажиры укладываютъ свой багажъ, бѣгаютъ взадъ и впередъ по лѣстницамъ; лица, прятавшіяся во время пути въ каютахъ, теперь храбро выходятъ на палубу; почти всѣ пассажиры успѣли уже облечься въ городскіе костюмы. Наступаетъ моментъ высадки. Носильщики и лодочники положительно дерутся изъ-за багажа; не менѣе ихъ кричатъ и шумятъ сами пассажиры, опасаясь за сохранность своихъ вещей. Весь этотъ шумъ и гамъ, однако, покрываетъ собою небольшой подъемный кранъ, который неистово гремитъ и тарахтитъ, извлекая изъ нѣдръ парохода различные чемоданы, ящики и тюки...

Александрію нельзя назвать восточнымъ городомъ: это въ полномъ смыслѣ слова интернаціональный торговый центръ. Но именно эта смѣсь племенъ и народовъ интересуетъ новичка. На улицахъ Александріи толкутся и снуютъ оборвыши арабы съ обнаженными желтовато- или черноватобурыми руками и ногами, въ грязныхъ бѣлыхъ или синихъ безрукавкахъ-рубашкахъ съ грязнымъ тюрбаномъ или красною фескою на головѣ; наряду съ ними встрѣчаются люди всевозможныхъ окрасокъ и оттѣнковъ кожи вплоть до черныхъ негровъ; на осликахъ скачутъ и полуголые бѣдняки и богачи въ широчайшихъ яркихъ шелковыхъ одеждахъ, шитыхъ золотомъ; вотъ нѣмецъ-ремесленникъ въ обычной синей блузѣ, вотъ франтъ-итальянецъ въ блестящемъ цилиндрѣ и модномъ фракѣ, вотъ англійскій щеголь въ самомъ невѣроятномъ костюмѣ. И среди всей этой пестрѣйшей толпы, безъ устали снующей взадъ и впередъ, медленно топчутся длинною вереницею верблюды... По воскресеньямъ и по пятницамъ, слѣдовательно въ магометанскій праздникъ, по набережной канала Махмуда устраивается гулянье. Тутъ

вы уже окончательно въ Европѣ: вы видите тѣхъ же разлегшихся въ коляскахъ и ландо нарядныхъ, а подчасъ даже и слишкомъ нарядныхъ дамъ, которыми вы можете любоваться во всякомъ большомъ европейскомъ городѣ. Одна Acacia nilotica, да старая сикомора говорятъ вамъ объ Африкѣ. Въ общемъ Александрія живетъ торговыми интересами: выше всего здѣсь цѣнятся деньги, роскошь и погоня за парижскими модами.

Отъ прежней великолѣпной столицы Птолемеевъ, отъ этого дивнаго города, служившаго въ свое время умственнымъ центромъ культурнаго человѣчества, остались немногіе и неприглядные слѣды. Юнкеру удалось еще увидѣть такъ называемую «иглу Клеопатры», обелискъ въ 22 метра высоты, который, по традиціи, перенесенъ былъ изъ Геліополиса въ Александрію по велѣнію прекрасной и талантливой властительницы этого города, Клеопатры. Въ настоящее время, однако, дознано, что обелискъ доставленъ былъ въ Александрію по распоряженію префекта Варвара въ 22 году до Р. Хр. Обстоятельство это, къ сожалѣнію, не помѣшало американцамъ перевести этотъ чудный розовый обелискъ къ себѣ въ Нью-Іоркъ, гдѣ онъ въ настоящее время постепенно разрушается подъ вліяніемъ сырого климата.

Изъ Александріи Юнкеръ предпринялъ, по совѣту Рольфса, экскурсію въ Ливійскую пустыню. Задача этой экскурсіи сводилась къ тому, чтобы точнѣе опредѣлить предѣлы того пониженія почвы ниже уровня моря, которое Рольфсъ наблюдалъ уже въ 1869 году и которое, по его мнѣнію, простиралось по оазисамъ Марадэ, Ауджила, Джало и включало въ себя послѣ нѣкотораго перерыва оазисъ Сива, извѣстный въ древности подъ именемъ оазиса Юпитера Аммона; отсюда въ свою очередь выступала низина по близости къ натроннымъ озерамъ и пирамидамъ Гизэ; отъ послѣдней низины небольшимъ хребтомъ отдѣляется такъ называемая Бахръ-била-ма, безводное море,

которое предстояло изслѣдовать Юнкеру. Существованіе подобныхъ пониженій почвы навело Рольфса на смѣлый проектъ провести къ нимъ море и такимъ образомъ затопить ихъ. Но этому проекту еще въ меньшей степени суждено было осуществиться, чѣмъ проекту Рудэра, мечтавшаго о томъ, чтобы затопить южную часть Туниса и Алжира. Дѣло въ томъ, что ниже уровня моря, какъ впослѣдствіи оказалось, лежитъ одинъ оазисъ Сива, а именно на 29 метровъ (караванъ-сарай), тогда какъ прочіе оазисы находятся выше уровня моря. Относительно Бахръ-била-ма существовало, наконецъ, предположеніе, по которому оно являлось стариннымъ русломъ Нила.

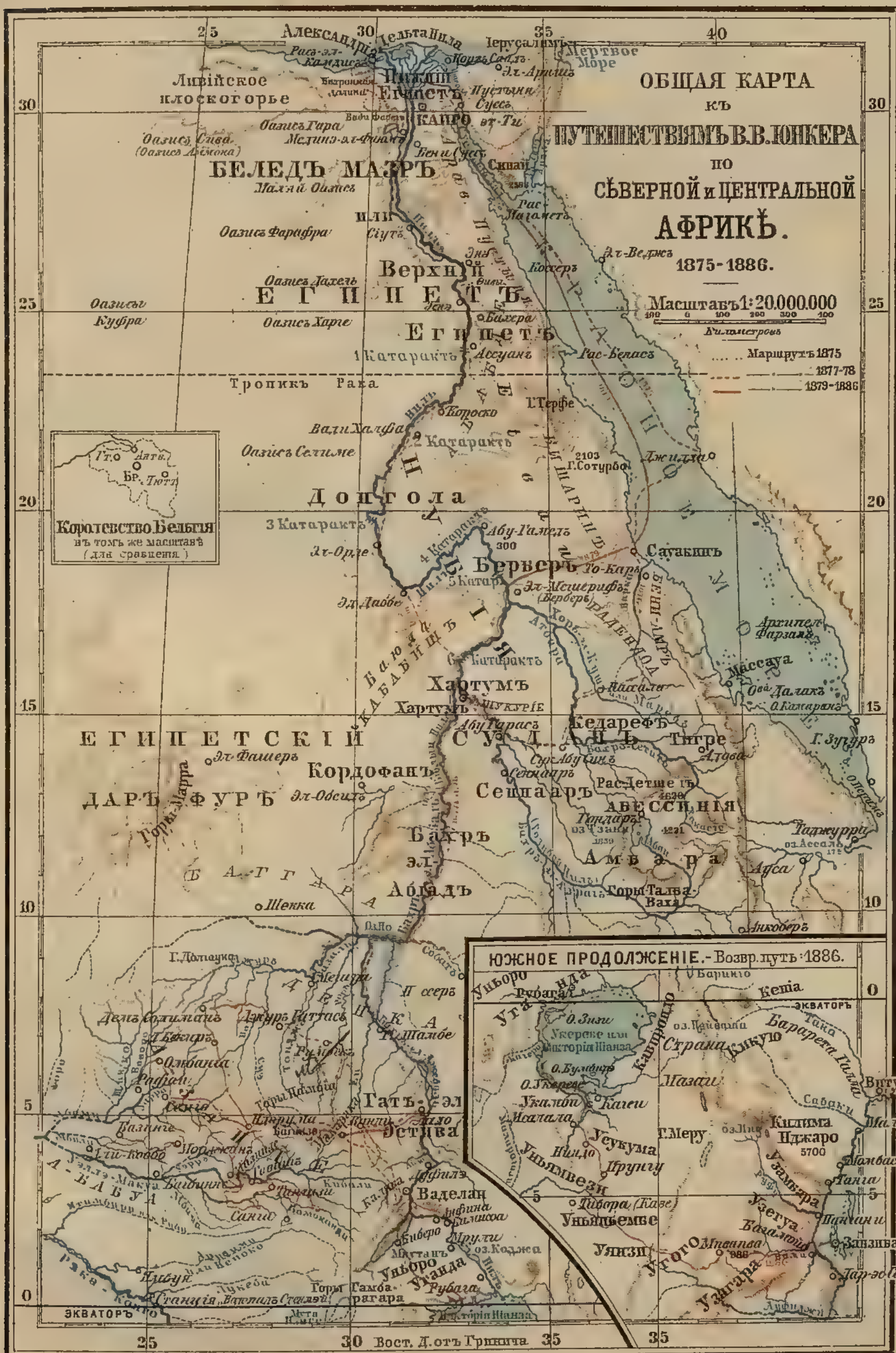
Такимъ образомъ предстоящая экспедиція представляла немало интересныхъ загадокъ. Заручившись необходимыми разрѣшеніями со стороны египетскихъ властей, Юнкеръ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ членовъ европейской колоніи, принялся за снаряженіе экспедиціи. Прежде всего пришлось нанять верблюдовъ, стоившихъ здѣсь по $7^1/_2$ франковъ въ сутки; два ослика для верховой ѣзды обходились по 5 франковъ въ сутки. Погонщиками были бедуины, оказавшіеся крайне лѣнивымъ и требовательнымъ народомъ. Они начали съ того, что заставили Юнкера взять лишняго верблюда, а впослѣдствіи ему постоянно докучали жалобами на голодъ, такъ какъ сами, по скупости и въ надеждѣ поживиться его запасами, не захватили съ собою ничего съѣстного. Нагрузка верблюдовъ представляетъ много неожиданнаго для новичка. Опустившись на колѣни передъ погонщиками, стоящими съ тюками для нагрузки, верблюдъ принимается жалобно вопить, какъ будто бы ему приходится испытывать самыя ужасныя боли; онъ замолкаетъ, какъ только поднимется, что онъ, обыкновенно, дѣлаетъ въ три пріема; стоитъ, однако, приступить къ разгрузкѣ, какъ опять начинаются тѣ же отчаянные вопли.

Когда нагрузка окончена, вожаки произносятъ мо-

литву на распѣвъ, и караванъ медленно пускается въ путь. «Габиръ», вожакъ каравана, ведетъ передняго верблюда за веревку; слѣдующіе верблюды шествуютъ другъ за другомъ. Всѣ они связаны между собою. Бедуины идутъ рядомъ съ ними; одинъ изъ людей слѣдуетъ позади.

Экспедиція двинулась на юго-западъ по узкой береговой полосѣ между моремъ, которое здѣсь скрыто небольшимъ подъемомъ почвы и озеромъ Маріутъ (Мареотисъ); на берегахъ послѣдняго добывается соль. Уже на первыхъ порахъ встрѣчаются развалины древнихъ построекъ. Не мало этихъ почти окончательно разрушенныхъ свидѣтелей прежнихъ культуръ встрѣчается и на дальнѣйшемъ пути. Очевидно, мѣстность эта когда-то процвѣтала и была густо заселена. Но на ряду съ исчезающимъ великимъ прошлымъ здѣсь чувствуется вѣяніе новой и болѣе сильной жизни, которой принадлежитъ будущее въ этомъ богатомъ краѣ: невдалекѣ отсюда расположены громадныя каменоломни англійскаго общества, матеріалъ которыхъ пошелъ на сооруженіе мола въ Александрійской гавани. На берегу стоитъ желѣзный маякъ Эл-Амадъ. А вотъ опять свидѣтели отжившей, хотя и близкой намъ эпохи, это — развалины дворца бывшаго хедива Сеида-паши съ обрушившимися галлереями, кіосками, башенками и минаретами.

Мѣстность эта представляетъ въ общемъ слѣдующую картину: низменный морской берегъ покрытъ дюнами и крайне бѣденъ растительностью; затѣмъ слѣдуетъ низменная же полоса, лежащая лишь немного выше уровня моря. Здѣсь пролегаетъ дорога. Это т. н. «хаттіэ», степь-пустыня, поросшая мѣстами сохлымъ кустарникомъ и жесткими травами; кое-гдѣ попадаются колодцы и вокругъ нихъ жалкія финиковыя пальмы и фиговыя деревья; мѣстами разводятъ овощи. Третья полоса представляетъ собою гряду невысокихъ и бѣдныхъ растительностью холмовъ изъ песчаника; здѣсь добывался строительный матеріалъ для



ОБЩАЯ КАРТА
къ
ПУТЕШЕСТВІЯМЪ В.В. ЮНКЕРА
по
СѢВЕРНОЙ и ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АФРИКѢ.
1875-1886.
Масштабъ 1: 20.000.000
Километровъ
Маршрутъ 1875
1877-78
1879-1886
Королевство Бельгія
въ томъ же масштабѣ
(для сравненія)
ЮЖНОЕ ПРОДОЛЖЕНІЕ.- Возвр. путь 1886.
Вост. Д. отъ Гринича
ЭКВАТОРЪ
Александрія
Каиро
Ливійское плоскогорье
Беледъ Мaзръ
Верхній Египетъ
Тропикъ Рака
Донгола
Берберъ
Хартумъ
Суакинъ
Массауа
Египетскій Суданъ
Кордофанъ
Даръ Фуръ
Сеннааръ
Абессинія
Бахръ эл Абіадъ
Занзибаръ
Килима Нджаро

древнихъ египетскихъ городовъ. На вершинахъ холмовъ стоятъ пять заброшенныхъ сторожевыхъ башенъ. Къ югу высоты переходятъ въ плоскогорье, постепенно переходящее, въ свою очередь, въ довольно обширную низменность, напоминающую собою хаттіэ и заливаемую при обильныхъ ливняхъ. Низменность эта замыкается новою грядою высотъ.

Гипотеза о существованіи древняго русла Нила должна быть окончательно отвергнута, т. к. на разстояніи пройденныхъ 80 km. не оказалось ни слѣда пониженія почвы, могущаго соотвѣтствовать древнему руслу.

Колодцы въ пустынѣ.

На дальнѣйшемъ пути по Ливійской пустынѣ каравану немало приходилось страдать отъ рѣзкихъ колебаній температуры, отъ палящаго зноя днемъ и отъ утреннихъ холодковъ, когда температура опускалась до + 6 или 8 C°. Подобное пониженіе температуры настолько ощутительно въ этихъ жаркихъ странахъ, что бедуины зачастую уже до разсвѣта собирались вокругъ костра. Днемъ, напротивъ того, прежде всего возникалъ вопросъ о томъ, гдѣ добыть воду. Немногочисленные колодцы, изъ которыхъ многіе весьма стариннаго происхожденія, служатъ мѣстомъ сборища для каравановъ и кочевниковъ. Вокругъ нихъ обыкновенно тѣснится масса людей, верблюдовъ, овецъ и козъ. Воду добываютъ изъ этихъ колодцевъ, имѣющихъ иногда глубину въ 20 метровъ, по старинному способу: двое почти совершенно голыхъ людей, обливаясь потомъ и водою и поощряя другъ друга

Библіотека Академіи Наукъ СССР

криками ha, ha, ha, — ha, ha, ha, извлекаютъ драгоцѣнную влагу въ мѣхахъ, вытягиваемыхъ веревками. Въ иныхъ мѣстахъ веревки наматываются на блоки, но бедуины предпочитаютъ первый способъ. Саидъ-паша распорядился было у одного колодца поставить каменный желобъ въ 30 футовъ длины, но консерваторы-бедуины окончательно забросили его и не хотятъ имъ пользоваться.

Но вотъ, пустыня становится все болѣе властною. Растительность скудна; все шире и шире разметанъ желтый песокъ, это торжественное и въ тоже время погребальное одѣяніе Сахары. Среди песка выступаютъ красноватыя и фіолетово - синія глыбы гранита; «Medine el Kefirin», городъ невѣрныхъ, называетъ ихъ шехъ Сеидъ, вожакъ каравана. И, дѣйствительно, причудливо вывѣтрившіяся громады отчасти напоминаютъ собою развалины стѣнъ. Далѣе, непосредственно надъ обширной равниной поднимаются три холма, прозванные Haschm el'Agl, телячьи морды. Въ общемъ горы часто называются у туземцевъ по имени животныхъ. Область песчаная постепенно переходитъ въ каменистую, въ т. н. сэриръ, усыпанную крупнымъ пескомъ.

Dipus aegyptiacus.

Почва въ пустынѣ взрыта во многихъ мѣстахъ роющими грызунами, Dipus aegyptiacus; довольно часто попадается голубь (Columba livia) въ каменоломняхъ и среди развалинъ, а въ пустынѣ характерный рябокъ

(Pterocles alchata); высоко парятъ въ воздухѣ соколъ (Falco laniarius) и коршунъ (Neophron percnopterus); въ акаціяхъ на берегу т. н. «новаго» канала, мимо котораго шелъ караванъ, поселились цѣлыя стаи козодоевъ. Мѣстами путникамъ попадалась скорлупа страусовыхъ яицъ, свидѣтельствуя о томъ, что сюда заходятъ страусы. Старожилы разсказываютъ, что въ былыя времена они встрѣчались здѣсь довольно часто. Заяцъ пустыни удивительно приспособленъ по своей окраскѣ къ окружающему его песку и въ знойные дни лежитъ неподвижно въ немъ. Вниманія заслуживаетъ далѣе бойкій длиноухій фенекъ, лиса пустыни. Хамелеонъ называется у арабовъ джемель-эл-яхудъ, т. е. еврейскій верблюдъ.

Фенекъ.

На шестой день, послѣ того какъ караванъ покинулъ новый каналъ и когда изъ всего запаса захваченной тамъ воды осталось лишь весьма немного на днѣ одного изъ мѣховъ, путники увидѣли первые шатры бедуиновъ-гаваби. Громкимъ «el hámd li'llâh rabb el-alamîn!» — «хвала богу, властителю міровъ», привѣтствовали бедуины-вожаки это желанное явленіе. Кое-какая растительность вокругъ свидѣтельствовала о томъ, что здѣсь имѣется вода. На встрѣчу каравану вышло нѣсколько бѣдно одѣтыхъ, хотя и сановитыхъ бедуиновъ. Со стороны каравана выступилъ шехъ Саидъ. Вслѣдъ затѣмъ

начался оживленный обмѣнъ привѣтствій и разспросовъ. Они освѣдомлялись другъ у друга о здоровьи отца, матери, сына, верблюда, осла, козъ и т. д. На вопросы такого рода ушло немало времени. Послѣ этого рѣчь зашла о пройденномъ пути, о времени отбытія изъ Искандеріи, т. е. Александріи, о цѣли путешествія, а затѣмъ, нѣсколько пониженнымъ голосомъ, послѣдовалъ вопросъ о національности путешественника. Пока слуги успѣли раскинуть шатры и приготовить скромную трапезу, уже стемнѣло. Солнце, безпощадно палившее путниковъ въ продолженіе всего дня, зашло. — Наступаетъ чудная ночь. Пустыня озарена холоднымъ бѣлымъ свѣтомъ луны; она подобно безбрежному снѣжному полю далекой родины путника. Вотъ раздается меланхолическая пѣснь бедуина; это — излюбленная пѣсенька нильскихъ лодочниковъ. Она звучитъ грустно, несмотря на свой радостный припѣвъ «ja leile, ja leile». Далеко по пустынѣ проносится крикъ ночной птицы или шакала...

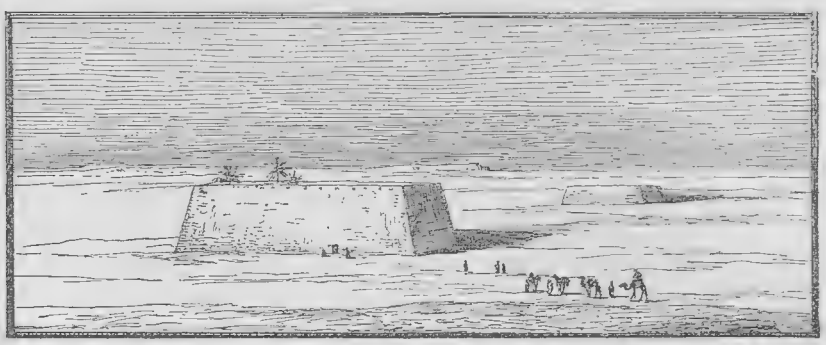
Бедуины гаваби кочуютъ между Натронной долиною, озеромъ Маріутъ, на плодородныхъ берегахъ котораго они имѣютъ свои посѣвы, и Ниломъ; здѣсь они доходятъ до деревушки Теранэ, обычнаго мѣста исхода для лицъ, направляющихся въ коптскіе монастыри. Они сами говорятъ, что ихъ до 5000 шатровъ, по оффиціальнымъ же свѣдѣніямъ ихъ насчитываютъ всего на всего 3305 душъ обоего пола. Гаваби принадлежатъ къ племени Ауладъали, состоящему приблизительно изъ 20000 душъ. Гордые бедуины эти плохо мирятся съ главенствомъ египтянъ, но, не смотря на всю свою любовь къ независимости и пренебреженіе къ осѣдлому быту, въ настоящее время болѣе или менѣе умиротворены и, что особенно важно, незамѣтно для самихъ себя переходятъ отъ чисто пастушескаго быта къ земледѣльческому.

Судя по разсказамъ Юнкера, они находятся въ томъ же переходномъ состояніи отъ кочевого быта къ осѣдлому, какъ и наши киргизы въ области соприкосновенія ихъ съ русскими переселенцами. Честь укрощенія воинственныхъ и строптивыхъ бедуиновъ принадлежитъ хитрому и безпощадному Мехмету-Али, руководившемуся прежде

Бедуинъ изъ Ливійской пустыни.

всего вѣчно дѣйствительнымъ, хотя и возмутительнымъ съ точки зрѣнія индивидуальной нравственности, принципомъ: «divide et impera». Онъ пріобрѣлъ господство надъ кочевниками, искусственно подогрѣвая вѣчные раздоры ихъ; онъ съумѣлъ разлучить вождей и народъ, осыпая первыхъ милостями и привлекая ихъ ко двору, гдѣ они пріучались къ роскоши и вмѣстѣ съ тѣмъ къ поклоненію

высшей власти хедива. Бедуины брали поборы съ каравановъ, проходящихъ по ихъ владѣніямъ; Мехметъ-Али утвердилъ за ними это право, но за то отмежевалъ имъ границы и ввелъ, или, вѣрнѣе сказать, санкціонировалъ господствовавшую у нихъ круговую поруку. Племена, возстававшія противъ этихъ нововведеній и сознававшія губительность ихъ для свободы бедуиновъ, были безпощадно укрощены; съ другой стороны, эмигранты, желавшіе покориться новому режиму, легко получали возможность возвратиться на свои земли.



Коптскіе монастыри.

Ночью 23 ноября караванъ добрался до знаменитыхъ коптскихъ монастырей. Это были неуклюжіе кастели, входъ въ которые, въ случаѣ нужды, нетрудно было заградить глыбами гранита, всегда лежавшими наготовѣ. Монахи рѣшились впустить путниковъ только тогда, когда они, послѣ безконечныхъ переговоровъ, убѣдились въ полнѣйшей безопасности ихъ. Внутри монастыри эти представляли лабиринты келей, корридоровъ, капеллъ и въ общемъ напоминали какой-то безпорядочный арабскій городъ. Отъ той сотни богатыхъ монастырей, которые нѣкогда здѣсь существовали и которые въ IV столѣтіи, напримѣръ, могли выставить 5000 воиновъ, теперь уцѣлѣло всего четыре жалкихъ монастыря. Монахи чрез-

Ливійская пустыня.

вычайно гордятся тѣмъ, что монастыри ихъ древнѣйшіе въ мірѣ и, конечно, хранятъ въ своихъ сокровищницахъ не мало интересныхъ старинныхъ документовъ. Доступъ къ книгохранилищамъ, однако, чрезвычайно затрудненъ въ виду того, что европейцы-путешественники всегда готовы скупить у темной братіи эти древности или даже похитить ихъ. Въ знаменитомъ британскомъ музеѣ въ Лондонѣ имѣется въ настоящее время уже около тысячи томовъ коптскихъ рукописей. Сильное впечатлѣніе на коптовъ произвелъ слухъ о томъ, что европейцы, покупая у нихъ рукописи за безцѣнокъ, перепродаютъ ихъ на своей родинѣ за баснословныя суммы. Въ виду этого патріархъ каирскій окончательно воспретилъ продажу рукописей и даже велѣлъ ихъ свести въ Каиро, гдѣ онѣ, какъ говорятъ, замуравлены въ какомъ-то зданіи и такимъ образомъ оберегаются отъ алчныхъ взоровъ европейцевъ. Юнкера не впустили въ одинъ изъ монастырей, опасаясь того, что онъ похититъ какія либо древности. Знаменитый египтологъ Генрихъ Бругшъ, посѣтившій въ началѣ 50 годовъ эти монастыри, получилъ доступъ въ одно изъ тщательно охраняемыхъ книгохранилищъ. «Мы думали, пишетъ онъ, что увидимъ порядочно устроенную библіотеку, богатую старинными рукописями. Но, что это здѣсь былъ за безпорядокъ! Около сорока увѣсистыхъ томовъ, большею частью арабскія и коптскія рукописи, набросаны были на скамью; грязный полъ усѣянъ вырванными пергаментными или бумажными листками; переплеты большею частью гнилые; насѣкомыя проточили глубокія дыры въ старинныхъ письменахъ».

Путь изъ монастырей пролегалъ мимо натронныхъ озеръ, изъ которыхъ только самое восточное сохраняетъ воду круглый годъ, тогда какъ остальныя девять пересыхаютъ и такимъ образомъ даютъ возможность собрать натръ, осѣдающій толстымъ слоемъ на днѣ ихъ. Далѣе на югъ

тянулась пустыня, постепенно поднимаясь на ливійское плоскогорье. Экспедиція направлялась къ прекрасному оазису Фаіумъ. 4 декабря путникамъ пришлось не мало пострадать отъ южнаго вѣтра, наносившаго густыя тучи песку; вновь они испытывали и зной, и жажду.

Но вотъ караванъ сталъ спускаться съ террасъ и флора пустыни измѣнилась. Salsola foetida и подвидъ бѣлены, Hyoscyamus muticus, кустарникъ Tamarix nilotica и effusa, излюбленный верблюдами кустарникъ

Буря въ пустынѣ.

Alhagi maniferum, все это разнообразіе растеній говоритъ о близости всеоживляющей воды. «El Hámd ul'illah»! восклицаютъ бедуины: пройдена пустыня со всѣми чудесами и своеобразными красотами своими и упоительнымъ воздухомъ, какъ бы обновляющимъ человѣка; пройдена пустыня, грозная безчисленными лишеніями и опасностями. Караванъ остановился у одного изъ рукавовъ канала Іосифа, наполненнаго свѣжею чистою нильской водою.

Дальнѣйшій путь пролегаетъ по мѣстности, вполнѣ заслуживающей названіе роскошнаго сада и изборожден-

ной во всѣхъ направленіяхъ каналами; узкая дорожка ведетъ здѣсь между плантаціями хлопчатой бумаги, сахарнаго тростника, винограда, маслинъ, между лимонными и апельсинными рощицами. Традиція приписываетъ созданіе этого оазиса библейскому Іосифу, который, будто бы, устроилъ эту прекрасную обитель въ 1000 дней.

Въ этой же мѣстности лежитъ, по преданію, и древній лабиринтъ, открытый въ 1843 г. однимъ изъ знаменитѣйшихъ египтологовъ, покойнымъ Лепсіусомъ. Открытіе Лепсіуса возбудило не мало сомнѣній; въ 1888 г. развалины были, однако, еще разъ изслѣдованы англичаниномъ Питрью, которому удалось доказать, что открытыя Лепсіусомъ развалины относятся къ обширной деревнѣ римской

Растительность въ Фаіумѣ.

эпохи; деревня эта сооружена была на фундаментѣ, заимствованномъ въ свою очередь изъ остатковъ какихъ-то грандіозныхъ построекъ. Раскопки, произведенныя подъ этимъ фундаментомъ, обнаружили остатки построекъ, занимавшихъ около 160—200 кв. километр. Къ сожалѣнію, при этомъ не было найдено ни малѣйшихъ слѣдовъ надписей и рисунковъ. Существованіе лабиринта, подтверждаемое характеромъ окружающей мѣстности пріобрѣтаетъ такимъ образомъ большое вѣроятіе. Недостатокъ времени не позволилъ Юнкеру осмотрѣть другіе памятники древности, тронъ фараоновъ, Kûrsij el faraûn, развалины древней Арсинои, «Крокодилополиса» древнихъ грековъ. По желѣзной дорогѣ онъ направился въ Каиро.

тип. Ед. Гоппе

Георгъ Швейнфуртъ.

ГЛАВА II.

Долина Барака. Кассала. Кедарефъ и Хартумъ.

Каиро. — Сауакинъ.—Бедуины гадендоа. — Путь въ оазисъ То-Каръ.— Рѣка Барака.— Мнимыя озера. — Кассала и провинція Така. — Звѣринецъ въ домѣ. — Путь въ Кедарефъ. — Кочевья. — Свѣтлый праздникъ въ Кедарефѣ. — Танцы газіе. — Положеніе женщинъ бедуинки. — Костюмъ и украшенія женщинъ. — Путь въ Хартумъ. — Празднества въ Хартумѣ.

Кто не слыхалъ о Каиро? Своеобразная красота этого «города тысячи мечетей» воспѣта призванными и непризванными поэтами на всевозможныхъ языкахъ. Каиро производитъ неизгладимое впечатлѣніе на всякаго человѣка, имѣющаго, по выраженію Юнкера, глаза, чтобы видѣть, душу, чтобы чувствовать, и фантазію, чтобы воскресить въ представленіяхъ своихъ времена минувшія. Пребываніе въ этомъ волшебномъ городѣ утонченнѣйшей европейской и восточной роскоши было тѣмъ пріятнѣе Юнкеру, что онъ здѣсь нашелъ возможность ближе сойтись съ Швейнфуртомъ и другимъ извѣстнымъ путешественникомъ по Африкѣ, Теодоромъ Гейглиномъ, памятнымъ для русскихъ читателей по своему путешествію на Новую землю. По совѣту этихъ двухъ авторитетовъ, Юнкеръ рѣшился посѣтить научно неизслѣдованную еще въ то время долину рѣки Барака, лежащую къ югу отъ приморскаго города Сауакина, называемаго у насъ обыкновенно Суакинъ или даже Суакимъ.

Захвативъ съ собою въ качествѣ препаратора молодого виртембергца Коппа и двухъ слугъ, Юнкеръ по желѣзной дорогѣ отправился въ Суэсъ, а оттуда, — такъ

какъ прямое сообщеніе, въ виду египетско-абесинскихъ распрей, было немыслимо, — на англійскомъ пароходѣ въ Джидду на аравійскомъ берегу. Здѣсь онъ нанялъ парусную барку и въ ней переправился въ Сауакинъ. Какъ лицамъ, прибывшимъ изъ Джидды въ періодъ паломничества, нашимъ путникамъ пришлось выдержать карантинъ. Юнкеръ расположился стоянкою на прелестномъ маленькомъ островкѣ противъ города и настолько увлекся одинокою жизнью Робинзона и наблюденіями за роскошною фауною Чермнаго моря, что вмѣсто необходимыхъ четырехъ дней провелъ здѣсь двѣ недѣли.

Барка на Чермномъ морѣ.

Сауакинъ въ полномъ смыслѣ слова дитя моря; городъ сооруженъ изъ мадрепороваго известняка, извлекаемаго изъ моря. Островъ, на которомъ нынѣ стоитъ городъ, былъ уже заселенъ во времена греко-македонянскаго владычества въ Египтѣ; здѣсь же поселились впослѣдствіи и арабы. До возстанія махдистовъ Сауакинъ игралъ весьма значительную роль, будучи почти единственною гаванью египетскаго Судана.

Предмѣстіе города, Эл-Гефъ, населено главнымъ образомъ бедуинами племени гадендоа, т. е. «главнымъ народомъ», какъ они себя величаютъ. Изъ этихъ бедуиновъ Юнкеръ навербовалъ вожаковъ для своего каравана. Въ предмѣстіи мало каменныхъ домовъ; здѣсь преобладаютъ плетенныя соломенныя хижинки, огороженныя плетнемъ или заборомъ, такъ называемыя «сериба». Это были прообразы тѣхъ жилищъ, которыя впослѣдствіи нашему путнику пришлось постоянно видѣть предъ собою. Предмѣстіе было чрезвычайно оживлено. Вся жизнь населенія протекаетъ на улицѣ. Тутъ же среди оружейниковъ, кожевенниковъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, производившихъ на глазахъ людей свою подчасъ весьма шумную работу, ютились многочисленные парикмахеры, налаживавшіе молодымъ франтамъ-гадендоа самыя изумительныя прически. Бедуины пропитываютъ свои длинные и курчавые черные волосы свѣжимъ бараньимъ саломъ и посыпаютъ ихъ разноцвѣтными минеральными красками; вся масса волосъ раздѣляется проборомъ, окружающимъ черепной сводъ, на двѣ половины, изъ которыхъ одна торчитъ кверху, а другая, заплетенная во множество мелкихъ косичекъ, спускается внизъ почти до плечъ; роговая или костяная игла, которою убираются

Бедуинъ племени гадендоа.

волосы, втыкается въ нихъ въ видѣ гребня. На тѣлѣ многихъ бедуиновъ, между прочимъ и вожаковъ каравана, виднѣлось множество рубцовъ и шрамовъ, располагавшихся главнымъ образомъ по правому плечу и переходившихъ къ лопаткѣ. Большинство этихъ рубцовъ пріобрѣтается, по всему вѣроятію, на тѣхъ странныхъ дуэляхъ, которыя въ ходу у рыцарей—бедуиновъ и происходятъ главнымъ образомъ среди молодежи, желающей отличиться передъ дамами своего сердца. Борцы выходятъ на арену, вооруженные кнутомъ изъ шкуры гиппопотама, и до тѣхъ поръ нещадно хлещатъ другъ друга, пока одинъ не свалится, совершенно обезсиленный потерею крови и болью. Побѣдитель пользуется почетнымъ званіемъ «Achu el benât», т. е. брата дѣвушекъ, или, другими словами, защитника, избранника ихъ. Бедуинская молодежь гордится подобнымъ званіемъ никакъ не мѣнѣе, чѣмъ мы, европейцы, своими чинами и орденами.

Таковы были вожаки верблюдовъ въ караванѣ Юнкера. Перваго верблюда велъ подъ уздцы крѣпкій и стройный юноша, обнаженное темное туловище котораго блестѣло на солнцѣ, какъ бронзовая статуя Бенвенуто Челлини; вокругъ бедеръ у него обвитъ былъ «тобъ», длинный узкій кусокъ матеріи съ цвѣтною каймою. За нимъ слѣдовали, по обыкновенію привязанные другъ къ другу, девять верблюдовъ. Въ хвостѣ каравана шли два верблюда, нагруженные ружьями; на одномъ изъ нихъ ѣхалъ препараторъ Коппъ. Юнкеръ ѣхалъ на осликѣ, производившемъ не малый эффектъ своимъ англійскимъ сѣдломъ, темной овчинкой, вмѣсто чепрака, и кабурами для пистолетовъ. Прислуга каравана состояла изъ двухъ слугъ Юнкера, габира, т. е. вожака каравана, четырехъ погонщиковъ и переводчика. Туземцы вооружены были копьями, а нѣкоторые изъ нихъ имѣли кромѣ того щитъ изъ шкуры носорога и длинный прямой обоюдоострый мечъ

въ красновато-бурыхъ кожаныхъ ножнахъ; мечъ этотъ они носятъ черезъ плечо.

Караванъ выступилъ въ путь 28 февраля 1876 года и въ четыре дня дошелъ до оазиса То-Кара, постепенно отдаляясь отъ многовершинныхъ и рѣзко выраженныхъ высотъ берега, уходившихъ на югъ. Караванъ держался направленія SSO. Дорога неоднократно пересѣкала «хераны», т. е. русла временныхъ рѣкъ, наполняющихся водою только въ періодъ дождей. Растительность становилась все скуднѣе. Тамариски, довольно обильные у Гефа, смѣнились акаціями (A. spirocarpa et pterygocarpa St.); чаще всего встрѣчался кустарникъ съ крѣпкими мясистыми листочками, повидимому Lycium или Phyllanthus maderaspatensis, молочайное растеніе. Еще болѣе бѣдною оказалась растительность въ дельтѣ рѣки Барака, состоящемъ изъ цѣлаго ряда засохшихъ руслъ. Здѣсь стоялъ кустарникъ съ плотно-закрытыми почками. За то вся эта растительность, замирающая подъ вліяніемъ сильнаго зноя, пышно распускается съ наступленіемъ дождливаго времени. Животный міръ относительно обиленъ; на пути встрѣчались между прочимъ поразительныя массы степной курочки, Pterocles Lichtensteinii, тянувшейся съ запада стаями въ 30—100 штукъ. Газели здѣсь далеко не такъ пугливы, какъ въ Ливійской пустынѣ. Даже послѣ выстрѣла онѣ останавливаются въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ охотника и изумленно смотрятъ на приближающагося врага.

Караванъ перебрался черезъ сухое русло хоръ-Акетидъ, въ которомъ обыкновенно сохраняется вода въ глубокихъ колодцахъ и ямахъ; но на этотъ разъ и здѣсь все было сухо. За этимъ русломъ, однако, замелькала уже яркая зелень Calotropis procera; вотъ показались тамариски, плантаціи дурры, хлопчатой бумаги; вотъ и шатры кочевниковъ и стада козъ, расположившихся вокругъ нихъ. Кое гдѣ, впрочемъ, попадались еще песчаныя полосы или

прогалины. Въ значительномъ руслѣ Антитебъ оказались колодцы съ водою.

Въ То-Карѣ находится мудиръ, египетскій администраторъ, обитающій въ двухэтажномъ домѣ, и небольшой гарнизонъ. Это мѣсто ссылки египетскихъ преступниковъ, нѣсколько человѣкъ которыхъ разгуливали здѣсь въ цѣпяхъ. Населеніе состоитъ главнымъ образомъ изъ бедуиновъ, занимающихся преимущественно скотоводствомъ. Земледѣліе въ оазисѣ То-Каръ, да и вообще, можно сказать, благосостояніе края зависитъ прежде всего отъ наводненій рѣки Барака. Рѣка эта беретъ свое начало на сѣверозападныхъ склонахъ Габеша, на плоскогоріи Дембела. Наполняется она водою лишь въ сильные ливни, но и тогда красновато-бурыя мутныя волны ея достигаютъ до Чермнаго моря лишь постепенно. До То-Кара эти воды доходятъ въ сентябрѣ и раза два или болѣе заливаютъ тѣ или другія многочисленныя русла, которыхъ насчитываютъ отъ 12—15. Изъ нихъ одинъ только хоръ-Антитебъ добирается при высокомъ уровнѣ воды до моря. Благодаря своеобразному характеру этихъ наводненій и крайней недостаточности плотинъ и каналовъ, область оазиса подвергается значительнымъ измѣненіямъ. Послѣ перваго наводненія жители принимаются за воздѣлываніе полей, такъ какъ почва разрыхлена водою и удобрена иломъ. Разводятъ здѣсь, какъ уже упомянуто, дурру, хлопчатую бумагу, затѣмъ дыни, тыквы, табакъ, овощи. Второе наводненіе бываетъ, однако, въ иные годы такъ сильно, что уничтожаетъ первый посѣвъ. Дурра, главнѣйшій продуктъ страны, созрѣваетъ въ два-три мѣсяца, хлопчатая бумага — въ четыре. Обработка полей самая первобытная; положительно, плугъ здѣсь не измѣнился со временъ праотца Авраама. Пока созрѣваетъ жатва, гадендоа становятся осѣдлыми. Это опять одна изъ любопытныхъ формъ постепеннаго перехода кочевниковъ къ осѣдлости.

Мудиръ принялъ путниковъ въ высшей степени го-

тип. ед. гоппе.

Долина рѣки Барака.

BIBLIOTHEK

степріимно и угостилъ на славу. Блюда во время трапезы подавались покрытыми обычными въ Суданѣ коническими колпаками изъ разноцвѣтной соломы или изъ окрашенныхъ въ разные цвѣта пальмовыхъ листьевъ, перевитыхъ разноцвѣтными полосками кожи. Эти такъ называемы «та́бака» должны предохранять пищу отъ «дурного глаза», но имѣютъ и ту выгодную сторону, что оберегаютъ ее отъ пыли и отъ всякихъ другихъ непріятныхъ для европейца случайностей.

6 марта Юнкеръ разстался съ гостепріимнымъ мудиромъ, выпивъ съ нимъ обычный на востокѣ при разлукѣ и при привѣтствіи кофе. Долина Барака въ общемъ производила именно то впечатлѣніе, которое и слѣдовало ожидать, имѣя въ виду, что эта рѣка только временная. Русло представляло довольно удобную дорогу, усыпанную плотнымъ пескомъ, тогда какъ по обоимъ берегамъ стояли кусты тамариска, образовавшаго мѣстами, благодаря вьющимся растеніямъ, непроницаемую стѣну. Кустарникъ этотъ былъ населенъ различными птицами. Мѣстами картина мѣнялась; становилось трудно пробираться по сыпучему песку, растительность была жидковата, кое-гдѣ появлялись свѣтлоголубые или зеленоватые кусты Calotropis, млечный сокъ которыхъ, какъ говорятъ, вызываетъ воспаленія на кожѣ. По временамъ сѣверо-восточный вѣтеръ навѣвалъ густыя тучи песку.

Дорога пролегала то по засохшему и извилистому руслу, то отклонялась отъ него, ради сокращенія пути, въ ту или другую сторону. По правую сторону возвышался грандіозный Ша́ба въ 3500 футовъ высоты; по вечерамъ красиво горѣли подъ лучами заходящаго солнца вершины и зубцы этой гранитной громады; ближе къ пути лежала меньшая по размѣрамъ гора Ба́не (большой коршунъ), круто обрываясь къ югу. Далѣе слѣдовала укутанная дымкою Адаро Ре́ба (красная гора), соединенная невысокимъ хребтомъ съ Ша́ба. Въ то же время съ лѣвой сто-

роны пути располагаются Джебель гéина (гора гіенъ), предгорья которой покрыты густыми тамарисками; здѣсь обитаютъ бедуины бени-амръ. Еще далѣе на югъ слѣдуетъ крутой Джебель Хáгеръ (каменная гора), на склонахъ котораго живутъ прославленныя своею дикостью пастушескія племена, питающіяся почти исключительно молокомъ; сюда-же, наконецъ, примыкаетъ гора Адаркáла (красный колоколъ). Въ общемъ мѣстность эта представляется крайне разнообразною и эффектною, хотя всюду чувствуется недостатокъ воды. Горы большею частью обнажены и мертвы; на нихъ не видно ни травы, ни альпійскихъ цвѣтовъ. Между горами извиваются сухія русла періодическихъ рѣкъ. Безлюдье поразительное: на четыре дня пути караванъ не встрѣтилъ ни живой души!

Мало по малу долина съужается; горы все ближе подступаютъ къ руслу. По дорогѣ, не доходя до горы Мелхатеи (обнаженная), Юнкеръ натолкнулся на старинныя гробницы, называемыя «старыми домами». Туземцы ихъ относятъ ко временамъ христіанства, слѣдовательно къ эпохѣ, когда власть абессинцевъ распространялась далеко на сѣверъ. По сообщенію проводника, такихъ гробницъ не мало въ области Барака и въ странѣ народа бени-амръ. Цѣлыя сотни подобныхъ же построекъ открылъ Швейнфуртъ въ 1865 близъ Джебель Мамана. Юнкеръ видѣлъ только пять циклопическихъ построекъ четыреугольной формы въ 8 метровъ длины, 4 ширины и 1 метръ высоты; незначительная высота обусловливается, конечно, тѣмъ, что сооруженія эти осѣли. Весьма интересно указаніе Юнкера на то, что около этихъ гробницъ, пользующихся большимъ почетомъ среди мѣстнаго магометанскаго населенія, образовалось кладбище туземцевъ. Это живо напоминаетъ намъ видѣнныя нами на востокѣ «мазарки» киргизовъ, тѣснящіяся вокругъ заброшенныхъ гробницъ калмыковъ, хотя съ другой стороны правовѣрные киргизы относятся съ большимъ пренебреженіемъ къ калмыкамъ-ламаистамъ. На скалахъ

Юнкеръ кое-гдѣ замѣтилъ грубые рисунки, изображающіе верблюдовъ и что то въ родѣ крестовъ; происхожденіе этихъ изображеній — неизвѣстное.

Много интереснаго представлялъ животный міръ. Сильное впечатлѣніе, напримѣръ, произвело на нашего путешественника первое появленіе слона. Въ какихъ нибудь ста шагахъ отъ него прошла самка, подталкивая хоботомъ своего дѣтеныша. У водопоя слѣды слоновъ были весьма многочисленны. Слоны, кстати замѣтить, очень осторожны въ выборѣ водопоя, такъ какъ знаютъ, что тамъ ихъ скорѣе всего подстерегутъ охотники; поэтому они совершаютъ съ своими дѣтенышами огромные переходы, чтобы добраться до новаго водопоя. Мясо слона, которое Юнкеру пришлось отвѣдать на одномъ изъ приваловъ, можно сравнить съ бычачьимъ, хотя волокна его грубѣе. Въ горахъ Сотаи (зеленыя горы) обитаютъ сѣрые павіаны (Cynocephalus Hamadryas). Караванъ замѣтилъ ихъ около сотни штукъ подъ предводительствомъ стараго самца, шеха, какъ выразились арабы. Взрослыхъ самцовъ не трудно узнать по ихъ болѣе значительному росту и по длинной шерсти, свисающей съ груди и съ переднихъ лапъ. Днемъ, въ жару, они спятъ, за то утромъ и по вечерамъ выходятъ на ловъ, пожирая жучковъ и другихъ насѣкомыхъ, растенія, плоды и почки. Павіаны мало боятся людей; случается, что на водопоѣ они сходятся вмѣстѣ съ ними. По пути встрѣчаются и слѣды злѣйшаго изъ враговъ павіана, хищнаго леопарда, «нимра», т. е. тигра арабовъ. Противъ этого врага соединяется весь животный міръ. Уже Брэмъ останавливается въ описаніи своего путешествія въ Габешъ на томъ, что птицы предупреждаютъ другъ друга и прочихъ животныхъ о появленіи страшнаго врага и соединенными силами нападаютъ на него. По ночамъ приходилось раскладывать костры, чтобы держать въ почтительномъ отдаленіи хищниковъ, такъ какъ до лагеря, подобно раскатамъ отда-

леннаго грома, не разъ доносилось рыканіе царя пустыни, льва.

Близость этихъ страшныхъ животныхъ чувствовалась постоянно и не мало вліяла на впечатлительныхъ гадендоа. По вечерамъ у костра не было конца разсказамъ, въ которыхъ самымъ смѣлымъ образомъ спутывалась истина съ фантастическимъ вымысломъ. Разговоры, понятно, шли о приключеніяхъ со львами, слонами, буйволами. Если разсказчику и случалось увлечься, то его внимательные слу-

Лагерь въ долинѣ Барака.

шатели ограничивались восклицаніемъ «Masch-Allah'», но не прерывали его. Странный народецъ этотъ любитъ опасность не только на дѣлѣ, но и на словахъ!

Среди докучливыхъ, хотя и не опасныхъ для человѣка животныхъ слѣдуетъ назвать гіену. Встрѣчающаяся здѣсь пятнистая гіена (Hyaena crocuta) крупнѣе и сильнѣе столь обыденной въ Египтѣ и въ Ливійской пустынѣ полосатой гіены. По ночамъ она выходитъ на добычу и не брезгаетъ рѣшительно ничѣмъ: она поѣдаетъ дубленую и сырую кожу, молоко, масло, но охотнѣе всего бросается на скотъ. Сотоварищемъ и соперникомъ гіены по наглости является

шакалъ. Цѣлыя стаи этихъ хищниковъ задавали еженочные концерты предъ лагеремъ. Среди мирныхъ животныхъ чаще всего попадались стада газелей и большія стаи цецарокъ.

Въ южной части долины Барака начинаетъ преобладать темная почва; она покрыта высокою травою, которая во время путешествія Юнкера была уже сожжена солнцемъ. Пастбища здѣсь, повидимому, чудесныя. Пальмы думъ съ роскошными широкими ваями, попадавшіяся прежде только разрозненными экземплярами, теперь встрѣчаются уже дюжинами; тамариски, напротивъ того, являются всѣ рѣже и рѣже. Тутъ же попадаются и гигантскіе боабабы (Adansonia digitata), занимающіе въ растительномъ мірѣ приблизительно то же положеніе, какъ слоны и носороги въ мірѣ животномъ; они достигаютъ здѣсь $14^1/_2$ метровъ въ обхватѣ. Дупло одного изъ этихъ гигантовъ снабжено было дверью и служило жилищемъ. Такихъ великановъ, какъ въ области Сенегала, на востокѣ, однако, не встрѣчается.

Далѣе слѣдовала мѣстность болѣе сухая. Опять начались мученія жажды. Юнкеръ, между тѣмъ, продолжалъ идти впередъ, оставивъ на время путь въ Кассала въ сторонѣ. Ему хотѣлось добраться до прѣсноводныхъ озеръ у Бела-Генда, о которыхъ говоритъ знаменитый путешественникъ и авантюристъ Вернеръ Мунцингеръ, убитый въ борьбѣ съ абессинцами. Не мало смущало истомленныхъ жаждою путниковъ марево, «чертова вода», какъ его характерно называютъ бедуины. Но вотъ добрались они и до тѣхъ низменностей, гдѣ должны были лежать озера. Низменности, однако, оказались покрытыми не водою, а только что сжатою желтою дуррою; мѣстами паслись стада. Вода собирается здѣсь только при наводненіяхъ въ глубокихъ мѣстахъ и образуетъ два озера. Путешественникамъ пришлось удовольствоваться плохою водою изъ колодцевъ, имѣющей тѣмъ болѣе непріятный вкусъ,

что ее обыкновенно покрываютъ вѣтвями акаціи съ цѣлью предохранить отъ засоренія.

Отъ мнимыхъ озеръ Юнкеръ направился на западъ къ Кассала и покинулъ такимъ образомъ долину Барака, по которой онъ шелъ впродолженіе 18 дней.

Бедуинъ племени бени-амръ.

Въ деревушкѣ Дага находился административный центръ. Здѣсь же Юнкеръ встрѣтилъ великаго шеха племени бени-амръ. Кочевники эти—бедуины. Они говорятъ на языкѣ Ту-Бедави, на которомъ объясняются племена абабде, бишари, гадендоа, галенка и другіе бедуины

Кассала.

тип. ед. гоппе.

Судана. Всѣ эти племена соединяются въ одну группу народовъ бега, относительно лингвистическаго и этнологическаго положенія которыхъ существуетъ не мало споровъ. Что касается до термина Бедави, то профессоръ Альмквистъ полагаетъ, что онъ образовался изъ арабскаго слова bedawijje-бедуинское. Народъ бени-амръ распадается на аристократовъ и подчиненныхъ. Географическое положеніе, занимаемое имъ, въ общемъ крайне неудачно: онъ находится постоянно между двухъ огней; его одинаково притѣсняютъ и высасываютъ и египтяне, и абессинцы.

Изъ Дага недалеко до Кассала. Издали уже виднѣются двѣ горныя громады, Джебель-Кассала и Мокранъ, указывающія на близость города. Особенно эффектна первая гора. Вотъ какъ ее описываетъ знаменитый африканскій изслѣдователь Швейнфуртъ: «Нѣтъ ничего подобнаго на свѣтѣ! Здѣсь воздвигается на 1000 футовъ высоты громада совершенно сглаженныхъ дождями гранитныхъ массъ. Джебель-Кассала яркое доказательство древности этого материка и того, насколько онъ отжилъ. Въ видѣ острова поднимается онъ среди равнины и давнымъ давно исчезли уже послѣдніе слѣды его связи съ прочими горами». Наконецъ, показался и минаретъ Кассала и зданіе фабрики для очистки хлопчатой бумаги. На встрѣчу Юнкеру вышла небольшая колонія европейцевъ, давно уже ожидавшая его прибытія.

Кассала — скромная столица плодородной провинціи Така, представляющей на плоской равнинѣ между Атбара и Кашомъ не мало пространства для успѣшнаго воздѣлыванія зерновыхъ хлѣбовъ, хлопчатой бумаги и другихъ полевыхъ растеній. Городъ соединенъ телеграфными линіями съ Сауакиномъ и Массавою и имѣетъ или, лучше сказать, имѣлъ до махдистскаго возстанія весьма оживленную торговлю. Кромѣ того область Така богата всякимъ звѣрьемъ и поэтому стала излюбленнымъ мѣстомъ для ловли всевозможныхъ животныхъ, отправляемыхъ изъ Кас-

сала въ Европу и Америку въ зоологическіе сады и звѣринцы. Наиболѣе смѣлыми охотниками считаются бедуины племени гомранъ. Юнкеръ нашелъ убѣжище у нѣмецкаго торговца животными Шмутцера, снабжавшаго своимъ товаромъ Америку.

Бедуинъ племени гомранъ.

Домъ Шмутцера былъ звѣринцемъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ состоялъ изъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ двѣ отведены были для гостей, а въ третьей на ночь запирались газели и антилопы; на дворѣ и въ пристройкахъ находились другія животныя. Звѣринецъ этотъ производилъ совершенно фантастическое впечатлѣніе: достаточно сказать, что тутъ молодые львы привязаны были къ кольямъ на веревкахъ; львы эти были такъ смирны, что ихъ можно было гладить рукою. Леопарды сидѣли въ деревянныхъ клѣткахъ; ихъ удается укрощать съ трудомъ. Ручными они оказываются только въ молодости. Свидѣтельствомъ этого послужила оригинальная сцена, главною героинею которой была трехлѣтняя дочка стараго помощника Шмутцера, нѣкоего Кона. Ребенокъ ве-

село игралъ съ львенкомъ, маленькимъ леопардомъ, обезьяною и молодою гіеною, очевидно ничего и не подозрѣвая о томъ, что пріятели его принадлежали, частью, по крайней мѣрѣ, къ самымъ страшнымъ хищникамъ.

Нашему путешественнику пришлось, однако, ознакомиться и съ обратною стороною подобныхъ идиллическихъ отношеній къ дикимъ животнымъ. Однажды на разсвѣтѣ леопардъ вырвался изъ клѣтки. Когда объ этомъ сообщили Юнкеру, двое грековъ и Конъ, находившіеся въ этотъ моментъ въ его комнатѣ, подошли къ окну, чтобы посмотрѣть — не въ саду ли хищникъ, такъ какъ туда выходили окна комнаты. Не успѣлъ Юнкеръ и ногъ спустить съ ангареба (нары), на которомъ онъ спалъ, какъ дверь тихо пріотворилась и въ нее проскользнулъ великолѣпный леопардъ. Кошачьей поступью онъ прошелъ мимо испуганнаго путешественника и скрылся въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ сложены были вещи. Юнкеръ тотчасъ же заперъ за нимъ двери и крикнулъ своихъ спутниковъ. Окно комнаты, въ которую забрался леопардъ, заперто было желѣзною рѣшеткою; онъ не могъ выбраться изъ западни. Леопарда убили нѣсколькими выстрѣлами черезъ окно; шкуру его взялъ Юнкеръ съ собою на память объ этомъ событіи.

Юнкеръ оставался въ Кассала девять дней и затѣмъ направился въ Кедарефъ. Онъ уже на столько освоился съ путешествіемъ, что съ удовольствіемъ покинулъ пыльный и душный городъ и вновь пустился въ путь.

Снаряженіе здѣсь въ глуши обходилось несравненно дешевле, чѣмъ въ Египтѣ: верблюдъ стоилъ уже не по $7\frac{1}{2}$ франковъ въ сутки, а всего 1 франкъ. Вожаками наняты были бедуины-шукуріе, въ общемъ довольно похожіе на гадендоа, хотя и болѣе грубые и такъ сказать плебейскіе на видъ. Впослѣдствіи они оказались воровatыми малыми, всегда готовыми попользоваться пищевыми запасами путешественника. Подобно своимъ собратьямъ въ

Бедуинъ племени шукуріе.

Нижнемъ Египтѣ, они не захватили съ собою своихъ припасовъ, но на этотъ разъ Юнкеръ отправилъ часть ихъ обратно, чтобъ они забрали все нужное для своего пропитанія.

Дождливый періодъ еще не начался, а между тѣмъ караванъ уже въ первые дни похода пришлось промокнуть до костей отъ сильнѣйшаго ливня. Въ данномъ случаѣ нашему путешественнику прекрасную службу сослужила его шерстяная рубаха, которую онъ постоянно носилъ въ пути. Вопросъ о костюмѣ является весьма существеннымъ для каждаго путешественника. Юнкеръ въ данномъ случаѣ расходился съ нѣмецкими путешественниками Рольфсомъ, Нахтигалемъ, Денгардтомъ и другими, носившими бумажныя ткани; онъ

слѣдовалъ совѣту англійской школы путешественниковъ и чувствовалъ себя въ шерстяной рубашкѣ прекрасно. Несмотря на то, что ему иногда приходилось идти пѣшкомъ по цѣлымъ часамъ на солнечномъ припекѣ, онъ никогда не потѣлъ; кожа его была покрыта развѣ только легкою и пріятною испариной. Въ городахъ онъ, напротивъ того, всегда носилъ просторныя бумажныя одежды.

Безбрежныя саванны между хор-эл-Кашомъ и Атбарою одѣты были однообразною сѣрою пеленою. Почва была мѣстами совершенно обнажена; растительный покровъ ея, спаленный солнцемъ, давно уже былъ развѣянъ вѣтромъ во всѣ стороны. Пустыня смѣняется низкорослымъ кустарникомъ. Но и это не представляетъ пріятнаго разнообразія. Т. н. «мимозный лѣсъ», истинное дѣтище пустыни; почти обнаженныя вѣтки не даютъ никакой тѣни, за то острые какъ игла и крѣпкіе какъ желѣзо длинные шипы этихъ кустовъ даютъ себя чувствовать и долго не забываются.

Къ концу сухого періода и передъ наступленіемъ дождей путь изъ Кассала въ Кедарефъ удивительно оживляется. Въ это время, въ особенности у колодцевъ, можно встрѣтить цѣлыя тысячи верблюдовъ. Торговцы спѣшатъ укрыть свои запасы гумми, хлопчатой бумаги и кофе въ городскихъ складахъ отъ дождя и отвозятъ избытокъ дурры на сѣверъ на продажу. Не мало зерна просыпается по дорогѣ и служитъ желаннымъ кормомъ для безчисленныхъ цецарокъ, отличающихся, можно сказать, невѣроятною наглостью. Случалось, что онѣ цѣлыми стаями трусили впереди каравана и что ихъ трудно было согнать съ дороги. Кромѣ того Кедарефъ является центромъ для торговли скотомъ. Среди скота, который гонится туда на продажу, вниманіе обращаютъ на себя красивые быки, на которыхъ ѣздятъ верхомъ; эти же быки употребляются и какъ вьючныя животныя, при чемъ они при нагрузкѣ, подобно верблю-

дамъ, опускаются на колѣни. Преоригинальный видъ имѣли ослики, которыхъ гнали на продажу: шерсть на шеѣ и на ногахъ была у нихъ выстрижена красивыми полосками. При встрѣчѣ съ многочисленными погонщиками этихъ животныхъ и торговцами бедуины-шукуріе привѣтствовали ихъ слѣдующимъ образомъ: они клали другу другу руку на правое плечо, прикасались ладонями и затѣмъ приступали къ тѣмъ многочисленнымъ разспросамъ, которые мы перечислили уже выше.

Рѣки Атбары караванъ достигъ у острова Габсáтъ, гдѣ она раздѣляется на два рукава. Берега ея каменисты и постепенно поднимаются; повидимому, въ этихъ берегахъ въ дождливое время года мчится мощная рѣка. Переходъ въ бродъ совершенъ былъ выше острова у урочища Беледъ - Оммелуда, названнаго такъ по обилію встрѣчающейся здѣсь акаціи удъ (Acacia pterygocarpa); вода стояла здѣсь фута на два глубины и разливалась приблизительно на 100 шаговъ. Въ дождливое время рѣка разливается по крайней мѣрѣ на пространство въ три раза большее и достигаетъ значительной глубины.

Вскорѣ караванъ достигъ границъ пастбищъ шукуріе и дабайна, переходъ черезъ которыя служитъ обыденнымъ поводомъ къ распрямъ между кочевниками. Близость Кедарефа явствовала уже изъ того, что число соломенныхъ хижинъ шукуріе постоянно увеличивалось. Хижины эти были большею частью пусты. Обитатели ихъ откочевываютъ въ это время года со своими стадами на сѣверъ и возвращаются въ мѣстности, болѣе возвышенныя, только тогда, когда степь начинаетъ затопляться дождями и становится опасною, благодаря міазмамъ и ядовитымъ мухамъ. Какъ только выпадутъ первые дожди и солнце, невозбранно господствовавшее на безоблачномъ небосклонѣ въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, заволакивается туманною дымкою или даже густыми тучами, а черная плодородная почва, напи-

Базаръ въ Сукъ-Абу-Синнѣ.

танная влагою, всходитъ какъ тѣсто, такъ тотчасъ же начинается настоящее переселеніе народовъ. Караваны этихъ переселенцевъ живо напоминаютъ библейскія сцены; 3000 лѣтъ миновало, но этотъ народъ ни въ чемъ не измѣнилъ своего образа жизни, своей одежды, своихъ обычаевъ... Въ настоящее время, однако, почва была совершенно суха и изборождена множествомъ глубокихъ трещинъ, причинявшихъ не мало затрудненій ослику, на которомъ ѣхалъ Юнкеръ.

Въ Кедарефѣ, или, какъ собственно называютъ столицу провинціи Кедарефъ, въ Сукъ-Абу-Синнѣ, путешественникъ остановился у греческаго торговца Аристида Петеракки. Это былъ стройный красивый брюнетъ. Онъ прожилъ уже двѣнадцать лѣтъ въ этой глуши, но отнюдь не утратилъ своихъ культурныхъ потребностей. Петеракки былъ довольно начитанъ и даже обладалъ небольшою библіотекою; кромѣ того онъ отличался удивительнымъ запасомъ практическихъ свѣдѣній и между прочимъ лѣчилъ больныхъ. Греки-торговцы встрѣчаются чуть-ли не во всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ торговыхъ пунктахъ Судана и даже въ глуби негрскихъ странъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы эти бойкіе торгаши пользовались особою симпатіею; напротивъ того, они прославлены какъ люди, весьма неразборчивые въ средствахъ для наживы. Въ Кедарефѣ, напримѣръ, они съумѣли забрать въ свои руки всѣхъ чиновниковъ и крупныхъ владѣльцевъ стадъ и земель: всѣ они считались ихъ должниками. Съ другой стороны среди грековъ встрѣчалось не мало бѣдняковъ.

Юнкеръ прибылъ въ Кедарефъ наканунѣ праздника православной Пасхи. Греки приняли его въ высшей степени гостепріимно. Оказалось, что одинъ изъ нихъ довольно сносно говорилъ по русски, такъ какъ бывалъ въ Керчи и Таганрогѣ. Среди пріятныхъ сюрпризовъ, ожидавшихъ нашего путешественника въ день Св. Пасхи,

16 апрѣля, онъ особенно выдѣляетъ утренній кофе, поданное въ бѣлыхъ чашкахъ со сливками и съ хлѣбомъ; дѣйствительно, онъ уже давно лишенъ былъ этого напитка. Затѣмъ начались визиты, поздравленія и обычныя

Газіе, нубійская танцовщица.

угощенія, среди которыхъ не малую роль играли крашенныя яички.

Глубокаго вниманія заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, приводимое Юнкеромъ указаніе на то, что въ этомъ чисто христіанскомъ праздникѣ принимали участіе и магометане. Пока фанатизмъ не былъ искусственно возбужденъ, между

магометанами и христіанами господствовала самая искренняя дружба.

Во время этихъ празднествъ появилась труппа танцоровъ: танцовщица, «газіе», одѣта была въ широкія пестрыя шелковыя шаровары, скрѣпленныя у лодыжекъ, и узкій корсажъ; навѣшанные на ней золотые піастры прикрыты были прозрачнымъ покрываломъ; волосы, заплетенные въ мелкія косички, частью прикрывались краснымъ платкомъ въ видѣ тюрбана; въ рукахъ у нея были мѣдныя кастаньеты, «сагатъ». Затѣмъ въ составъ труппы входили старикъ-танцоръ весь въ морщинахъ, похожій на выжатый лимонъ и два тамбуринщика. Несмотря на относительно скромный нарядъ танцовщицы, танцы, соотвѣтственно мѣстнымъ вкусамъ, оказались довольно неприличными.

На другой день Юнкеръ осматривалъ базаръ Кедарефа; тутъ толпилось множество всякаго народа, среди котораго попадалось не мало пьяныхъ. На базарѣ не было недостатка въ лавочкахъ, въ которыхъ продавалась опьяняющая мерисса, пиво изъ дурры. Здѣсь же происходила открытая торговля рабами. Этому способствовала близость абессинской границы. Покупались, главнымъ образомъ, дѣвушки отъ 7 до 14 лѣтъ, причемъ особенно высоко цѣнилась свѣтлая окраска кожи; при покупкѣ негритянки, напротивъ того, прежде всего возникалъ вопросъ о ея рабочей силѣ и умѣніи работать. Негритянки стоятъ раза въ четыре дешевле дѣвушекъ свѣтлой окраски.

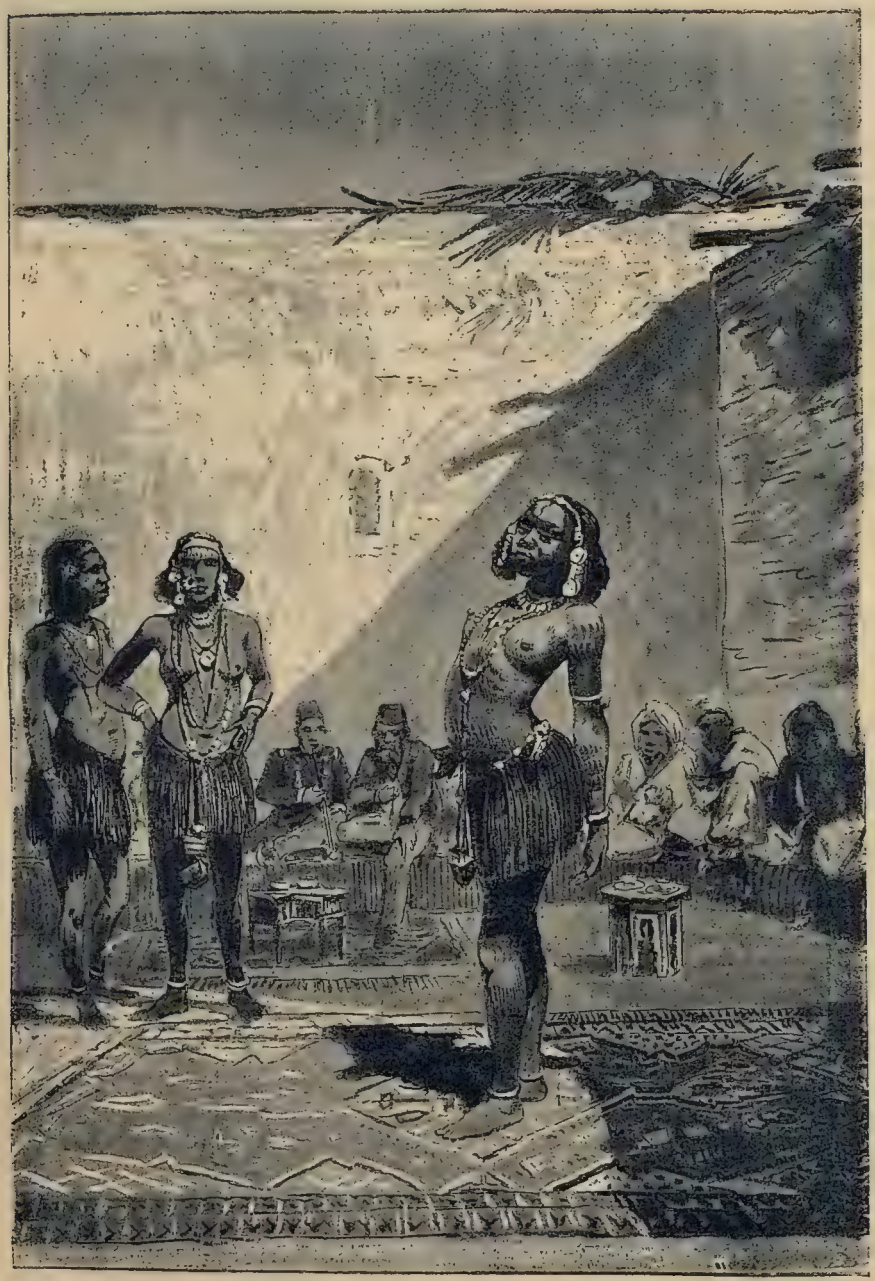
Женщина-бедуинка не закрываетъ лица. Она во всѣхъ отношеніяхъ свободнѣе женщинъ осѣдлыхъ туземцевъ. У нѣкоторыхъ племенъ бега женщина, въ особенности замужняя, пользуется положеніемъ, которое какъ-то трудно мирится съ гордымъ и независимымъ характеромъ бедуина. Но пылкій бедуинъ прежде всего рыцарь. Онъ не смотритъ на женщину, какъ на предметъ, кото-

рый можно купить; онъ ухаживаетъ за ней, онъ добивается званія «защитника дѣвушекъ», «Achu el benat», рискуя своею жизнью. Многоженство результатъ роскоши городовъ и порчи нравовъ; у кочевниковъ оно является исключеніемъ. Въ былыя времена арабы, въ минуту величайшей опасности во время битвы, выставляли впереди своего войска дѣвушку. Богато убранная красавица въ нарядѣ невѣсты садилась въ «отфу», въ небольшой рѣшетчатый деревянный балдахинъ, украшенный страусовыми перьями и помѣщающійся на роскошно изукрашенномъ верблюдѣ. Она выѣзжала впереди всѣхъ войновъ, которые клялись ею побѣдить или умереть. Всѣ усилія ихъ сосредоточивались на томъ, чтобы оградить отъ врага «отфу»: оно являлось знаменемъ для нихъ. Случалось, что погибала вся молодежь, защищая свое «отфу».

Одежда бедуинки состоитъ обыкновенно изъ длиннаго «тоба» съ пестрою каймою; подъ нимъ обматывается вокругъ бедеръ легкая синяя бумажная ткань; затѣмъ слѣдуетъ «рагатъ», широкій бумажный или кожаный поясъ, съ котораго до половины бедра ниспадаетъ множество тонкихъ ремешковъ или снурковъ.

Въ Нубіи и въ Суданѣ рагатъ составляетъ единственную и притомъ довольно кокетливую одежду дѣтей и дѣвушекъ; по обѣимъ сторонамъ «рагата» обыкновенно спускаются до лодыжекъ двѣ длинныя кисти, унизанныя ракушками каури. Вокругъ шеи женщины обыкновенно носятъ амулеты; писаніе заговоровъ, вкладываемыхъ въ амулеты такого рода, составляетъ, какъ извѣстно, доходную статью дервишей. Татуировка наносится на животѣ, на рукѣ, выше и ниже грудей; рабыни отличаются нѣсколькими рубцами на лицѣ.

Суданскія женщины охотно щеголяютъ своими золотыми, серебряными или коралловыми украшеніями. Множество украшеній требуетъ, напримѣръ, уже одна прическа, состоящая изъ массы мелкихъ косичекъ; украшенія



тип. ед. Гоппе

Суданскія танцовщицы.

вдѣваются въ уши и въ правую ноздрю; кольцо въ ноздрѣ называется «хизамъ» и носилось уже во времена Авраама. Танцовщицы носятъ иногда цѣлое состояніе въ волосахъ, на шеѣ, рукахъ, ногахъ и т. д. Ко всему этому красавицы Судана положительно злоупотребляютъ духами. Чтобы надушиться, какъ слѣдуетъ, женщина въ легкой одеждѣ усаживается надъ небольшою ямою, въ которой на угляхъ медленно горятъ различныя благоухающія снадобья, совмѣстно съ щепками акаціи; какъ женщину, такъ и огонь покрываютъ сверху плащомъ. Выдержавъ въ такомъ положеніи минутъ 15—20, женщина, можно сказать, окончательно прокопчена благовоніями.

Отъ Кедарефа въ Хартумъ путь вновь пролегаетъ по мѣстности болѣе или менѣе пустынной. Путникамъ не мало пришлось пострадать отъ безводья и отъ рѣзкихъ колебаній температуры. Въ полдень, напримѣръ, было $+ 43^0$ С., ночью же всего $15{,}5^0$; на другой день въ полдень было $+ 56^0$ С. въ тѣни.

Большое оживленіе господствовало и тутъ у колодцевъ, по крайней мѣрѣ, днемъ, такъ какъ по ночамъ караваны отходятъ въ сторону, чтобы не столкнуться у водопоя съ хищными животными. У колодцевъ въ ущельи гранитныхъ горъ Галла-т-Арáнгъ за лагеремъ зорко слѣдили своеобразные хищники, павіаны-бабуны (Cynocephalus babuin Desm.) Не успѣли люди сняться съ мѣста, какъ обезьяны тотчасъ же набросились на оставшіеся предметы. Они отступили только тогда, когда Юнкеръ подошелъ къ нимъ довольно близко. Бедуины ловятъ павіановъ, пользуясь ихъ любопытствомъ и прожорливостью; они оставляютъ горшокъ мериссы, которою обезьяны напиваются до безчувствія.

Мѣстами по прежнему встрѣчались кочевники и поселенія туземцевъ, выгодно отличавшіяся аккуратностью построекъ отъ знакомыхъ нашему автору видовъ египетскихъ, исландскихъ или даже родныхъ русскихъ дере-

вень. Вотъ встрѣтился и караванъ невольниковъ, отправляемыхъ на продажу: пять-шесть верблюдовъ, на которыхъ сидѣло по женщинѣ съ двумя или тремя дѣтьми. Плѣнницы ѣхали подъ прикрытіемъ негровъ, вооруженныхъ копьями; торговецъ невольниками ѣхалъ рядомъ на ослѣ и любезно привѣтствовалъ Юнкера, пожелавъ ему «Salâm alêkum».

Слѣдующій затѣмъ болѣе крупный населенный пунктъ Абу Харáсъ, лежащій въ началѣ караваннаго пути въ Кедарефъ, отличается отъ этого города большимъ количествомъ глиняныхъ хижинъ; здѣсь бываютъ довольно бойкіе базары. Мѣстечко это лежитъ на берегу Голубого Нила, являющагося дѣйствительнымъ источникомъ плодородія Египта и причиною разливовъ Нила, такъ какъ именно онъ приноситъ этой рѣкѣ извѣстный избытокъ воды; Бѣлый Нилъ, напротивъ того, поддерживаетъ жизнь страны и рѣки, доставляя ей непрерывно питаніе и предохраняя Нилъ отъ усыханія. У Абу Хараса Голубой Нилъ имѣетъ около 200 метровъ ширины и извилистое теченіе. Юнкеръ сдѣлалъ привалъ подъ вѣтвистою сикоморою въ виду рѣки, на которой стояло на якорѣ нѣсколько характерныхъ нильскихъ барокъ, т. н. дагабíдже. Когда взошла луна, на баркахъ раздались глухіе звуки дарабукки, барабана, по которому бьютъ обѣими руками, затѣмъ зазвучала флейта и пѣсенка лодочника.

Со времени прибытія египтянъ въ эту страну земледѣліе стало замѣтно подниматься, главнымъ образомъ, благодаря содѣйствію со стороны покойнаго великаго шеха шукуріевъ Абу-Синна и намѣстника его Авадъ-эл-Керима, съ которымъ Юнкеръ познакомился въ слѣдующемъ селеніи Руфа. Тѣмъ не менѣе канализація въ этомъ краѣ положительно неудовлетворительна.

Послѣ дальнѣйшаго перехода по бѣдной мѣстности показались минареты и пальмы Хартума, столицы Судана.

Городъ этотъ въ настоящее время болѣе не суще-

ствуетъ. Онъ уничтоженъ махдистами, устроившими небольшое поселеніе на островкѣ въ виду развалинъ прежняго города. Во времена Юнкера городъ, напротивъ того, процвѣталъ, благодаря своему важному и удачному въ торговомъ и стратегическомъ отношеніи положенію у сліянія Бѣлаго и Голубого Нила. Необходимо, однако, замѣтить, что и въ ту славную для Хартума эпоху въ немъ преобладали простые глиняные дома и цѣны на европейскіе продукты были положительно непомѣрные. Залежалые консервы, пыльныя и крошащіяся макароны, мягкій сѣроватый сахаръ и отчаянныя вина продавались

Голубой Нилъ у Хартума.

за баснословныя деньги, какъ величайшая рѣдкость. Если же, благодаря столь обыденнымъ въ этомъ краѣ случайностямъ, запаздывали транспорты европейскихъ товаровъ, то какой нибудь спекуляторъ тотчасъ же скупалъ всѣ запасы, и цѣны на нихъ повышались еще болѣе. За то въ городѣ всегда въ изобиліи имѣлись мѣстные продукты, могущіе вполнѣ удовлетворить вкусы неприхотливаго человѣка.

Юнкеръ встрѣтилъ въ Хартумѣ прекрасный пріемъ со стороны европейцевъ и особенно близко сошелся съ дѣя-

тельнымъ австро-венгерскимъ консуломъ Ганзалемъ, которому суждено было впослѣдствіи погибнуть во время возстанія махдистовъ, благодаря предательству облагодѣтельственнаго имъ слуги-нубійца. Весьма благосклонно отнесся къ нашему путешественнику губернаторъ Измаилъ-Эюбъ-паша, только что возвратившійся въ свою столицу послѣ окончательнаго присоединенія Даръ-Фора.

Въ сущности завоеваніе Даръ-Фора было дѣломъ не Измаила-паши, а хитраго богача-землевладѣльца и торговца невольниками Сибера. Измаилъ былъ отправленъ въ Даръ-Форъ только для виду, чтобы ослабить впечатлѣніе, произведенное удачами столь опаснаго для египетскаго правительства Сибера. Тѣмъ не менѣе въ Хартумѣ чествовали Измаила, какъ побѣдителя пиршествами, т. н. асуме. Губернаторъ, человѣкъ относительно просвѣщеный, свободно изъяснялся по французски и началъ на старости лѣтъ изучать нѣмецкій языкъ у покойнаго Марно. Онъ поспѣшилъ пригласить на эти празднества Юнкера. Всѣ асуме устраиваются на одинъ ладъ и сводятся къ тому, чтобы накормить гостей возможно большимъ количествомъ блюдъ и позабавить ихъ описанными уже выше танцами газіе, негритянокъ или мальчиковъ и грубыми шутками скомороховъ. Пиры, задаваемые мѣстными жителями въ честь губернатора, происходятъ въ виду климатическихъ условій по вечерамъ подъ открытымъ звѣзднымъ небомъ. Гостей сзывается такое количество, что ихъ приходится кормить группами, причемъ, конечно, начинаютъ съ наиболѣе почетныхъ лицъ. Многое при этомъ поражаетъ новичка-европейца и совершенно расходится съ его понятіями. Укажемъ хотя бы на то, что гостямъ подаютъ трубки и папиросы, уже раскуренныя невольниками, или, что паша передаетъ лицу, которое онъ желаетъ отличить, докурить свою трубку. Ножи и вилки подавались только въ нѣкоторыхъ домахъ, да и то это былъ все одинъ и тотъ-же великолѣпный приборъ, принадлежавшій нѣ-

когда несчастной голландской путешественницѣ Александринѣ Тинне и подаренный ею французскому вице-консулу Тибо; послѣ смерти послѣдняго онъ перешелъ къ католическимъ миссіонерамъ, которые его иногда передавали знакомымъ туземцамъ. Въ прочихъ домахъ приходилось ѣсть пальцами. Блюда приготовлены были прекрасно. Юнкеръ разсказываетъ о цѣлыхъ зажареныхъ баранахъ съ начинкою изъ изюма, риса и всевозможныхъ пряностей. За то меню было составлено безтолково, или, лучше сказать, оно совершенно не составлялось, такъ какъ за сладкими блюдами непосредственно слѣдовали кислыя и между двумя рагу, переполненными пряностями, подавалось блюдо пересахареннаго и ароматнаго крахмальнаго желе. Блюда эти смѣняли другъ друга, пока, наконецъ, паша не восклицалъ: «El hamd li'llâh rabb el-'alamîn (хвала Богу, властителю міровъ)». Затѣмъ подавалось омовеніе и гости опять усаживались за кофе, который разносили въ перемежку съ пэль-элемъ и до обѣда. Къ кофе, кстати замѣтить, зачастую примѣшиваютъ кардамонъ, или переливаютъ его въ сосудъ, въ которомъ находится кусокъ амбры, или, по крайней мѣрѣ, подаютъ въ чашечкахъ, прокопченныхъ мастикою.

Во время кофе военный оркестръ негровъ въ египетскихъ мундирахъ исполнялъ весьма недурно попурри изъ «Аиды», изъ различныхъ французскихъ и итальянскихъ арій, штраусовскіе вальсы, каирскія народныя пѣсни и даже переложенную Ганзалемъ на ноты простую, но вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальную пѣсенку негровъ-бари.

Въ высшей степени странное, хотя и утомительное и далеко не прекрасное зрѣлище представляла общая молитва фу̀кара и дервишей. Процессія дервишей и фукара, являющихся профессіональными чтецами корана, съ знаменами, украшенными надписями изъ корана, съ фонарями и лампіонами, съ музыкою и шумнымъ пѣніемъ явилась на обширную площадь передъ губернаторскимъ

дворцомъ. Здѣсь они образовали цѣпь, присѣли на землю, обратившись лицомъ къ востоку, и начали, мѣрно раскачиваясь, свое протяжное: La ilâha ila-llâh (нѣтъ Бога, кромѣ Бога), перебирая затѣмъ всѣ прозвища Аллаха. Вотъ они поднялись. Пѣніе и крики учащаются, раскачиванія тѣла становятся энергичнѣе и быстрѣе. Гортанное Allâh, llàh, llàh переходитъ въ глухое hú, hú, hú (онъ, т. е. Богъ). Это какой-то дикій звѣринецъ! Лохматые волосы фанатиковъ-дервишей, неистово раскачивающихся взадъ и впередъ, метутъ по землѣ... Вотъ, въ полномъ изступленіи, вырывается одинъ изъ нихъ изъ общаго ряда; онъ бѣшено кружится, какъ волчекъ, и падаетъ въ изнеможеніи на землю. Пѣніе, если только этотъ ревъ можно назвать пѣніемъ, продолжается за полночь. Очевидно, у этихъ людей замѣчательная выдержка! Наконецъ, пѣніе прекращается и они хищно набрасываются на приготовленное для нихъ угощеніе.

«Тàбака»—покрышки для кушаній, плетеныя изъ соломы.

ГЛАВА III.

Собатъ и Ладо.

Ромоло Джесси. — Разоруженіе египетскихъ войскъ. — Сеннаръ. — Экспедиція по Собату. — Плаваніе по Бѣлому Нилу. — «Седдъ». — Фашода. — Сериба Собатъ. — Печальная судьба Люкаса. — Рѣка Собатъ. — Нуеры и ніуаки. — Отношеніе Гордона къ европейскимъ путешественникамъ. — На пути въ Ладо. — Разграбленіе негровъ боръ. — Сериба Ладо. — Д-ръ Эминъ. — Негры бари. — Обычная жизнь въ серибѣ. — Негры макарака; ихъ художественное чутье. — На пути въ страну Макарака. — Выносливость негровъ. — Негры ніамбара.

Въ Хартумѣ Юнкеръ близко сошелся съ Ромоло Джесси. Это былъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ дѣятелей въ Суданѣ, человѣкъ рѣдкой энергіи и рѣшимости и, въ то же время, рѣдкой душевной доброты. Юнкеръ упрекаетъ своего друга въ томъ, что тотъ гонялся за гуманными идеалами и слѣпо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду. Въ нашихъ глазахъ, напротивъ того, Джесси является едва ли не наиболѣе блестящимъ дѣятелемъ среди тѣхъ египетскихъ администраторовъ, съ которыми Юнкеру пришлось встрѣтиться.

Преобразовательные планы, съ которыми Джесси выступилъ впослѣдствіи, будучи губернаторомъ провинцій Экваторіальной и Бахръ-эл-Газаль, были чрезвычайно смѣлы, но далеко не лишены практичности. Укротивъ своевольныхъ магнатовъ, земле — и рабовладѣльцевъ, Ромоло Джесси распустилъ большую часть той арміи, которая содержалась, главнымъ образомъ, въ виду опасеній, внушаемыхъ этими полунезависимыми владѣтелями. Между тѣмъ именно это войско, содержавшееся, въ виду постояннаго недостатка средствъ и всякихъ неурядицъ въ средѣ египетскаго правительства, преимущественно страшными

поборами и даже періодическимъ разграбленіемъ мирныхъ и немирныхъ негрскихъ племенъ, являлось губительною язвою для всего края. Войско, долженствовавшее охранять порядокъ и противодѣйствовать торговлѣ невольниками, вызывало уже однимъ своимъ существованіемъ постоянные грабежи и всѣми силами поддерживало невольничество. Самъ Юнкеръ допускаетъ, что число отпущенныхъ на родину солдатъ было сравнительно съ общею массою населенія крайне не велико. Нѣтъ сомнѣнія, что это были по большей части страшные негодяи и смутители, какъ ихъ называетъ Юнкеръ; но съ другой стороны вполнѣ ясно, что еслибы Джесси, пріобрѣвшему этою реформою общую любовь народа, представилась возможность довести свое дѣло до конца, то эти безпокойные элементы быстро слились бы съ общею массою народонаселенія. Но въ томъ-то и заключалось несчастіе всѣхъ правителей и устроителей Судана, что дѣятельность ихъ была слишкомъ кратковременна. Если они даже умѣли сохранить свою самостоятельность по отношенію къ высшимъ властямъ въ Каиро и устоять среди всѣхъ интригъ и капризовъ придворныхъ сферъ и европейской дипломатіи, то ихъ все-таки безпрестанно переводили съ мѣста на мѣсто и съ одной должности на другую. У Джесси, наконецъ, всѣ эти столь обычные для египетскаго администратора затрудненія, къ которымъ слѣдуетъ еще присоединить абсолютный недостатокъ въ дѣльныхъ сотрудникахъ, осложнялись тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ смѣлый воинъ былъ положительно слабъ по части канцелярской отчетности и благодаря этому не мало терялъ въ глазахъ египетскихъ правителей, для которыхъ правильная отчетность заурядъ стояла выше самаго дѣла.

По внѣшности своей Джесси былъ худощавый и рослый итальянецъ съ выразительными чертами лица и прекрасными большими глазами, полными ума и энергіи. Онъ

не получилъ особеннаго образованія, но обладалъ широкими свѣдѣніями, почерпнутыми изъ жизненной практики. Несмотря на свою несокрушимую энергію и нѣкоторую безпощадность, неоднократно выказанную имъ на дѣлѣ, онъ былъ человѣкомъ добрымъ и даже мягкимъ. Онъ сильно привязанъ былъ къ своей родинѣ и къ семьѣ, оставленной имъ въ Италіи. Однакоже ему не суждено было увидѣться съ ними; въ 1882 г. онъ палъ жертвою болѣзни, захваченной имъ на мѣстѣ службы.

Ромоло Джесси.

Въ концѣ іюля 1876 года Юнкеръ, по предложенію Джесси, принялъ участіе въ небольшой экскурсіи по Голубому Нилу, на берегахъ котораго предполагалось нарубить корабельнаго лѣсу. Поѣздка эта носила характеръ прогулки, такъ какъ совершена была на роскошномъ новомъ пароходѣ «Измаилія», заказанномъ сэромъ Бекеромъ въ Англіи, и продолжалась всего до города Сеннара.

Въ августѣ того же года Джесси доставилъ Юнкеру возможность совершить поѣздку по рѣкѣ Собату. Экспедиція эта далеко не была обставлена такими удобствами, какъ сеннарская. Пароходъ «Сафіа», тащившій на буксирѣ три барки съ солдатами, былъ окончательно запущенъ. Достаточно сказать, что въ душной и грязной салонной каютѣ, кишѣвшей тараканами, не хватало половины по-

душекъ на сидѣніяхъ; кромѣ того въ ней постоянно водились крысы, а во время дождей, лившихъ впродолженіе поѣздки чуть-ли не каждый день, протекала вода. Съ другой стороны, поѣздка по Собату, этому наименѣе извѣстному изъ притоковъ Голубого Нила, представляла особый интересъ для путешественника-изслѣдователя.

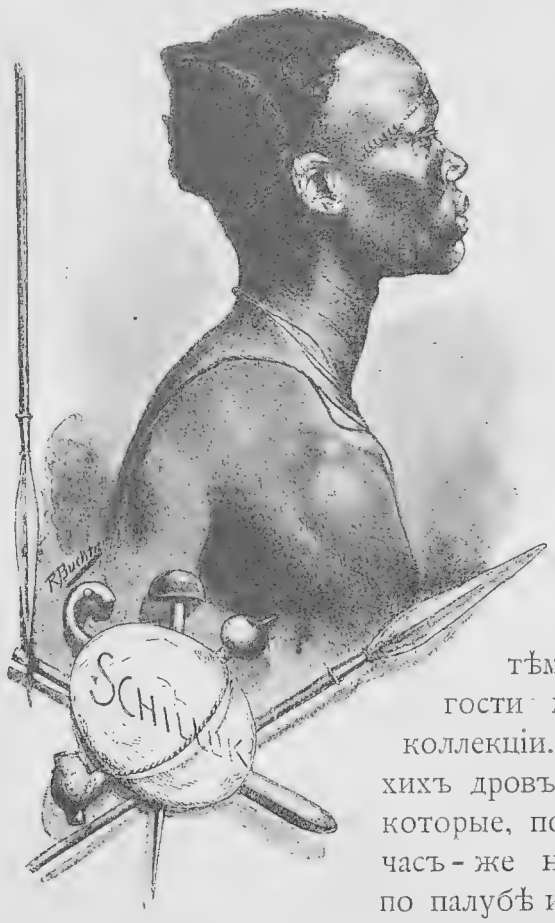
За мысомъ Разъ-эл-Хартумъ уже теряется изъ виду столь эффектный съ берега городъ Хартумъ; здѣсь сливаются мутныя волны Бахръ-эл-Абіада (Бѣлаго Нила) съ свѣтлымъ Бахръ-эл-Азракомъ (Голубымъ Ниломъ); обѣ рѣки протекаютъ въ общемъ руслѣ нѣсколько сотъ шаговъ, не смѣшиваясь. Пароходъ вступаетъ въ Бѣлый Нилъ, который здѣсь раза въ три-четыре шире Голубого. Низменные берега его въ періодъ дождей затоплены на обширныя пространства.

Дѣйствительно, Африка—«страна контрастовъ»! Тамъ, гдѣ въ сухое время года нѣтъ ни слѣда растительности, гдѣ почва растрескивается подъ вліяніемъ страшнаго и продолжительнаго зноя, тамъ съ наступленіемъ «харифа», періода дождей, безпрепятственно ходятъ пароходы.

Мѣстами изъ подъ воды выступаютъ отдѣльными островками рощицы акаціи сантъ, стоящей въ полномъ цвѣту; островки эти служатъ убѣжищемъ для многочисленныхъ птицъ.

На станціи, гдѣ пароходъ запасается дровами, представляется возможность ближе ознакомиться съ разнообразнымъ животнымъ міромъ, ютящимся въ береговыхъ лѣсахъ. На болѣе крупныхъ деревьяхъ водятся забавныя обезьяны Cercopithecus griseoviridis; въ лучшихъ отношеніяхъ съ ними, очевидно, состоятъ изящные попугаи, Palaeornis semitorquatus, носящіеся среди нихъ небольшими стаями. Ниже обезьянъ держатся на тѣхъ же деревьяхъ оригинальные корморапы, Phalacrocorax africanus; они сидятъ съ распростертыми крыльями, поразительно напоминая собою тощихъ одноглавыхъ орловъ

на прусскомъ государственномъ гербѣ. На сохлыхъ акаціяхъ, наконецъ, сидятъ иногда штукъ по пятидесяти коршуновъ-стервятниковъ, этихъ санитаровъ египетскихъ поселеній. Многочисленныя пернатыя не умолкаютъ до поздней ночи, хотя небо обложено тяжелыми дождевыми тучами.



Шиллукъ.

«Сафіа» нагрузилась дровами, можно сказать, вплотную, но вмѣстѣ съ ними на пароходѣ водворилось и великое множество всевозможныхъ насѣкомыхъ, въ особенности муравьевъ. Путешественнику въ такихъ случаяхъ приходится утѣшаться тѣмъ, что эти нежданные гости могутъ обогатить его коллекціи. Однако же, среди сухихъ дровъ водятся и скорпіоны, которые, попавъ на судно, тотчасъ-же начинаютъ расхаживать по палубѣ и по каютамъ. Ужаленіе ихъ чрезвычайно болѣзнено, хотя и не опасно для жизни; лучшимъ противоядіемъ является нашатырный спиртъ, накапанный на ранку, предварительно нѣсколько увеличенную искусственнымъ разрѣзомъ.

По мѣрѣ движенія на югъ пароходъ вступаетъ въ область камышей, которые тянутся однообразною и без-

конечною стѣною по обоимъ берегамъ Нила, поднимаясь метра на два высоты. Мѣстами навстрѣчу пароходу несутся небольшіе плавучіе островки камыша. Заросли эти имѣютъ роковое значеніе для обитателей края, такъ какъ могутъ на долгое время прекратить всякое движеніе по Нилу. Экваторіальныя области были, напримѣръ, отрѣзаны отъ Хартума подобными баррами, называемыми здѣсь

Плотъ изъ амбага.

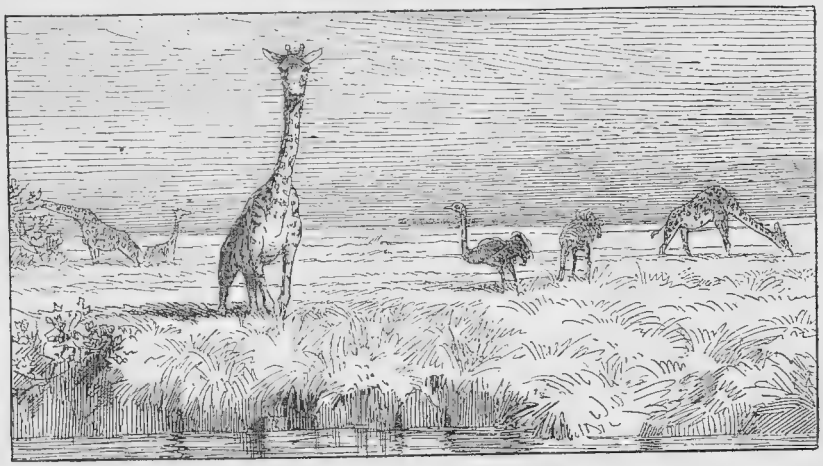
«седдомъ», на два года, съ 1878 — 1880; въ 1880 году нѣсколько сотъ человѣкъ египетскихъ войскъ погибло голодною смертью, будучи со всѣхъ сторонъ окружено «седдомъ».

Пріятнымъ оазисомъ среди этого вѣчнаго однообразія являются немногочисленныя поселенія негровъ. Пароходъ уже покинулъ область народовъ, говорящихъ по арабски, и вступилъ въ негрскія страны. На западѣ, за сплошною стѣною камыша, кое-гдѣ темнѣютъ рощи; тамъ рас-

Тип. ед. Гоппе.

Хижина негровъ-шиллукъ.

кинуты постройки шиллуковъ съ куполообразною крышею. На востокъ простираются обширныя степи, кочевья динка. Долго путникъ слѣдитъ за «Джебеленъ» (двѣ горы), изрытой дождями громадой, раздѣленной сѣдловиной. Изрѣдка, наконецъ, показываются и рощи близъ береговъ. Въ одной изъ рощъ выступаетъ метра на четыре съ половиною изъ воды интересный амбагъ (Aedemone mirabilis Kotschy), стволъ котораго отличается поразительною легкостью и идетъ у туземцевъ на устрой-



Жирафы и страусы.

ство плотовъ. Плоты эти имѣютъ загнутые кверху носы и издали напоминаютъ венеціанскія гондолы; они на столько легки, что плотъ, на которомъ могутъ свободно держатся трое человѣкъ, переноситъ одинъ туземецъ. Иногда среди зарослей громко зафыркаетъ гиппопотамъ и подниметъ свою тяжелую морду. Далеко въ степяхъ динковъ пасутся жирафы. Ихъ цѣлое стадо, штукъ въ двадцать-пять; при приближеніи парохода они вытягиваютъ свои длинныя шеи и обращаютъ къ нему свои маленькія головки. Еще далѣе на горизонтѣ мелькаютъ страусы. А затѣмъ опять прежнее однообразіе и путнику

остается только одно занятіе: по прежнему обороняться отъ безчисленныхъ москитовъ и наблюдать за медленно плывущими островками «седда», которые съ громкимъ шумомъ и шуршаніемъ трутся о пароходъ.

Но вотъ показался развѣвающійся флагъ съ полумѣсяцемъ на высокомъ флагштокѣ. Это Фашода, прежняя резиденція королей-шиллуковъ, а нынѣ египетская крѣпостца и мѣстопребываніе старшаго мудира провинціи Фашода. Для европейскихъ путешественниковъ это крайній форпостъ, гдѣ они могутъ пополнить свои запасы или же, по возвращеніи изъ путешествія, найти кой-какіе европейскіе продукты, какъ-то: бутылки двѣ пива или водки, немного мыла и т. п. Климатъ въ Фашодѣ отвратительный; поэтому египетское правительство ссылаетъ сюда преступниковъ, отъ которыхъ оно не прочь отдѣлаться. Здѣсь даже должность мудира является своего рода наказаніемъ. Ко времени пріѣзда Юнкера мудиромъ былъ нѣкій Кýрди, старый хищникъ, открыто допускавшій торговлю невольниками подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ ему платили по два талера Маріи Терезіи съ человѣка. Онъ прибылъ нѣкогда въ Фашоду въ цѣпяхъ, а затѣмъ, по какому-то капризу властей, сдѣланъ былъ мудиромъ.

Невдалекѣ отъ Фашоды и въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ сліянія Собата съ Ниломъ находится весьма благоустроенная станція Собатъ, созданная Гордономъ. Мудиръ станціи, негръ, служившій въ египетскомъ корпусѣ во время мехиканскаго похода французовъ и сражавшійся подъ начальствомъ Базена, сообщилъ, что въ гарнизонѣ его, состоящемъ изъ 70 человѣкъ, нѣтъ больныхъ и что станція его вообще можетъ считаться вполнѣ здоровою.

На дровяной пристани близъ станціи стоялъ другой пароходъ, шедшій изъ Ладо́ въ Хартумъ. На этомъ пароходѣ возвращался молодой англичанинъ Льюисъ А. Люкасъ, котораго Юнкеръ еще незадолго передъ тѣмъ ви-

дѣлъ въ Хартумѣ. Люкасъ намѣревался проникнуть въ область Бахръ-эл-Газаль, а затѣмъ прорѣзать всю Африку. Будучи человѣкомъ весьма состоятельнымъ, онъ захватилъ съ собою 40 прекрасно вооруженныхъ нубійцевъ, 10 слугъ и 200 носильщиковъ. Однакоже этотъ черезъ чуръ многочисленный караванъ набранъ былъ изъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ, да и самъ Люкасъ отличался чисто англійскимъ упорствомъ и различными странностями. Словомъ, въ Хартумѣ, еще до отбытія его экспедиціи, сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ ея. Въ настоящее время онъ былъ покинутъ своими людьми и на столько истощенъ болѣзнью, что едва передвигалъ ноги, но все еще не терялъ надежды на успѣхъ. Онъ намѣревался вновь пуститься въ путь, начавъ съ Занзибара. Однакоже, въ Хартумѣ положеніе его ухудшилось. Онъ сошелъ съума. Впослѣдствіи разсказывали Юнкеру, что онъ срывалъ съ себя одежды и валялся голымъ по грязной землѣ. Въ концѣ концовъ его отправили въ Каиро, но по дорогѣ онъ скончался.

Borassus flabeliformis.

Рѣка въ нижнемъ теченіи своемъ извилиста. По берегамъ ея растетъ прекрасная пальма делебъ (Borassus

flabeliformis), достигающая 18 метровъ высоты. Въ верхней трети своей стволъ этой пальмы утолщенъ и увѣнчивается раскидистою кроною, напоминающей ваи пальмы думъ; желтые плоды ея въ 2—3 килограмма вѣсомъ отличаются слегка вяжущимъ вкусомъ и употребляются туземцами въ пищу. Берега рѣки въ общемъ высоки, мѣстами покрыты лѣсомъ, мѣстами же травами. Странное зрѣлище, напоминающее рождественскую елку, представляло въ одной изъ береговыхъ рощицъ дерево, увѣшанное сотнями птичьихъ гнѣздъ. Послѣ захода солнца эта рождественская картинка неожиданнымъ образомъ повторилась: одно изъ сизифовыхъ деревъ на берегу горѣло тысячами огоньковъ свѣтляка. На встрѣчу пароходу и тутъ плыли небольшіе камышевые островки.

Пользуясь остановками парохода, Юнкеръ пытался завязать сношенія съ туземцами, но всюду наталкивался на недовѣріе. Обычная въ Египтѣ система застращиванія и хищничества, очевидно, отозвалась на отношеніяхъ дикарей къ египтянамъ. По мнѣнію Юнкера, съ негромъ несравненно легче сладить добромъ. «Долголѣтнія путешествія мои укрѣпили меня въ этомъ воззрѣніи», говоритъ онъ, «и оно стало моимъ глубокимъ убѣжденіемъ. Ему я обязанъ тѣмъ, что предо мной открывались страны, дотолѣ недоступныя. Я проникалъ въ эти области, сопровождаемый всего только двумя подростками-слугами, но онѣ, конечно, закрылись бы предо мною, если-бы я вздумалъ пользоваться силою. Время и терпѣніе, и притомъ даже очень-очень много терпѣнія, вотъ чему я главнымъ образомъ обязанъ своимъ успѣхомъ...»

Берега Собата усѣяны довольно многочисленными, хотя и небольшими, деревушками въ 20 — 30 хижинъ-тукулъ; онѣ расположены частью на высокомъ берегу, частью же посреди полей дурры, гдѣ тукулы отстоятъ другъ отъ друга шаговъ на сто. Крыши ихъ походили на сахарныя головы или на колокола, причемъ на самой верхушкѣ ихъ

зачастую красовалось страусовое яйцо или зеленая бутылка изъ подъ вина. Въ этихъ деревняхъ рѣзко бросалась въ глаза разница между богатыми и бѣдными хижинами. Ясно, что и тутъ не было того равенства между людьми, по которому тоскуютъ наши мечтатели. Это—жилища осѣдлыхъ нуеровъ, среди которыхъ, однако, немало пришлыхъ, остающихся здѣсь только до конца жатвы.

Пароходъ, очевидно, возбуждалъ сильное любопытство дикарей. Кучами слѣдовали они за нимъ по берегу, громко обмѣниваясь впечатлѣніями и изображая руками, какъ движутся колеса. Мужчины нуеры ходятъ совершенно нагими, женщины носятъ передники; тѣ и другія производятъ, однако, довольно курьезное впечатлѣніе: курчавые волосы ихъ покрыты сѣрою корою или окрашены въ красноватый цвѣтъ, благодаря смазыванію растворомъ золы въ коровьей мочѣ; тѣло нуера также вымазано золою и только одни глаза, ноздри да зубы выглядываютъ изъ подъ этого сѣраго покрова. Словомъ, они порядкомъ смахиваютъ на тѣхъ чертей, которыхъ намъ рисуетъ дѣтская фантазія. Среди полей дурры сооружены подмостки, на которыхъ маленькіе нуеры съ поразительнымъ совершенствомъ исполняютъ роль пугалъ, отгоняя птицъ.

За станціею Насеръ, или вѣрнѣе Назиръ, идутъ поселенія ніуаковъ. Юнкеръ высадился на берегъ, отказавшись отъ охраны капитана, офицера и солдатъ, вызвавшихся, было, его сопровождать. Онъ направился къ ніуакамъ съ двумя солдатами, знакомыми съ нарѣчіемъ этого племени. Дикари приняли Юнкера не безъ удивленія, но довольно дружелюбно. Онъ сѣлъ на разостланную бычачью шкуру рядомъ съ шехомъ деревни и поздоровался съ нимъ по арабски. Негры приняли это привѣтствіе съ громкимъ смѣхомъ и, очевидно, вполнѣ примирились съ появленіемъ путешественника. Мужчины и тутъ ходили голыми, но за то имѣли множество украшеній. Во вся-

комъ случаѣ они были болѣе нарядны, чѣмъ женщины, которыя вскорѣ вышли въ сопровожденіи своихъ дѣтей изъ за хижинъ. Ніуаки носили ожерелья и браслеты изъ мелкихъ цвѣтныхъ бусъ, нанизанныя на волосы изъ хвоста жирафы; къ этимъ браслетамъ прицѣплены были осколки фарфоровой и глазированной посуды, завезенной сюда, по всему вѣроятію, хартумскими торговцами. Кромѣ этого, на рукахъ у нихъ было по нѣсколько массивныхъ браслетовъ изъ слоновой кости; металлическіе браслеты встрѣчались рѣже. Прически ніуаковъ были самыя разнообразныя: у иныхъ волосы были окрашены въ красный цвѣтъ, у другихъ коротко острижены, а одинъ изъ этихъ молодцовъ, физіономія котораго была старательно вымазана золою, удивительно походилъ на клоуна, такъ какъ догадался вытянуть свою прическу въ остріе, торчащее кверху. Нѣкоторые изъ мужчинъ были татуированы небольшими рубцами, расположенными на груди и на животѣ. Вооруженіе ихъ состояло изъ копій, причемъ каждый человѣкъ имѣлъ по 3—4 копья, которыя онъ не выпускалъ изъ рукъ; у иныхъ имѣлись тяжелыя твердыя палицы. Женщины носили въ верхней и нижней губѣ по кусочку камыша, благодаря чему эти и безъ того достаточно безобразныя дамы пріобрѣтали во время болтовни совершенно нелѣпый видъ. Всѣ отъ мала до велика курили трубки.

Браслеты изъ слоновой кости.

Вечеромъ дикари отдали Юнкеру визитъ. Они подошли къ нему, распѣвая во все горло «пѣсню» подъ аккомпаниментъ небольшаго барабана, слегка пригнулись передъ нимъ къ землѣ и, вытянувъ передъ собою руки, прикоснулись ими къ землѣ. Таковъ былъ ихъ «саламъ». Затѣмъ они поднесли ему различные подарки, оружіе, шкуры животныхъ, козу, а вождь племени пожертвовалъ дорогому гостю даже цѣлую корову. Юнкеръ одарилъ ихъ, въ свою очередь, сожалѣя, что ему въ Хартумѣ никто не могъ указать на то, что туземцы особенно дорожатъ извѣстными сортами бусъ, которыхъ у него не оказалось. Большое удовольствіе, однако, доставилъ онъ имъ, угостивъ ихъ абсинтомъ...

Въ надеждѣ на то, что ему удастся ближе изслѣдовать страну ніуаковъ, Юнкеръ нанялъ трехъ проводниковъ-туземцевъ, надъ которыми тутъ же, на берегу, двѣ женщины произвели какой-то таинственный обрядъ, очевидно долженствовавшій оберечь ихъ отъ всякаго зла: шепотомъ произносили онѣ надъ ними заклинанія, проводя имъ по головѣ и по спинѣ рукою и короткою тонкою палочкою; мужчины съ благоговѣйнымъ трепетомъ ожидали конца этой операціи. Къ сожалѣнію, дальнѣйшая поѣздка не состоялось: оказалось, что капитанъ уже достаточно набралъ корабельнаго лѣса и, поэтому, рѣшилъ возвратиться въ Хартумъ. По разспроснымъ свѣдѣніямъ Юнкеръ, однако, выяснилъ, что рѣка на четыре часа выше станціи Насеръ раздѣляется на четыре рукава по имени: Аддура, Никуаръ, Гело, Абуалъ; ближайшія свѣдѣнія объ этихъ рѣкахъ были довольно сбивчивы. Результатомъ этой экскурсіи Юнкера явилась довольно точная карта рѣки до упомянутой станціи.

Въ началѣ сентября 1876 года Юнкеръ возвратился въ Хартумъ, въ которомъ въ это время уже начали свирѣпствовать лихорадки. Онъ сталъ готовиться къ новому путешествію. Пропускъ въ Даръ-Форъ все еще не былъ

полученъ, да и помимо того въ этой области многое было уже сдѣлано за послѣдніе годы, благодаря экспедиціи египетскаго генеральнаго штаба, состоявшей подъ начальствомъ американцевъ. Юнкеръ рѣшился поэтому пуститься въ Экваторіальную провинцію, хотя его до нѣкоторой степени смущало распоряженіе губернатора Гордона-паши, крайне затруднявшее путешествіе по названной области. Приказомъ Гордона опредѣлены были весьма крупныя цѣны на продукты первѣйшей необходимости для лицъ, путешествующихъ въ подвѣдомой ему странѣ, а наемъ вооруженныхъ людей обусловливался спеціальнымъ разрѣшеніемъ хедива. Джесси, впрочемъ, увѣрялъ Юнкера, что эти мѣры относятся только къ лицамъ, подобнымъ Люкасу, а никакъ не къ серьезнымъ путешественникамъ. Юнкеръ, въ сопровожденіи препаратора Коппа, слуги, нѣмца Эберле, и двухъ арабскихъ слугъ, пустился въ путь на «Измаиліи», переполненной на этотъ разъ пассажирами и багажемъ. Пользуясь безпошлиннымъ провозомъ багажа, даже слуги Юнкера, безъ его вѣдома, захватили съ собою товаровъ, разсчитывая ихъ сбыть въ Ладо съ барышомъ въ 100%.

По дорогѣ «Измаилія» встрѣтилась съ пароходомъ, на которомъ находился губернаторъ Гордонъ-паша. На «Измаиліи» страшно переполошились: никто не ожидалъ встрѣчи съ губернаторомъ. Стали поспѣшно прибираться и чиститься; чиновники и писцы, направлявшіеся въ большомъ числѣ въ Ладо, надѣли черные сюртуки и даже самъ Юнкеръ облекся въ европейскій костюмъ. Онъ разсчитывалъ получить отъ губернатора оффиціальныя рекомендаціи къ различнымъ мудирамъ. Гордонъ осмотрѣлъ пароходъ, принялъ докладъ отъ чиновниковъ и затѣмъ вступилъ съ Юнкеромъ въ дружелюбную бесѣду. Ознакомившись съ его намѣреніями, онъ велѣлъ выдать ему необходимыя бумаги и при этомъ значительно понизилъ для него цѣны на продукты потребле-

нія. Повидимому, собесѣдники произвели другъ на друга въ высшей степени пріятное впечатлѣніе. Юнкеръ называетъ Гордона человѣкомъ безкорыстнымъ, правдивымъ и гуманнымъ. Долголѣтнее пребываніе въ разныхъ странахъ и частяхъ свѣта сдѣлало Гордона космополитомъ и заставило его объективно относиться ко всѣмъ особенностямъ англичанъ и сознавать ихъ недостатки. Съ другой стороны Юнкеръ настолько понравился Гордону, что тотъ, разговорившись съ нимъ по поводу расходовъ на путешествіе и узнавъ, что Юнкеръ захватилъ съ собой 250 талеровъ Маріи Терезіи, а въ Хартумѣ оставилъ 12,000 франковъ, внезапно воскликнулъ: «Деньги! зачѣмъ деньги? Вамъ не нужно никакихъ денегъ; совершенно лишнее, чтобы вы ихъ выписывали изъ Хартума!» Послѣ этого онъ разорвалъ выданныя имъ бумаги и велѣлъ выставить новые документы, въ которыхъ значилось, что Юнкеръ для себя и для своихъ ближайшихъ провожатыхъ можетъ пользоваться безвозмездно всѣмъ, что ему понадобится, начиная съ дурры и кончая носильщиками. Нечего и говоритъ о томъ, какъ счастливъ былъ Юнкеръ, получивъ подобное, совершенно неожиданное, разрѣшеніе. Наконецъ, Гордонъ снабдилъ его еще варбургской противолихорадочною тинктурою, которую ему пришлось извлечь изъ обитаго желѣзомъ ящичка. Надъ раскупоркою этого ящичка оба собесѣдника трудились въ потѣ лица своего минутъ съ двадцать.

Тинктура пришлась кстати, такъ какъ Юнкеръ въ ту же ночь заболѣлъ лихорадкою. Болѣзненное состояніе его, сопровождаемое безсонницею, тянулось безъ замѣтнаго перерыва день и ночь вплоть до прибытія въ Ладо. Коппъ также схватилъ лихорадку, но у него припадки повторялись черезъ каждые два дня, заканчиваясь продолжительнымъ сномъ. Путь до станціи Собатъ былъ уже извѣстенъ Юнкеру. За этою станціею слѣдовала безконечная низменность, по которой извивалась рѣка. По обѣ стороны

ея высокою стѣною стояли заросли олипъ-суфа (Vossia procera), затѣмъ пошли заросли папируса (Cyperus papyrus L.); послѣднія мѣстами образовали небольшія барры, черезъ которыя пароходу приходилось прорываться. Станціи частью были основаны Гордономъ, частью оказывались серибами, выкупленными правительствомъ у землевладѣльцевъ. Поселенія туземцевъ въ этомъ краѣ ничтожны и отношеніе ихъ къ нубійцамъ настолько враждебно, что послѣдніе всегда опасаются нападенія негровъ и возмездія за свои постоянные грабежи. Юнкеру, между прочимъ, пришлось быть свидѣтелемъ ложной тревоги на станціи Боръ, гдѣ изъ за какой-то мелкой ссоры солдатъ съ неграми, изъ серибы выступили всѣ вооруженные люди и даны были даже выстрѣлы изъ пушекъ. Гарнизонъ особенно разсчитывалъ на эффектъ этихъ выстрѣловъ, такъ какъ извѣстно, что негры ихъ чрезвычайно боятся. Однажды они въ числѣ 10,000 отступили отъ Фашоды, когда по нимъ открыта была пальба изъ пушекъ. На всякій случай на пароходѣ была разставлена ночная стража, чрезвычайно досаждавшая нашему путнику пере-

Cyperus papyrus L.

кличкою. Въ двухъ шагахъ отъ его каюты стоялъ № 4, время отъ времени выкрикивавшій свое протяжное: a — árba, такъ какъ на востокѣ часовые выкликаютъ свои номера.

Мудиръ станціи пожелалъ воспользоваться присутствіемъ парохода, чтобы произвести «газве», т. е. набѣгъ на туземцевъ въ наказаніе за ихъ грабежи. Пароходъ высадилъ человѣкъ 50 солдатъ. Вскорѣ на берегу раздались учащенные выстрѣлы. Минутъ черезъ 20 побѣдоносное войско уже возвратилось; оно успѣло напасть на деревушку и забрать въ плѣнъ женщинъ, дѣтей и тѣхъ мужчинъ, которые не успѣли бѣжать. Плѣнники нагружены были захваченными у нихъ же запасами дурры. Юнкеру, остававшемуся на пароходѣ, удалось при этомъ пріобрѣсти кое-какія украшенія негровъ и т. п. мелочь. За станціею Боръ деревушки съ низкими кругленькими хижинами, крытыми коническою соломенною крышею, стали попадаться чаще. Жители ихъ, при приближеніи парохода, быстро скрывались.

Въ Ладо «Измаилія» прибыла на 17 день путешествія, сдѣлавъ такимъ образомъ по 95 километровъ въ сутки. Юнкеръ познакомился здѣсь съ знаменитымъ изслѣдователемъ Африки докторомъ Эминомъ, бесѣда съ которымъ ему доставила истинное наслажденіе. Юнкеръ говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ, высоко просвѣщенномъ и крайне любезномъ. Кстати замѣтить, Эминъ, бывшій въ это время правительственнымъ врачомъ, владѣлъ едва-ли не всѣми языками и нарѣчіями, сколько нибудь употребительными въ странахъ магометанскихъ. Въ настоящее время онъ возвращался въ Хартумъ изъ дипломатической поѣздки къ Мтезѣ, владѣтелю Уганды. Въ виду того, что съ «Измаиліей» прибыло множество чиновниковъ и писцовъ, въ серибѣ не хватило квартиръ и Юнкеру вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими пассажирами пришлось предварительно оставаться на пароходѣ. Уѣзжая изъ Ладо, Эминъ

любезно уступилъ ему свою хижину. Съ переходомъ въ нее Юнкеръ освободился отъ лихорадки. У Коппа, однако, лихорадка продолжалась, а у Эберле появился гвинейскій червь (Filaria medinensis), благодаря чему ему пришлось слечь въ постель; въ концѣ концовъ заболѣлъ даже одинъ изъ арабскихъ слугъ. Юнкеру, такимъ образомъ, приходилось только радоваться тому, что караванъ, долженствовавшій направиться въ страну Макарака, все еще медлилъ прибытіемъ. По совѣту Гесси, онъ намѣревался примкнуть къ этому каравану.

Сериба Ладо.

Ладо—относительно новая станція, замѣнившая года за два до прибытія Юнкера, прежнюю станцію Гондокоро, которая, благодаря постепенному отступанію отъ нея главнаго потока, очутилась въ болотистой и крайне нездоровой мѣстности. Ладо, напротивъ того, отличается прекраснымъ климатомъ и стоитъ среди лѣсковъ и кустарника на крутомъ, подверженномъ постояннымъ размывамъ берегу Бахръ-эл-Джебеля. За серибою, мало отличающейся отъ прочихъ крупныхъ станцій, берегъ понижается; здѣсь въ небольшой бухтѣ женщины и дѣвушки черпаютъ воду. Онѣ въ общемъ далеко не такъ привлекательны, какъ молодыя фелашки, но все-же до извѣстной степени напоминаютъ ихъ своею посадкою, пріобрѣтаемою благо-

даря тому, что онѣ носятъ тяжелые глиняные сосуды съ водою на головѣ. Тутъ же, не далѣе какъ въ 3—4 шагахъ отъ берега, плескается и шумитъ ватага мальчишекъ. Тѣмъ не менѣе, къ купающимся иногда пробираются крокодилы. Юнкеру пришлось помочь мальчугану, которому почти на его глазахъ перекусана была рука нѣсколько ниже локтевого сочлененія; челюсти крокодила оказались до такой степени сильными, что рана представлялась совершенно гладкою и послѣдующаго кровотеченія почти не было.

Пользуясь невольнымъ досугомъ своимъ, Юнкеръ пытался завязать сношенія съ неграми бари, но и тутъ не имѣлъ особаго успѣха. Отношенія этихъ негровъ, бѣдныхъ скотоводовъ, къ обитателямъ станціи были таковы, что они не только не выучились арабскому языку, но даже не усвоили себѣ никакихъ новыхъ потребностей. Совершенно иныя отношенія установились между бари и католическими миссіонерами въ Гондокоро, которые съумѣли ихъ привлечь къ себѣ и даже поднять до извѣстной степени.

Бари принадлежатъ къ той обширной группѣ негрскихъ племенъ, которыя отличаются сравнительно длинными нижними конечностями. Въ виду этого ихъ неоднократно сравнивали съ болотными птицами, и это сравненіе тѣмъ болѣе удачно, что среди нихъ чрезвычайно развита привычка стоять на одной ногѣ, приложивъ къ ней другую подошвою. Племена эти населяютъ болотистые и подверженные ежегоднымъ наводненіямъ берега Бахръ-эл-Абіада и его притоковъ. Главные представители ихъ нуеры, различныя племена динка и, наконецъ, весьма многочисленные и также распадающіеся на отдѣльныя племена бари; повидимому, къ этой же обширной группѣ должны быть причислены и шиллуки.

Въ серибѣ постоянно слонялись долговязые бари съ длинною палкою и маленькою скамеечкою въ рукахъ. Они

только и умѣли, что показывать на свой животъ, заявляя этимъ способомъ, что они очень голодны. У мужчинъ мускулатура слабо развита; среди женщинъ встрѣчаются упитанныя фигуры средняго роста. Окраска кожи ихъ темная, черновато-коричневая; женщины, впрочемъ, окрашиваютъ себя въ красную краску; то же дѣлаютъ и иные мужчины. Глаза у нихъ темные, черепъ длинный, лобъ низкій, затылокъ сильно развитъ въ верхней части, скулы нѣсколько выдающіяся, ротъ большой, губы толстыя, передніе зубы въ нижней челюсти выбиты, по крайней мѣрѣ, у многихъ; черные курчавые волосы свои, лишенные блеска, мужчины сбриваютъ, оставляя лишь широкую полосу на затылкѣ и темени; женщины брѣютъ всю голову. Мужчины ходятъ почти голыми; они украшаются поясомъ изъ ракушекъ, отшлифованныхъ въ тонкія пластинки, ожерельями изъ зубовъ домашнихъ животныхъ, среди которыхъ встрѣчаются, однако, и зубы львовъ, и многочисленными кольцами и браслетами изъ желѣза и слоновой кости; голову свою они украшаютъ уборомъ изъ черныхъ перьевъ, придающихъ имъ воинственный видъ. Женщины замужнія носятъ спереди и сзади по переднику изъ козьей шкурки, окрашенной въ красный цвѣтъ; у молодыхъ женщинъ встрѣчается нѣчто въ родѣ упомянутаго уже «рагата»; у дѣвушекъ же къ этому рагату привязывается сзади густая кисть, подпрыгивающая и раскачивающаяся въ видѣ хвоста при малѣйшемъ движеніи ихъ; встрѣчается, наконецъ, и третій видъ рагата для дѣтей; рагатъ этотъ состоитъ изъ мелкихъ желѣзныхъ цѣпочекъ, гремящихъ самымъ воинственнымъ образомъ при ходьбѣ.

26 ноября прибыла первая часть каравана, направлявшагося въ страну Макарака, являющуюся житницею для Хартума. Люди эти, за неимѣніемъ свободныхъ помѣщеній должны были соорудить себѣ новыя жилища близъ города. Съ появленіемъ ихъ въ Ладо стало еще шумнѣе. Дѣйствительно, по оживленности своей негрскія поселенія

рѣзко отличаются отъ мертвенныхъ по тишинѣ мѣстечекъ въ Тунисѣ и нубійскомъ Суданѣ. Относительно тихо еще въ тѣ утренніе часы, послѣ того какъ многочисленный скотъ, загоняемый на ночь въ близъ-лежащіе краалы, уже выпущенъ въ поле. Но вотъ внезапно раздаются невыносимо крикливые голоса ссорящихся бабъ: какая-то хозяйка разъясняетъ самымъ возбужденнымъ то-

Рагаты, скамеечка и ножъ племени бари.

номъ своей прислугѣ, что та въ сущности ничто иное, какъ самая безнадежная негодяйка. Дополняя свои краснорѣчивыя слова, она вытянула изъ боковыхъ стѣнокъ своей хижинки порядочную камышовую палку и, какъ можно догадаться по голосамъ и звукамъ, успѣла пустить ее въ дѣло. Лишь только она замолкнетъ, какъ сосѣдка ея, не желая уронить своей репутаціи рачительной хозяйки, начинаетъ у себя ту же возню. Въ другомъ углу серибы раздаются отчаянные вопли ребенка, очевидно нуждающагося въ строгихъ мѣрахъ для своего воспитанія, а тамъ ре-

ветъ благимъ матомъ младенецъ, призывая къ себѣ исчезнувшую мать-кормилицу. Въ продолженіе всего дня на улицѣ шумятъ и кричатъ мальчуганы, пріучая себя, не хуже спартанцевъ, ударами камыша къ неизбѣжному въ будущемъ кнуту. Въ то же время гогочатъ и клохтаютъ куры, индюки и прочая живность, блеятъ и кричатъ оставленныя по какой либо причинѣ дома овцы и козы и надъ всѣмъ этимъ гамомъ и крикомъ стономъ стоятъ звуки трубъ гарнизона: это трубачи разучиваютъ гаммы... Вотъ какова обыденная тишина въ серибѣ! Вечеромъ-непремѣнно празднества: монотонные и немелодичные напѣвы, сопровождаемые глухимъ боемъ барабана, прерываются по временамъ громкимъ взвизгиваніемъ цѣлаго легіона женщинъ, берущихъ высочайшимъ фальцетомъ нѣчто въ родѣ трели. Это называется «сагаритъ». Вотъ звуки мѣняются; раздается ревъ и шумъ возвращающихся стадъ. Наступаетъ ночь, но и теперь нѣтъ покоя: по крышамъ и заборамъ гоняются другъ за другомъ мяукающія кошки, часовые протяжно выкликаютъ свои номера, въ далекихъ зарослякъ раздается шумное фырканье и хрюканье гиппопотама и, наконецъ, какой-то несчастный любитель музыки бьетъ свою «дарабукку», свой барабанъ и тихо напѣваетъ монотонную пѣсеньку. Загорается заря, свѣтаетъ, а музыкантъ все не унимается...

Съ прибытіемъ каравана, въ составъ котораго, помимо негровъ макарака, входило много донколанъ, нестроевыхъ солдатъ, сериба Лаго, какъ мы уже говорили, стала еще шумнѣе. У пришельцевъ нашлись добрые пріятели, съ которыми они пировали каждый вечеръ. Негры макарака отличаются отъ бари большею живостью и воспріимчивостью къ культурнымъ удобствамъ. Они цѣлые дни бродили по рынку, предлагая дурру, красный перецъ, сезамъ и т. п. въ обмѣнъ на матеріи; часто они заходили къ Юнкеру, который ихъ охотно угощалъ водкою, вступалъ съ ними въ обмѣнъ и дѣлалъ надъ ними различныя на-

блюденія. Однажды ему пришлось показать имъ прекрасное изданіе Швейнфурта «Artes africanae», въ которомъ изображены различныя произведенія негрскаго искусства. Атласъ этотъ привелъ негровъ въ такой восторгъ, что вождь ихъ явился на другой день съ двумя своими женами, чтобы и имъ, въ свою очередь, показать дивную книгу. Съ величайшимъ самодовольствіемъ объяснялъ онъ имъ рисунки, причемъ изображенныя копья, щиты и хижины, удивительнымъ образомъ, оказывались его собственными. Женщины смотрѣли на книгу съ благоговѣніемъ, но и не безъ опаски, такъ какъ очевидно было, что тутъ дѣло не чисто. Въ общемъ нямъ-нямы, къ которымъ принадлежатъ макарака, мангбатту, племена банту, ваньоро и ваганда, обнаруживаютъ поразительное чутье къ пластическимъ формамъ и художественнымъ изображеніямъ. Въ этомъ отношеніи они выгодно отличаются отъ арабовъ и египтянъ.

Негръ макарака.

По внѣшнему виду своему макарака меньшаго роста, но за то плотнѣе сложены, чѣмъ бари; среди нихъ нерѣдко встрѣчаются геркулесовскія фигуры, отличающіяся эластическою походкою. По окраскѣ кожи эти коричневато-красноватые люди также свѣтлѣе бари. Лица у нихъ довольно красивыя, несмотря на выдающіяся скулы и широкіе носы; ротъ не слишкомъ великъ и губы не особенно толсты, глаза темные и блестящіе и часто довольно большіе, лобъ низкій, черные курчавые волосы заплетены въ множество тонкихъ косичекъ, борода довольно скудная, заостряется книзу и нерѣдко продѣвается черезъ желѣзное кольцо или удлиняется привѣшенною небольшею дощечкою. Женщины довольно красивы, отличаются маленькими руками, ногами и дѣтски-невиннымъ выраженіемъ большихъ глазъ. Въ отличіе отъ бари у макарака мужчины носятъ платокъ вокругъ бедеръ, а женщины ограничиваются вѣткою свѣжей листвы. Необходимо, наконецъ, замѣтить, что макарака отличаются большою чистоплотностью и въ свободную минуту всегда заняты убранствомъ своей персоны; между прочимъ они тщательно чистятъ свои ногти.

Въ противоположность правовѣрнымъ магометанамъ, у которыхъ пляска считается дѣломъ недостойнымъ и дѣйствительно является таковымъ, по самому сюжету своему; у негровъ въ пляскѣ участвуютъ всѣ отъ мала до велика подъ предводительствомъ самого вождя племени. Танцующіе образуютъ полукругъ вокругъ музыки, состоящей изъ большихъ барабановъ и трубъ, изготовленныхъ изъ тыквъ и достигающихъ иногда длины чуть-ли не въ два метра, слегка склоняютъ корпусъ впередъ и двигаютъ вытянутыми руками, какъ будто-бы выливаютъ какую нибудь посуду; при этомъ они по знаку вождя то семенятъ ногами, то переступаютъ ими; затѣмъ движенія ихъ учащаются, внезапно они поворачиваются такимъ образомъ, что уже слѣдуютъ гуськомъ другъ за дру-

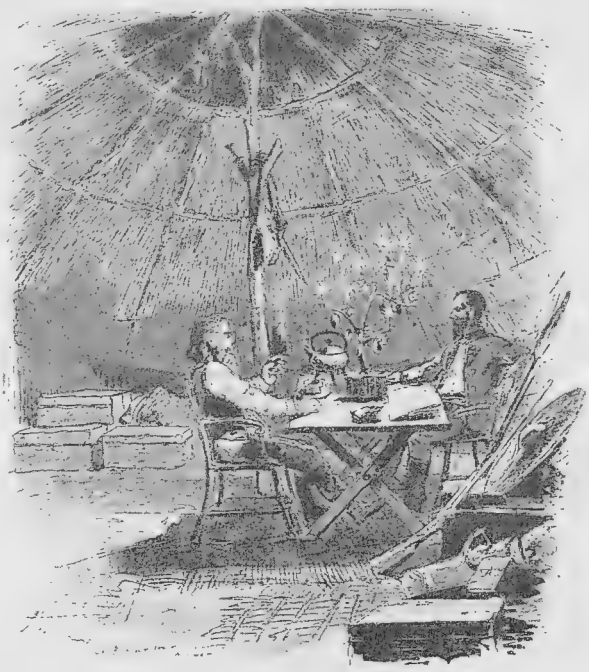
тип. ед. гопре

Танецъ негровъ-макарака.

гомъ и скачутъ, и прыгаютъ цѣлые часы до поздней ночи.

Явившіеся съ макарака бомбе выполнили въ честь путешественника военную пѣсню. Вождь ихъ пѣлъ речитативомъ какія-то слова, а хоръ ихъ повторялъ, прикрываясь щитами и поражая копьями невидимаго врага.

Наступилъ декабрь 1876 года. Эберле все еще тяжко страдалъ отъ Filariae medinensis; замѣчательно, что у суданцевъ эта болѣзнь протекаетъ во многихъ случаяхъ относительно легко. Точно также болѣлъ небольшой негрскій мальчикъ, котораго Юнкеръ однажды купилъ за пять талеровъ у солдата макарака, страшно истязавшаго ребенка и заставлявшаго его между прочимъ тащить за собою тяжелое ружье и корзину съ съѣстными припасами. Мальчикъ вскорѣ оправился и сталъ отличнымъ слугою для Юнкера. 3 декабря прибыла почта изъ Европы и вмѣстѣ съ тѣмъ пропускъ въ Даръ-форъ подъ условіемъ выждать возвращенія Измаила-Эюба въ Хартумѣ. Юнкеръ, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ продолжать путь въ Макарака. Однако, ему пришлось провести Рождество въ Ладо. Вспоминая о далекихъ родныхъ своихъ, Юнкеръ и



Елка въ Ладо.

Коппъ устроили себѣ елку, посадивъ вѣтку акаціи въ ящикъ съ землею и украсивъ ее восковыми спичками. Но недолго продолжалось это удовольствіе. Черезъ какія нибудь двѣ минуты мрачная и бѣдная соломенная хижина ихъ опять озарялась только слабымъ свѣтомъ фонаря.

22 января 1877 года караванъ, состоящій изъ 1200 человѣкъ подъ предводительствомъ старшаго мудира изъ Ванди Бахитъ-Аги и мудира изъ Кабаенди Фадлъ-Алы покинулъ Ладо. Караванъ этотъ составленъ былъ изъ представителей самыхъ различныхъ народовъ и представлялъ собою чрезвычайно пеструю картину; тутъ были и приземистые макарака, выдававшіеся своею свѣтлою кожею и замысловатою прическою, и долговязые голые бари, вымазанные золою, и ніамбара, которыхъ можно отличить по татуировкѣ точками на лбу и на вискахъ, и мору, имѣющіе на вискахъ татуировку въ видѣ гусинаго пера; вотъ и женщины: жены и рабыни чиновниковъ съ волосами, упитанными масломъ и жиромъ, въ грязныхъ тканяхъ, но за то увѣшанныя украшеніями; африканскія красавицы эти чрезвычайно боялись ослика Юнкера и при приближеніи его пугливо отскакивали въ сторону. Среди прочихъ женщинъ особенно выдавались своими бритыми головами толстыя бари, окрашенныя въ красную краску, ніамбара съ широкимъ оттопыривающимся поясомъ въ родѣ юбки изъ травы и кварцовыми вставками въ губахъ; такими же вставками отличались женщины мору и мунду. Караванъ шелъ отдѣльными отрядами большей частью гуськомъ, растянувшись, по крайней мѣрѣ, на часъ пути. Передніе отряды, останавливаясь на привалѣ, пропускали задніе, и въ свою очередь перегоняли ихъ, когда тѣ отдыхали. Впереди отряда несли знамя, украшенное полумѣсяцемъ; позади шли солдаты, подгоняя отставшихъ и больныхъ кнутомъ. Особенно многочисленна была подобнаго рода стража въ арріергардѣ, стоящемъ подъ командою Фадлъ-

тип. вд. гоппе.

Караванъ въ пути.

Аллы. Носильщики нагружены были грузомъ фунтовъ въ 60—75; они держали его на головѣ на круглой подушечкѣ изъ листьевъ или травы. Въ рукахъ они имѣли копья, а по утрамъ зачастую и горящую головню, которою они старались согрѣться на утреннемъ холодкѣ. Шли они относительно быстро, дѣлая по 6 километровъ въ часъ. Жалости достойны были такъ называемые «ньеркуки», мальчики отъ 6—10 лѣтъ, тащившіе оружіе и запасы солдатъ. У многихъ женщинъ были привязаны на спинѣ младенцы, головки которыхъ при ходьбѣ болтались безъ всякой поддержки въ разныя стороны и подвергались знойнымъ лучамъ солнца. Нѣкоторыя матери, впрочемъ, догадались устроить имъ родъ навѣса изъ шкуръ животныхъ.

Ночной привалъ представлялъ весьма оригинальную картину: оцѣпленный часовыми лагерь располагался тѣснымъ кругомъ, зажигались многочисленные огни и готовилась пища. Но что это была за пища! негры далеко неприхотливы по части пропитанія; случалось, что макарака чуть не дрались изъ за содержимаго желудка быка, которое они, какъ величайшее лакомство, выгребали пригоршнями. Вокругъ костровъ усаживаются вѣчно веселые негры и заводятъ оживленную бесѣду. Они громко кричатъ: свѣжему человѣку можетъ показаться, что они страшно ссорятся; однако-же они въ наилучшемъ настроеніи духа и то и дѣло хохочатъ. Смѣются негры какъ то странно, не по-европейски, растягивая послѣдній звукъ хохота. Часамъ къ 9 бьютъ зорю. Негры укладываются спать, прикрываясь въ случаѣ дождя листьями и вѣтвями. Для начальствующихъ лицъ и даже для солдатъ сооружаются изъ вѣтвей и травы прекрасные шалаши, увѣнчанные широко раздвинутымъ во всѣ стороны снопомъ. Утромъ на зарѣ раздаются сигналы барабана и трубъ, и лагерь быстро снимается. Пропитаніе свое вся эта масса народа добывала главнымъ образомъ грабежомъ, пользуясь тѣмъ, что вы-

веденные изъ терпѣнія негры подчасъ отказываютъ въ повиновеніи египетскимъ властямъ. Юнкеру неоднократно приходилось быть свидѣтелемъ самыхъ возмутительныхъ сценъ насилія. Понятно, что жители покидали свои поселенія при приближеніи каравана и по мѣрѣ силъ мстили тѣмъ участникамъ грабежа, которые попадались имъ въ руки. Какъ-то разъ больной носильщикъ задремалъ въ негрской хижинѣ и прозѣвалъ отходъ каравана. Онъ едва спасся отъ туземцевъ, которые нанесли ему большую рану въ животъ. Когда онъ прибылъ къ каравану, у него изъ этой раны вывалились внутренности. Но, такова живучесть и выносливость негра! Внутренности ему вправили, и раненый не только продолжалъ путь, но черезъ нѣсколько дней уже былъ въ состояніи таскать воду.

Путь, по которому двигался караванъ, пролегаетъ по мѣстности, относительно населенной и воздѣланной. Лучшимъ украшеніемъ ея являются группы деревьевъ и просторныя рощи, удачно называемыя «парковыми лѣсами». Мѣстность эта холмистая; мѣстами даже встрѣчаются довольно значительныя возвышенности, а вдали синѣютъ горы Ніамбара. Караванъ неоднократно пересѣкалъ сухія русла рѣкъ. Мѣстами паркъ смѣнялся низкорослымъ кустарникомъ и здѣсь чувствовался недостатокъ тѣни. Тѣмъ не менѣе область кустарника была чрезвычайно оживлена птицами, среди которыхъ попадалось въ особенности много горлицъ, Turtur semitorquatus, и астрильдовъ. Тамъ и сямъ разбросаны были деревушки негровъ-бари и плантаціи, обнесенныя заборомъ изъ эйфорбій, благодаря чему онѣ пріобрѣтали довольно аккуратный видъ; табачныя плантаціи, очевидно, пользовались особенно тщательнымъ уходомъ, такъ какъ онѣ были покрыты сухимъ валежникомъ. Участниковъ каравана, впрочемъ, болѣе всего привлекали такъ называемыя «гугу», небольшіе амбарчики на сваяхъ, въ которыхъ сохранялись запасы бѣдныхъ

тип. эд. гоппе

Сериба Ніамбара.

негровъ. Горная группа Мире высылаетъ къ сѣверу живописныя скалы Бериффа. Вслѣдъ за переваломъ, ведущимъ черезъ отроги Бериффа, открывается чудный видъ на холмистую плодородную страну, на отдѣльныя скалы и высоты, на горы Мире и Рего...

«Гугу» — амбаръ.

27 января караванъ вступилъ въ серибу Ніамбара. Поселеніе это обнесено деревяннымъ заборомъ; хижины его возведены не изъ камыша, котораго тутъ нѣтъ, а изъ твердыхъ деревянистыхъ травъ. Негры ніамбара походятъ на бари, представляя, однако, нѣкоторый переходъ къ болѣе мелкимъ, хотя и крѣпкимъ народамъ а-занде. Это скотоводы-земледѣльцы, умѣющіе въ случаѣ нужды постоять за себя. Въ горныхъ ущельяхъ они скрываютъ свои стада и запасы и защищаютъ ихъ отъ враговъ отравленными стрѣлами и каменьями. Однако, и среди нихъ господствуютъ постоянные раздоры, которыми нубійцы умѣло пользуются. Ніамбара носятъ волосы длиннѣе, чѣмъ бари; женщины брѣютъ

волосы только на нижней окружности черепа; онѣ носятъ густые пояса изъ листвы и украшаются длинными цѣпями каури и бусъ, металлическими кольцами, браслетами, кистями и, наконецъ, кусками кварца, всаженными въ губы. О татуировкѣ мужчинъ мы уже говорили выше.

Появленіе каравана тѣмъ сильнѣе отозвалось на благосостояніи ніамбара, что число голодныхъ и алчныхъ значительно увеличилось съ появленіемъ Атруша-Аги, который примкнулъ къ каравану съ 2000 макарака и 100 донколанами. Грабежи, однако, шли такъ успѣшно, что караванъ черезъ двѣ недѣли двинулся въ путь. По дорогѣ Юнкеръ совершилъ небольшую экскурсію къ горячимъ источникамъ Риллькъ, лежащимъ въ живописной горной мѣстности и имѣющимъ температуру въ 50° С. Дальнѣйшій путь пролегалъ по мѣстности холмистой, покрытой деревьями съ кожистою крѣпкою листвою, и болѣе щедро орошенною, чѣмъ страна ніамбара. Потоки этой области изливаются частью въ хоръ Бибе, частью же въ рѣку Ей. Переправа черезъ послѣднюю рѣку, отличающуюся здѣсь не особенно значительною глубиною и шириною, но за то крайне быстрымъ теченіемъ, совершена была не безъ труда. Берега рѣки покрыты роскошнѣйшею растительностью, напоминающей береговые лѣса Голубого Нила. 16 февраля 1877 года караванъ прибылъ въ серибу Ванди, столицу провинціи Макарака.

Скамья а-занде.

ГЛАВА IV.

Макарака. Кабаенди. Бахръ-эл-Газаль. Калика.

Недостатки египетской администраціи. — Торговля невольниками. — Ванди. — Кабаенди. — Экспедиція къ племенамъ абуқая и мунду. — Погребеніе живыхъ людей. Способы погребенія мертвыхъ. — Истребленіе слоновъ. — Экспедиція къ племенамъ бомбе, абака и макарака. — Особенности языка. — Суевѣрія. — Парики во вкусѣ Людовика XIV. — Смерть Коппа и Фадлъ-Алы. — Празднества Бахита-Аги. — Танцы мору. — Сиберъ-паша и сынъ его Солиманъ — Рѣка Роль. — Есть ли у негровъ чутье къ красотамъ природы? — Станція Румбекъ — Рѣки: Джау, Тонджъ и Вау. — Станція Джуръ-Гаттасъ. — Ибрагимъ Фаузи. — Ораторы а-занде. — Куриный оракулъ. — Горы Силеи. — Набѣгъ на страну Калика. — Водораздѣлъ Нила и Конго. — Возвращеніе въ Европу — Свиданіе съ Эминомъ, Джесси и Гордономъ.

Долговременное пребываніе въ области Макарака и обширныя экскурсіи по сосѣднимъ областямъ дали Юнкеру возможность ближе присмотрѣться ко всѣмъ особенностямъ египетской администраціи.

Область Макарака раздѣлена была на округи безъ всякаго соотношенія къ крайне пестрому населенію ея. Къ довершенію всего это административное раздѣленіе подвергалось постояннымъ перемѣнамъ. Безъ особаго разбора набираются и точно также постоянно смѣняются администраторы. Мудиръ Ванди, упомянутый уже Бахитъ-Ага, отнюдь не заслуживалъ довѣрія и имѣлъ довольно бурное прошлое. Негръ родомъ, онъ служилъ когда-то у англійскаго консула Петерика въ Хартумѣ, затѣмъ сражался подъ начальствомъ Базена въ египетскомъ отрядѣ въ Мехикѣ, участвовалъ въ походѣ Бекера въ Верхнемъ Египтѣ и, благодаря ему, попалъ въ администраторы. Въ мудиры назначилъ его Гордонъ-паша. Помощникъ его

Атрушъ-Ага, хотя и былъ по происхожденію водоносомъ изъ Хартума и, по части поощренія торговли невольниками и разныхъ вымогательствъ, вполнѣ достоенъ своего начальника, все же считалъ себя, какъ настоящаго турка, несравненно выше его и постоянно жаловался на Бахита Юнкеру.

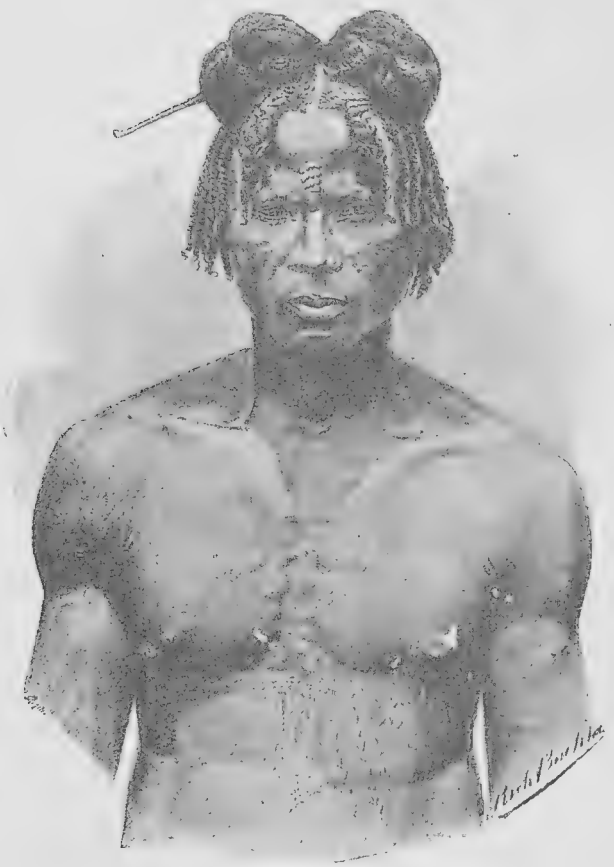
По самому существу своему египетская администрація немыслима безъ всевозможныхъ вымогательствъ, обмановъ, безъ грабежа негровъ, и, наконецъ, безъ невольничества. Правительство платило своимъ чиновникамъ жалованье крайне неаккуратно; на дальнихъ станціяхъ служащіе оставались безъ вознагражденія цѣлые годы. Помимо того, часть жалованья выдавалась натурою, предметами потребленія, одеждою, товарами для обмѣна съ неграми и т. д.

Всѣ эти предметы обходились служащимъ не только выше рыночной цѣны въ Хартумѣ, но и доставлялись въ недостаточномъ количествѣ. Правительство всегда оставалось въ долгу у своихъ служащихъ и нуждалось для веденія своихъ сложныхъ счетовъ и разсчетовъ съ ними въ цѣлой арміи писцовъ, оказывавшихся столь же доступными для подкупа, какъ и любой изъ мелкихъ чиновниковъ. Писцовъ этихъ было множество въ Ладо́, на каждой станціи служило отъ 4—5 человѣкъ; они сопровождали каждый пароходъ, а начальникъ ихъ, башъ-кутабъ, считался въ Хартумѣ одной изъ важнѣйшихъ персонъ на ряду съ генералъ-губернаторомъ. Побуждаемые нуждою, а съ другой стороны, почти полною безотчетностью на практикѣ, не смотря на всю сложную отчетность на бумагѣ, чиновники произвольно увеличивали поборы, которыми обложены были негры, или даже грабили туземцевъ, оправдываясь въ случаѣ нужды тѣмъ, что они усмиряли и устрашали бунтовщиковъ. Въ программу этихъ египетскихъ дѣятелей, поэтому, отнюдь не входило умиротвореніе края, такъ какъ съ мирными племенами

участвовало 50 человѣкъ бомбе, которые присоединились только какъ войны, такъ какъ они никогда не служатъ носильщиками. Бахитъ-Ага захватилъ съ собою 40 негрскихъ мальчиковъ и трехъ красивыхъ невольницъ, чтобы продать ихъ въ Ладо; когда же Юнкеръ попросилъ снабдить его слугою, такъ какъ больного Коппа съ нѣкоторыми слугами пришлось оставить въ серибѣ, то Бахитъ ему рѣшительно отказалъ. Дѣло въ томъ, что въ серибѣ нельзя было нанять слугъ, а существовали одни только рабы. Оффиціально признать это обстоятельство передъ человѣкомъ, знакомымъ съ губернаторомъ, казалось мудиру слишкомъ опаснымъ.

Слоновъ били прежде только ради мяса и сала, затѣмъ ихъ стали истреблять массами ради кости. Обыкновенно ихъ ловятъ въ ямахъ. Юнкеру пришлось, впрочемъ, встрѣтить однажды въ глухомъ лѣсу негра, вооруженнаго громаднымъ копьемъ съ остріемъ въ 10 — 12 сант. ширины; остріе это было наточено какъ бритва и прикрыто плотнымъ кожанымъ чехломъ. Человѣкъ этотъ въ сопровожденіи мальчугана шелъ на слоновъ. Подобнаго рода копья постоянно употребляются въ Уньоро и Буганда. Въ прежнее время страна макарака давала много слоновой кости; слоновъ здѣсь убивалось до 500 въ годъ, нынѣ бьютъ только около 10 штукъ. Болѣе всего слоновой кости добывается въ странѣ калика и у нямъ-нямовъ. Отличаютъ шесть сортовъ слоновой кости; лучшіе изъ нихъ, дамиръ, имѣютъ 10 футовъ длины и такъ тяжелы, что ихъ поочередно носятъ отъ 4—6 человѣкъ носильщиковъ. Въ теченіе 20 лѣтъ отъ 1857—1876 г. ежегодно ввозилось въ Европу 614,000 килограммъ слоновой кости, около 100,000 въ Индію, около 60,000 въ Америку. Чтобы получить такую массу слоновой кости, необходимо было истребить по крайней мѣрѣ 51,000 слоновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти умныя животныя со временемъ совершенно исчезнутъ съ лица земли ради тѣхъ бильярдныхъ

шаровъ, ручекъ для зонтиковъ, клавишей и различныхъ бездѣлушекъ, которые приготовляются изъ ихъ бивней. Не слѣдуетъ, однако, забывать и того, сколько крови, несчастій и безисходнаго отчаянія навлекла эта слоновая кость на Африку, притягивая цѣлыя толпы алчныхъ арабовъ и европейцевъ.



Бомбе (а-занде).

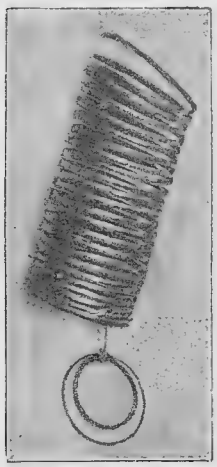
Къ этимъ иноземнымъ хищникамъ присоединяются, однако, при случаѣ и туземцы, нисколько не уступая имъ въ жестокости. Такъ Юнкеру привелось въ Кабаенди познакомиться съ нѣкіимъ Рингіо, упоминаемымъ уже у Швейнфурта. Это былъ братъ вождя азанде Индимма. Не смотря на свое высокое происхожденіе, онъ сталъ ренегатомъ и служилъ владѣльцамъ серибъ, египетскому правительству и европейцамъ, обдѣлывая въ это время въ свою пользу различныя дѣлишки. Въ рукахъ его въ концѣ концовъ сосредоточились всѣ сношенія съ народомъ по сбору податей хлѣба, слоновой кости, и т. д. Это былъ

хитрый малый, лѣтъ сорока. Онъ обладалъ прекраснымъ жилищемъ и богатою коллекціею такъ называемыхъ «антиковъ», какъ здѣсь принято называть не только древности, но и всякаго рода предметы, касающіеся туземцовъ. Характерно для этого бывалаго человѣка, знающаго, что съ европейцевъ можно получать деньги, было то, что онъ не показывалъ Юнкеру своей коллекціи и точно также уклончиво выражался на счетъ положенія горы Багинзе, до которой нашему путешественнику, въ видахъ пополненія его карты, необходимо было проникнуть.

Вторая экскурсія Юнкера изъ Кабаенди продолжалась до 20 дней и направлена была къ племенамъ бомбе и абака. Путь пролегалъ по странѣ положительно прекрасной; въ особенности хороши были здѣсь лѣса на берегахъ рѣкъ. Вотъ, что говоритъ нашъ путешественникъ о берегахъ Аира: «Грандіозная роскошная растительность, обиліе и разнообразіе травъ и деревъ и вся эта картина неожиданныхъ красотъ, напоминающихъ какую-то чарующую сказку, трудно поддаются описанію, и я готовъ даже усомниться въ томъ, чтобъ лучшему художнику удалось передать всю прелесть этихъ чудныхъ уголковъ, погруженныхъ въ таинственную зеленую полутьму».

Къ сожалѣнію, проза неразлучна съ поэзіею и Юнкеру приходилось убѣждаться въ томъ, что переходъ чрезъ эти живописныя и многочисленныя рѣчонки былъ крайне затруднителенъ. Къ этому присоединились частые дожди, недостатокъ провіанта, недостатокъ проводниковъ, докучливые негры, просящіе водки, припадки лихорадки, сыпи и т. п. прелести африканскаго путешествія. Но всѣ эти непріятности увѣнчались тѣмъ, что Рингіо направилъ путешественника по ложной дорогѣ, а вождь племени абака Анзея, который долженъ былъ дать ближайшія указанія на счетъ пути, отозвался тѣмъ, что будто бы никогда не слыхалъ о горѣ Багинзе. Желая расположить его къ себѣ, Юнкеръ угостилъ его водкою и велѣлъ ему

призвать своихъ женъ, намѣреваясь ихъ одарить бусами. Онѣ быстро стали собираться. Вскорѣ ихъ набралось штукъ десять; черезъ нѣсколько минутъ Юнкеръ уже насчиталъ ихъ двадцать, затѣмъ тридцать, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ собирались все новыя жены. Растерявшійся путешественникъ поспѣшилъ передать кучу бусъ счастливому супругу этихъ дамъ, предоставивъ ему лично распредѣлить подарки. Женщины эти носили въ верхней губѣ по кусочку прозрачнаго кварца. Величина этихъ кусковъ увеличивается соразмѣрно съ возрастомъ женщины; нѣкоторыя изъ нихъ носили куски въ 45 милиметровъ длины и 25 толщины. На шеѣ онѣ имѣли по четыре широкихъ и плоскихъ желѣзныхъ кольца и затѣмъ множество желѣзныхъ и мѣдныхъ колецъ на рукахъ, ногахъ, шеѣ и груди; за то вокругъ бедръ онѣ носили только передникъ изъ свѣжей листвы. Женщины привыкаютъ къ этому грузу уже съ малолѣтства; такъ дѣти Анзея, едва умѣвшія ходить, носили уже по 15—20 маленькихъ, но все же массивныхъ колецъ на запястьяхъ и мыщелкахъ. Мужчины абака отличаются крѣпкимъ сложеніемъ, брѣютъ волосы на лбу и на затылкѣ, одѣваются въ одежды изъ древесной коры и вооружены копьями простой работы, лукомъ и стрѣлами, которые въ военное время отравляются. У многихъ мужчинъ, равно какъ у женщинъ сережка уха просверливается по крайней мѣрѣ мѣстахъ въ 15-ти; чрезъ эти отверстія продѣваются длинныя соломинки или нити съ нанизанными на нихъ мелкими бѣлыми бусами. По окраскѣ кожи они, по крайней мѣрѣ подъ открытымъ небомъ, кажутся черными. Бомбе одѣвались такимъ же образомъ, какъ абака. Въ числѣ украшеній часто встрѣ-



Ножныя кольца женщинъ-макарака.

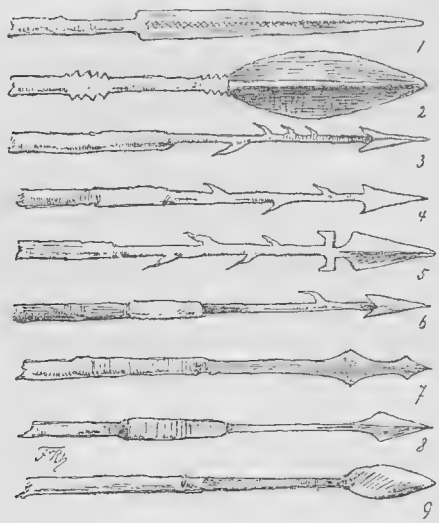
чаются большія граненыя бусы голубого цвѣта; мужчины носятъ иногда на одномъ плечѣ шкурку антилопы, Antilopa scripta, или же позади на бедрахъ красивую обезьянью шкурку; ко лбу они привязываютъ рога антилопы мадоква. Лицо и грудь бомбе любятъ вымазывать красною краскою, волосы расчесываютъ на множество тонкихъ длинныхъ косичекъ; вооруженіемъ ихъ служатъ красивые плетеные щиты, нѣсколько копій и странной формы ножи для метанія, т. н. пинга. Хижины ихъ отличаются тщательностью сооруженія; они возводятъ ихъ на фундаментѣ, заимствованномъ изъ построекъ термитовъ, Termes mordax, и внутри выкрашиваютъ орнаментомъ въ видѣ полосокъ.

Къ югу отъ поселенія Анзея слѣдуютъ саванны, болоты папируса и область народа мунду. О горѣ Багинзе, повидимому, никто ничего не зналъ. Всюду слышался одинъ отвѣтъ: gesch! gesch! т. е. трава, трава... Измученный лихорадкою путешественникъ рѣшилъ поэтому возвратиться въ Кабаенди, сдѣлавъ въ 20 дней 290 километровъ.

Юнкеру обѣщано было, что экспедиція, которая предполагала выступить въ Калика, будетъ ожидать его возвращенія. Оказалось, однако, что она уже покинула серибу. Стороною Юнкеръ узналъ, что его, какъ европейца, намѣренно отстранили отъ участія въ этой экспедиціи, которая въ сущности должна была быть ничѣмъ инымъ, какъ набѣгомъ съ цѣлью грабежа. Такимъ образомъ ему пришлось ограничиться небольшою экскурсіею въ область Макарака. Отправивъ Коппа, положеніе котораго замѣтно ухудшилось, въ Ванди, отличавшееся лучшимъ климатомъ, Юнкеръ выступилъ въ путь 27-го мая, направившись къ югу.

Среди этнографическихъ наблюденій его надъ макарака вниманія заслуживаетъ между прочимъ указаніе на обиліе названій, которыя имѣютъ макарака для копій, сообразно

съ ихъ формою, длиною, числомъ зубцовъ и т. д. Необходимо замѣтить, что макарака большіе мастера по части изготовленія оружія. Въ этомъ отношеніи языки различныхъ народовъ представляютъ иногда поразительно ясную картину его быта. Юнкеръ указываетъ на то, что языки динка и бари имѣютъ много словъ для обозначенія скота сообразно его возрасту, полу, масти и т. д. Мы могли бы, съ своей стороны, добавить, что въ тюркскихъ языкахъ существуетъ нѣсколько сотъ словъ для обозначенія коня, изъ которыхъ многія обозначенія масти (караковый, буланый и т. д.) перешли въ русскій языкъ; арабы имѣютъ 50 выраженій для льва, 1000 для меча; санскритскіе народы имѣютъ 100 выраженій для воды, 30 для тучъ, 16 для утренней зари, 23 для ночи и т. д.



Копья макарака: 1) минандé, 2) мóне, 3) амбира, 4) анзага, 5) балибамба, 6) катики, 7) загбодди, 8) голлó, 9) калéполо.

Изъ области суевѣрій негровъ-макарака вниманія заслуживаетъ вѣра ихъ въ кудесниковъ. Чтобы вызвать дождь, кудесники эти закапываютъ въ землю горшокъ съ волшебными травами и корнями. Болѣзни у макарака излечиваются по тому же рецепту, какъ у нашихъ сибирскихъ шамановъ и американскихъ «медицинменовъ»: кудесникъ щиплетъ и мнетъ какое-нибудь мѣсто на тѣлѣ больнаго и затѣмъ внезапно показываетъ окружающимъ, напримѣръ, пучекъ волосъ животнаго, явившійся будто-бы причиною страданій больного. Заболѣванія причиняются колдовствомъ и «дурнымъ глазомъ». Лицъ, подозрѣваемыхъ въ умѣніи насылать болѣзни, безъ всякой пощады выго-

няютъ въ степь, «fi gesch», въ траву, гдѣ они погибаютъ съ голода. Весьма распространена вѣра въ оборотней. Одинъ изъ слугъ Юнкера даже увѣрялъ, что самъ видалъ, какъ одна женщина превратилась въ гіену. Всѣ эти жалкіе и сами по себѣ смѣшные предразсудки имѣютъ высокое значеніе для науки, служа намъ, въ виду своей распространенности по всему земному шару, прекраснымъ доказательствомъ единства человѣческаго рода.

Переходя къ внѣшнему описанію макарака, Юнкеръ останавливается на томъ, что богатые представители этого племени носятъ громадные парики, которые, несмотря на страшную грязь, придаютъ своимъ обладателямъ нѣкоторое величіе.

Парики эти, раздѣленные широкимъ проборомъ по серединѣ, сплетены въ крупныя косы и соединяются на затылкѣ небольшою деревянною перекладиною, украшенною мѣдными кольцами. Такого рода парики, напоминающіе до извѣстной степени парики блестящей эпохи Людовика XIV, составляютъ, какъ уже замѣчено, удѣлъ только однихъ богачей; люди бѣдные и женщины удовлетворяются самыми простыми прическами.

Слухи о томъ, что Коппъ чуть-ли не при смерти, заставили Юнкера поспѣшно возвратиться въ Ванди. Дѣйствительно, положеніе больного, который рѣшительно пренебрегалъ всякой діэтою, было отчаянное. Когда онъ нѣсколько поправился, Юнкеръ оставилъ при немъ трехъ слугъ, а самъ двинулся къ юго-западу, въ горы Гурмани и оттуда вновь въ Кабаенди.

На другой день послѣ прибытія Юнкера въ серибу, здѣсь распространился слухъ о смерти Фадлъ-Аллы въ Ладо. Кончина этого вліятельнаго человѣка должна была произвести громадное впечатлѣніе на народъ и выразилась прежде всего въ разныхъ траурныхъ процессіяхъ, продолжавшихся дней пятнадцать. Въ процессіяхъ этихъ главную роль играли плакальщицы и многочисленныя жены

покойнаго. Иныя изъ нихъ дѣйствительно поражены были горемъ и выражали его болѣе или менѣе драматически; другія же, повидимому, просто рады были случаю не работать и вдоволь пошумѣть. Отъ 60—70 женщинъ, украшенныхъ вѣтвями, частью даже одѣтыхъ самымъ потѣшнымъ образомъ въ рубашки, халатъ, жилетъ и т. п. принадлежности покойнаго и съ оружіемъ его въ рукахъ, вывалявшіяся въ грязи и вымокшія во время ливня, съ головою, посыпанною пепломъ, выступали гуськомъ длинною вереницею. Онѣ страшно кричали и вопили и кувыркались подъ звуки барабана. Словомъ, эти траурныя празднества поразительно схожи были съ самымъ разнузданнымъ «кунго», народнымъ увеселеніемъ.

Траурная процессія.

Новыя извѣстія о томъ, что положеніе Коппа ухудшилось, заставили Юнкера поспѣшить въ Ванди. Онъ не засталъ уже Коппа въ живыхъ. Его уже успѣли похоронить; обернувъ въ три шерстяныхъ одѣяла, его глубоко зарыли въ

землю, а надъ могилою насыпали кучу терновника, чтобы оградить мертвеца отъ гіенъ.

Въ Ванди между тѣмъ разыгрывался настоящій «кунго», устроенный мудрымъ политикомъ Бахитомъ-Агою, чтобы заставить негровъ макарака забыть страшныя потери, понесенныя ими при транспортѣ частей парохода въ Дуфиле́. Транспортъ этотъ былъ чрезвычайно затруднителенъ, такъ какъ пришлось, напримѣръ, паровой котелъ переносить неразобраннымъ. Не менѣе 500 человѣкъ умерло въ дорогѣ и тѣла ихъ до такой степени заразили воздухъ, что маіоръ Праутъ, шедшій было тѣмъ же путемъ, долженъ былъ избрать другую дорогу. Тѣмъ веселѣе пировали теперь уцѣлѣвшіе негры. Мерисса лилась рѣкою. Пляскѣ и пѣнію не было конца. Весьма эффектны были танцы негровъ мору подъ звуки барабановъ и трещотокъ, состоящихъ изъ тыквъ, наполненныхъ камешками, зернами и т. п. Мужчины образуютъ кругъ и наступаютъ на женщинъ точно также сомкнутыхъ въ кругъ; послѣднія заставляютъ ихъ отступить, выходя имъ на встрѣчу и энергично потрясая трещотками. Танцы ведутся положительно съ пыломъ. Въ концѣ концовъ, круги разступаются, танцующіе образуютъ парочки, продолжающія неистово плясать.

Могила Коппа.

Между тѣмъ Юнкеръ отравилъ Бахитъ-Агѣ до нѣко-

торой степени весь «кунго», погрозивъ ему пожаловаться губернатору за то, что тотъ отпустилъ безъ него экспедицію въ Калика. Бахитъ сдался и отрядилъ ему конвой подъ начальствомъ Атруша. Не успѣлъ, однако, отрядъ далеко отойти, какъ Атрушъ получилъ приказъ немедленно возвратиться. Какъ разъ въ это время онъ сдѣлалъ рядъ злѣйшихъ доносовъ на своего начальника и поэтому сильно пріунылъ. Оказалось, однако, что старшій мудиръ провинцій Бахръ-эл-Газаль, Роль и Макарака созывалъ все свое войско, чтобы идти въ Роль.

Продолжать путь въ страну Калика было невозможно. Юнкеръ остался безъ конвоя и носильщиковъ. По неволѣ и ему пришлось принять участіе въ неожиданномъ походѣ на сѣверъ вмѣсто того, чтобы идти на югъ.

Ибрагимъ-Фаузи опасался вторженія Солимана, сына знаменитаго богача Сибера, о которомъ мы уже упоминали, говоря о покореніи Даръ-Фора. Хедивъ возвелъ его за удачный походъ въ паши, но этотъ честолюбивый человѣкъ, бывшій когда-то простымъ писцомъ у торговца слоновой костью, а теперь жившій въ царственной роскоши и, ради пышности, державшій даже львовъ на цѣпяхъ при своемъ дворѣ, домогался намѣстничества въ завоеванномъ краѣ. Его пригласили для переговоровъ въ Каиро и тамъ, съ чисто восточнымъ вѣроломствомъ, задержали. Испытанный во всевозможныхъ насиліяхъ и интригахъ Сиберъ попался на самую грубую удочку. Сынъ его Солиманъ, располагавшій войскомъ въ 4000 человѣкъ, грозилъ отомстить Египту за своего отца. Въ виду этого Фаузи рѣшился мобилизировать свои войска.

Изъ области Макарака двинулось около 1000 человѣкъ, къ которымъ примкнулъ и нашъ путешественникъ. По дорогѣ ему приходилось испытывать различныя неудобства и между прочимъ неоднократно пользоваться хижинами туземцевъ для ночлега. Но эти ночлеги по обилію блохъ живо напоминали ему перенесенныя ранѣе въ Фаюмѣ

бѣдствія. Въ арабскомъ Суданѣ блохи составляютъ рѣдкость; въ Хартумѣ, въ Ладо, въ странѣ Макарака они встрѣчаются довольно рѣдко; въ Сахарѣ и въ Ливійской пустынѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ; въ Тунисѣ же они являются бичомъ народа и принуждаютъ иногда цѣлыя деревни къ выселенію. Съ переходомъ за границу области Макарака они опять стали появляться въ изрядномъ количествѣ. Въ караванѣ чувствовался недостатокъ въ средствахъ къ пропитанію, очевидно объ этомъ вопросѣ никто не позаботился. Не доставало даже воды. По ночамъ носильщики, которыхъ большей частью забирали насильно, стали убѣгать. Ихъ связывали веревками, перевитыми ремнями, но они ухитрялись пережигать ихъ у костровъ.

Нѣкоторыхъ изъ нихъ заковывали въ наручники, но благодаря этому они могли передвигаться только съ трудомъ, такъ какъ по узкимъ тропинкамъ имъ приходилось слѣдовать гуськомъ другъ за другомъ. У нѣкоторыхъ женщинъ къ шеѣ привязаны были длинныя палки, чтобы препятствовать ихъ побѣгу.

Караванъ держался рѣки Аире или Ире. Ландшафтъ въ общемъ измѣнился: появилась порозная красноватая почва, содержащая желѣзо; это т. н. латеритъ, характерный для странъ Джуръ и Бонго. Тропинки въ этой мѣстности большей частью покрыты красноватымъ пескомъ и затѣнены густыми деревьями. Далѣе мѣстность становится нѣсколько болѣе гористою. На пути встрѣчается не мало скалъ и камней. Растительность прекрасная. Въ особенности хороша чудная пальма делебъ. Рощи, раскинутыя среди роскошнаго дерна, который въ Европѣ удается выхолить только при большой затратѣ труда, живо напоминали нашему путешественнику близко знакомый ему Петергофскій паркъ. У серибы Моффо или, какъ ее иначе называютъ Мволо, караванъ расположился лагеремъ близъ р. Аире-Роль.

Рѣка имѣетъ здѣсь русло въ 80 метровъ ширины и

берега въ 2—3 метра высоты. Теченіе ея спокойно; отмѣченныя Швейнфуртомъ стремнины находятся ниже по рѣкѣ по направленію къ сѣверо-востоку. Вода въ рѣкѣ чистая, рыбныя богатства ея положительно необычайныя. Прослѣдивъ эту рѣку, Юнкеръ окончательно установилъ ея теченіе, относительно которой существовало не мало противорѣчій, обусловливаемыхъ главнымъ образомъ тѣмъ, что рѣка эта извѣстна въ различныхъ частяхъ своихъ подъ различными наименованіями. Верхнее теченіе Роля и частью среднее протекаетъ по холмистой мѣстности, по глубокому и тѣсному, хотя въ то же время и правильно развитому ложу. Съ вступленіемъ въ болѣе низменную и плоскую страну картина мѣняется. Роль, подобно всѣмъ притокамъ Бахръ-эл-Газаля вплоть до Джура имѣетъ въ своемъ среднемъ и нижнемъ теченіи характерную область наводненія. Въ данномъ случаѣ это покрытая камышомъ низина въ 1—5 километр. ширины, по которой кое-гдѣ выступаютъ небольшіе островки деревьевъ и пробираются отдѣльные рукава рѣки. Многіе изъ этихъ рукавовъ можно перейти въ бродъ даже въ дождливое время, иногда-же послѣ сильныхъ дождей вода достигаетъ глубины въ 8 метровъ.

По мѣрѣ движенія къ сѣверу растительность замѣтно мѣняется, исчезаютъ южныя деревья съ крупною и кожистою листвою и вмѣсто нихъ появляются разнообразные кустарники и деревья, вооруженные цѣпкими шипами. Близъ серибы Аякъ (Дефа-Ала) правый берегъ Роля постепенно поднимается и образуетъ цѣлую цѣпь низкихъ горъ, среди которыхъ Джебелъ-Хартумъ самая выдающаяся. У серибы берегъ имѣетъ 4 метра высоты, рѣка-же отъ 160—200 шаговъ ширины. Вода, въ виду того, что харифъ только что начинался, стояла невысокая, но бродъ всетаки былъ не менѣе 1½ метровъ глубины. Долговязые агари одни въ состояніи были переходить черезъ рѣку и даже перетащили нѣсколько соломенныхъ крышъ

съ того берега для постройки хижинъ. Люди эти сообщили Юнкеру, что его на противоположномъ берегу ожидаетъ почта. Недолго думая, онъ сбросилъ съ себя часть одежды и къ неописуемому удивленію и ликованію негровъ переплылъ рѣку на спинѣ. Дѣйствительно, это были письма и посылки изъ Европы и отъ Эмина. Юнкеръ такъ увлекся чтеніемъ писемъ, что даже забылъ заказать себѣ ужинъ. Тѣмъ пріятнѣе онъ былъ удивленъ, когда внезапно изъ серибы явились негры-динка и поднесли ему, какъ гостю, ужинъ.

Чудную картину представляла ночью рѣка и свайныя постройки деревушки на противоположномъ берегу при освѣщеніи луны, медленно пробирающейся сквозь тяжелыя дождевыя тучи. Съ увлеченіемъ вспоминая объ этой картинѣ, Юнкеръ страннымъ образомъ утверждаетъ, что негры не могли ее оцѣнить. Они для этого слишкомъ подавлены борьбою за существованіе, говоритъ онъ, а нубійцы, какъ будто, даже любятъ грязь и неряшливость. Съ этимъ мнѣніемъ нашего заслуженнаго путешественника никоимъ образомъ нельзя согласиться, такъ какъ мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ другихъ знатоковъ негрскихъ народовъ, говорящихъ намъ за несомнѣнное чутье негровъ къ красотамъ природы. Сошлемся хотя-бы на Цёллера, относящагося вообще съ большимъ пренебреженіемъ къ неграмъ и въ то же время отдающаго полную честь ихъ архитектурнымъ постройкамъ и умѣнію выбрать удачное и эффектное мѣсто для сооруженія таковыхъ.

Вслѣдъ за безплоднымъ береговымъ пространствомъ и кустарниковымъ лѣсомъ передъ караваномъ открылась въ полномъ смыслѣ слова культурная мѣстность. Ничего подобнаго Юнкеръ до сихъ поръ не видалъ въ Африкѣ. На цѣлые часы пути тянулись воздѣланныя поля и плантаціи любіи (Dolichos Lubia Forsk.), земляного орѣха (Arachis hypogaea), сезаму, табаку и т. п. Всюду разсѣяны

отдѣльныя свайныя постройки агари, окруженныя глинянымъ валомъ въ 1 метръ высоты.

На 18-й день путешествія караванъ прибылъ въ Румбекъ, резиденцію мудира. Сериба эта была основана между 1857 и 1859 годами пресловутымъ Альфонсомъ де Мальзакомъ, бывшимъ нѣкогда секретаремъ французскаго посольства въ Аѳинахъ; онъ прославился здѣсь грабежами, всякаго рода насиліями и самою безстыдною торговлею невольниками. Румбекъ было грязное и тѣсное поселеніе, настоящее гнѣздо невольниковъ. Все здѣсь было запущено и носило характеръ типичнаго долколанскаго хозяйства.

По ту сторону Румбека расположены среди лѣсковъ жилища агари. Затѣмъ въ низменности, покрытой высокой травою, лѣсомъ и изобилующей термитовыми постройками, прихотливо размытыми дождями, слѣдуетъ область племени бели, принадлежащаго къ группѣ митту. Широкія дороги здѣсь зачастую усѣяны желтовато-красноватымъ пескомъ. Перейдя границу мудирій Роль и Бахръ-эл-Газаль, караванъ очутился въ мѣстности лѣсистой, но и болѣе бѣдной. Очевидно тутъ хозяйничалъ «абу-туркъ» и жители бѣжали въ сосѣднія страны. Затѣмъ была перейдена рѣка Джау, называемая на прежнихъ картахъ Рау. Рѣка эта имѣетъ здѣсь около 200 шаговъ ширины и богаче водою чѣмъ Роль; черезъ какія нибудь пять минутъ слѣдовалъ второй рукавъ рѣки въ 50 шаговъ ширины. Берега рѣки круты и населены множествомъ птицъ. Мѣстность около рѣки Тонджъ болѣе воздѣлана. Рѣка протекаетъ по обширной низменности, имѣетъ крутые берега и ширину въ 150 шаговъ.

10 августа караванъ достигъ одной изъ наиболѣе крупныхъ серибъ Джуръ-Гаттасъ. Сериба эта отличалась благоустройствомъ, и Юнкеръ послѣ долгаго времени вновь пользовался помѣщеніемъ, въ которомъ имѣлись настоящія окна и двери. Негры и слуги Юнкера были внѣ себя

отъ удивленія при видѣ такихъ и подобныхъ имъ чудесъ. Нѣкогда жилъ здѣсь Георгъ Швейнфуртъ. Садъ, разведенный имъ, былъ запущенъ, но все же здѣсь еще стояло три экземпляра Eriodendron anfractuosum DC., достигшихъ въ 5 лѣтъ высоты въ 50 футовъ. Шерстистые волоски, окружающіе сѣмена этого дерева, употребляются какъ набивка для подушекъ. Мѣстность по ту и по другую сторону серибы весьма разнообразна. Между нею и рѣкою Роль простирается обширная равнина, покрытая кустарникомъ и лѣсомъ, прерываемымъ лишь широкими низменностями Джауа и Тонджа; стокъ въ этой мѣстности недостаточенъ, и вода всасывается почвою. Къ западу отъ Тонджа и серибы поверхность почвы, напротивъ того, слегка волнистая, а далѣе на западъ холмистая и даже гористая; почва состоитъ изъ твердыхъ горныхъ породъ и не благопріятствуетъ просачиванію, а устройство поверхности способствуетъ стоку многочисленныхъ водъ, болѣе или менѣе собирающихся въ рѣкахъ Молмулъ, Джуръ и Вау. Рѣка Джуръ имѣетъ весьма небольшой районъ наводненія, за то русло ея глубже и шире. Въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ постепенное возрастаніе глубины и ширины рѣкъ по мѣрѣ передвиженія на западъ. Роль, Джау и Тонджъ можно еще перейти въ бродъ; Джуръ, напротивъ того, имѣетъ уже на нѣсколько шаговъ отъ берега 10 футовъ глубины, тогда какъ берега его возвышаются надъ уровнемъ воды футовъ на 15—20. Переправа черезъ эту рѣку, имѣющую шаговъ 250 ширины, совершена была въ одной лодкѣ, могущей захватить всего человѣкъ 30—40 сразу, а между тѣмъ въ караванѣ накопилось уже около 2000 человѣкъ. Наконецъ, послѣднюю рѣку въ этой группѣ, рѣку Вау, также нельзя было перейти въ бродъ, такъ какъ она имѣла до 4 метровъ глубины. И тутъ для переправы служила лодка. По типу своему рѣка эта отличается отъ предыдущихъ тѣмъ, что она уже совершенно не выступаетъ изъ своихъ крутыхъ

береговъ. Берега эти покрыты роскошною растительностью.

Тѣмъ временемъ голодовка въ караванѣ становилась все ощутительнѣе. Число больныхъ замѣтно увеличивалось, и самъ Юнкеръ страдалъ невыносимою сыпью. Въ бѣдствованіяхъ каравана слѣдовало прежде всего винить безпечнаго и жестокаго Бахита. Онъ относился къ нуждамъ своего войска вполнѣ равнодушно, такъ какъ у него своихъ запасовъ было вдоволь. Дѣло дошло до того, что вожди и офицеры однажды самовольно остановились, чтобы пополнить запасы, а начальникъ съ своими приближенными поспѣшилъ впередъ.

Невдалекѣ отъ серибы Вау караванъ получилъ неожиданный приказъ остановиться. Извѣстіе это принесено было слугами Ибрагима Фаузи, отводившими невольниковъ, которыхъ ихъ господинъ получилъ по дорогѣ отъ различныхъ чиновниковъ. Фаузи отнюдь не былъ ригористомъ, всюду носившимся со своими принципами. Напротивъ того, этотъ любимецъ Гордона охотно принималъ невольниковъ въ даръ, въ особенности если ихъ пригоняли къ нему въ достаточномъ количествѣ. Наконецъ, прибылъ и самъ губернаторъ, какимъ въ сущности и былъ Фаузи, хотя онъ не имѣлъ этого званія. Его торжественно встрѣтили. Солдаты, ходившіе до сихъ поръ чуть-ли не нагими, облеклись въ очень порядочные бѣлые мундиры и башмаки; бомбе исполнили военную пляску и пѣсню, затѣмъ появился квартетъ а-занде, состоящій изъ четырехъ хорошо подобранныхъ желѣзныхъ колокольчиковъ, игравшихъ подъ аккомпаниментъ большого желѣзнаго колокола, по которому ударяли снаружи, и громадной трубы изъ слоновой кости. Сидя на ангаребѣ, Фаузи благосклонно принималъ офицеровъ и чиновниковъ, титуловавшихъ его какъ бея, хотя онъ состоялъ всего только въ чинѣ эфенди. Съ Юнкеромъ Фаузи обошелся очень

любезно и даже подарилъ ему двухъ сѣрыхъ попугаевъ.

Въ виду того, что Солиманъ смирился, по крайней мѣрѣ временно, дальнѣйшій походъ былъ излишенъ, и Фаузи распустилъ войска. Юнкеръ съ небольшимъ конвоемъ поспѣшилъ въ обратный путь, представлявшій, какъ и слѣдовало ожидать, не мало скорбныхъ и вмѣстѣ съ

Негръ племени бонго (по рисунку Швейнфурта).

тѣмъ возмутительныхъ картинъ: повсюду валялись по дорогѣ трупы негровъ; это были носильщики Бахита-Аги. Юнкеръ сдѣлалъ небольшой обходъ, но мѣстность, по которой ему теперь пришлось идти, была страшно опустошена. У негровъ динка, обитавшихъ въ этомъ краѣ, отбиты были почти всѣ стада. Тѣмъ же бѣдствіямъ подверглась страна Митту, которую Швейнфуртъ нѣкогда описывалъ, какъ чрезвычайно богатую; теперь даже ну-

бійцы ничего не могли выжать изъ нея. То же самое можно было сказать про народы бабу́куръ и мабу́гуру, страна которыхъ была прежде житницею для торговыхъ каравановъ. Тѣснимые нубійцами, бабу́куры бѣжали къ султану Мбіо; когда же храбрый султанъ въ свою очередь побѣжденъ былъ нубійцами, они двинулись въ область, лежащую между горою Багинзе и страною Абака. Рука объ руку съ обѣднѣніемъ идетъ и нравственный упадокъ и постепенная утрата національныхъ особенностей этихъ народовъ. Нубійцы всюду вносятъ разложеніе. Съ тѣхъ поръ какъ европейцы стали покупать различныя произведенія негровъ, донколане ихъ старательно расхищаютъ, чтобы потомъ съ выгодою продать въ Хартумѣ. Такимъ образомъ пришло въ упадокъ и техническое искусство негровъ. Тамъ, гдѣ Швейнфуртъ, Гейглинъ, Петерикъ—сталкивались съ племенами бого, джуръ, динка и другими, полными силъ и отличающимися извѣстною самобытностью, тамъ Юнкеръ видѣлъ только одно разложеніе или даже полную гибель.

Путь былъ труденъ не только въ виду бѣдности края, и сильныхъ дождей, но и въ виду того, что отряду приходилось перебираться черезъ разлившіяся рѣки и болота. Такъ въ бродъ перейдена была рѣка Джау; по Туджи, притоку ея, экспедиція прошла по мостику, погруженному на нѣсколько футовъ въ воду; затѣмъ слѣдовало не менѣе девяти другихъ рѣкъ и опять рѣка Джау и опять различныя рѣчонки, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ рѣку Уоко, приходилось пересѣкать три раза.

Въ серибѣ Гоза́ Юнкеръ вышелъ на прежній путь. Въ Куду́рмѣ его ожидало пріятное извѣстіе: Рингіо заявилъ свою готовность провести его къ горамъ Багинзе или по крайней мѣрѣ къ горамъ Силеи. Путь считался не безопаснымъ, и Рингіо поэтому явился въ сопровожденіи небольшого отряда своихъ а-занде. Это были сильные и

стройные люди, среди которыхъ встрѣчались положительно благородныя и красивыя физіономіи. Они носили небольшія соломенныя шляпы, украшенныя пѣтушьими перьями; шляпы эти прикрѣплялись къ сложной прическѣ, посредствомъ деревянной или костяной иглы; вооружены были они ножами-пинга, копьями и выпуклыми щитами, плетеными изъ камыша; на щитахъ снаружи и снутри выжжены были орнаменты, по большей части крестъ, прикрывающій весь щитъ и напоминающій крестъ нѣмецкаго ордена; наконецъ, нѣкоторые щиты выложены были снутри шкурою леопарда. Вокругъ бедеръ эти войны носили различныя эффектныя шкуры.

Экспедиція направилась къ вождю Анзеа, который полгода тому назадъ, какъ онъ самъ признался, по наущенію донколанъ, отозвался полнымъ невѣдѣніемъ относительно горы Багинзе. У него въ настоящее время находилась чрезвычайно интересная депутація а-занде. Люди эти явились сюда отъ имени князя Мбіо за особымъ растеніемъ, встрѣчающимся будто бы только на берегахъ рѣчонки Асса. Это трава,—бенге или бенгье. Она примѣняется при такъ называемомъ куриномъ оракулѣ, весьма популярномъ у этихъ племенъ. Если курица, напившись настоя изъ этой травы, околѣваетъ, то это служитъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Мбіо платилъ за право собирать траву бенге до 15 грузовъ слоновой кости за разъ.

Встрѣча представителей а-занде—съ братомъ ихъ князя, Рингіо, послужила поводомъ къ торжественному примиренію, по поводу котораго произнесено было неграми нѣсколько рѣчей. «Нужно удивляться», говоритъ Юнкеръ, «изящнымъ и вполнѣ размѣреннымъ жестамъ этихъ ораторовъ-негровъ; ничто тутъ не напоминало угловатости и грубости, свойственной человѣку невоспитанному. Невольно думалось мнѣ, что многіе европейцы могли бы поучиться у этихъ африканцевъ по части естественности и элегантности посадки и жестовъ». Рѣчи произнесены были на-

столько выразительно, что заинтересовали Юнкера, несмотря на то, что онъ незнакомъ былъ съ языкомъ а-занде. Въ общемъ онѣ напоминали декламацію хорошаго артиста. Путешественникъ нашъ хотѣлъ переслать Мбіо нѣсколько подарковъ. Къ сожалѣнію, онъ не захватилъ съ собою ничего цѣннаго; тѣмъ не менѣе двѣ коробки спичекъ и свѣча произвели на негровъ большое впечатлѣніе. Юнкеръ показалъ дикарямъ свое зеркало. Вождь ихъ взглянулъ въ него сначала съ испугомъ, а затѣмъ смутился, какъ красная дѣвушка. Рингіо и его донколане, напротивъ того, какъ люди цивилизованные, разсматривали себя съ удовольствіемъ и при этомъ отпускали различныя шуточки.

Покинувъ Анзея, экспедиція миновала водораздѣлъ Аира и Джауа (называемаго здѣсь Меридди), а затѣмъ перешла верховья Тонджа. Съ небольшой высоты Нги́руа, расположенной непосредственно въ виду горъ Силеи, открывался обширный кругозоръ. На горизонтѣ поднимались громады горы Багинзе. Проникнуть далѣе не представилось никакой возможности. Рингіо считалъ путь слишкомъ опаснымъ, хотя, кстати замѣтить, у него небыло недостатка въ храбрецахъ. Такъ одинъ изъ его воиновъ притащилъ однажды живого теленка буйвола, котораго онъ поймалъ вблизи матки, сжавъ ему морду и горло рукой.

Послѣ трехмѣсячнаго отсутствія путешественникъ возвратился въ Кабаенди.

Въ началѣ ноября 1877 года Юнкеру представилась возможность принять участіе въ экспедиціи, направлявшейся въ страну Калика. Давно уже добивался онъ этого. Но во время пути ему неоднократно приходилось горько раскаиваться въ томъ, что онъ примкнулъ къ разбойническому отряду и сталъ невольнымъ и безсильнымъ свидѣтелемъ потрясающихъ сценъ грабежа и неистовствъ. Экспедиція, отправлявшаяся на разграбленіе негрскихъ

странъ, лежащихъ къ югу отъ области макарака, состояла изъ 1000 человѣкъ, среди которыхъ 400 вооружены были огнестрѣльнымъ оружіемъ; начальствовалъ старый Ахмедъ-Атрушъ. Добытые въ походѣ слоновая кость и рогатый скотъ принадлежали правительству; козы, овцы, куры, табакъ, всякая домашняя утварь и, наконецъ, невольники становились достояніемъ участниковъ экспедиціи. Конечно, всѣ стремились къ тому, чтобы принять участіе въ набѣгѣ и даже остававшіеся въ гарнизонѣ присоединяли къ отряду своихъ невольниковъ, которые должны были пограбить за нихъ.

Грабежи въ Калика.

20 ноября рано утромъ раздались звуки воинственной пѣсни бомбе, и экспедиція пустилась въ путь. Пѣснь эта служила во все время экспедиціи сигналомъ къ тому, чтобы сняться съ лагеря. Въ началѣ шли по мирной странѣ какуаковъ, принадлежащихъ къ племени бари; здѣсь приходилось грабить съ разборомъ. Тѣмъ болѣе простора въ этомъ отношеніи представила страна Калика, обитатели которой оказались превосходными земледѣльцами и скотоводами. Здѣсь уже грабили все до чиста, не брезгая ровно ничѣмъ. Донколане и регулярныя войска оставались обыкновенно для охраны лагеря. На грабежъ выходили драгоманы съ ружьями и негры со стрѣлами и

копьями. Среди туземцевъ неоднократно находились предатели, готовые, ради спасенія собственнаго имущества, провести нубійцевъ къ тѣмъ потаеннымъ мѣстамъ, гдѣ собратья ихъ прятали свое добро. Негры почти не оказывали сопротивленія. Достаточно было 3—4 драгомановъ съ ружьями, чтобы обратить въ бѣгство цѣлыя толпы ихъ. Иногда они обстрѣливали грабителей изъ-за засады отравленными стрѣлами, иногда избивали свои стада, чтобы они не попали въ руки ненавистныхъ абу-турковъ. Разъ только какой-то герой, доведенный до полнѣйшаго отчаянія, бросился на хищниковъ. Его появленіе близъ лагеря произвело чрезвычайный переполохъ; когда же оказалось, что онъ былъ совершенъ одинъ, то его мигомъ подстрѣлили стрѣлами и пулями, а затѣмъ окончательно изуродовали. Черепъ этого человѣка, оказавшагося вождемъ, попалъ впослѣдствіи въ коллекцію Юнкера. Какъ видно изъ этого случая, нубійцы, несмотря на свое превосходство, побаивались негровъ. Дѣйствительно, по ночамъ неоднократно поднималась ложная тревога и давались цѣлые залпы выстрѣловъ въ воздухъ. Въ то же время въ лагерѣ господствовала величайшая небрежность. Случалось, что въ дождливыя ночи не выставлялись часовые, и негры, если бы только они дѣйствовали единодушно, съ легкостью могли бы перерѣзать разбойниковъ.

Сцены жестокости и убійства повторялись ежедневно. Разграбленныя поселенія сжигались. Когда Юнкеръ упрекалъ Атруша за подобную совершенно излишнюю свирѣпость, тотъ только пожималъ плечами. Негры не щадили даже младенцевъ, прокалывая ихъ копьями и хладнокровно затаптывая ихъ ногами во время похода. Насколько трудно было все это переносить Юнкеру, видно изъ слѣдующей небольшой сцены: однажды среди прочихъ плѣнныхъ гнали нѣсколькихъ маленькихъ дѣтей лѣтъ 3—4; одинъ ребенокъ споткнулся и упалъ; громко плача, поднялся онъ, чтобы поспѣшить за другими, но въ это вре-

мя какая то негритянка пихнула его сзади ногой, и онъ снова упалъ. При видѣ этого Юнкеръ пришелъ въ такую ярость, что, какъ онъ самъ признается, безъ всякой пощады отколотилъ толстую негритянку. Не смотря на всѣ свои жестокости, хищники оказывались большими ханжами: они отпраздновали свой курбанъ-байрамъ полнымъ покоемъ, не били въ этотъ день невольниковъ и даже не ругались, что стоило большого труда въ особенности начальнику экспедиціи, Атрушу.

Оспа въ караванѣ.

Страшныя впечатлѣнія, которыя пришлось пережить нашему путешественнику въ этой экспедиціи, усилены были еще тѣмъ, что среди каравана открылась оспа. Множество народу умирало и переболѣло; обезображенныхъ ужасною болѣзнью страдальцевъ тащили вслѣдъ за экспедиціей на носилкахъ или на рукахъ. Нубійцы руководились при этомъ, однако, отнюдь не человѣколюбіемъ, а тѣмъ простымъ разсчетомъ, что невольники представляютъ собою извѣстную цѣнность.

Походъ продолжался цѣлый мѣсяцъ и былъ, по мнѣнію

участниковъ его, довольно удаченъ. Награблено было до 4000 головъ рогатаго скота, множество козъ, куръ, масла, зернового хлѣба и, наконецъ, значительное число невольниковъ, преимущественно женщинъ и дѣтей. Нубійцы, впрочемъ, разрѣшали выкупъ плѣнныхъ за извѣстное количество слоновой кости.

Въ географическомъ отношеніи въ этой экспедиціи вниманія заслуживали переходъ черезъ быстрый Ей и затѣмъ черезъ водораздѣлъ длиннѣйшей въ мірѣ рѣки, Нила, и многоводнаго Конго. Первымъ изъ европейцевъ Юнкеръ увидѣлъ небольшую рѣку Кибби, являющуюся верховьемъ извѣстнаго притока Конго Уэллэ. Въ странѣ Лубари онъ наблюдалъ двойной рядъ горныхъ цѣпей и назвалъ три наиболѣе значительныя вершины ихъ именами Джесси, Гордона и Бекера.

По окончаніи экспедиціи Юнкеръ рѣшился возвратиться въ Европу. По дорогѣ въ Ладо онъ всюду наталкивался на слѣды опустошенія, произведеннаго оспою. Она разносилась по всей странѣ бывшими участниками экспедиціи. Сильно пострадала въ особенности Ніамбара, гдѣ эпидемія осложнилась голодомъ. Доведенные до отчаянія туземцы спустились съ горъ, тщетно ища помощи въ серибѣ. Въ окрестностяхъ послѣдней валялось столько труповъ, что сытые коршуны болѣе уже не трогали ихъ.

Въ Ладо Юнкера ожидали различныя новости: Гордонъ-паша уже былъ переведенъ въ Хартумъ и сдѣлался генералъ-губернаторомъ всего Судана. За нимъ быстро смѣнились въ Ладо два американца, Праутъ и Масонъ-бей, а въ настоящее время здѣсь правилъ недостойный Ибрагимъ-Фаузи, ставшій такимъ образомъ, благодаря милостямъ Гордона, въ теченіе одного года изъ мелкаго лейтенанта губернаторомъ. Въ Ладо Юнкеръ встрѣтилъ бывшаго своего слугу Эберле, который прибылъ сюда въ качествѣ торговца. Онъ рискнулъ возвратиться въ столь губительныя для его здоровья тропическія страны, соблаз-

тип. эд. гоппе.

В. Юнкеръ въ 1878 году въ Хартумѣ.

нившись тѣмъ, что могъ выручать здѣсь на рисѣ, кофе, сахарѣ и главнымъ образомъ на спиртныхъ напиткахъ отъ 100 до 200% барыша. Въ алчности своей онъ дошелъ до того, что спустилъ за чистыя деньги даже необходимые для собственнаго его пропитанія запасы. А между тѣмъ въ Ладо чувствовался сильный недостатокъ въ зерновомъ хлѣбѣ. Эберле, несмотря на всѣ свои деньги, очутился въ положеніи нищаго и навѣрное бы погибъ, если его не выручилъ Юнкеръ, самъ заплатившій за корзину старыхъ поломаныхъ сухарей 10 талеровъ. Вскорѣ у Эберле опять открылась дизентерія, отъ которой онъ умеръ на обратномъ пути въ Хартумъ.

Во время пребыванія Юнкера въ Ладо туда прибылъ изъ своего второго путешествія къ Мтезѣ докторъ Эминъ. Это былъ все тотъ-же интересный и предупредительный, но въ то же время сдержанный собесѣдникъ. Не только въ спокойной и содержательной рѣчи, но и въ самой наружности этого всегда тщательно одѣтаго худощаваго человѣка съ умнымъ лицомъ и упорнымъ взглядомъ близорукихъ глазъ лежало что-то замкнутое и недоступное. Въ особенности рельефно выступали спокойствіе и достоинство Эмина въ его сношеніяхъ съ нубійцами. Присматриваясь ближе къ нему, Юнкеръ убѣдился, что Эминъ дѣйствительно строго выдерживалъ принятую на себя роль турка и, между прочимъ, каждую пятницу аккуратно посѣщалъ мечеть.

Въ Хартумѣ Юнкеръ встрѣтился съ Джесси и Гордономъ; послѣдній не дождался его визита, а самъ заявился къ нему, по обыкновенію своему, съ коробкою сигаръ подъ мышкою. Онъ засталъ Юнкера безъ сюртука, распаковывавшимъ свои ящики на дворѣ консула Россе, у котораго онъ остановился. Они дружно разговорились, и Гордонъ пригласилъ его къ себѣ обѣдать, честь, которой едва-ли кто нибудь удостоивался до него. Впрочемъ, Гордонъ жилъ съ поразительною простотою для такого

крупнаго сановника и держалъ въ домѣ своемъ только двухъ подростковъ негровъ, изъ которыхъ одинъ ему готовилъ обѣдъ. Гордонъ находился въ это время въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Онъ ясно сознавалъ, что дѣло обновленія Судана ему не удается. Всѣ личныя усилія его были тщетны; достойныхъ сотрудниковъ у него не было. Не трудно, однако, даже у такихъ пламенныхъ почитателей Гордона, какимъ является Юнкеръ, найдти указанія на то, что Гордонъ былъ отчасти самъ виноватъ въ своихъ неудачахъ. Онъ прежде всего не отличался способностью узнавать людей. Достаточно въ этомъ случаѣ указать на Ибрагима Фаузи, на Бахита-Агу и нѣкоторыхъ другихъ упоминаемыхъ въ нашемъ разсказѣ дѣятелей. Гордонъ самъ много работалъ и былъ очень требователенъ по отношенію къ своимъ чиновникамъ. По горячности своего темперамента онъ неоднократно подвергалъ ихъ взысканіямъ, но въ то же время по добротѣ душевной всегда готовъ былъ отмѣнить наказанія. Точно также ему неоднократно приходилось отмѣнять изданныя имъ распоряженія, когда онъ убѣждался въ ихъ непрактичности. Такимъ образомъ этотъ избалованный прежними успѣхами, твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, безкорыстный и глубоко религіозный человѣкъ, котораго Юнкеръ удачно сравниваетъ съ дѣятелями эпохи Кромвеля, до конца своей дѣятельности все еще не выработалъ опредѣленныхъ взглядовъ на систему управленія Суданомъ. Обнаруженіе преступленій Фаузи произвело на Гордона сильное впечатлѣніе. Онъ хотѣлъ его разстрѣлять, но потомъ сослалъ въ цѣпяхъ на станцію Собатъ, а въ концѣ концовъ простилъ и отправилъ въ Каиро. Губернаторомъ Экваторіальной провинціи вмѣсто него, по предложенію Юнкера, съ которымъ Гордонъ вообще охотно совѣтовался, назначенъ былъ Эминъ. Гордонъ согласился на это назначеніе только послѣ нѣкотораго колебанія; изъ дальнѣйшей исто-

ріи Судана, однако, извѣстно, что Эминъ оказался идеальнымъ правителемъ своей области. Точно также Юнкеръ повліялъ на судьбу своего друга Джесси. Имѣя въ виду обезпеченіе семьи Джесси, Гордонъ предложилъ ему предпринять экспедицію съ поддержкою со стороны правительства въ богатую слоновой костью область рѣки Собатъ. Тѣмъ временемъ, однако, Солиманъ началъ возстаніе, которымъ уже давно грозилъ. Гордону положительно некому было поручить командованіе войсками, кромѣ Джесси. Юнкеръ принялъ на себя трудъ уговорить Джесси отложить свою экспедицію и принять начальство въ походѣ, который ему впослѣдствіи принесъ столько славы. За эту помощь Гордонъ еще болѣе привязался къ Юнкеру и подарилъ ему между прочимъ замѣчательную коллекцію этнографическихъ предметовъ изъ Даръ-Фора.

Когда во второе путешествіе Юнкера въ центральную Африку Гордонъ встрѣтился съ спутникомъ его Бондорфомъ, возвращавшимся уже въ Европу, и узналъ, что Юнкеръ отрѣзанъ отъ Хартума разгорѣвшимся въ то время возстаніемъ махдистовъ, онъ воскликнулъ: «Я пошлю пароходы вверхъ по рѣкѣ, пошлю за нимъ, спасу его!» Несчастный Гордонъ не подозрѣвалъ того, что собственное отечество покинетъ его въ минуту величайшей опасности и что ему самому придется стать жертвою махдистскаго возстанія.

Въ концѣ іюля Юнкеръ покинулъ Хартумъ и частью караваннымъ путемъ, частью на баркѣ, а затѣмъ по желѣзной дорогѣ прибылъ въ Каиро, а оттуда направился въ С.-Петербургъ.

ГЛАВА V.

Бахръ-эл-Газаль. Ндорума.

Хлопоты въ Каиро.—Характеристика Бондорфа.—Сауакинъ.—Хартумъ.—«Седдъ», его происхожденіе и борьба съ нимъ.—Плаваніе по Бахръ-эл-Газалю.—Мешръ-эр Рекъ.—Свиданіе съ Джесси и Атрушъ-беемъ.—Станція Джуръ-Гаттасъ.—Шимпанзе и Balaeniceps rex.—Племена джуръ и бонго.—Erythrophlaeum guinense.—Станція Демъ-Солиманъ.—Ндорума.—Природа экваторіальной Африки.—Пребываніе у Ндорумы.—Отношеніе Юнкера къ неграмъ.—Кудесникъ.

Путешествія, при всей своей привлекательности, имѣютъ роковое вліяніе на путешественниковъ. Жизнь, исполненная приключеній и опасностей, честолюбивыхъ надеждъ и искреннихъ восторговъ, увлекаетъ людей предпріимчивыхъ и неудержимо ведетъ ихъ на новые подвиги и на новый рискъ. Нерѣдко путешественники становятся жертвою своей страсти: такъ погибли Пржевальскій, Ливингстонъ, Г. Шлагинтвейтъ и многіе другіе знаменитые изслѣдователи нашей земли.

Возвращаясь въ С.-Петербургъ, Юнкеръ и не помышлялъ о томъ, чтобы ему суждено было вновь увидѣть Африку. Но уже въ сентябрѣ 1879 года онъ опять находился на пути въ Александрію съ тѣмъ, чтобы продолжать свои изслѣдованія въ тропической Африкѣ въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ они были имъ прерваны. Онъ былъ преисполненъ самыхъ свѣтлыхъ надеждъ. «Къ счастью», говоритъ Юнкеръ, «будущее скрыто было за таинственнымъ покровомъ»; онъ утратилъ бы все мужество, если бы ему суждено было предвидѣть всѣ тѣ лишенія, труды, страданія, волненія, которые его ожидали впереди. Ему предстояло провести семь тяжкихъ лѣтъ въ экваторіальной Африкѣ...

Въ Каиро Юнкеръ былъ чрезвычайно любезно принятъ хедивомъ. Тѣмъ не менѣе ему пришлось испытать всевозможныя мытарства въ египетскихъ министерствахъ, гдѣ, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣли ни малѣйшихъ понятій о Суданѣ и о способахъ путешествія въ негрскихъ странахъ. Съ великимъ трудомъ добился онъ приблизительно тѣхъ-же льготъ, которыя ему въ прошлое путешествіе представлены были Гордономъ.

Въ видѣ помощника Юнкеръ захватилъ съ собою Бондорфа, пользующагося въ настоящее время славою хорошаго знатока негрскихъ странъ и опытнаго путешественника. Бондорфъ родился въ 1849 году въ Мекленбургѣ, былъ подмастерьемъ у золотыхъ дѣлъ мастера, посѣщалъ различныя страны Европы, пробрался въ Тунисъ, а оттуда въ Египетъ. Здѣсь онъ поступилъ въ услуженіе къ Гордону, затѣмъ состоялъ провіантъ-мейстеромъ и въ этой должности дошелъ до Гондокоро. Въ 1875 году онъ на собственныя средства отправился въ Даръ-Форъ и оттуда проникъ въ западныя страны нямъ-нямовъ. Тѣмъ временемъ началось вышеупомянутое возстаніе Солимана. Среди величайшихъ опасностей Бондорфъ пробился къ египтянамъ, но, прослышавъ о планахъ Юнкера, тотчасъ же заявилъ желаніе сопутствовать ему. Добавимъ еще, что Юнкеръ отпустилъ его по болѣзни изъ страны нямъ-нямовъ въ 1882 году, но разгорѣвшееся возстаніе махдистовъ задержало его на цѣлый годъ среди дикарей, изъ рукъ которыхъ онъ вырвался, не успѣвъ, конечно, спасти коллекціи Юнкера. Вскорѣ неустрашимый Бондорфъ поступилъ на службу государства Конго, въ 1885 году онъ присоединился къ австрійской экспедиціи Ленца и Баумана и прорѣзалъ весь африканскій материкъ, выйдя въ 1887 на юго-восточномъ берегу у Киллимане. Вслѣдъ затѣмъ онъ поступилъ на службу въ германскія восточно-африканскія колоніи. Въ общемъ Бондорфъ представляетъ намъ типъ отважнаго искателя приключеній и страстнаго охот-

ника, хотя за нимъ едва-ли возможно признать качества выдающагося путешественника или ученаго. Портретъ его и краткая біографія помѣщены въ IX томѣ извѣстнаго географическаго журнала: «Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik».

Въ Суэсѣ Юнкеръ сѣлъ на пароходъ общества Рубаттино, отправлявшійся въ Сауакинъ. На томъ же пароходѣ ѣхало двое молодыхъ спортсмэновъ—англичанъ, намѣревавшихся поохотиться въ богатыхъ дичью областяхъ рѣкъ Бахръ-эл-Сетитъ и Бахръ-эл-Салаамъ. По какой-то нелѣпой случайности багажъ ихъ и все прекрасное охотничье снаряженіе попало на пароходъ, направлявшійся въ Австралію. Охотникамъ пришлось удовлетвориться тѣмъ снаряженіемъ, которое они могли раздобыть въ Сауакинѣ. Но и Юнкеръ, несмотря на то, что его снаряженіе было въ полномъ порядкѣ, не удержался отъ того, чтобы не прикупить нѣкоторые предметы и не пополнить своихъ запасовъ. Между прочимъ, онъ купилъ плетеное кресло индійской работы, оказавшее ему впослѣдствіи неоцѣненныя услуги въ африканской глуши. Въ Сауакинѣ многое измѣнилось со времени послѣдняго посѣщенія Юнкера. Городъ былъ теперь соединенъ со своимъ торговымъ предмѣстіемъ, Гефъ, плотиною, благодаря чему облегчены были сношенія между обоими пунктами. Еще болѣе, однако, отразились на всемъ складѣ жизни города и туземцевъ нѣкоторыя перемѣны, происшедшія въ способѣ перевозки товаровъ. По древнему обычаю, лежащему т. ск. въ основѣ всякаго первобытнаго человѣческаго сообщества, право перевоза товаровъ и охраненія торговыхъ каравановъ принадлежало мѣстнымъ племенамъ; это была ихъ родовая привиллегія, которую они отстаивали мечомъ и кровью. Но вотъ, энергичный европейскій торговецъ Маркэ добился отъ правительства разрѣшенія на провозъ товаровъ, онъ доставилъ въ Сауакинъ множество верблюдовъ, вмѣстѣ съ которыми прибыли представители

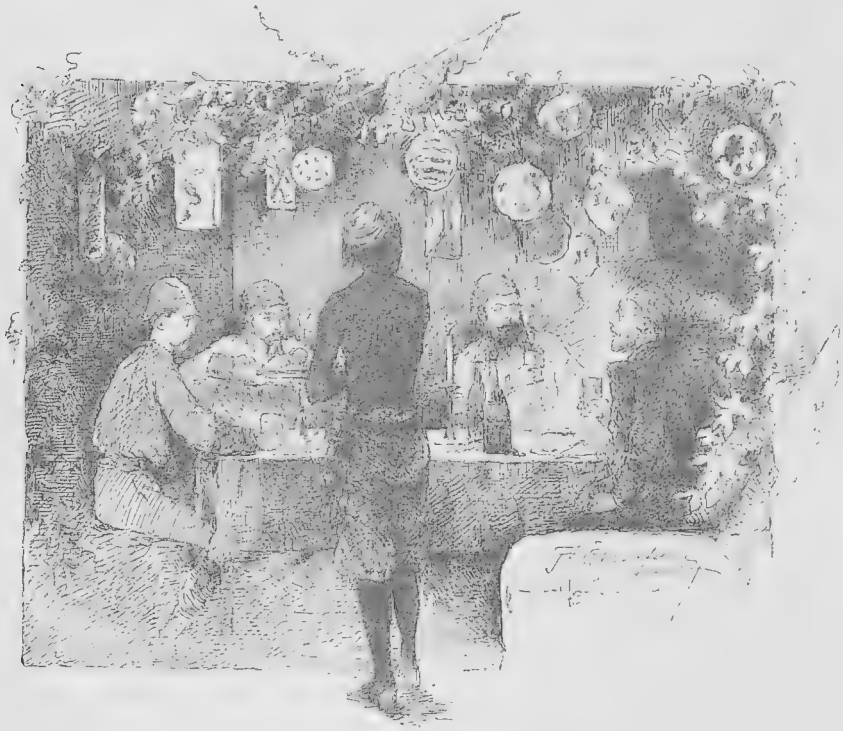
различнѣйшихъ племенъ; верблюды, къ изумленію туземцевъ, стали запрягаться въ повозки; дороги были улучшены. Тотъ же торговецъ привезъ первую очистительную машину для гумми въ Хартумъ и ввелъ сортировку страусовыхъ перьевъ. Словомъ, Маркэ еще разъ доказалъ, какъ много можетъ сдѣлать человѣкъ съ достаточною энергіею въ этомъ богатомъ по природѣ, но забытомъ людьми краѣ.

Область между берегомъ и городомъ Берберомъ представляетъ постепенный подъемъ почвы и не лишена извѣст-

Берберъ.

ныхъ красотъ. Здѣсь обитаютъ, главнымъ образомъ на востокъ отъ пути, гадендоа. Ночи во время пути были сырыя и даже прохладныя: на стоянкахъ приходилось прибѣгать къ теплой одеждѣ. Берберъ—довольно значительное арабское поселеніе и отличается большимъ числомъ новенькихъ глиняныхъ хижинъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что городъ еще недавно пострадалъ отъ сильныхъ ливней, разрушившихъ даже крупныя городскія постройки. Пересѣвъ въ Берберѣ на нильскій пароходъ, нашъ путешественникъ, какъ и въ первое путешествіе, тотчасъ-же схватилъ лихорадку, отъ которой онъ избавился лишь послѣ того, какъ высадился въ Хартумѣ.

Въ Хартумѣ точно также многое измѣнилось: консулъ Россетъ, столь гостепріимно принимавшій Юнкера въ послѣднее пребываніе его въ Хартумѣ, тѣмъ временемъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Даръ-Форъ, но по прибытіи туда скоропостижно скончался. Повидимому, онъ сталъ жертвою отравы. Джесси былъ назначенъ губернаторомъ Экваторіаль-



Встрѣча новаго года въ Хартумѣ.

ной провинціи. Среди новыхъ членовъ европейской колоніи Юнкеръ близко сошелся съ правительственнымъ врачемъ Цурбушеномъ, швейцарцемъ по происхожденію, который, какъ намъ, кстати замѣтить, лично извѣстно, въ Европѣ не былъ врачемъ, а ветеринаромъ. Въ сообществѣ съ нимъ, старымъ пріятелемъ своимъ Ганзалемъ и другими европейцами, Юнкеръ торжественно отпраздновалъ русскій новый годъ (1880). Домъ его, всюду

извѣстный подъ роковымъ именемъ дома «отца пятисотъ». такъ какъ бывшій владѣлецъ его, прописывая своимъ подчиненнымъ наказанія, любилъ для круглаго счета отсыпать по пятисотъ ударовъ, былъ украшенъ цвѣтными фонарями и русскимъ флагомъ. Гостямъ, въ видѣ сюрприза, подано было блюдо, котораго они не видали въ продолженіе многихъ лѣтъ, а именно картофель, приготовленный въ трехъ видахъ. Картофель произвелъ эффектъ! Ганзаль набилъ себѣ карманы картофелемъ въ мундирѣ, а Цурбушенъ даже объѣлся этимъ національнымъ швейцарскимъ блюдомъ. Картофель Юнкеръ захватилъ съ собою на ряду съ другими сѣменами для распространенія среди негровъ.

Путь по Нилу до Собата Юнкеръ дѣлалъ уже пятый разъ. Конечно, онъ не представлялъ для него прежняго интереса, да и само путешествіе отличалось извѣстными неудобствами въ виду того, что пароходъ «Измаилія» былъ биткомъ набитъ народомъ и къ тому же совершенно заполоненъ крысами. Чтобы избавиться отъ нихъ, Юнкеру пришлось прибѣгать къ пистолету-Флоберу и, наконецъ, завести черепаху, которая пугала непрошенныхъ гостей, прогуливаясь по ночамъ и постукивая лапками. Въ виду того, что на рѣкѣ образовались травянистые бары, т. н. «седдъ», пароходъ «Измаилія», какъ болѣе крѣпкое судно пущено было впередъ; за нимъ слѣдовалъ болѣе слабый пароходъ «Эмба́ба». Первое судно имѣло на буксирѣ желѣзную грузовую лодку, на которой находился вьючный скотъ путешественника, второе влекло за собою нѣсколько барокъ. «Седду» въ этомъ году было множество. Уже болѣе года Ладо отрѣзано было отъ Хартума. Надъ устраненіемъ «седда» въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ трудился путешественникъ Марно съ нѣсколькими пароходами. Въ то время какъ одинъ пароходъ разбивалъ «седдъ», другой отвозилъ оторваные куски и сплавлялъ ихъ внизъ по рѣкѣ, а третій подвозилъ топливо. Однако-

же «седдъ» образовывался въ высшей степени быстро. Въ самый короткій срокъ возникаютъ барры въ 100 метровъ ширины, загораживающіе всю рѣку. Въ особенности затруднительны для судовъ «седды» на рѣкѣ Бахръ-эл-Джебель, имѣющей несравненно болѣе обширные заводи, чѣмъ Бахръ-эл-Газаль. Во время наводненія эти заводи, заростающія ом-суфомъ (Vossia procera), похожимъ на камышъ, папирусомъ, амбачомъ, которые въ свой чередъ сплетаются и скрѣпляются множествомъ мелкихъ растеній, въ родѣ Lemna, Azolla, Iussiena, Pistia и т. д., наполняются водою; растительность отрывается отдѣльными островками отъ дна и выносится попутнымъ вѣтромъ въ рѣку. Здѣсь островки еще болѣе сплочиваются, благодаря напору теченія, ихъ прибиваетъ къ берегу и они смыкаются все тѣснѣе и тѣснѣе въ барры; иногда они отягощаются иломъ и тогда медленно начинаютъ опускаться ко дну. Полное замыканіе Нила происходитъ относительно рѣдко, такъ какъ даже при барахъ въ нѣсколько метровъ глубины низовое теченіе продолжается. Сообщеніе по Нилу прекращено было благодаря «седду» въ 1863 г., во время экспедиціи смѣлой путешественницы Александрины Тинне, въ 1870 г. и 1871 г. во время похода Самуэля Бекера, когда «седдъ» былъ устраненъ лишь въ 1874 г.; въ 1878 г. наконецъ, благодаря обильнымъ дождямъ, въ экваторіальныхъ областяхъ вновь появился «седдъ», закрывавшій путь по рѣкѣ ко времени прибытія Юнкера уже болѣе года. Суда, попавшія въ область «седда», выбиваются лишь съ трудомъ, а иногда даже погибаютъ. Сильно пострадали, напримѣръ, люди, отправленные Джесси во время «седда» въ 1880 г. по Бахръ-эл-Газалю. Изъ этихъ крѣпкихъ зарослей не въ состояніи выбраться даже сильные гиппопотамы и крокодилы. Болѣе рыхлыя массы разбиваются, какъ уже указано, пароходами; экипажъ при этомъ работаетъ баграми и вилами, отгоняя оторванные куски къ кормѣ судна; другіе люди по поясъ въ водѣ утаптываютъ передъ носомъ парохода

тип. Ед. Гопп°.

Въ зарослях папируса.

выдающіяся части «седда». Иногда «седдъ» выжигаютъ, хотя это, конечно, не совсѣмъ безопасно для судовъ. Затѣмъ въ обгорѣлый «седдъ» вбиваютъ колья и къ нимъ прикрѣпляютъ веревки, которыя въ свою очередь прикрѣплены къ пароходу. Послѣ этого пароходу даютъ ходъ и такимъ образомъ отрываютъ отъ «седда» кусокъ за кускомъ.

Balaeniceps rex.

Въ виду этихъ условій плаваніе шло чрезвычайно медленно. «Измаилія» пробивала «седдъ» въ 40 шаговъ ширины иногда не болѣе какъ въ одинъ часъ, иногда же пароходу приходилось биться чуть ли не на одномъ мѣстѣ цѣлыя сутки, такъ какъ попадались «седды» въ 2,000 шаговъ ширины. Что касается «Эмбабы», то она со своими барками постоянно застрявала, не смотря на то, что «Измаилія» ей расчищала путь. Путешествіе по Бахръ-эл-Газалю было въ общемъ крайне однообразно. Всюду виднѣлись обширныя пространства, залитыя водою, всюду разстилалось однообразное море травъ, среди которыхъ лишь кое-гдѣ возвышались папирусы и небольшіе островки деревъ. Сухія мѣста отмѣчались кустарникомъ и термитовыми постройками. Поселенія нуэровъ попадаются рѣдко. Сама рѣка, не смотря на обширныя заводи и крупные притоки, въ родѣ Бахръ-эл-Араба или Джура, мѣстами обра-

зуетъ лишь извилистые и узкіе протоки. Водная поверхность мѣстами покрыта водяными растеніями; густо тѣснятся близъ берега чашевидные цвѣты Pistia, зачастую попадаются прелестныя бѣлыя кувшинки Nymphaea Lotus, по твердымъ листьямъ которыхъ быстро перебѣгаетъ граціозная «парра», водяная птичка Parra africana; мѣстами въ береговыхъ рощицахъ попадаются тысячи черныхъ т. н. змѣиноголовыхъ птицъ, обновившихъ меню экипажа. Вотъ на «седдѣ» мрачно и неподвижно стоитъ крупный Balaeniceps rex съ громаднѣйшимъ клювомъ въ видѣ башмака; не смотря на свой безучастный видъ, онъ зорко сторожитъ добычу.

Въ высшей степени странный видъ представляютъ низовья Бахръ-эл-Газаля, т. н. «Китъ». Здѣсь не замѣчалось даже того теченія, которое въ верхнихъ частяхъ рѣки все же указывало на то, гдѣ пролегаетъ русло. Подъ напоромъ водъ Джура, Молмула и, повидимому, еще одного рукава Тонджа, впадающаго, по слухамъ, въ юго-восточный уголъ этого лабиринта водъ и травъ, здѣсь образуются широкія водныя пространства, напоминающія собою озера. Мѣсто высадки, Мешра-эр-Рекъ, замѣнившее прежнюю торговую пристань, Мешра-эр-Туджаръ, представляетъ собою жалкое поселеньице на небольшомъ островкѣ. Здѣсь не было даже постоянной станціи, и это обстоятельство отразилось впослѣдствіи весьма печально на египтянахъ, когда дѣятельному Луптонъ-бею пришлось бороться въ этой мѣстности съ возставшими неграми-динка. Плаваніе по рѣкѣ продолжалось восемь дней, въ теченіе которыхъ сдѣлано было всего 214 километровъ. Пользуясь этимъ путешествіемъ, Юнкеръ составилъ карту рѣки, которая, какъ впослѣдствіи оказалось, замѣчательно совпадала съ картами Марно и Луптона.

Въ Мешра-эр-Рекѣ Юнкеръ къ великой радости своей встрѣтился съ Джесси, который отсюда отправлялъ въ Хартумъ транспортъ слоновой кости и вмѣстѣ съ тѣмъ массу

народа и сброда, присутствіе котораго казалось ему опаснымъ въ умиротворенной имъ провинціи. Джесси старался во всемъ содѣйствовать планамъ Юнкера и вызвался даже проводить его на нѣсколько станцій въ глубь страны. Въ виду того, однако, что его задерживали дѣла, Юнкеръ пошелъ одинъ до станціи Джуръ-Гаттасъ. Путь пролегалъ по болотамъ и густымъ зарослямъ тростника; поэтому нашему путешественнику пришлось сѣсть въ лодку-душегубку, въ которую впряженъ былъ долговязый динка. Но лишь только окончилось это мучительное путешествіе по болотамъ и топямъ, лишь только путники достигли

Путь изъ Мешра-эр-Рекъ.

сухого мѣста и лѣса, какъ имъ уже пришлось страдать отъ недостатка воды. Дѣйствительно, Африка всюду страна контрастовъ, такъ какъ и въ этихъ сухихъ областяхъ въ дождливое время все залито водою. По дорогѣ чередовались теперь парковые лѣса и кустарники съ обширными равнинами, заливаемыми во время половодья водами Тонджа, который путешественники неоднократно переходили; отдѣльныя купы деревъ выдавались среди равнинъ островками. Мѣстность эта, представлявшая отрадную картину послѣ печальныхъ болотъ, оживлялась безчисленными стаями цецарокъ и антилопъ; довольно часто попадались здѣсь страусы и жирафы. Здѣсь начинается область динка, которые болѣе другихъ пострадали отъ

набѣговъ торговцевъ невольниками и поэтому сильно обнищали. Достойно вниманія, что негры эти селятся, подобно нѣкоторымъ сибирскимъ инородцамъ нашимъ, напримѣръ остякамъ, въ сторонѣ отъ обыденныхъ путей сообщенія.

Въ Джуръ-Гаттасѣ Юнкеръ совершенно неожиданно встрѣтилъ своего стараго знакомца Атрушъ-бея. Бывшій мудиръ находился въ настоящее время въ весьма жалкомъ положеніи. Онъ былъ сосланъ сюда за нарушеніе дисциплины и за то, что въ походѣ противъ Солимана замѣшкался со своими людьми. Кромѣ того онъ былъ опасно боленъ. Юнкеръ постарался облегчить его участь. Онъ выхлопоталъ ему у Джесси разрѣшеніе отправиться въ Хартумъ; но было уже поздно. Атрушъ вскорѣ скончался, не успѣвъ покинуть Джуръ-Гаттаса.

Динка (по рисунку Швейнфурта).

Вскорѣ на станцію прибылъ Джесси, онъ провелъ здѣсь нѣсколько дней съ Юнкеромъ. Время шло незамѣтно. Неистощимымъ предметомъ для разговоровъ служили для нихъ реформы, вводимыя Джесси, которому, однако, не мало приходилось бороться съ постояннымъ недоброжелательствомъ египетскихъ чиновниковъ. Горячо обсуждались планы Юнкера. Рѣшено было, что Юнкеръ проникнетъ въ страны мангбатту къ югу отъ Уэлле не по обыденному пути чрезъ Румбекъ и по рѣкѣ Ролю, такъ какъ этотъ путь былъ уже ему извѣстенъ, а вмѣстѣ съ Джесси пройдетъ по провинціи Бахръ-эл-Газаль до главной станціи ея, Демъ-Солиманъ и оттуда проникнетъ чрезъ страны

народовъ а-занде. Багажъ былъ посланъ съ Бондорфомъ ближайшимъ путемъ на станцію Ганда.

Немалымъ развлеченіемъ служили нашимъ европейцамъ въ Джуръ-Гаттасѣ наблюденія за животными. Джесси привезъ съ собою нѣсколько маленькихъ шимпанзе. Бойкія животныя эти вели себя какъ шаловливыя дѣти и подчасъ, въ особенности во время обѣда, положительно мучили своихъ хозяевъ. Спасителемъ и защитникомъ ихъ въ этомъ случаѣ являлся прирученный Balaeniceps. Стоило явиться этому «полицейскому», какъ его называли, и обезьянки поспѣшно обращались въ бѣгство, хотя онъ ихъ не трогалъ и даже не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Если около этой птицы ставили чанъ съ водою, въ которую пущена была рыба, то она долго неподвижно стояла передъ чаномъ, но затѣмъ внезапно и съ быстротою молніи выхватывала своимъ неуклюжимъ клювомъ рыбу покрупнѣе. Она глотала безъ особаго труда рыбъ, чуть ли не въ футъ длиною. Людей Balaeniceps совершенно не боялся и согнать его съ мѣста было довольно трудно. Не мало напугалъ однажды всю станцію взрослый шимпанзе, который заключенъ былъ въ клѣтку. Ему какимъ то образомъ удалось вырваться изъ нея и вотъ онъ съ крайне недовольнымъ видомъ сталъ расхаживать по двору. Животныя эти обладаютъ громадною силою, поэтому появленіе плѣнника на дворѣ вызвало положительную панику.

Юнкеръ, сидѣвшій за обѣдомъ, распорядился, чтобы въ пустую клѣтку отнесены были тарелки со стола. Военная хитрость блистательно удалась: шимпанзе возвратился въ клѣтку, гдѣ его мгновенно заперли.

Тѣмъ временемъ наступилъ первый и болѣе краткій дождевой періодъ, продолжающійся съ небольшими перерывами съ марта по апрѣль, тогда какъ второй періодъ, болѣе выраженный, продолжается съ середины мая до октября мѣсяца. Отдѣляются эти дождевые періоды сухимъ про-

межуткомъ въ одинъ, а иногда и въ нѣсколько мѣсяцевъ. Юнкеръ по прежнему выступилъ одинъ, такъ какъ Джесси опять задержали дѣла. По дорогѣ всюду встрѣчались слѣды недавной борьбы между Джесси и Солиманомъ въ видѣ окоповъ или разоренныхъ поселеній и станцій. Рѣки Джуръ и Вау оказались на этотъ разъ настолько мелкими, что ихъ не трудно было перейти въ бродъ. Джесси мечталъ о томъ, чтобы сдѣлать станцію Вау центральнымъ пунктомъ провинціи Бахръ-эл-Газаль и доставлять по рѣкѣ Вау значительныя богатства этой области въ Хартумъ. Такимъ образомъ этотъ гуманный человѣкъ надѣялся избавить негровъ отъ столь тяжкой для нихъ повинности перетаскивать грузы и товары правительства. Обитатели области Джуръ отличаются умѣньемъ обработывать желѣзо. По дорогѣ то и дѣло попадались небольшіе горны кузнецовъ. Запасъ зернового хлѣба негры сохраняютъ въ большихъ глиняныхъ сосудахъ въ нѣсколько метровъ высоты; сосуды эти прекрасно предохраняютъ зерно отъ сырости и отъ крысъ и часто встрѣчаются у магометанскихъ племенъ Судана. Называются они здѣсь «гуга». Интересно, что недавно скончавшійся знаменитый изслѣдователь греческихъ древностей д-ръ Шлиманъ находилъ подобные же сосуды громадныхъ размѣровъ при раскопкахъ древней Трои. Въ негрскихъ хижинкахъ, въ которыхъ стоятъ эти сосуды, коптится мясо, благодаря чему вся внутренность ихъ покрыта блестящимъ слоемъ сажи и кажется какъ бы лакированною.

Къ сѣверу и къ западу отъ станціи Бизелли располагаются племена бонго. Женщины бонго носятъ въ нижней губѣ громадные деревянные клинья въ 3—4 сантиметра въ поперечникѣ и 2—3 сантиметра высоты; понятно, что грузъ такого рода оттягиваетъ губу, поэтому онѣ упираютъ ее, когда садятся, на колѣни. Мѣстность эта богата дичью; по дорогѣ, между прочимъ, убита была молодая жирафа, мясо которой оказалось чрезвычайно вкуснымъ. Разрѣзан-

тип. ед. голпе

Демъ-Солиманъ.

ное на полосы, «шармутъ», т. е. тряпки по арабски, и просушенное на огнѣ мясо это сохраняется цѣлыми мѣсяцами. Тутъ же встрѣчается небольшое деревцо съ перистыми листьями Erythrophlaeum guinense, изъ коры котораго въ западной Африкѣ изготовляютъ ядовитый настой, употребляемый при фетишестическихъ обрядахъ. Эритрофлеинъ имѣетъ мѣстное болѣзнеутоляющее дѣйствіе и, быть можетъ, со временемъ будетъ играть большую роль въ медицинѣ.

Сериба Демъ-Солиманъ, прежняя Сиберъ-Рахама, представляла послѣдній оплотъ Сибера и была имъ превосходно укрѣплена. Джесси торжественно вступилъ въ бывшую столицу своего противника. Онъ остановился въ прежнемъ домѣ Сибера, въ двухэтажномъ кирпичномъ зданіи, напоминающемъ собою хартумскія постройки. На другой день послѣ прибытія его Юнкеръ праздновалъ день своего рожденія; Джесси устроилъ ему обѣдъ, на который приглашены были почетныя лица города. Будучи мастеромъ на всѣ руки, онъ самъ, не смотря на свое высокое званіе, готовилъ на кухнѣ и между прочимъ подалъ прекрасный плумъ-пуддингъ. Изъ богатыхъ запасовъ серибы Юнкеръ пополнилъ свое снаряженіе, заплативъ за это деньгами, которыми его ссудилъ Джесси. По порученію послѣдняго онъ захватилъ съ собою въ подарокъ для вождя нямъ-нямовъ Ндо́румы большой мѣдный турецкій барабанъ, арабскій бурнусъ, шитую шаль, красные башмаки, ружье и патроны. Юнкеру Джесси подарилъ на дорогу корову съ теленкомъ, совмѣстно съ которыми долженъ былъ послѣдовать за нимъ мальчуганъ динка, умѣющій ходить за скотомъ. Нямъ-нямы плохіе скотоводы, а уходъ за скотомъ у динка, какъ и повсюду у негровъ, дѣло мужчинъ, а не женщинъ.

Трогательно было разставаніе друзей, да и сами арабы не безъ сожалѣнія смотрѣли на Юнкера, считая его человѣкомъ погибшимъ въ виду того, что онъ рѣшился

одинъ, безъ необходимаго конвоя проникнуть въ страну страшныхъ нямъ-нямовъ.

До Ндорумы Юнкера провожалъ небольшой отрядъ солдатъ. По этому же пути нѣкогда проходилъ знаменитый предшественникъ Юнкера д-ръ Георгъ Швейнфуртъ. Онъ пересѣкъ рѣку Бири, въ которую впадаютъ множество рѣченокъ, орошающихъ эту слегка волнистую и кое-гдѣ покрытую рѣдкимъ лѣскомъ мѣстность. Юнкеръ, напротивъ того, обошелъ рѣку. Въ это время года выпадала столь сильная роса, что путешественники въ высокой травѣ промокали до пояса. Поселенія и тутъ большею частью держались вдали отъ болѣе значительныхъ путей сообщенія. По дорогѣ Юнкеръ встрѣтился съ княземъ а-занде Семіо, съ которымъ ему впослѣдствіи пришлось близко сойтись. Въ серибѣ Демъ-Бекеръ къ Юнкеру явились послы Ндо́румы и извѣстили его о предстоящемъ прибытіи князя. Ндо́румѣ, какъ человѣку испытанному въ борьбѣ съ арабами, хотѣлось предварительно убѣдиться въ томъ, насколько безопасенъ ожидаемый гость. Онъ относился съ понятнымъ опасеніемъ ко всему, что исходило изъ страны нубійцевъ. Юнкеръ рѣшился принять Ндоруму, по возможности, торжественно. Онъ выстроилъ свою небольшую команду, нарядивъ людей въ русскія рубахи и шаровары, которыхъ онъ захватилъ въ довольно большомъ количествѣ для раздачи неграмъ. Самъ властитель людоѣдовъ, Ндо́рума, явился въ довольно комичномъ костюмѣ: это былъ мужчина громаднаго роста, на которомъ кое-какъ натянута была узкая куртка, несходившаяся на его мощной груди; затѣмъ на немъ надѣты были чуть ли не лопавшіеся при малѣйшемъ движеніи малиновые гусарскіе рейтузы, оказавшіеся непомѣрно короткими и сверху и снизу; на головѣ у него была красная феска. Держался онъ нѣсколько сутуловато и сидѣлъ сгорбившись. Украшеній онъ не носилъ. Тѣмъ не менѣе въ этомъ дикарѣ было столько достоинства и

силы, что нелѣпый костюмъ его какъ-то забывался. У него было энергичное лицо съ живыми глазами, выдающимися скулами, широкимъ носомъ; борода у него была рѣдкая, волосы на головѣ заплетены довольно небрежно въ косы. Впослѣдствіи Юнкеру пришлось его видѣть въ домашней обстановкѣ, въ національномъ «рокко», въ платьѣ изъ древесной коры; тогда онъ казался положительнымъ красавцемъ.

Ндорума ненавидѣлъ арабовъ, но за то благоговѣлъ передъ защитникомъ негровъ, Джесси. Съ Юнкеромъ, какъ съ другомъ Джесси, онъ, повидимому, быстро сошелся. Передъ его отбытіемъ Юнкеръ устроилъ вечернее празднество съ музыкою, иллюминаціею и маскарадомъ. Зажжены были китайскіе цвѣтные фонарики и появилась процессія дѣтей, наряженныхъ въ шуточныя маски, изображавшія звѣрей; маски эти, впрочемъ, нѣсколько перепугали зрителей, въ особенности женщинъ. Музыка, т. е. различныя музыкальныя машинки и большая шарманка, купленныя имъ въ Германіи, произвела сильное впечатлѣніе. Въ нѣмомъ благоговѣніи толпа внимала торжественнымъ звукамъ марша «Die Wacht am Rhein», далеко разносившимся по африканской степи. Отправляясь во свояси, Ндорума обѣщался приготовить все, что нужно для сооруженія станціи, въ которой можно было бы пожить Юнкеру.

Наконецъ, вступилъ и самъ Юнкеръ въ страну, въ которую до него не ступала нога европейца. «Не рискуй, но и не робѣй въ виду препятствій!» писалъ Юнкеръ въ своемъ дневникѣ въ видѣ эпиграфа передъ выступленіемъ въ путь. Онъ самъ признается, что былъ въ довольно безпечномъ настроеніи: долголѣтнее пребываніе въ странахъ магометанскихъ внушаетъ даже европейцамъ извѣстную долю фатализма.

Въ отношеніи ландшафта экваторіальная Африка характеризуется въ этой области главнымъ образомъ преоб-

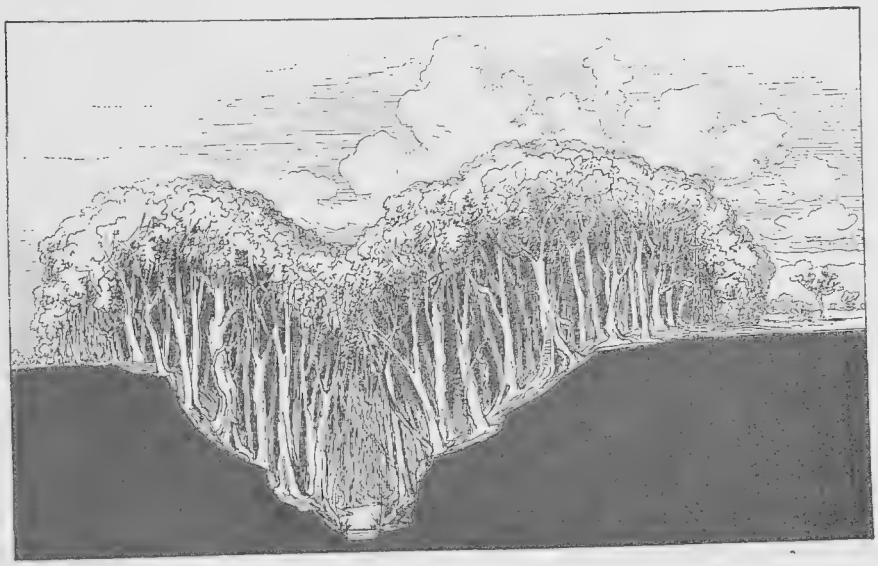
ладаніемъ волнистой поверхности. Волны эти различнаго протяженія въ длину и ширину и различной высоты. Мѣстами встрѣчаются огромныя болѣе или менѣе ровныя степныя пространства, мѣстами парковые лѣса, мѣстами, къ югу и къ западу сплошные лѣса, состоящіе здѣсь повсюду изъ смѣшанныхъ породъ. Дѣйствительныя равнины встрѣчаются относительно рѣдко, характеризируя главнымъ образомъ низменности и наносную почву низовьевъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Бахръ-эл-Газаль. По направленію къ югу все чаще обнаруживается столь характерный для центральной Африки красноватый латеритъ (later—кирпичъ), перемежающійся мѣстами съ обломками гранита и гнейса, а подчасъ даже съ небольшими скалистыми возвышеніями этихъ обнаженныхъ горныхъ породъ. Глубоко въ почву врѣзываются рѣчки и ручьи, пересыхающіе въ сухое время года. Тогда отъ нихъ остаются небольшія лужи и озера, напоминающія по богатству своей флоры и фауны наши искусственные акваріумы. Въ особенности роскошна растительность тамъ, гдѣ на берегахъ глубокихъ ручьевъ образуются т. н. «галлерейные лѣса», т. е. громадные своды деревъ, окаймляющихъ глубокія и вѣчно сумрачныя лощины. Соотвѣтственно водораздѣламъ, въ зависимости слѣдовательно отъ склона, состава почвы, орошенія и т. д., растительность обнаруживаетъ удивительную разницу. Въ началѣ пути всѣ рѣки и рѣчонки стремились къ сѣверовостоку, къ рѣкѣ Вау, впадающей въ Бахръ-эл-Газаль. Не болѣе какъ на одинъ переходъ къ западу отъ прямого пути Юнкера и къ югу отъ Демъ-Бекира проходитъ водораздѣлъ Нила и Конго. По ту сторону водораздѣла рѣки направляются уже къ юго-западу, къ Уэллэ-Мáкуа-Мобáнги. На водораздѣлѣ возвышаются, считая съ сѣвера на югъ, горы Макáмба, Дарагумба и Бэндири. Юнкеръ перешелъ этотъ водораздѣлъ подъ 6° 45′ сѣв. широты.

Повторныя путешествія доставили ему возможность

Галлерейный лѣсъ.

ближе изслѣдовать эту замѣчательную область и нанести се на карту. Водораздѣлъ проходитъ на разстояніи 1,200 километровъ приблизительно съ 2° сѣв. шир. и къ западу отъ озера Альбертъ-Ньанза въ сѣверо-западномъ направленіи до 8° сѣв. шир.

Путешествіе сопряжено было на этотъ разъ съ значительными затрудненіями. Юнкеръ страдалъ лихорадкою, да и кромѣ того немало хлопотъ и мученій ему достав-



Галлерейные лѣса (схематическій рисунокъ).

ляли носильщики. Здѣсь, въ странѣ свободныхъ негровъ, не было уже носильщиковъ, обязанныхъ безусловно повиноваться. Зависимость туземцевъ отъ ихъ вождей была, такъ сказать, случайная и обусловливалась прежде всего темпераментомъ даннаго вождя; люди энергичные пользуются здѣсь деспотическою властью. Юнкеру какъ чужеземцу, приходилось во многомъ уступать неграмъ и, напримѣръ, останавливаться именно тамъ, гдѣ имъ хотѣлось отдохнуть. Съ другой стороны, Юнкеръ глубоко убѣжденъ былъ именно въ томъ, что съ неграми нельзя нѣжничать.

Не мало тормозили путешествіе и тѣ странныя и въ высшей степени ненормальныя отношенія, которыя существовали между различными вождями. Между ними господствовало вѣчное соперничество, зачастую переходившее въ ожесточенную вражду. Появленіе въ ихъ средѣ европейца, обладающаго прекраснымъ оружіемъ и пользующагося дружбою египетскихъ губернаторовъ, послужило поводомъ къ новымъ распрямъ и интригамъ. Когда Юнкеръ находился у Ндорумы, сосѣдніе князья къ нему постоянно засылали развѣдчиковъ и пословъ съ цѣлью переманить его къ себѣ.

Постройка станціи у Ндорумы, которую Юнкеръ разсчитывалъ найти уже готовою, непомѣрно затянулась и послужила поводомъ къ безконечнымъ пререканіямъ между нимъ и княземъ. Мы не думаемъ, впрочемъ, чтобы Ндорума на столько распустилъ своихъ людей, чтобы онъ не могъ заставить ихъ, какъ слѣдуетъ, приняться за дѣло. Скорѣе всего это промедленіе обусловливалось не столько лѣнью самихъ негровъ и тѣмъ, что они не видѣли причины, почему бы Юнкеру такъ торопиться, сколько опасеніемъ несомнѣнно умнаго вождя относительно цѣлей сооруженія укрѣпленной постройки европейцемъ. Дѣйствительно, станція, окруженная палисадами, за которыми находилась насыпь терновника въ 1 метръ высоты, затѣяна была на славу, хотя работа оказалась довольно небрежною. Станція эта, названная Юнкеромъ Lacrima въ память любимаго имъ романса, должна была служить центромъ при всѣхъ его экскурсіяхъ и складочнымъ мѣстомъ для его запасовъ и коллекцій. Укрѣплена она была главнымъ образомъ въ видахъ охраненія отъ нападенія хищныхъ животныхъ, въ особенности леопардовъ, которые здѣсь часто встрѣчались. Сооруженія такого рода были туземцамъ неизвѣстны, но настолько понравились имъ, что они стали имъ подражать. Затѣмъ Юнкеръ разбилъ болѣе 60 грядокъ и завелъ огородъ.

Труды его въ этомъ отношеніи увѣнчались успѣхомъ: онъ не только самъ радовался своимъ овощамъ, но заинтересовалъ своими разсадами и туземцевъ. Наблюденіе за ростомъ овощей доставляло Юнкеру, какъ онъ самъ признается, идеальное удовольствіе. Подобныя мелкія воспоминанія изъ обыденной родной жизни пріобрѣтаютъ на далекой чужбинѣ какое-то особое святое значеніе.

Во время пребыванія своего на станціи «Lacrima» Юнкеръ неоднократно страдалъ лихорадкою. Она попрежнему не выражалась у него опредѣленными параксизмами, но зато его рѣдко покидало чувство общаго недомоганія.

Бондорфъ, напротивъ того, подвергался сильнымъ припадкамъ, но зато пользовался свободными промежутками и въ общемъ чувствовалъ себя лучше своего патрона. Хининъ несомнѣнно помогалъ Юнкеру, хотя онъ къ нему прибѣгалъ не безъ опаски, предполагая, совершенно правильно, по нашему мнѣнію, что губительная душевная апатія, въ которую впадаютъ столь многіе африканскіе путешественники, весьма вѣроятно происходитъ отъ злоупотребленія хининомъ.

Обставился Юнкеръ на станціи въ высшей степени практично и не безъ комфорта: у него была складная желѣзная кровать, столъ, красиво отдѣланный матеріею и розетками изъ лентъ, въ такомъ же родѣ два парижскихъ складныхъ стула, пестрый гамакъ на ножкахъ, ванна, суданскій ангаребъ, сѣтка отъ москитовъ, ковры, большой рабочій столъ и т. д. На стѣнѣ висѣли ружья, картины. Наконецъ, нашъ путешественникъ владѣлъ небольшою библіотечкою. На ночь многіе изъ предметовъ устанавливались на большихъ деревянныхъ полкахъ, чтобы оградить ихъ отъ термитовъ. Хищники эти съ замѣчательнымъ чутьемъ пробираются по ночамъ подземными ходами къ забытымъ предметамъ и подтачиваютъ ихъ.

Каждое утро приходилось тщательно удалять крытые ходы, которые они возводили по ночамъ изъ земли, взбираясь по разнымъ предметамъ. Повидимому термиты имѣютъ развѣдчиковъ, которые розыскиваютъ все сколько нибудь съѣдобное. Вотъ почему хозяйство подъ тропиками требуетъ необычайной тщательности и аккуратности.

Климатическія условія въ этой мѣстности были довольно благопріятны. Здѣсь было несравненно менѣе жарко, чѣмъ въ сѣверныхъ областяхъ у Чермнаго моря, въ Хартумѣ или въ арабскомъ Суданѣ вообще. Въ тѣни температура рѣдко поднималась выше 25—26° С.; минимума своего достигала она ночью при 15—16° С. Положительно прелестны бывали утренніе часы и затѣмъ вечера съ прекраснымъ луннымъ сіяніемъ, вполнѣ цѣнить которое умѣетъ, конечно, только человѣкъ, не избалованный искусственнымъ освѣщеніемъ и живущій жизнью, близкой къ природѣ. Ливни разражались довольно часто послѣ обѣда, иногда и по вечерамъ или даже ночью, рѣже до обѣда. Благопріятныя климатическія условія объясняются тѣмъ, что средняя часть страны нямъ-нямовъ (между 4° и 5° сѣв. ш. и 27° и 28° в. д. отъ Гринича) лежитъ относительно высоко надъ уровнемъ моря (740 м.); благодаря послѣднему обстоятельству, она является вмѣстѣ съ тѣмъ гидрографическимъ центромъ для многочисленныхъ рѣкъ, расходящихся отсюда во всѣ стороны, главнымъ же образомъ по направленію къ сѣвернымъ притокамъ Уэллэ и притокамъ Суэ-Джура, принадлежащаго къ системѣ Нила. Менѣе удовлетворительно обставлено было пропитаніе обитателей станціи. Ндорума изрѣдка присылалъ какую нибудь дичь. Дѣло въ томъ, что нямъ-нямы плохіе охотники; они скорѣе земледѣльцы и скотоводы. Вмѣсто дурры здѣсь воздѣлываютъ элевзину (Eleusine caracana), небольшое зерно которой похоже на конопляное или на канареечное сѣмя. Густая черноватая каша, изготовляемая изъ

нея, представляетъ собою обыденную пищу какъ бѣднѣйшихъ, такъ и знатныхъ негровъ. Половина всего урожая уходитъ, впрочемъ, на изготовленіе излюбленнаго и притомъ дѣйствительно весьма питательнаго пива. Помимо элевзины разводится и маисъ. Мясо нямъ-нямы любятъ, хотя и ѣдятъ его довольно рѣдко и большею частью въ сушеномъ видѣ.

Пищу обыкновенно приготовляютъ женщины. Суданскій негръ готовъ иногда и самъ позаняться кухнею, но только не толченіемъ и растираніемъ зеренъ; это является дѣломъ исключительно женскимъ. Къ сожалѣнію именно это растираніе зеренъ между двумя камнями (мургака) и толченіе ихъ въ ступѣ (фундукъ) оказывается работою наиболѣе трудною, тѣмъ болѣе, что женщины въ походѣ обязаны тащить съ собою камни и ступы. А между тѣмъ имъ зачастую приходится подниматься уже до зари, чтобы приготовить къ утру для своихъ господъ и ихъ слугъ необходимыя лепешки или кашу. Обыкновенно одна женщина работаетъ на трехъ мужчинъ, иногда же ей приходится готовить на цѣлый десятокъ людей. Добавимъ, что столь распространенные въ Египтѣ и у арабскихъ бедуиновъ мукомольные камни не употребляются у негровъ. Къ югу отъ экватора, впрочемъ, не трудно найти мужчинъ, которые готовы взяться за то, чтобы молоть муку.

Столь обыденные въ этомъ краѣ термиты, цилиндрическія и жирныя тѣльца самокъ которыхъ обыкновенно ѣдятъ какъ приправу къ мучнымъ блюдамъ, предварительно сушатся на огнѣ и затѣмъ растираются на водѣ и вариваются въ видѣ густого соуса. Ихъ ѣдятъ, однако, и съ рисомъ и употребляютъ, какъ начинку для паштетовъ. Наконецъ, Юнкеръ въ обезпеченіе своего пропитанія захватилъ съ собою множество консервовъ, овощей и рыбъ; особенно восторгается онъ прессованными абрикосами (мишмишъ), оказавшими

ему неоцѣненныя услуги, какъ вкусная и освѣжающая приправа къ напиткамъ во время пароксизмовъ лихорадки. Точно также Юнкеръ приписываетъ громадное значеніе жидкому чаю. Англичане, по его мнѣнію, пьютъ слишкомъ крѣпкій чай. Самъ Юнкеръ въ походѣ никогда не страдалъ катаррами желудка и кишекъ или дизентеріею, тогда какъ онъ выпивалъ по шести стакановъ слабаго чая съ медомъ и незначительнымъ количествомъ лимонной кислоты.

Обширное поле наблюденія, представляли для нашего путешественника негры, которые охотно приходили къ нему и всегда готовы были удивляться чудесамъ, имѣвшимся у него въ запасѣ. Отношеніе Юнкера къ неграмъ было въ высшей степени своеобразное: мы могли бы назвать это отношеніе крѣпостническимъ, въ лучшемъ значеніи этого слова. Юнкеръ, вполнѣ сознавалъ свое превосходство надъ неграми; какъ человѣкъ объективный, онъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что негры, при непосредственномъ столкновеніи съ европейцами, неминуемо погибнутъ. Но въ то же время онъ относился къ нимъ вполнѣ отечески и гуманно: онъ тратилъ всѣ свои силы на то, чтобы защищать ихъ отъ своеволія египетскихъ администраторовъ, внушать имъ интересъ къ преимуществамъ европейской цивилизаціи, научать ихъ земледѣлію, огородничеству и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поступалъ съ ними при случаѣ чрезвычайно круто и самъ признается, что ни одинъ изъ его служителей не избѣжалъ тѣлеснаго наказанія. Негръ, по его мнѣнію, существо болѣе или менѣе безчувственное. Сложная гамма человѣческихъ ощущеній вплоть до болѣзненной чувствительности современнаго культурнаго человѣка чужда ему. Глазъ его не является зеркаломъ души. Негръ не знаетъ самолюбія. Необходимо, поэтому, строго воспитывать негра. Онъ ребенокъ. Мечтанія о «золотой свободѣ неграхъ», кажутся Юнкеру смѣшными. «Лишь принудитель-

ный трудъ, урегулированный и контролируемый правительствомъ, въ состояніи будетъ поднять послѣдующія поколѣнія негровъ на высшую ступень культуры». Такимъ образомъ, Юнкеръ представляетъ намъ любопытнѣйшую переходную ступень между негрофобами и негрофилами: несмотря на свое въ теоріи столь суровое отношеніе къ неграмъ, онъ нисколько не сомнѣвался въ возможности преуспѣянія ихъ въ культурѣ и самъ, повидимому, посвятилъ себя служенію наиболѣе гуманныхъ задачъ по отношенію къ этимъ забытымъ нашимъ братьямъ.

Сношенія съ неграми, очевидно, доставляли большое удовольствіе нашему путешественнику. Необыкновенною свѣжестью дышатъ тѣ страницы, гдѣ Юнкеръ говоритъ о бесѣдахъ своихъ съ неграми, зачастую собиравшимися у него послѣ того, какъ они въ «мбанга», т. е. на сборной площади своего князя Ндо́румы, разбирали различные вопросы внутренней политики, въ родѣ, напримѣръ, похищенія кѣмъ-либо горсточки маиса или бѣгства жены и т. п. Весь этотъ людъ, который то и дѣло толкался около станціи «Lacrima», всегда готовъ былъ удивляться европейскимъ рѣдкостямъ и самому обладателю этихъ рѣдкостей. Особенный успѣхъ выпадалъ на долю музыкальныхъ инструментовъ Юнкера. Съ изумленіемъ взирали негры на музыкальныя машинки, «въ животѣ которыхъ», какъ они говорили, «раздаются такіе непонятно-привлекательные звуки», но они впадали въ положительное онѣмѣніе, когда Юнкеръ открывалъ крышку ящика и давалъ имъ возможность взглянуть на тѣ валы и колесики, которые вращались внутри «живота» машинки. Иногда Юнкеръ пряталъ заведенную машинку среди книгъ; когда вслѣдъ затѣмъ внезапно раздавались звонкіе и высокіе звуки машинки, Юнкеръ самъ начиналъ изумленно озираться, а гости его, охваченные суевѣрнымъ страхомъ, мало по малу выбирались изъ хижины. Тогда онъ ихъ звалъ назадъ и показывалъ имъ машинку. Нашъ

серьезный ученый особенно любилъ пугать женщинъ: къ потолку его хижины привѣшана была большая фигура картоннаго плясуна; когда въ числѣ зрителей и слушателей набиралось извѣстное число женщинъ, онъ незамѣтно для нихъ дергалъ плясуна за нитку. Понятно, что негритянки съ визгомъ разбѣгались. Негры были того убѣжденія, что одинъ Юнкеръ въ состояніи извлекать звуки изъ своихъ машинокъ, и нужно было видѣть изумленіе и смущеніе тѣхъ, которые сами производили музыку, когда Юнкеръ ихъ заставлялъ вертѣть ручку шарманки; нужно было слышать удивленные и протяжные крики «акоо!..» толпы при видѣ того, что и ихъ собственный братъ обладаетъ тою же таинственною силою, какъ и европеецъ. Когда музыкальныя представленія въ конецъ надоѣдали Юнкеру, на выручку къ нему приходилъ слуга его, Фараджъ-Алла, очень недурно игравшій на гармоникѣ.

Это былъ красивый юноша мунду, пріобрѣтенный путешественникомъ за какую-то бездѣлицу еще въ его первое путешествіе въ Макарака, а затѣмъ отпущенный на свободу и побывавшій съ нимъ въ Европѣ. Понятно, что это путешествіе не прошло для него безслѣдно. Масса новыхъ впечатлѣній, нахлынувшихъ на него уже въ Каиро, въ такой степени смутила его, что онъ, какъ намъ сообщаетъ г. Девріенъ, зять Юнкера, которому мы обязаны свѣдѣніями о судьбѣ Фараджа, постоянно умолялъ своего хозяина не оставлять его одного. Приближаясь къ Россіи, онъ, по собственному признанію, носился съ черными мыслями насчетъ будущаго. Онъ побаивался того, чтобы родственникамъ Юнкера не вздумалось поотвѣдать негрскаго мяса. Мысли, весьма естественныя для людоѣда, какимъ былъ нашъ мунду! Тѣмъ пріятнѣе ему должна была показаться жизнь въ домѣ родственниковъ Юнкера въ Петербургѣ и Петергофѣ. Между прочимъ онъ сдѣлался общимъ любимцемъ женской прислуги. Среди культурныхъ особенностей онъ себѣ усвоилъ прежде всего

тип. ед. гоппе.

Кудесникъ племени а-занде.

соблюденіе праздниковъ. Стоило кому-либо изъ прислуги получше пріодѣться, какъ Фараджъ уже радостно восклицалъ «праздникъ, праздникъ!» и отказывался отъ всякой работы. Вскорѣ онъ сталъ отъявленнымъ лѣнтяемъ. Однакоже, когда Юнкеръ собрался во второе путешествіе, Фараджъ рѣшился послѣдовать за нимъ. Ему представлялась возможность получить порядочное мѣсто въ Россіи, но онъ тѣмъ не менѣе заявилъ Юнкеру: «если ты останешься здѣсь, то и я останусь при тебѣ, и это будетъ хорошо; но, если ты уйдешь, то и я тоже уйду съ тобою!» Къ сожалѣнію, онъ оказался довольно непригоднымъ для отправленія своихъ прежнихъ обязанностей въ Африкѣ. Фараджъ не только излѣнился, но и зазнался. Онъ считалъ себя несравненно выше всѣхъ негровъ, непомѣрно гордился своимъ знакомствомъ съ культурнымъ міромъ и не упускалъ, между прочимъ, случая поразить своихъ соотечественниковъ своимъ знаніемъ русскаго языка: «Ребята, пойдемъ копать!» кричалъ онъ, напримѣръ, призывая негровъ къ работѣ въ огородѣ, устроенномъ Юнкеромъ въ «Lacrima». Въ письмахъ къ своимъ роднымъ Юнкеръ безпрестанно жаловался на лѣнность и высокомѣріе своего слуги. Въ концѣ концовъ Фараджа пришлось отпустить. Горько раскаивался онъ потомъ, что не съумѣлъ ужиться у своего хозяина, такъ какъ ему теперь пришлось самому заботиться о своемъ пропитаніи. Онъ хотѣлъ было вернуться въ Макарака, но остался почему то въ Бахръ-эл-Газалѣ и впослѣдствіи погибъ во время махдистскаго возстанія.

Обширное поле наблюденій представляли для Юнкера нямъ-нямы. Въ особенности заинтересовало его представленіе стараго кудесника. Онъ былъ украшенъ всяческими амулетами и корнями, на головѣ у него была небольшая соломенная шляпа, осѣненная громаднымъ султаномъ изъ пѣтушьихъ перьевъ, закрывавшихъ почти все его лицо. Въ присутствіи Ндорумы и массы негровъ онъ выполнилъ

передъ Юнкеромъ подъ аккомпаниментъ ручного барабана танецъ прорицателя. Въ началѣ движенія его были медленны и онъ часто нагибался къ землѣ, какъ бы прислушиваясь къ чему-то. Затѣмъ онъ сталъ оживленнѣе вращаться и сильно жестикулировать, въ концѣ концовъ движенія его перешли въ какую-то дикую пляску, лицо его обезобразилось, судороги сводили его члены и онъ все чаще приникалъ ухомъ къ землѣ, прислушиваясь къ голосу подземныхъ духовъ. Но вотъ онъ остановился, отеръ потъ и ближе подошелъ къ зрителямъ. Онъ началъ говорить и, обращаясь къ тому или другому изъ присутствующихъ, предсказывалъ ему счастье или горе. Затѣмъ опять начиналась пляска. Что касается Юнкера, то онъ расхвалилъ его и успокоилъ народъ на счетъ цѣлей его прибытія въ страну нямъ-нямовъ. Во время прорицанія онъ видимо избѣгалъ взоровъ Юнкера.

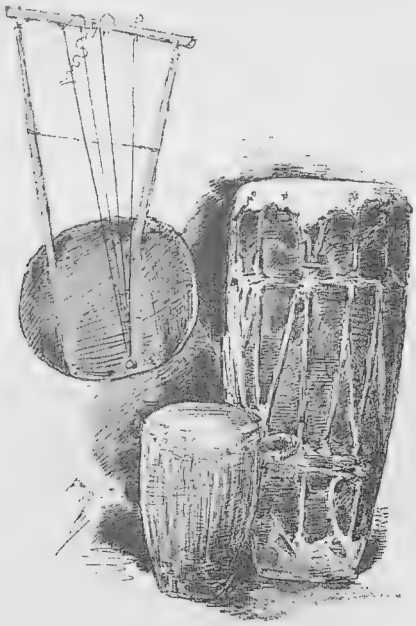
Среди туземцевъ вожди и вообще люди болѣе состоятельные рѣзко выдѣлялись своею интеллигентностью. У нихъ, какъ мѣтко замѣчаетъ Юнкеръ, болѣе поводовъ къ тому, чтобы самостоятельно мыслить, такъ какъ имъ при ихъ безконечныхъ «палаверахъ», судбищахъ и переговорахъ, приходится разбирать тяжущихся и всегда первыми подавать свой голосъ въ болѣе важныхъ вопросахъ обыденной негрской жизни. У нихъ, наконецъ, избытокъ свободнаго досуга и хорошее питаніе. То же самое примѣнимо и къ женщинамъ различныхъ негрскихъ племенъ. У мангбатту женщина пользуется сравнительно свободнымъ положеніемъ и она, видимо, мыслитъ и свободно говоритъ. У нямъ-нямовъ женщина, напротивъ того, въ угнетенномъ положеніи и она, поэтому, несравнено тупѣе и пассивнѣе женщинъ-мангбатту.

Между тѣмъ Юнкера, какъ мы уже упомянули, неоднократно приглашали къ себѣ сосѣдніе владѣтели. Но, если ему трудно было добраться до Ндорумы, то еще труднѣе было вырваться отъ него. Онъ старался всякими неправ-

тип. ед. голпе.

Танецъ кудесника племени а-занде.

дами удержать у себя европейца, присутствіе котораго не мало увеличивало его собственное значеніе. Пуще всего боялся онъ, чтобы Юнкеръ не направился къ сопернику и злѣйшему врагу его, Мбіо, который давалъ пріютъ у себя всѣмъ бѣжавшимъ изъ подъ ига нубійцевъ и ихъ друзей. Послѣ безчисленныхъ переговоровъ и препирательствъ, Юнкеръ выступилъ, наконецъ, 1 августа къ Семіо, съ которымъ, какъ мы упоминали, онъ познакомился уже на пути къ Ндорумѣ. На станціи «Lacrima» онъ пробылъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ; теперь онъ ее поручилъ попеченіямъ Бондорфа.



Музыкальные инструменты Судана.

ГЛАВА VI.

А-занде и Мангбатту.

Результаты путешествій за 1881 годъ. — Степь и лѣсъ. — Охота на шимпанзе. — Питаніе негровъ. — Людоѣды. — Нравы а-занде, мангбатту и другихъ племенъ. — Воровство.—Гостепріимство.—Танцы.— Ораторы. – Оракулы. — Искусственная и естественная окраска тѣла. — Украшенія и прически. — Общественный строй негровъ. — Нубійцы. — Портреты африканскихъ властителей. — Обмѣнъ крови. — Смерть Мамбанги. — На пути къ Бакангаи.

Выступивъ изъ центральной станціи своей, Юнкеръ предполагалъ совершить рядъ экскурсій къ сосѣднимъ владѣтелямъ, неоднократно призывавшимъ его къ себѣ. До конца 1881 года ему, дѣйствительно, удалось пройти значительную часть земель а-занде́, область мангбалле, вѣтви племени мангбатту, расположенной за рѣкою Гурба; отъ нихъ къ западу и до рѣки Уэллэ простираются земли племени а-мади, а отъ послѣднихъ прямо къ югу по ту сторону Уэллэ расположены а-бармбо; къ югу-востоку отъ Уэллэ, наконецъ, слѣдуютъ мангбатту. Въ началѣ 1882 года Юнкеръ находился уже на пути къ князю Бакангаи къ югу отъ притока рѣки Уэллэ-Бомока́нди.

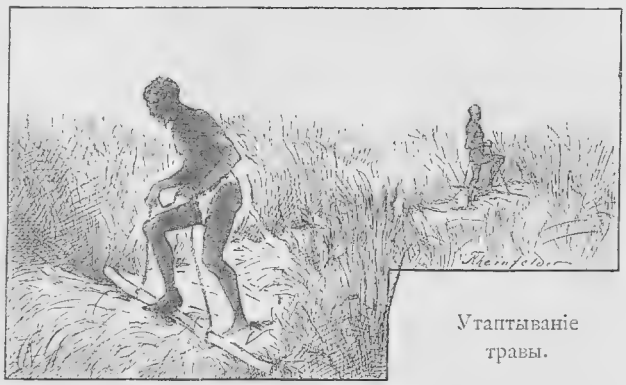
Наибольшій интересъ въ географическомъ и топографическомъ отношеніяхъ представляла въ этомъ случаѣ рѣка Уэллэ, которую Юнкеръ въ это путешествіе неоднократно переходилъ. Эта мощная рѣка течетъ среди живописныхъ береговъ и охватываетъ въ теченіи своемъ множество прекрасныхъ изумрудныхъ острововъ. Это «острова блаженныхъ», какъ ихъ называетъ нашъ путешественникъ, имѣя въ виду, что тѣсно сплоченные обитатели этихъ

тип. Эд. Гоппе.

Видъ на Уэллэ съ горы Магарагаре.

острововъ какъ бы изолированы отъ прочаго міра и живутъ вдали отъ распрей и дрязгъ своихъ собратьевъ.

Путешествія по этой обширной области сопряжены были съ значительными затрудненіями, даже помимо обычныхъ ссоръ и непріятностей съ неисправными и неисправимыми носильщиками. Тутъ попадались болѣе или менѣе непроходимыя болота, въ которыхъ подчасъ совершенно безполезнымъ оказывался захваченный нашимъ предусмотрительнымъ путешественникомъ походный мостикъ; это была доска въ четыре метра длины, которая служила прекрасными мостками при переходѣ черезъ небольшія болота и лужи. Болота смѣнялись степями, покрытыми густою травою въ 2—3 метра высоты. При передвиженіи по этому морю травъ въ утренніе ранніе часы путники совершенно промокали, благодаря выпадавшей въ изобиліи росы; особенно чувствительно отзывались эти непроизвольныя купанья на неграхъ. Но жесткія и колючія травы эти, въ особенности принадлежавшія къ виду Andropagon, положительно рѣзали и кололи проходящихъ и между прочимъ сильно портили одежду и обувь. Практическій путешественникъ нашъ облачился поэтому въ самыя старыя одежды свои, покрытыя заплатами изъ крѣпкой парусины, а на носкахъ своей обуви сдѣлалъ нашивки изъ подобной же парусины и вдѣвалъ ихъ въ желѣзный ободокъ, прикрѣпленный къ стремени сѣдла. Въ мѣстностяхъ болѣе населенныхъ траву эту прибиваютъ палками или утапты-



Утаптываніе травы.

вляютъ при помощи приспособленій, изображенныхъ на приложенномъ рисункѣ (стр. 147).

Растительность на берегу Уэррэ.

Мѣстами степь смѣняется лѣсомъ, который въ мѣстностяхъ, лежащихъ ближе къ станціи Lacrima, появляется отдѣльными полосами и отъ лѣсовъ, описанныхъ въ главѣ V, отличается болѣе мелкими оврагами и ущельями. Поэтому, Юнкеръ предлагаетъ удержать имя «галлерейныхъ лѣсовъ» именно за этими лѣсами, а лѣса, ранѣе описанные и спускающіеся уступами къ глубокимъ русламъ рѣкъ или ручьевъ, назвать «террасовыми». Типомъ «галлерейныхъ» лѣсовъ могутъ въ такомъ случаѣ явиться лѣса по берегамъ небольшихъ рѣчонокъ, впадающихъ въ Уэллэ Макуа. Въ особенности хороши лѣса въ странѣ народа а-мади. Здѣсь преобладаетъ низкорослый и даже кустарниковый лѣсъ, среди котораго высятся только отдѣльные великаны. Въ такомъ лѣсу болѣе свѣта и тепла, чѣмъ

въ сплошномъ тропическомъ лѣсу, поэтому и болѣе пышно разрастаются различныя ползучія и вьюшіяся растенія. Низкая поросль здѣсь покрыта волшебнымъ самотканнымъ кровомъ, разстилающимся красивыми волнами отъ вершины къ вершинѣ. Издали видны одни только зеленые холмы и долины. Подчасъ этотъ покровъ добирается и до вершинъ нивысшихъ деревъ - великановъ. Тамъ, гдѣ лѣсъ гуще и рослѣе, у подножья деревъ господствуютъ вѣчныя сумерки, листва развивается слабо и къ высотамъ тянутся только обнаженные стебли паразитарныхъ растеній. Но тѣмъ роскошнѣе и радостнѣе разбрасываются они, добравшись на непомѣрной высотѣ до свѣта и до тепла. Здѣсь образуются укромныя и живописныя бесѣдки цвѣтовъ и листьевъ, въ которыхъ скрывается не мало всякаго звѣрья. Сюда забираются даже муравьи, о присутствіи которыхъ на вершинахъ деревъ свидѣтельствуютъ свисающія съ вѣтвей гнѣзда ихъ, схожія по формѣ съ боченками и довольно искусно слѣпленныя изъ глины и листьевъ. Тутъ же охотно скрываются шимпанзе, гнѣзда которыхъ сложены изъ вѣтвей, сучьевъ и листьевъ. Одинъ изъ древесныхъ великановъ, т. н. трекулія, принадлежащая къ семейству хлѣбныхъ деревъ, даетъ этимъ человѣкоподобнымъ обезьянамъ из-

Охота на шимпанзе.

любленную ими пищу. Плоды трекулiи бываютъ величиною съ голову человѣка и содержатъ около тысячи зеренъ величиною съ бобъ. Характерно, что шимпанзе уносятъ эти плоды въ свое логовище на головѣ, подобно тому, какъ люди зачастую переносятъ грузы.

Шимпанзе водятся въ южныхъ и западныхъ частяхъ области а-занде́, приблизительно, слѣдовательно, между 5 и 6° сѣв. широты и 25—28° вост. долготы по Гриничу. Охота за ними сопряжена съ извѣстными затрудненiями, такъ какъ ихъ трудно выслѣдить въ густыхъ лѣсахъ, и они, къ тому же, весьма часто мѣняютъ свое мѣстопребыванiе. За то, если шимпанзе разъ уже поднятъ, то онъ не ищетъ спасенiя въ бѣгствѣ и не перескакиваетъ съ дерева на дерево, подобно тому, какъ это дѣлаетъ ловкiй colobus; онъ старается укрыться среди вѣтвей, а иногда даже спускается на землю, чтобы перейти на другое болѣе густое дерево. Впрочемъ, шимпанзе рѣшается иногда на оборону и представляетъ, въ виду своей громадной физической силы, опаснаго противника для негровъ. Юнкеръ разсказываетъ, что ему однажды съ трудомъ удалось вырвать палку изъ лапъ далеко еще не взрослаго шимпанзе; самкѣ ему пришлось всадить пять пуль, прежде чѣмъ она свалилась съ дерева. Трогательно было, что самка эта, видя, что охотникъ не отступаетъ, несмотря на грозные крики ея и на то, что она его осыпала дождемъ сучьевъ и вѣтвей, заботилась только о томъ, чтобы уберечь своего дѣтеныша. Она защищала его собственнымъ своимъ тѣломъ отъ выстрѣловъ и, когда ей нанесенъ былъ смертельный ударъ, успѣла еще отодвинуть его въ чащу листвы. Юнкеру однажды удалось поймать маленькаго шимпанзе, котораго у него выкармливала коза; онъ его самолично обертывалъ на ночь въ платокъ и укладывалъ спать въ корзинку. Къ великому горю его маленькiй «Томи» всетаки не былъ въ состоянiи выжить безъ матери.

Юнкеръ самъ и притомъ съ особою тщательностью отпрепаровалъ его скелетъ. Безволосые молодые экземпляры шимпанзе имѣютъ довольно свѣтлую окраску лица; чѣмъ старѣе шимпанзе, тѣмъ темнѣе его лицо, ладони и ступни; старые экземпляры имѣютъ цвѣтъ лица темно-коричневый, почти черноватый и зачастую даже пятнистый.

Среди глухихъ лѣсовъ и степей кое-гдѣ попадаются хижины негровъ, тѣснящіяся вокругъ жилищъ вождей. Тутъ-же сосредоточены поля и плантаціи ихъ. По тща-

Маленькій „Томи“.

тельности обработки выдѣляются небольшія табачныя плантаціи. Типъ жилищъ къ югу замѣтно мѣняется: чаще и чаще попадаются изящныя и правильно построенныя хижины съ косой крышею, подобныя тѣмъ, которыя строются мангбатту къ югу отъ рѣки Уэллэ. Стѣны хижинъ крыты древесною корою; двери удобны и, главное, достаточно велики. У мангбатту постройки достигаютъ высшаго совершенства, а поселенія поражаютъ своей симметричностью, свидѣтельствующею о несомнѣнномъ архитектурномъ чутьѣ негровъ. Хи-

жины окружены бананами. Къ югу отъ Уэллэ являются уже значительныя банановыя рощи, на западѣ же и даже на югѣ области а-зандé онѣ встрѣчаются относительно рѣдко. У а-мади бананы составляютъ существенную часть пропитанія. При наступленіи своемъ на югъ арабы всюду вводятъ культуру маиса и соргума. Маисовые посѣвы производятся въ различные сроки и сообразно этому жатва сбирается въ различныя времена года; весьма распространенный здѣсь злакъ элевзинъ (см. стр. 138) снимается съ полей уже послѣ дождевого періода. Дурра и духнъ здѣсь не разводятся, за то дальнѣйшимъ подспорьемъ для питанія жителей являются сладкіе бататы, маніокъ, тыквы разныхъ видовъ, земляной орѣхъ, сезамъ, дикіе арбузы, представляющіе здѣсь, кстати замѣтить, маленькіе безвкусные плоды съ бѣлымъ мясомъ. Замѣтную роль въ хозяйствѣ негровъ играетъ красивая и раскидистая масличная пальма (Elaeïs guineensis), придающая на ряду съ бананами африканскому ландшафту столь своеобразный колоритъ. Пальма эта даетъ не только излюбленное всѣми неграми пальмовое масло, но и не менѣе популярное среди нихъ шипучее пальмовое вино. Другимъ весьма распространеннымъ напиткомъ является питательное пиво.

Опьяняющее и одуряющее дѣйствіе производитъ и табакъ, когда его курятъ вмѣстѣ съ зернами упомянутыхъ арбузовъ. Табакъ также часто курятъ смѣшаннымъ съ древеснымъ углемъ. Болѣе невиннымъ удовольствіемъ является жеваніе сахарнаго тростника, съ котораго предварительно снята верхняя, болѣе крѣпкая кожица. Медъ негры ѣдятъ вмѣстѣ съ воскомъ и всѣмъ пчелинымъ потомствомъ, оставляемымъ въ сотахъ.

По части животной пищи негры, какъ извѣстно, не особенно разборчивы; равнымъ образомъ вопросъ о свѣжести продуктовъ для нихъ стоитъ на второмъ планѣ. Подростки-негрята съ увлеченіемъ предаются благород-

ному спорту ловли крысъ и мышей, являющихся здѣсь лакомымъ блюдомъ. Взрослые охотно ѣдятъ саранчу и термитовъ, къ которымъ, какъ уже указано, скоро привыкъ и Юнкеръ. Человѣкъ, намѣревающійся набрать термитовъ, дѣлаетъ у основанія термитовыхъ построекъ, болѣе или менѣе просторную, но не глубокую яму. Этимъ проявленіемъ своего труда онъ уже отмѣтилъ термитовъ, какъ свою собственность и никто изъ собратьевъ его не прикоснется къ этой постройкѣ. Негръ, прибавимъ мы, относится въ данномъ случаѣ съ такимъ же почтеніемъ къ чужому труду, какъ, напримѣръ, австралiецъ, который не тронетъ мѣста, избраннаго птицами для высиживанія яицъ, если оно уже открыто было другимъ человѣкомъ; суматранецъ дѣлаетъ на деревѣ, которое соотвѣтствуетъ его цѣлямъ, зарубку, отмѣчая такимъ образомъ, что онъ его нашелъ; дерева этого не касается уже никто изъ его односельчанъ. Наконецъ, и у насъ на Руси, гдѣ лѣсныя порубки представляютъ явленіе обыденное, бортяное дерево признается неприкосновеннымъ, потому что на него положенъ трудъ.

Счастливый обладатель термитовыхъ построекъ является ночью къ своей ямѣ и держитъ надъ нею горящій факелъ. Тогда термиты массами спалзываются и слетаются къ ямѣ, куда ихъ сгребаютъ вѣникомъ изъ вѣтвей.

А-занде, какъ извѣстно, людоѣды, хотя въ общемъ нужно признать, что страсть къ человѣческому мясу свойствена далеко не всѣмъ представителямъ этого племени. Замѣчательно, что лица, уклоняющіяся отъ человѣческаго мяса, не ѣдятъ шимпанзе, въ виду значительнаго сходства ихъ съ людьми. Несравненно болѣе распространено людоѣдство среди мангбатту, у которыхъ осужденные на смертную казнь вмѣстѣ съ тѣмъ подлежатъ съѣданію. Юнкеръ съ содроганьемъ разсказываетъ о томъ, какъ у Мамгбанги, князя мангбатту, съѣли двухъ людей, обвиненныхъ въ колдовствѣ и какъ

женщины готовили мучную кашу, долженствовавшую служить приправою къ человѣческому мясу. Страстными людоѣдами оказываются и а-бармбо, подбирающіе своихъ враговъ на полѣ битвы съ тѣмъ, чтобы ихъ съѣсть.

Невольно Юнкеръ задумывается надъ тѣмъ, почему именно народы, достигшіе сравнительно значительнаго уровня культуры, впадаютъ въ людоѣдство, тогда какъ жалкіе дикари, въ родѣ упомянутыхъ выше (стр. 73 и далѣе) бари, съ ужасомъ отворачиваются отъ человѣческаго мяса. Дѣйствительно, а-занде, мангбатту, а-бармбо, идіо, бомбе и т. д. достигли относительно высокой культуры и, по развитію своему, стоятъ несравненно выше большинства африканскихъ дикарей. А-занде получили прозваніе «нямъ-нямовъ» именно за свое людоѣдство; они, какъ разсказываетъ одинъ путешественникъ, замѣтно гордятся своею страшною славою, и при встрѣчѣ съ другими неграми свирѣпо пощелкиваютъ зубами, приводя этимъ своихъ впечатлительныхъ собратьевъ въ ужасъ. Идіо и бомбе получили за людоѣдство прозваніе «макарака».

О внѣшности а-занде мы говорили уже выше (стр. 78). Юнкеръ относится къ этому народу съ очевидною симпатіею. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на замѣчательной честности ихъ. Дѣйствительно, въ странѣ а-занде у него ничего не пропадало, хотя нерѣдко случалось, что носильщики далеко отставали отъ общаго каравана. Рѣзкую разницу въ этомъ отношеніи представило племя эмбата на Уэллэ, гдѣ туземцы готовы были разграбить все имущество путешественника, если бы онъ самъ не сторожилъ своего багажа по ночамъ и не грозилъ перестрѣлять воровъ. Тѣмъ не менѣе у него похищено было множество вещей. Съ величайшимъ трудомъ ему удалось вернуть часть пропавшаго, да и то въ довольно странномъ видѣ. Украденная туземцами одежда не пришлась имъ по вкусу, они вернули ее, но предварительно

тип. ед. голпе.

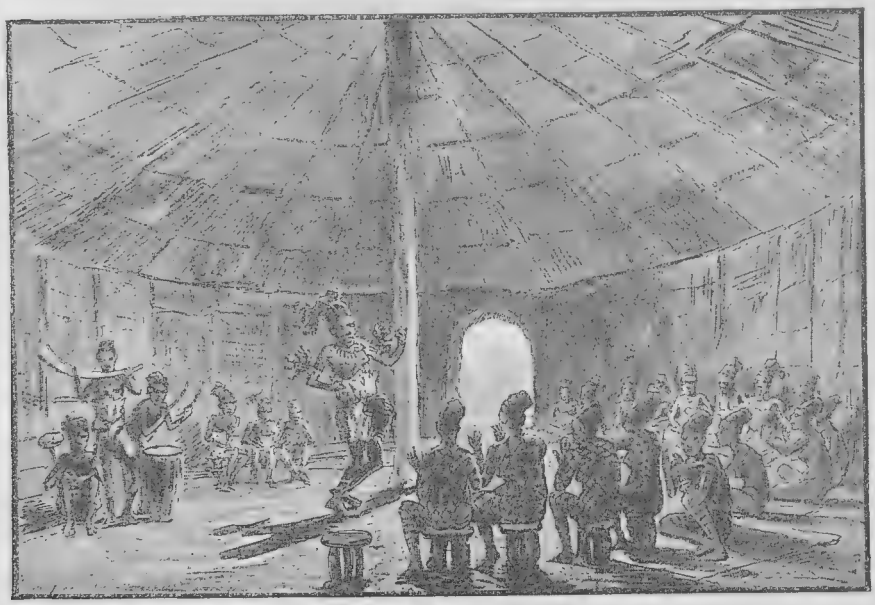
Неудавшаяся кража.

отрѣзали всѣ пуговицы, которыя имъ, очевидно, могли пригодиться, какъ украшенія.

А-занде чрезвычайно гостепріимны. Чужеземецъ всегда найдетъ у нихъ пріютъ и угощеніе. Тѣмъ труднѣе, однако, въ странѣ ихъ, гдѣ торговля вообще слабо развита, добыть съѣстныхъ припасовъ за плату или въ обмѣнъ. Нерѣдко а-занде собираются на общественные пиры. При видѣ подобнаго пира, Юнкеръ невольно напалъ на довольно обидную для нашего европейскаго самолюбія параллель: дѣло въ томъ, что негры на этихъ пирахъ держатся съ изумительнымъ тактомъ. Тутъ никто не тѣснится, не рвется впередъ, а, напротивъ того, всякій, какъ бы голоденъ онъ ни былъ, ждетъ очереди и приглашенія. Какой разительный контрастъ съ этими дикарями представляютъ наши въ сущности совершенно пресыщенные европейцы, когда они на оффиціальныхъ торжественныхъ вечерахъ алчно набрасываются на угощеніе...

Общественные пиры обыкновенно сопровождаются танцами и играми. Особенно эффектны были танцы при дворѣ властителя мангбатту Мамбанга. По призыву трубъ, тамтама и нугары быстро собирались на площади группы мужчинъ и женщинъ, приносившихъ съ собою небольшія рѣзныя скамеечки для сидѣнья. Мамбанга сидѣлъ въ бесѣдкѣ, окруженный женами. Празднество началось пляскою воиновъ, вооруженныхъ щитами и нѣсколькими копьями. Щитъ и запасныя копья танцующіе держали въ лѣвой рукѣ, а въ правой рукѣ высоко надъ головою поднималось копье, назначенное для метанія. Танецъ изображалъ нападеніе и защиту и исполнялся въ высшей степени реально. Тутъ были цѣлыя группы сражающихся, тутъ и богатыри выступали въ единоборство. По временамъ звуки музыки, производимой упомянутыми музыкальными инструментами, къ которымъ присоединялась трещетка, затихали и въ эти промежутки хоръ исполнялъ пѣсню, напоминавшую своимъ протяжнымъ и стройнымъ фи-

наломъ звуки народной русской пѣсни. Въ концѣ концовъ выступилъ самъ король, чтобы протанцовать соло. Онъ былъ непосредственно передъ этимъ вытертъ жиромъ и раскрашенъ; на головѣ его красовалась высокая шляпа съ громаднымъ султаномъ, а къ лѣвой рукѣ и къ животу прицѣплено было множество кошачьихъ хвостовъ, которые при малѣйшемъ движеніи его извивались подобно змѣямъ. Мамбанга сильно вращалъ бедрами и сѣмянилъ ногами, про-



Танецъ Мамбанги.

ходя такимъ образомъ передъ своими женами, которыя ему неистово аплодировали. Въ короткія паузы между танцами король говорилъ рѣчи — и въ одной изъ этихъ рѣчей чествовалъ своего гостя, Юнкера. Въ то время, какъ онъ говорилъ, одинъ изъ подданныхъ почтительно отиралъ струившійся съ него ручьями потъ и навѣвалъ на него прохладу. Таковъ негръ; ради удовольствія онъ готовъ довести себя до истомленія, но передъ работою всегда отступитъ.

тип. Эд. Гоппе.

Военный танецъ негровъ-мангбатту.

У племени а-мади женщины исполняютъ чрезвычайно утомительный танецъ: сѣменя ногами, онѣ по извѣстному ритму, обходятъ кругъ и при этомъ, не жалѣя себя, вскидываютъ головою впередъ и назадъ. Такимъ образомъ онѣ, въ сущности, работаютъ болѣе головою, нежели ногами. Старушки, видимо, все еще увлекающіяся танцами, конечно, не могутъ выполнять этой головоломной гимнастики и ограничиваются тѣмъ, что перебираютъ ногами. Мужчины въ это время сидятъ нѣсколько поодаль, любуются своими дамами и попиваютъ пиво изъ громадныхъ сосудовъ изъ древесной коры, могущихъ по размѣрамъ своимъ поспорить съ нашими боченками. У мангбатту и у а-бармбо Юнкеръ видѣлъ при этихъ увеселеніяхъ шутовъ, которые, между прочимъ, представляли ту же сцену погони за воображаемою мухою и окончательной побѣды надъ нею, въ которой зачастую отличаются наши европейскіе клоуны.

При общественныхъ празднествахъ негровъ дѣло никогда не обходится безъ рѣчей. Мы уже упоминали, что Мамбанга любилъ ораторствовать. Юнкеру приходилось неоднократно слушать его рѣчи. Когда онъ выступалъ, одна изъ женъ тщательно поправляла ему повязку на лбу, а слуга смахивалъ малѣйшую пылинку съ особы высокопоставленнаго оратора. Не успѣвалъ онъ сказать нѣсколькихъ словъ, какъ публика уже принималась аплодировать. Волею-неволею и нашему Юнкеру приходилось принимать участіе въ этомъ вѣрноподданническомъ энтузіазмѣ. Мангбатту въ общемъ еще болѣе любятъ говорить, чѣмъ а-занде. Судебныя пренія ихъ всегда интересны, хотя и крайне продолжительны. Ораторы отличаются краснорѣчіемъ и выработанною жестикуляціею.

Къ сожалѣнію, судебный разборъ нерѣдко замѣняется оракуломъ. Область суевѣрія у этихъ простодушныхъ дѣтей почти необъятна. Они настолько свыклись съ мыслью, что болѣзнь и смерть причиняются злыми

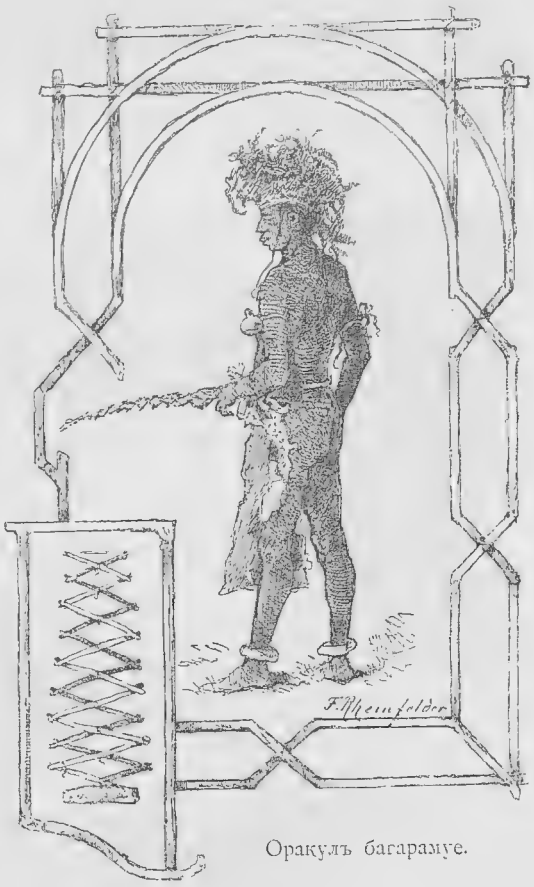
людьми, что въ случаѣ какого либо несчастія тотчасъ-же обращаются къ оракулу съ цѣлью розыска виновнаго. Характерно, что негры постоянно допытывались того, какимъ оракуломъ обладаетъ Юнкеръ и, наконецъ, рѣшили, что онъ справляется съ оракуломъ, когда пишетъ свои дневники, или читаетъ книгу. У мангбатту, подобно тому, какъ у а-занде, употребляется описанный нами выше «бенге». Другимъ оракуломъ является т. н. «мапинге».

Оракулъ „Мапинге".

Несложный аппаратъ этотъ состоитъ изъ гладкаго банановаго ствола въ нѣсколько метровъ длины; бревно это помѣщается въ горизонтальномъ направленіи на низкихъ ножкахъ, а затѣмъ на него съ величайшею осторожностью накладывается отъ 25—35 кучекъ гладко отполированныхъ круглыхъ палочекъ, которыхъ на каждую кучку идетъ по три штуки. Обращаясь къ оракулу, жрецъ начинаетъ пѣть, кричать, хлопать въ ладоши, проводить рукою по воздуху вдоль палочекъ; словомъ, онъ ведетъ себя такъ бурно, что палочки въ концѣ концовъ начи-

наютъ соскакивать съ бревна. По количеству упавшихъ палочекъ жрецъ даетъ отвѣтъ на предложенный ему вопросъ.

Не менѣе элементаренъ и не менѣе послушенъ желаніямъ жреца оракулъ «багарамуе» (палочка приди), употребляемый у а-занде. Приборъ этотъ состоитъ изъ ряда перекрещивающихся пластинокъ, образующихъ двойной зигзагъ; пластинки эти связаны нитью, благодаря которой жрецъ, имѣющій приборъ въ рукахъ, можетъ незамѣтно придавать ему движеніе направо или налѣво и соотвѣтственно этому произнести обвинительный или оправдательный вердиктъ. Описанными приборами далеко ещене исчерпываются наиболѣе употребительные оракулы. Негры слѣпо вѣрятъ въ оракулы, и мы сильно сомнѣваемся въ томъ, чтобы искреннія старанія Юнкера разубѣдить негровъ въ дѣйствительности ихъ оставили хотя бы малѣйшій слѣдъ въ умахъ его слушателей.



Оракулъ багарамуе.

Нечего и говорить о томъ, что у такого народа, какъ негры, который придаетъ такъ много значенія внѣшности

и атрибутамъ, жрецы являются въ болѣе или менѣе фантастической одеждѣ. Мы уже описывали костюмъ кудесника а-занде. До извѣстной степени фантастиченъ въ этихъ странахъ костюмъ даже и обыденныхъ людей. Оригинальна въ особенности окраска кожи, вполнѣ замѣняющая здѣсь всякій сложный костюмъ.

Однимъ изъ главныхъ украшеній является татуировка и окраска тѣла. Красныя и черныя краски, употребляемыя у негровъ, растительнаго происхожденія; бѣлая краска изготовляется изъ просушеннаго на солнцѣ помета гіенъ; свѣтло-сѣрою краскою является особаго рода глина. Излюбленнымъ цвѣтомъ у а-занде оказался красный. Юнкеру зачастую приходилось негодовать на обычай окрашиванія тѣла, когда онъ, по неосторожности, бралъ свѣжевыкрашенныхъ дѣтей негровъ къ себѣ на колѣни и они оставляли на его бѣломъ костюмѣ замѣтные слѣды своего пребыванія.

Конечно, искусственная окраска тѣла негра въ черный цвѣтъ можетъ показаться парадоксальною затѣею, но дѣло въ томъ, что кожа негровъ представляетъ самые разнообразные оттѣнки и переходы. Тутъ встрѣчаются и сѣроватожелѣзистые оттѣнки, шоколадные, кофейные, оттѣнки свѣтлой гаванны и кофе съ молокомъ. Въ иныхъ случаяхъ попадается такая свѣтлая кожа, какъ у малайцевъ, тогда какъ съ другой стороны дѣйствительно встрѣчаются племена интенсивно чернаго цвѣта. Болѣе всего распространены переходные оттѣнки, которые прекрасно могутъ быть выражены извѣстными комбинаціями сепіи, китайской туши, красной краски, вандиковой, коричневой и, въ особенности, жженной и не жженной сіенской земли. Альбиносы встрѣчаются среди негровъ относительно рѣдко. Тѣмъ не менѣе Юнкеръ во время своего пребыванія въ Африкѣ встрѣчалъ шесть или восемь человѣкъ альбиносовъ съ окраскою тѣла свѣтложелтой кожи; волоса у нихъ были курчавые, льняного цвѣта или цвѣта пакли. Подобно на-

тип эд. гоппе

Рѣчь Мамбанги.

шимъ альбиносамъ, они также страдали свѣтобоязнею и постоянно прикрывали свои глаза рукою. У нѣкоторыхъ индивидуумовъ на тѣлѣ замѣчались отдѣльныя свѣтлыя пятна, являвшіяся, очевидно, слѣдами какихъ либо накожныхъ страданій.

Упомянемъ, въ концѣ концовъ, еще о томъ, что среди негровъ встрѣчаются рыжіе экземпляры.

Что касается искусственной окраски кожи, то она наносится у нямъ-нямовъ совершенно неравномѣрно, точками, пятнами, а иногда и полосами по той или другой части тѣла. Готовясь на войну, нямъ-нямы выжимаютъ на себя сокъ гарденіи, придающій тѣлу черную окраску. Мангбатту, напротивъ того, любятъ тщательную разрисовку тѣла. Женщины, напримѣръ, украшаютъ себя перекрещивающимися широ-

Женщина Мангбатту.

кими и узкими черными линіями, проведенными какъ бы съ помощью циркуля и сходящимися впереди; такимъ образомъ остаются свободныя четырехугольныя пространства, слегка бронзированныя красною краскою въ смѣси съ жиромъ; для украшенія лица служитъ черная полоса въ два пальца ширины, проведенная отъ одного уха до другого черезъ носъ.

Женщины а-занде носятъ обыкновенно нѣсколько желѣзныхъ обручей на ногахъ и запястьяхъ; лишь у немногихъ болѣе богатыхъ встрѣчаются спирали на рукахъ и ногахъ, еще рѣже,—кольца изъ мѣди. Довольно распространены у а-занде ожерелья изъ европейскихъ бусъ, которыя, впрочемъ, подлежатъ довольно измѣнчивой модѣ. Въ странахъ, стоящихъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ европейцами, бусы стали настолько обыденнымъ явленіемъ, что уже не привлекаютъ къ себѣ сердца темнокожихъ красавицъ.

Прическа а-занде (рис. Швейнфурта).

Необычайный успѣхъ имѣли, какъ предметъ украшенія, пустые мѣдные патроны ремингтоновыхъ ружей; вычищенныя блестящія гильзы эти негры всаживаютъ себѣ въ большія дыры, просверленныя въ ушахъ. Еще болѣе странное украшеніе Юнкеръ видѣлъ у сестры Мамбанги: на шеѣ у нея висѣло ожерелье изъ остриженныхъ длинныхъ ногтей. Негры высоко цѣнятъ длинныя ногти; люди состоятельные отращиваютъ себѣ ногти въ нѣсколько дюймовъ.

Человѣку непосвященному трудно себѣ представить, какое значеніе негръ придаетъ прическѣ. Старики, въ

особенности люди сановитые, выдѣляются, какъ уже мы имѣли случай замѣтить, простотою костюма и прически. Молодежь, напротивъ того, доходитъ до такихъ фантастическихъ куафюръ, которыя, по выраженію нашего путешественника, далеко оставляютъ за собою все то, что придумывали въ этомъ случаѣ европейскія дамы. Къ тому же всѣ эти невѣроятныя тупэ и многочисленныя косички, окружающія голову франта въ видѣ вѣнца, украшаются ракушками, бусами, мѣдными пластинками и т. д. На лбу молодой а-зандѐ носитъ діадему изъ собачьихъ зубовъ, на шеѣ ожерелье и, наконецъ, какъ верхъ роскоши и изящества, большое колье, ниспадающее на грудь, изъ 30—40 кусочковъ слоновой кости, отдѣланныхъ на манеръ зубовъ и клыковъ хищныхъ животныхъ и въ особенности льва, котораго туземцамъ рѣдко приходится убивать.

А-зандскій щеголь (рис. Швейнфурта).

Достойно вниманія то искусство и терпѣніе, съ которымъ а-зандѐ изготовляютъ эти предметы или мангбатту дѣлаютъ свои иглы для волосъ. Мангбатту посвящаютъ на прическу цѣлые часы, но соорудивъ ее, оставляютъ въ покоѣ на цѣлыя недѣли. Женщины, у которыхъ волосы на головѣ скручены въ отдѣльныя пряди, напоминающія собою громадныя папильотки, остригаютъ себѣ волосы въ знакъ траура. Нечего и упоминать о томъ, что этотъ обычай можетъ быть названъ почти интернаціональнымъ. Мангбатту, равно какъ а-мади и а-бармбо за-

частую носятъ своеобразную головную повязку, состоящую изъ многочисленныхъ черныхъ веревочекъ толщиною въ вязальную иглу; повязка эта прикрываетъ почти весь лобъ и стягивается на вискахъ. Наложеніе подобной повязки на голову младенца ведетъ къ искусственному обезображиванію черепа.

Такимъ образомъ мы и въ этомъ случаѣ имѣемъ предъ собою обычай, пользующійся или пользовавшійся почти всемірнымъ распространеніемъ, обычай, который, несмотря на всѣ запреты, практикуется и понынѣ въ нѣкоторыхъ департаментахъ Франціи.

Мангбатту (рис. Швейнфурта).

А-бармбо примыкаютъ по нравамъ и обычаямъ къ мангбатту, хотя и отличаются отъ нихъ по языку. Они, какъ и а-мади, приближающіеся отчасти къ а-занде, отчасти къ мангбатту, по отношенію къ техническому искусству стоятъ ниже своихъ сосѣдей. Это объясняется до извѣстной степени тѣмъ, что оба народа эти распались на множество мелкихъ и потому слабыхъ и захудалыхъ группъ.

Знакомство съ общественнымъ строемъ негровъ не обошлось Юнкеру даромъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ охотно выступалъ среди нихъ въ качествѣ апостола мира и просвѣщенія. Властители негровъ безпрестанно ссорились другъ съ другомъ изъ-за бѣглыхъ рабовъ или женъ; подчасъ мотивомъ распрей являлась зависть, месть, подозрительность, или даже, по просту, алчность. Негры сами всюду впутывали Юнкера въ свои исторіи и онъ, дѣйствительно, искусно ихъ мирилъ и даже вершилъ судъ надъ виновными. Юнкеръ старался расположить негровъ

Встрѣча Юнкера съ Семіо.

къ египетскому правительству. Наибольшее препятствіе въ своихъ стараніяхъ онъ встрѣчалъ, однако, именно со стороны т. н. нубійцевъ. Представители египетской администраціи являлись здѣсь, какъ и повсюду въ негрскихъ странахъ, грабителями и истязателями туземцевъ. Они до такой степени пріучили негровъ къ мысли, что нубіецъ вѣроломенъ, хищенъ и презираетъ негра, что Юнкеру трудно было убѣдить ихъ въ томъ, что высшія власти въ Египтѣ дѣйсвительно заботятся о благѣ негровъ.

Нубійская расправа.

Достаточно сказать, что нубійцы съумѣли выжить самого Юнкера изъ Тангази, отравляя ему всячески пребываніе на станціи и не допуская къ нему негровъ изъ опасенія, что проступки ихъ будутъ разоблачены. Презрѣніе, съ которымъ относились нубійцы къ неграмъ, доходило до того, что они, нарушая магометанскій обычай, никогда не приглашали туземцевъ къ трапезѣ своей. Тѣмъ возмутительнѣе и опаснѣе должны были имъ казаться тѣ гуманныя чувства, которыя Юнкеръ неоднократно проявлялъ относительно негровъ.

Среди самихъ негровъ всюду господствовало полное

разложеніе. Власть и значеніе отдѣльныхъ вождей пришли въ упадокъ. Потомки знаменитыхъ завоевателей изъ племени а-занде нынѣ являются не только второстепенными, но даже подчиненными вождями; тѣмъ не менѣе они сохраняютъ свою горделивую осанку, да и негры, всегда готовые къ преклоненію передъ сильными міра сего, оказываютъ имъ по прежнему почетъ и приближаются къ нимъ не иначе, какъ почтительно согнувшись и упираясь руками въ колѣни; въ такомъ же положеніи и пятясь задомъ, они уходятъ послѣ аудіенціи у этихъ мишурныхъ властителей. А-занде считаютъ себя вообще существами высшей породы; рабочимъ классомъ являются почти исключительно побѣжденныя племена, вошедшія въ составъ племени а-занде. Движеніе нубійцевъ въ глубь страны повело, однако, къ тому, что въ сѣверныхъ предѣлахъ а-занде многіе коренные вожди смѣнены были египетскими чиновниками и драгоманами.

Общественный строй а-занде можетъ быть названъ вассальнымъ. Главный вождь управляетъ страною посредствомъ вассальныхъ вождей, находящихся въ большей или меньшей зависимости отъ него. Отношенія эти, однако, въ высшей степени усложняются господствующимъ здѣсь многоженствомъ. Отсюда многочисленное потомство иныхъ князей; отсюда раздоры между ближайшими родственниками. Право старшинства далеко не всегда соблюдается и борьба между братьями дѣло весьма обыденное. Власть и вмѣстѣ съ тѣмъ жены отца переходятъ обыкновенно къ тому изъ сыновей, который съумѣлъ въ данный моментъ заручиться наибольшимъ вліяніемъ. Та-же картина распаденія и разложенія встрѣчается у а-мади. Благодаря этому воинственные сосѣди неоднократно вторгались въ ихъ область; а-занде и а-бармбо владѣли нѣкоторое время частью земель а-мади; нубійцы охотно проходили именно черезъ ихъ страну при своихъ походахъ на югъ и даже основали здѣсь небольшую станцію.

Тип. Вл. Гоппъ.

Переходъ черезъ Гурбу.

Разбираясь въ дрязгахъ вождей и князей и останавливаясь на характеристикѣ наиболѣе выдающихся изъ нихъ, Юнкеръ дастъ цѣлую портретную галлерею африканскихъ властителей. Типы этихъ людей въ высшей степени любопытны и поучительны. Первымъ изъ нихъ послѣ Ндорумы, описанномъ въ предшествующей главѣ, является Семіо, владѣнія котораго расположены были къ югу отъ земель Ндорумы. Семіо, съ которымъ Юнкеръ уже ранѣе завязалъ сношенія, былъ небольшого роста, молодой, но уже разжирѣвшій негръ съ большими умными глазами, выдающимися скулами и широкимъ носомъ; въ общемъ его можно было назвать довольно типичнымъ а-занде. Впрочемъ, онъ говорилъ по арабски, носилъ арабскую одежду, красныя туфли и феску; волосы на головѣ его были коротко острижены. Въ общемъ это былъ человѣкъ несомѣнно умный, любознательный и довольно симпатичный, хотя частыя сношенія съ нубійцами сдѣлали его подозрительнымъ. Помимо этого онъ, какъ это и подобало негрскому властителю, не прочь былъ воспользоваться малѣйшею оплошностью сосѣдей, чтобы обогатиться на ихъ счетъ.

Семіо въ высшей степени гостепріимно принялъ Юнкера. Онъ вполнѣ оцѣнилъ значеніе своего европейскаго друга; самъ онъ примкнулъ къ правительственной партіи. Семіо предложилъ Юнкеру сопутствовать ему въ походѣ на югъ, предпринятомъ имъ съ цѣлью сбора слоновой кости у вождей различныхъ племенъ. Такимъ образомъ Юнкеру пришлось вновь очутиться въ отрядѣ грабителей, нисколько не уступавшихъ тѣмъ, съ которыми онъ въ свое время ходилъ на макарака. Нашъ путешественникъ, очевидно, весьма расположенъ къ Семіо, оказавшему ему вспослѣдствіи, въ трудную годину, существенную поддержку. Поэтому, онъ старается выставить его болѣе или менѣе безхарактернымъ человѣкомъ, вовлекаемымъ въ разбои и завоевательные планы своими сотоварищами. Среди послѣд-

нихъ выдѣлялся своимъ вѣроломствомъ Назима, князь мангбалле, долговязый худой а-занде съ длинной тощей бородкою, раздѣленной на двѣ косички. Намъ, со стороны, дѣло представляется такъ, что Семіо, какъ ловкій дипломатъ, умѣлъ свалить свой грѣшокъ на Назима и на другихъ своихъ благопріятелей и такимъ образомъ очистить себя до извѣстной степени въ глазахъ Юнкера. Заискивали его благорасположенія, впрочемъ, и другіе вожди. Такъ, Назима предложилъ ему однажды въ подарокъ маленькую рабыню съ необходимымъ приданымъ, состоявшимъ изъ двухъ изящныхъ цыновокъ, рѣзной скамеечки для сидѣнія, красивыхъ иглъ для волосъ изъ слоновой кости и небольшой плетеной корзиночки съ различными туалетными принадлежностями, банкою съ краснымъ порошкомъ для окраски тѣла и т. д.; корзиночка эта держалась у нея на спинѣ, благодаря лентѣ, проходящей черезъ лобъ. Положеніе Юнкера было въ высшей степени щекотливое: отказъ отъ подарка былъ бы равносиленъ оскорбленію, нанесенному дарителю. Поэтому ему пришлось до поры до времени оставить дѣвушку при себѣ, или, точнѣе говоря, передать ее на попеченіе своей служанки.

Караванъ перебрался черезъ живописную рѣку Гурба по мосту, кое какъ налаженному изъ вѣтвей и стволовъ, тогда какъ осликъ, еще не привыкшій къ опаснымъ переправамъ, былъ перевезенъ въ выдолбленномъ на подобіе душегубки стволѣ дерева. Затѣмъ Семіо двинулся къ Уэллэ такимъ путемъ, чтобы очутиться въ виду враждебныхъ а-бармбо. И, дѣйствительно, когда достигли Уэллэ близъ впаденія въ него рѣки Мбруолэ и когда Юнкеръ, ничего не подозрѣвавшій о томъ, что онъ попалъ въ ловушку, восторженно любовался мощною рѣкою, онъ внезапно сталъ участникомъ если не сраженія, то, во всякомъ случаѣ, непосредственныхъ приготовленій къ сраженію между а-бармбо и караваномъ. До настоящей борьбы дѣло, однако, не

тип. эд. гоппа.

На Уэллэ Макуа.

дошло, такъ какъ враги въ этотъ день, да и въ послѣдующіе лишь разжигали другъ друга, ограничиваясь отдѣльными выстрѣлами изъ ружей или лука, или же перебранкою, отчасти напоминающею тѣ характерные пріемы, которые описываются въ нашихъ родныхъ былинахъ. Не малое впечатлѣніе производилъ при этихъ воинственныхъ приготовленіяхъ флотъ мангбалле, состоявшій изъ 15 довольно крупныхъ лодокъ съ 20—40 гребцами въ каждой; экипажъ производилъ всевозможныя эволюціи на водѣ, а главное оглашалъ воздухъ самыми неистовыми и свирѣпыми воплями. Роль Юнкера во всей этой исторіи не подлежала сомнѣнію: находясь на сторонѣ Семіо и присутствуя при этомъ своеобразномъ объявленіи войны, онъ, видимо, долженъ былъ устрашать враговъ.

Представителемъ а-зандской старины является среди вождей, описываемыхъ Юнкеромъ, старикъ Уа́ндо, обращавшійся къ нему еще во время пребыванія его на станціи Лакрима за содѣйствіемъ въ виду раздоровъ его съ сосѣдями, туземцами и нубійцами. Уандо былъ чѣмъ-то въ родѣ злосчастнаго короля Лира: онъ раздѣлилъ владѣнія свои между тремя сыновьями и нынѣ, въ виду преслѣдованій одного изъ нихъ, находился въ бѣгахъ. Юнкеру удалось до извѣстной степени примирить отца съ сыномъ. Характерно въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что Уандо въ свое время энергично противодѣйствовалъ нубійцамъ и даже враждовалъ съ предшественникомъ Юнкера, извѣстнымъ изслѣдователемъ экваторіальной Африки Швейнфуртомъ.

Если Уандо по внѣшности своей являлся прототипомъ простоты и по костюму нисколько не отличался отъ любого изъ подданныхъ своихъ, то упомянутый уже нами молодой франтъ Бинза оказался полнѣйшею противоположностью ему. Бинза распространялъ страсть свою къ щегольству даже на своихъ безчисленныхъ женъ и при этомъ глупѣйшимъ образомъ попался въ мошенничествѣ, отъ ко-

тораго онъ до того времени усердно отпирался: его обвиняли въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ оставленные у него правительственнымъ агентомъ товары и главнымъ образомъ бусы. А между тѣмъ тщеславный Бинза представилъ Юнкеру своихъ женъ, навьюченными такимъ ни съ чѣмъ не сообразнымъ количествомъ бусъ, что виновность его отнынѣ уже не могла подлежать сомнѣнію.

Поселеніе Мазинде.

Симпатичнымъ и живымъ малымъ оказался Мазинде, а-занде по происхожденію и властитель племени а-мади, обитавшій среди прекрасныхъ рощъ и плантацій банановъ и масличныхъ пальмъ. Онъ принялъ Юнкера въ высшей степени гостепріимно и, повидимому, привязался къ нему. Съ другой стороны, нашъ авторъ не скрываетъ, что Мазинде былъ порядочный разбойникъ и неукоснительно пользовался всякимъ поводомъ къ тому,

тип. эд. гольце.

Мазинде показываетъ своихъ плѣнницъ.

чтобы напасть на сосѣдей и отбить у нихъ невольниковъ, а главное невольницъ. Участвующихъ въ грабежахъ и набѣгахъ онъ, впрочемъ, щедро одаривалъ плѣнниками. Однажды онъ попытался задобрить даже Юнкера, подаривъ ему невольницу сравнительно свѣтлой окраски изъ племени а-бармбо. Относительно невольницы этой, которую Юнкеръ деликатно возвратилъ Мазинде, онъ замѣчаетъ, что окраска ея подходила къ цвѣту темно-желтой дубленой кожи, хотя именно благодаря этому обстоятельству вся грязь, насѣвшая на нее, выступала еще замѣтнѣе. По отношенію къ собственнымъ женамъ своимъ Мазинде былъ ревнивъ до крайности и мужчинамъ, которыхъ онъ заставалъ въ бесѣдѣ съ ними, обыкновенно отрубалъ пальцы. Мазинде былъ крайне суевѣренъ и не мало смѣшилъ Юнкера, но по временамъ порядкомъ и надоѣдалъ ему своими безпрестанными обращеніями къ оракуламъ. У него-то нашъ путешественникъ столь основательно изучилъ способы гаданія, практикуемые у негровъ. Помимо всего этого, Юнкеръ цѣнилъ въ немъ любознательность и извѣстную воспріимчивость къ европейской культурѣ. Во всякомъ случаѣ онъ пріобрѣлъ въ лицѣ Мазинде адепта египетской политики.

Совершенно иной типъ представлялъ собою независимый властитель мангбатту, считавшій среди своихъ подданыхъ а-мангбалле, а-бармбо, а-занде и а-биссанга, пресловутый врагъ египтянъ Мамбанга. Онъ пригласилъ Юнкера къ себѣ и тотъ послѣдовалъ этому призыву, несмотря на всѣ упреки Семіо, у котораго онъ тогда гостилъ и который ему предвѣщалъ всяческія бѣдствія. Юнкеръ переправился черезъ Уэллэ. На противуположномъ берегу его поджидалъ Мамбанга. Это былъ рослый и крѣпкій молодой человѣкъ, замѣтно выдѣлявшійся среди окружавшихъ его негровъ свѣтло-бронзовою окраскою своей кожи. Лицо его носило отпечатокъ дикой чувственности, а выпученные большіе глаза придавали ему

совершенно своеобразное выраженіе. Держался онъ еще болѣе сутоловато, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ высокопоставленные негры. Одѣтъ былъ Мамбанга въ «рокко», т.-е. костюмъ изъ коры, а на волосахъ, сплетеныхъ въ крупный шиньонъ, имѣлъ шляпу въ видѣ корзины, прикрѣпленную иглою изъ слоновой кости. Юнкеръ посѣтилъ резиденцію Мамбанги, но пребываніе его у этого грубаго и алчнаго князька можно было положительно назвать тяжкимъ. Онъ во чтобы-то ни стало хотѣлъ задержать Юнкера у себя; грубость и попрошайничество Мамбанги, докучливость и постоянныя кражи со стороны его подданныхъ, довели нашего путешественника до фантастической угрозы, что онъ покончитъ съ собою насильственно, если князь не сумѣетъ оградить его личность и имущество отъ всяческихъ покушеній. Самоубійство дѣло неслыханное среди негровъ, да къ тому же Юнкеръ заявилъ, что братъ его, паша, по избранному имъ роду смерти узнаетъ, что его принудило къ этому недостойное обращеніе съ нимъ Мамбанги.

Крупная размолвка произошла съ княземъ, однажды, по поводу того, что послѣдній категорически потребовалъ у Юнкера одно изъ его ружей. Въ концѣ-концовъ онъ, однако, удовлетворился пистонами для своихъ старыхъ ружей. За то Юнкеру, несмотря на всѣ усилія, не удалось убѣдить его въ томъ, что у него нѣтъ ни малѣйшихъ шансовъ на то, чтобы отстоять самостоятельность свою въ борьбѣ съ нубійцами. Мамбанга палъ жертвою своего самомнѣнія. Когда онъ началъ борьбу съ египтянами, Юнкеръ еще разъ навѣстилъ его, причемъ его передъ лагеремъ князя встрѣтили войска, разставленныя шпалерами. Юнкеръ даже заключилъ съ нимъ дружбу, обмѣнявшись съ нимъ по мѣстному обычаю кровью. Съ этою цѣлью оба друга усѣлись другъ противъ друга; каждому изъ нихъ сдѣлали по легкому надрѣзу кожи въ области сердца. Каплю крови, выступившую при этомъ,

Встрѣча Юнкера съ Мамбангою.

тип. вд. голов.

они сняли другъ у друга при помощи кусочка сахарнаго тростника. Эти кусочки они разжевали и вслѣдъ затѣмъ выплюнули другъ другу разжеванный тростникъ частью въ область сердца, частью въ затылокъ. Приэтомъ каждый приговаривалъ тѣ условія, на основаніи которыхъ онъ заключалъ союзъ. Послѣ каждаго пункта прибавлялась фраза: «и если ты этого не сдѣлаешь, то пусть кровь твоя погубитъ тебя»! а человѣкъ, стоявшій рядомъ, ударялъ послѣ этихъ словъ камнемъ о какой-либо твердый предметъ, какъ бы подчеркивая такимъ образомъ произнесенную клятву. Юнкеръ старался такимъ путемъ примирить Мамбангу съ нубійцами и склонить его къ тому, чтобы онъ пошелъ въ лагерь нубійцевъ. Однакоже, показанія оракула были настолько враждебны замысламъ Юнкера и настолько грозны для Мамбанги, что нашему дипломату пришлось отказаться отъ своего великодушнаго и симпатичнаго намѣренія предупредить излишнія кровопролитія.

Въ борьбѣ съ нубійцами Мамбанга потерпѣлъ окончательное пораженіе. Побѣдители, между прочимъ, забрали въ плѣнъ женъ его и двухъ сыновей. Младшій изъ этихъ сыновей, малолѣтній Гаваджъ, т.-е. купецъ-европеецъ, названный такъ въ виду рѣдкой среди негровъ свѣтлой окраски кожи, былъ любимцемъ отца. Мамбанга гордился имъ и любилъ его до такой степени, что никогда не разставался съ нимъ и бралъ его съ собою даже въ битву, говоря, что если ему суждено умереть, то онъ погибнетъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ. Впослѣдствіи Мамбанга былъ казненъ по приказанію Эмина. Въ третьемъ томѣ своихъ «путешествій» гуманный Юнкеръ не мало сѣтуетъ на Эмина за эту, по его мнѣнію, безцѣльную жестокость. Иначе на это дѣло смотрѣлъ Эминъ, предупреждавшій Юнкера о тѣхъ враждебныхъ замыслахъ, которые питалъ Мамбанга по отношенію къ нему и Касати. Что касается Касати, то онъ видѣлъ Мамбангу уже

послѣ бѣгства его, когда у этого, когда-то столь богатаго князя, только и сохранилось изъ всего имущества, что чаша, изготовленная изъ черепа убитаго имъ арабскаго вождя, да ножъ, которымъ совершено было это страшное дѣло. Судя по разсказамъ Касати, Мамбанга былъ дѣйствительно опаснымъ и преступнымъ человѣкомъ.

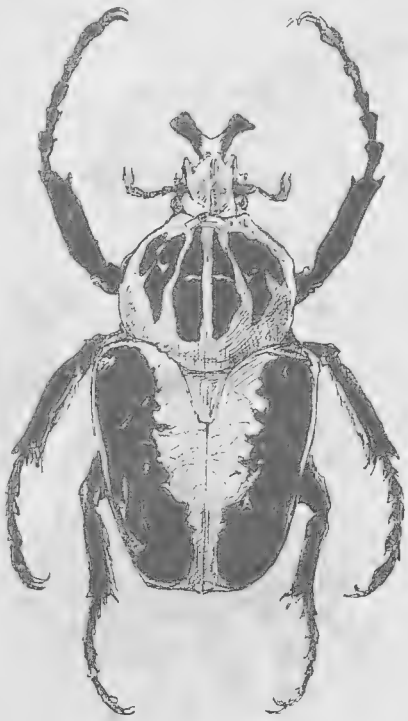
Numida vulturina.

Въ сообществѣ съ различными негодяями онъ между прочимъ неожиданно напалъ на мангбаттовъ и меджи и убилъ болѣе 300 человѣкъ. За это онъ и былъ казненъ Эминомъ [1]).

Пріятнымъ перерывомъ для нашего путешественника, среди всѣхъ этихъ дрязгъ и тщетныхъ попытокъ къ при-

[1]) G. Casati. Zehn Jahre in Aequatoria. B. I, S. 227.

миренію враждующихъ партій, были зоологическія новости, доставляемыя ему подчасъ туземными князьями или его собственными людьми. Такъ ему доставлена была цецарка-коршунъ, Numida vulturina, получившая свое прозваніе благодаря кольцу щетинистыхъ перьевъ цвѣта чернаго бархата, переходящихъ по затылку отъ одного уха къ другому. Юнкеръ встрѣчалъ впослѣдствіи въ области Уэллэ разрозненные экземпляры этой красивой птицы, перья которой, темно-синія съ бѣлыми крапинками или полосками, украшаютъ тамъ шляпы негровъ. Вниманія заслуживали также экземпляры новаго для Центральной Африки маки, Galeopithecus, отличавшагося чудеснымъ мягкимъ мѣхомъ цвѣта серны. На рѣкѣ Уэллэ Юнкеру доставленъ былъ гигантъ-жукъ, Goliathus Atlas. Подобно тому, какъ слонъ является однимъ изъ послѣднихъ представителей грандіозныхъ толстокожихъ, такъ и этотъ жукъ представляется однимъ изъ выжившихъ до настоящаго времени великановъ среди прочихъ колеоптеръ. Когда онъ прожужжалъ надъ головою Юнкера, тотъ его сначала принялъ за птицу, но затѣмъ тотчасъ же бросился со своими людьми за нимъ въ погоню. Онъ имѣлъ 10 сант. въ длину и 4½ сант. въ ширину. Покровныя крылья были у него коричневаго цвѣта, щитикъ черный съ сходящимися по направленію къ головѣ широкими бѣлыми ли-



Goliathus Atlas.

ніями; брюшко и ножки были темнаго оливково-зеленаго цвѣта.

Присоединившись къ правительственной экспедиціи, направленной подъ начальствомъ Бахита и Гаваша противъ Мамбанги, Юнкеръ получилъ возможность проникнуть на югъ отъ Уэллэ-Макуа. Во второй половинѣ ноября закончился дождливый періодъ, хотя все еще, и притомъ ежедневно, надвигались грозы съ востока и даже въ декабрѣ перепадали отдѣльные ливни. Первые дожди выпали на западѣ въ странѣ а-бармбо въ февралѣ; такимъ образомъ широты эти имѣютъ дождливый періодъ въ 10 мѣсяцевъ. На Бомоканди случались сильнѣйшіе ливни даже въ концѣ декабря. Весьма понятно, что эта масса осадковъ, столь правильно распредѣляющаяся едва-ли не на всѣ мѣсяцы года, должна способствовать плодородію страны. Какъ въ началѣ дождевого періода, такъ и въ послѣдній мѣсяцъ его, дулъ между 11 ч. утра и 4 ч. пополудни довольно крѣпкій нордостъ.

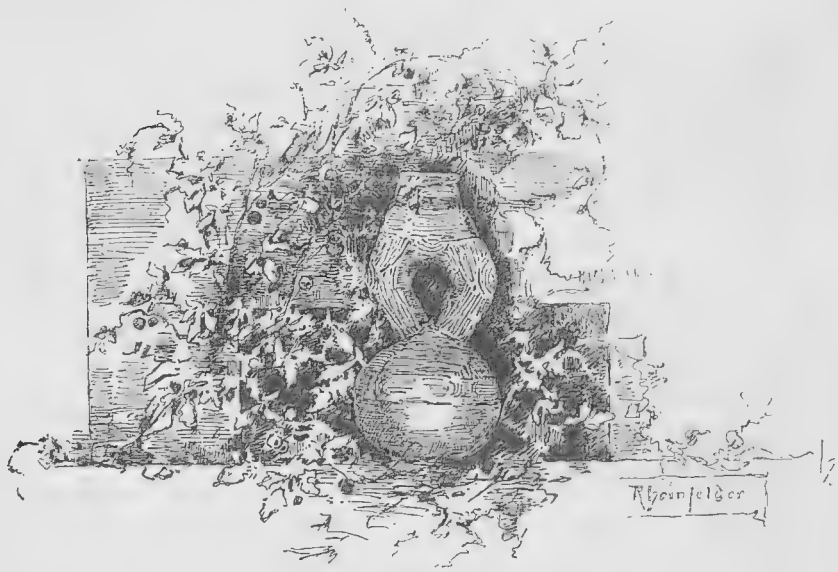
Экспедиція, по обыкновенію, сопровождалась грабежами, а грабежи истребленіемъ плантацій и поселеній, попадавшихся возстановителямъ порядка по дорогѣ. Если Юнкеръ и не препятствовалъ своей прислугѣ участвовать въ реквизиціяхъ, такъ какъ имъ въ противномъ случаѣ пришлось бы голодать, то съ другой стороны онъ тщетно старался пріостановить совершенно безцѣльные поджоги деревень или вырубку банановыхъ рощъ. Помимо постоянныхъ ссоръ и жалобъ негрскихъ вождей, къ разбору которыхъ, несмотря на все его нежеланіе, привлекали и Юнкера, ему пришлось быть свидѣтелемъ раздоровъ между вождями экспедиціи. Въ концѣ-концовъ Бахитъ покинулъ Гаваша, съ которымъ Юнкеръ продолжалъ путь. Но вотъ и Гавашъ былъ отозванъ въ Макарака на судъ къ Эмину, до котораго дошли жалобы на своевольства этого, дѣйствительно, слишкомъ энергичнаго, хотя и дѣльнаго администратора.

Тогда Юнкеръ рѣшился одинъ продолжать свой путь и проникнуть въ область, расположенную къ югу отъ рѣки Бомоканди. 26 декабря онъ съ нѣсколькими слугами и 15 носильщиками изъ племени а-бармбо пустился на югъ. Къ югу отъ страны а-мезима простирается безлюдная область, при прохожденіи которой необходимо было запастись провіантомъ. Холмистая страна эта является водораздѣломъ между системою Уэллэ-Макуа и Бомоканди и достигаетъ высшей точки своей въ горѣ Бонготу. 27 декабря экспедиція достигла живописной рѣки Бомоканди, имѣвшей въ мѣстѣ переправы до 200 шаговъ ширины; берега рѣки окаймлены были широкою полосою лѣсовъ; лѣвый берегъ возвышался метра на два надъ уровнемъ рѣки. Ландшафтъ оживлялся скалистыми и лѣсистыми островками. Бомоканди направляется отъ мѣста переправы Юнкера къ сѣверозападу и впадаетъ близъ Камза въ Уэллэ. Къ югу отъ Бомоканди обитаютъ многочисленныя племена а-бармбо, распространяясь къ западу до Маконго, одного изъ притоковъ Бомоканди; здѣсь они соприкасаются съ а-бабуа. На востокъ они заходятъ за Покко, одинъ изъ южныхъ притоковъ Бомоканди, хотя и встрѣчаются среди мѣстныхъ а-занде островками. Въ области Бакангаи, къ которому въ настоящій моментъ направлялся нашъ путешественникъ, напротивъ того, преобладали а-бармбо, среди которыхъ сами господствующіе а-занде являлись только островками.

Бакангаи, видимо, поджидалъ Юнкера съ нетерпѣніемъ: онъ выслалъ ему на встрѣчу пословъ и, прослышавъ о желаніи путешественника ознакомиться съ карликовыми народами, доставилъ ему даже мальчика изъ племени акка, который затѣмъ находился въ услуженіи у Юнкера въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Область къ югу отъ Бомоканди слегка волниста и даже холмиста, богато орошена и изобилуетъ лѣсами. Высокая, частью еще зеленая трава, свидѣтельствовала о томъ,

что декабрь къ югу отъ Бомоканди долженъ быть причисленъ къ дождливымъ мѣсяцамъ. Вся эта область густо заселена; черезъ каждыя 10—15 минутъ слѣдуютъ жилища. А-занде группируются главнымъ образомъ вокругъ резиденціи своего властителя. Такимъ образомъ Юнкеръ почти наканунѣ новаго 1882 года, вступилъ въ область, принадлежавшую нѣкогда знаменитому Кипѣ, однимъ изъ сыновей котораго былъ Бакангаи. Старшимъ сыномъ Кипы былъ, однако, Канна, владѣнія котораго лежали на востокъ отъ земель Бакангаи.



Сосудъ а-занде для пива.

ГЛАВА VII.

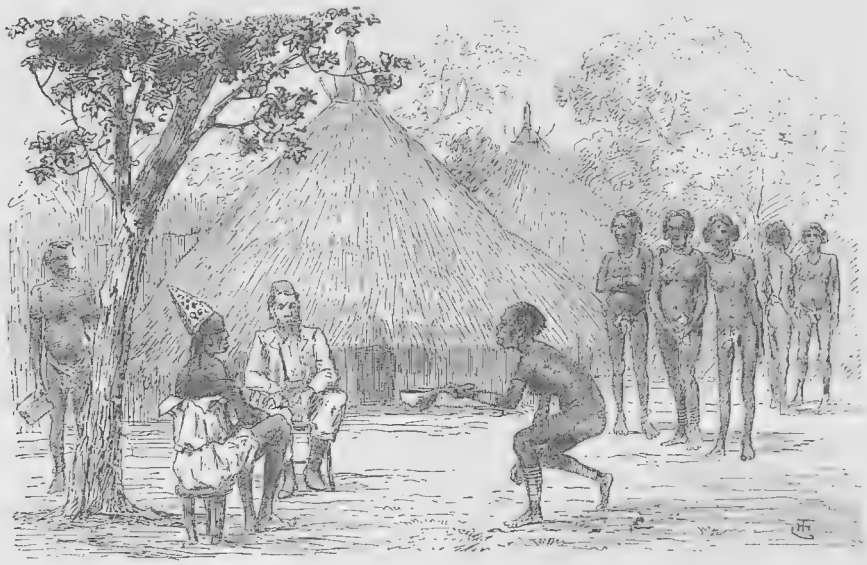
Бомоканди и Непоко.

Бакангаи. — Обаяніе европейца. — Музыкальныя способности негровъ. — Бангоя. — А-биссанга. — Канна. — А-зандская старина. — Почитаніе умершихъ. — Средне-африканскій лѣсъ. — А-зáнде. — Тангази. — Заброшенныя поселенія. — Гамбари. — Древности. — Деньги негровъ. — Момфу. — Болѣзнь Юнкера. — Крайній юго-восточный пунктъ путешествія. — Отношенія Юнкера къ Стэнлею. — Интернаціональныя игры. — Опять на пути въ Тангази. — Мабоде. — Карликовые народы.

Область, нѣкогда принадлежавшая Кипѣ, одному изъ многочисленныхъ африканскихъ завоевателей, которыхъ путешественники любятъ величать Наполеонами, нынѣ распалась на множество отдѣльныхъ государствъ. У почтеннаго Кипы было не менѣе 54 старшихъ сыновей; младшіе у него не принимались въ разсчетъ. Старшій изъ наслѣдниковъ его, упомянутый уже Канна, человѣкъ суровый и строгій ревнитель старины, далеко не пользовался властью отца. Братья и прочіе вассалы плохо его слушались. Въ сущности, владѣнія его простирались на сѣверъ до рѣки Бомоканди, на востокъ приблизительно на два дневныхъ перехода, а на югъ до рѣки Покко. На ряду съ а-занде среди обитателей этой области встрѣчались отдѣльными островками а-бармбо, представители другихъ южныхъ племенъ и даже отдѣльные представители племенъ а-мади. Канна управлялъ своею страною собственно черезъ посредство десяти взрослыхъ сыновей.

Прежде чѣмъ добраться до резиденціи Канна, Юнкеру пришлось познакомиться съ нѣкоторыми изъ его братьевъ. Князь Бакангаи, который собственно пригласилъ къ себѣ Юнкера, былъ веселый, добродушный малый, тол-

стякъ лѣтъ 40 съ блестящими живыми глазами и короткою черною бородою; на головѣ у него было нѣчто въ родѣ кардинальской шапки изъ леопардовой шкуры. Бакангаи былъ весьма гостепріименъ и въ то же время въ высшей степени любознателенъ: съ удовольствіемъ разсматривалъ онъ сокровища Юнкера и никогда не попрошайничалъ. Всякую мелочь принималъ онъ съ благодарностью, напримѣръ, пустую жестянку изъ-подъ консервовъ, которая впо-



У Бакангаи

слѣдствіи служила ему кубкомъ. Получивъ отъ Юнкера въ подарокъ ножницы, онъ далъ полную волю своему веселому и въ сущности нѣсколько дѣтскому темпераменту и безъ удержу и устали рѣзалъ одежды мальчиковъ, составлявшихъ его свиту; въ концѣ-концовъ онъ, къ неописуемому восторгу всѣхъ окружавшихъ его, окарналъ ихъ наголо. Тѣ же несчастные мальчуганы должны были отвѣдывать жаренаго кофе, консервовъ и тому подобныхъ незнакомыхъ и уже поэтому страшныхъ для негра вещей; когда же Бакангаи получилъ въ подарокъ

зажигательное стекло, то имъ житья не стало: онъ нещадно обжигалъ ихъ этимъ чудеснымъ инструментомъ, «которымъ можно было доставать огонь съ солнца». Характерно для этого властителя негровъ было то, что онъ, отправляясь въ гости къ Юнкеру, уже издали давалъ ему знать о своемъ приближеніи, наигривая на гармоникѣ, которую тотъ ему подарилъ. Бакангаи очень любилъ считать. Когда Юнкеръ подарилъ ему бо́льшій экземпляръ гармоники, онъ тотчасъ же принялся считать лады ея; исключительно удовольствія ради онъ неоднократно пересчитывалъ листы въ юнкеровской книгѣ съ картинами. Юнкеръ ему однажды предложилъ нѣсколько картинъ изъ этой книги; Бакангаи самъ выбралъ изображенія близко знакомыхъ ему животныхъ: пѣтуха, цецарки и т. п.

При всемъ добродушіи своемъ Бакангаи бывалъ безпощадно строгъ, въ особенности по отношенію къ женамъ своимъ, подозрѣваемымъ въ измѣнѣ. Не задолго до прибытія Юнкера онъ казнилъ двухъ изъ нихъ и, какъ впослѣдствіи обнаружилось, сильно побаивался того, чтобы гость не выразилъ ему по этому поводу своего неудовольствія. Тотъ же Бакангаи просилъ согласія Юнкера на предпринимаемый имъ походъ. Все это служитъ прекраснымъ свидѣтельствомъ того обаянія, которымъ пользуется въ глазахъ негровъ всякій европеецъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ много могъ бы сдѣлать человѣкъ энергичный среди своихъ дикихъ собратьевъ.

Резиденція Бакангаи отличалась извѣстнымъ богатствомъ. Однѣхъ хижинъ для рабынь здѣсь было около 200. Зданіе, предназначенное для общественныхъ собраній, напоминало собою какой-то манежъ; оно имѣло въ длину 65 шаговъ, а въ ширину 25 шаговъ; искусно сложенная изъ листьевъ крыша покоилась на безчисленныхъ столбахъ, подпиравшихъ ее по серединѣ и по бокамъ. Глиняныя стѣны, возвышавшіяся на 1½ метра, изукрашены были четко выполненными рисунками, изображавшими на

ряду съ довольно наивно выполненными черепахами, птицами и змѣями, преимущественно характерные метательные ножи а-занде, т. н. «пинга». Въ самомъ помѣщеніи, полутемномъ, несмотря на полуоткрытыя двери, отдѣленъ былъ особый уголъ для вождя. Постройки эти производили, однако же, впечатлѣніе скорѣе своими размѣрами, чѣмъ красотою и далеко уступали подобнымъ же сооруженіямъ у мангбатту; тутъ всюду чувствовалась извѣстная небрежность въ работѣ; достаточно, что земля, на которой сооружено было зданіе, не была выравнена. Неподалеку отъ главнаго зданія стояло нѣсколько довольно круглыхъ хижинъ значительныхъ размѣровъ, возведенныхъ изъ глины и крытыхъ конусообразною крышею. Въ одномъ углу площади, на которой возведены были эти постройки, виднѣлись дома самого князя, обведенныя тыномъ; въ тѣни деревъ и банановой рощи находились дома любимыхъ женъ Бакангаи.

Владѣнія Бакангаи простирались на три дня пути отъ рѣки Бомоканди къ югу и дней на пять пути въ направленіи съ востока на западъ; южная и западная граница были, впрочемъ, довольно неопредѣленны, такъ какъ князю не удалось выяснить вассальныя отношенія обитателей ихъ. Въ центрѣ страны жили а-занде; племена а-бармбо были здѣсь вѣтвью того же племени, жившаго въ области рѣки Уэллэ. Къ югу отъ рѣки Уэллэ-Макуа и къ востоку до рѣки Моконго живутъ бабуа (а-мбуа). Повидимому, это собирательное имя для многочисленныхъ племенъ. А-бабуа одѣваются въ одежды изъ матеріи собственнаго изготовленія и уже не употребляютъ одеждъ изъ коры; точно также они отличаются отъ мангбатту своимъ вооруженіемъ, бо́льшими размѣрами скамеечекъ для сидѣнья и т. д.

Юнкеръ оставался у Бакангаи отъ 29 декабря 1881 года по 14 января 1882 года. Во все это время не было дождя, хотя 9 января собиралась гроза. За то ежедневно выпадала такая сильная роса, что всѣ предметы, оставав-

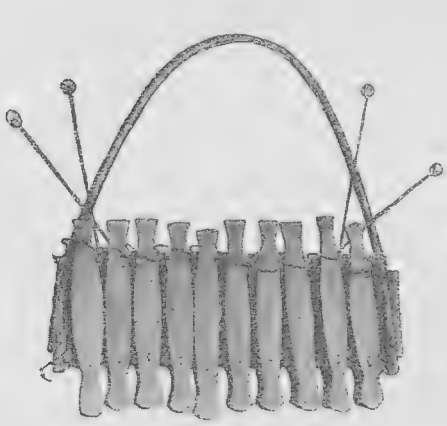
шіеся подъ открытымъ небомъ, оказывались совершенно мокрыми. Ночи были прохладны.

Несмотря на значительную работу воды и вывѣтриванія, разрушившую нѣкогда возвышавшіяся здѣсь первоначальныя гранитныя и гнейсовыя высоты, по остаткамъ ихъ возможно было прослѣдить общее ихъ направленіе съ сѣвера на югъ. Въ этомъ отношеніи такого рода высоты представляли интересную параллель тому, что нашъ путешественникъ наблюдалъ у Ндорумы и что ему впослѣдствіи пришлось видѣть на востокѣ. По мѣрѣ передвиженія на востокъ, количество культурныхъ земель замѣтно уменьшалось; лѣсъ вступалъ въ свои права, а хижины и плантаціи а-занде встрѣчались уже лишь на разчищенныхъ лѣсныхъ прогалинахъ.

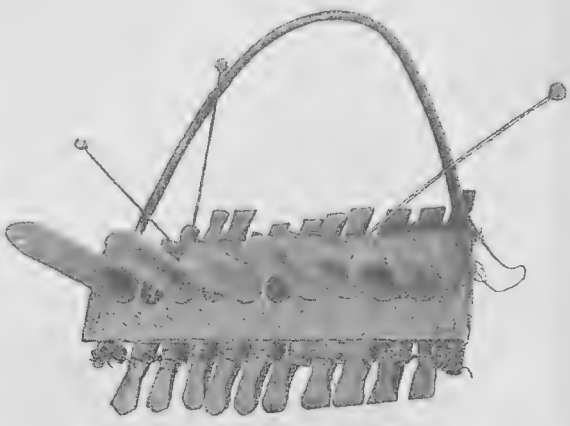
Среди братьевъ Канны Юнкеръ встрѣтилъ нѣсколько такихъ же фальстафовскихъ типовъ, любителей негрскаго пива и добродушнаго юмора, какимъ былъ Бакангаи. У Бакангаи Юнкеру пришлось наслаждаться негрскою музыкою. Негры, какъ извѣстно, одарены выдающимися музыкальными способностями. Характерно уже то, что негры особенно увлекаются наиболѣе труднымъ изъ европейскихъ музыкальныхъ инструментовъ, скрипкою, и подчасъ владѣютъ ею съ замѣчательною виртуозностью; если же барабанъ по прежнему остается любимѣйшимъ и національнымъ инструментомъ толпы, то это, конечно, должно быть отнесено къ шумному и чисто дѣтскому темпераменту негровъ. [1]) Мы говорили уже выше о томъ, что негры изобрѣли свой собственный музыкальный инструментъ, называемый негрскимъ фортепіано. Это маримба, на которой а-занде играютъ съ положительною виртуозностью, держа по четыре палочки въ рукахъ; благодаря этому они могутъ извлекать по четыре звука сразу. Игра ихъ въ высшей степени музыкальна, хотя въ ней трудно уловить опредѣ-

[1]) Э. Ю. Петри. Антропологія стр. 545, 546; тамъ же собраны отзывы авторитетнѣйшихъ путешественниковъ о музыкальныхъ способностяхъ негровъ.

ленную мелодію. Это безконечные переливы и переходы; это спокойный музыкальный разсказъ, который, однако, мѣстами возвышается до пламенной страстности. Музыканты вполнѣ владѣютъ и самымъ нѣжнымъ піаниссимо и самымъ бурнымъ фортиссимо. Въ особенности сильное впечатлѣніе производитъ маримбо, когда нѣсколько человѣкъ играютъ вмѣстѣ.. Во всякомъ случаѣ негры, по отношенію къ музыкѣ, стоятъ неизмѣримо выше властвующихъ надъ ними народовъ арабской культуры.



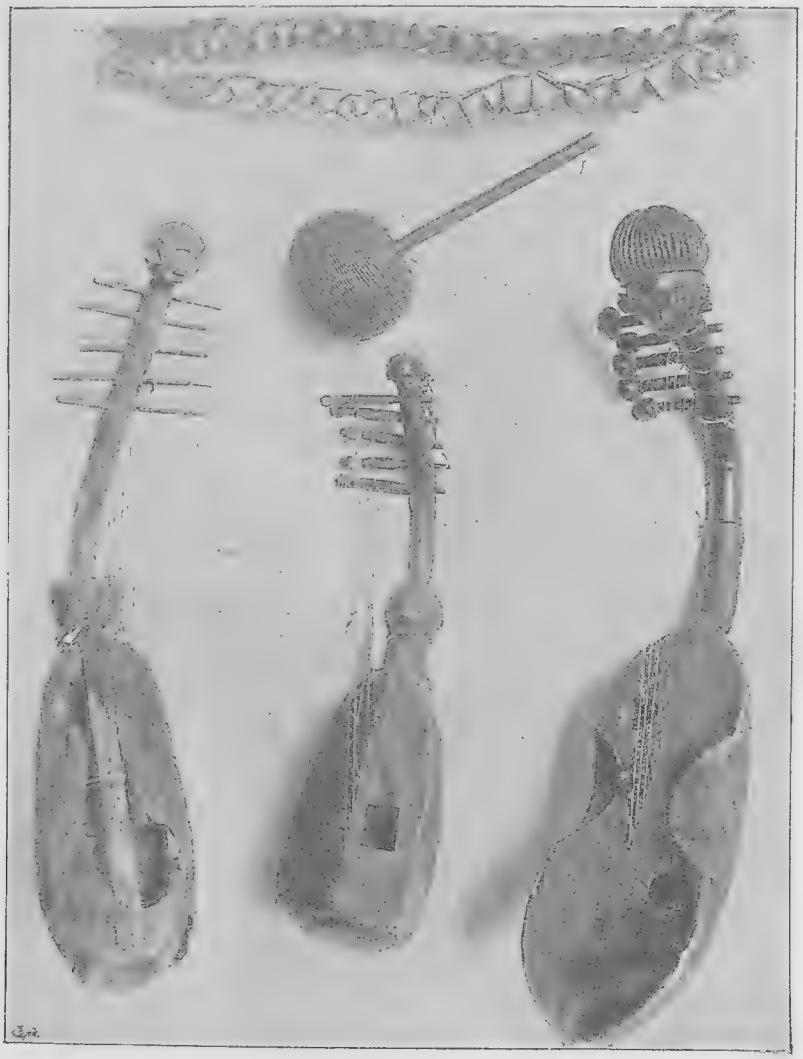
Маримба сверху.



Маримба снизу.

Другой братъ Бакангаи, по имени Бангоя, оказался прекраснымъ пѣвцомъ. Подъ аккомпаниментъ а-зандской арфы и полулежа на скамьѣ, онъ воспѣвалъ подвиги отца своего, Кипа; большой эффектъ производило въ пѣніи его пониженіе голоса, доходившее почти до шопота, когда онъ разсказывалъ про гибель этого славнаго воина, умершаго въ походѣ. Бангоя занималъ, однако же, Юнкера не только пѣніемъ, но и танцами, которые онъ, въ отличіе отъ прочихъ князей а-занде, готовыхъ только позировать, выполнялъ лично. Бангоя былъ безконечно гостепріименъ и добродушенъ; онъ даже познакомилъ

Юнкера со всѣми своими женами. Пребываніе у этого князя было до нѣкоторой степени отравлено только тѣмъ,

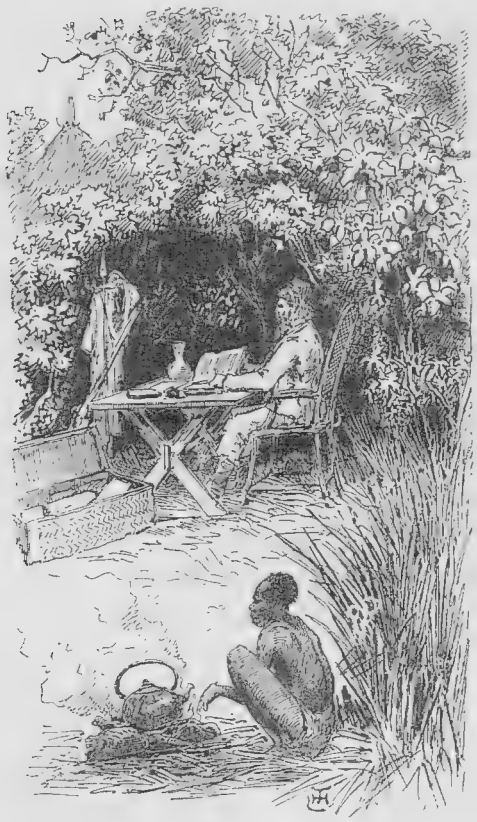


Гитары и арфы а-занде.

что нашего путешественника по ночамъ сильно безпокоили комары, блохи и крысы. Зато онъ обрѣлъ себѣ чудный уголокъ въ тѣни деревъ, гдѣ ему днемъ представ-

лялась возможность безмятежно работать, такъ какъ Бангоя съ большимъ тактомъ удерживалъ своихъ любопытныхъ и любознательныхъ подданныхъ отъ того, чтобы они не надоѣдали Юнкеру.

Не мало непріятностей причиняли Юнкеру на дальнѣйшемъ пути носильщики, очевидно совершенно непривыкшіе къ подобной работѣ; къ тому же это былъ настолько слабосильный народъ, что на грузы, относительно легкіе, приходилось ставить двухъ носильщиковъ. Кстати замѣтить, ноши носятъ здѣсь не на головѣ, какъ это вообще принято въ Африкѣ, а на палкѣ или на спинѣ, причемъ грузъ поддерживается веревками, свитыми изъ сухихъ банановыхъ волоконъ и проходящими черезъ грудь или черезъ лобъ. Носильщикъ при этомъ сильно нагибается впередъ. Худшими носильщиками оказались а-биссанга, поразившіе нашего путешественника курьезною окраскою кожи. Дѣло въ томъ, что они на темной кожѣ своей наносятъ свѣтлосѣрою глиною кружечки, похожіе издали на пуговицы; у иныхъ глаза и лицо обведены были бѣлыми орнаментами; у другихъ закрашена была только одна половина лица, а одинъ мальчуганъ такъ



У Бангои.

удачно подмалевалъ себѣ глазъ, что онъ казался подбитымъ. На ряду съ сѣрою окраскою употребляется и черная, причемъ краскою служитъ сокъ гарденіи. Остается еще добавить, что своеобразная окраска эта еще рѣзче выступала, благодаря крупнымъ желтымъ цвѣтамъ, которые дикари эти носили въ ушахъ, просверленныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Вооружены они были дротиками, лукомъ и стрѣлами. Сложены были а-биссанга очень недурно.

Старшій изъ сыновей Кипы—Канна, котораго мы уже выше охарактеризовали, какъ человѣка строгихъ нравовъ, былъ крѣпкаго сложенія, но далеко не такъ тученъ, какъ его братья. У него была борода съ просѣдью, что свидѣтельствовало о преклонномъ возрастѣ его, такъ какъ негры сѣдѣютъ позже людей культурныхъ. Костюмъ его отличался простотою. На головѣ носилъ онъ коническую шапку изъ леопардовой шкуры; къ сожалѣнію этотъ эффектный уборъ былъ обезображенъ рядомъ бѣлыхъ полотняныхъ пуговицъ европейскаго издѣлія, нашитыхъ спереди. Канна принялъ гостя въ небольшомъ и бѣдномъ поселеніи. Однако же, это была не резиденція князя, а мѣсто погребенія его отца, прахъ котораго покоился здѣсь въ ящикѣ, стоявшемъ въ особой хижинѣ. У покойнаго было особое зданіе для совѣта, гдѣ по временамъ собирались люди; передъ гробницей его время отъ времени клали куръ, мясо и прочіе пищевые продукты, а послѣ войнъ здѣсь приносились въ жертву плѣнники. Юнкеру передана была связка дротиковъ, якобы въ подарокъ отъ покойнаго. Канна былъ увѣренъ въ томъ, что неудача, постигшая его на послѣднемъ походѣ, обусловливалась недовольствомъ покойнаго отца; вотъ почему онъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ несчастій, счелъ за лучшее привести къ нему именитаго гостя. Пребываніе въ этой жалкой деревушкѣ, гдѣ Юнкеру особенно досаждали голодныя крысы, объѣвшія даже кожаныя углы его гармо-

ники, затянулось на нѣсколько дней, такъ какъ Канна ожидалъ указаній «бенге» на то, что отецъ разрѣшаетъ ему уйти.

Канна не отличался гостепріимствомъ и не проявлялъ никакого видимаго интереса къ европейцу и его чудесамъ, хотя Юнкеръ былъ первымъ бѣлымъ человѣкомъ, съ которымъ ему привелось столкнуться. Одно лишь его поразило: это былъ складной стулъ. Но нашъ путешественникъ не желалъ разстаться со своимъ единственнымъ стуломъ и распорядился, чтобы Каннѣ изготовили новый стулъ, по составленнымъ имъ чертежамъ. Стулъ вышелъ на славу, хотя и лишенъ былъ главнѣйшаго своего достоинства: онъ никакъ не складывался. Канна строго слѣдилъ за соблюденіемъ этикета: онъ, напримѣръ, ничего не принималъ изъ рукъ своихъ людей; всѣ предметы, включая даже подарки Юнкера, клались передъ нимъ на землю. Всякій зѣвокъ и кашель властителя сопровождались восклицаніями толпы, очевидно обозначавшими какое либо благое пожеланіе; когда онъ поднимался, раздавались такія же восклицанія. Резиденція Канны была далеко не роскошна, а содержаніе гостя положительно скудное. Болѣе того, у Юнкера однажды сдохъ отъ чахотки шимпанзе, страдавшій накожною болѣзнью, повидимому весьма распространенною среди этихъ обезьянъ, и путешественникъ намѣревался его отпрепаровать, но Канна совершенно неожиданно предупредилъ гостя, сваривъ для себя лакомую обезьяну.

Послѣ десятидневнаго пребыванія у Канны, нашъ путешественникъ двинулся далѣе въ путь. Онъ вступилъ въ сѣверную окраину того великаго среднеафриканскаго лѣса, который столь эффектно, хотя и весьма ненаучно описанъ Стэнлеемъ и, по соображеніямъ его, занимаетъ пространство въ 832,000 qkm., простираясь на 1,000 km. въ длину и приблизительно на 830 km. въ ширину [1]). Для

[1]) H. Stanley. Im dunkelsten Afrika. Leipzig. 2 A 1890, B. II. S. 67 и далѣе.

Тип. Эд. Гоппе

Рѣка Бомоканди.

Юнкера послѣ знойной степи, сырыхъ болотъ и быстрыхъ рѣкъ, стремящихся среди крутыхъ береговъ, путешествіе по тѣнистому лѣсу являлось положительно отдыхомъ. Чтобы понять, почему Юнкеръ описываетъ путешествіе по столь ужасному для Стэнлея лѣсу въ краскахъ, положительно привлекательныхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что онъ совершалъ свой путь въ сухое время года и притомъ съ немногочисленнымъ караваномъ, пропитаніе котораго не могло представить тѣхъ трудностей, съ которыми приходилось бороться Стэнлею. Сплошной лѣсъ представлялся ему, однако, менѣе прекраснымъ, чѣмъ описанные выше галлерейные лѣса (см. выше стр. 149). Лѣсъ этотъ роскошенъ, но однообразенъ; стволы деревъ массивны и высоки, но подлѣсокъ и молодь слабы; листва и роскошныя ліаны не могутъ найти въ этой тѣни надлежащаго развитія. Переходъ въ область лѣсовъ съ сѣвера далеко не такъ внезапенъ, какъ, судя по описаніямъ Стэнлея, съ востока. Къ сѣверу отъ Ливанга замѣчается постепенный склонъ къ рѣкѣ Бомоканди; сплошной лѣсъ остался вскорѣ позади экспедиціи, а близъ рѣки опять показались травянистыя степи. Латеритъ смѣняется сѣроватою песчаною почвою. Рѣка Бомоканди имѣетъ въ мѣстѣ переправы приблизительно 125 шаговъ ширины при пяти футахъ глубины. Берега рѣки живописны, частью скалисты и покрыты прекраснымъ лѣсомъ. Переправа была совершена не безъ труда, тѣмъ болѣе, что на рѣкѣ имѣются небольшіе пороги.

На пути всюду встрѣчались поселенія ближайшихъ родственниковъ Канны, искавшихъ здѣсь убѣжища отъ его вѣчныхъ посягательствъ на ихъ имущество и женъ.

При сравненіи а-занде къ сѣверу и къ югу отъ Уэллэ прежде всего бросается въ глаза, что южане переняли не мало обычаевъ у сосѣдей. Такъ, напримѣръ, мужчины носятъ плетеную повязку на лбу, а женщины

такое же высокое тупэ, поддерживаемое косо наложенными повязками, какъ и женщины мангбатту. А-занде, однако же, не распались на такую же массу мелкихъ племенъ, какъ, напримѣръ, а-бармбо; они изстари раздѣляются на нѣсколько кастъ, именами которыхъ они себѣ зачастую называютъ. Наиболѣе многочисленная каста—эмбели, къ которой принадлежитъ большинство а-занде, живущихъ на югъ отъ Уэллэ и къ сѣверовостоку. Эмбели татуируются тонко пунктированными квадратиками въ области висковъ и надъ переносицею.

По мѣрѣ приближенія къ Тангази мѣстность, въ общемъ холмистая, становилась все болѣе болотистою; однихъ небольшихъ рѣчонокъ пришлось перейти болѣе четырнадцати; всѣ эти рѣчонки впадаютъ въ рѣку Эндингба, притокъ Бомоканди.

Станція Тангази перенесена была со времени послѣдняго пребыванія въ ней Юнкера на часъ пути къ западу. Отдыхъ въ прекрасно устроенной и сравнительно богатой станціи, служившей теперь стоянкой для гарнизона, показался нашему путешественнику положительно привлекательнымъ. Въ Тангази въ настоящее время пребывалъ весьма симпатичный для Юнкера итальянецъ Касати; Эминъ все еще находился въ Хартумѣ, но прислалъ Юнкеру пакетъ съ письмами, газетами и хорошимъ табакомъ; изъ писемъ Юнкеръ узналъ, что въ Европѣ не мало безпокоились о судьбѣ его въ виду распространившихся слуховъ о томъ, что онъ ограбленъ Ндорумою.

22-го февраля 1882 года Юнкеръ вновь выступилъ въ путь. Отъ прежней станціи Тангази не осталось ничего кромѣ нѣсколькихъ столбовъ и утоптаннаго мѣста. Резиденція Ніангары находилась на прежнемъ мѣстѣ, но была совершенно безлюдна. Въ настоящій моментъ всѣ обитатели ея вышли на полевыя работы. Очевидно, имъ нечего было бояться воровъ. Ни мало не смущаясь отсутствіемъ хозяевъ, Юнкеръ велѣлъ маленькому слугѣ своему

Бинзѣ, бить въ набатъ. Бинза принялся съ большою энергіею колотить въ военный барабанъ, оставленный въ поселеніи, и испуганные негры начали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ. Какъ и слѣдовало ожидать, они отъ души хохотали надъ находчивостью европейца.

По болотистой, хотя далеко не столь недоступной мѣстности, какъ прежде, Юнкеръ двинулся отсюда на востокъ. Отъ становища Ніангары, лежащаго, какъ уже упомянуто, на водораздѣлѣ, рѣки текутъ къ сѣверу къ рѣкѣ Гадда и къ югу къ рѣкѣ Бомоканди. Здѣсь, какъ и повсюду въ земляхъ, занятыхъ въ то время нубо-ара-

Бинза бьетъ въ набатъ у Ніангары.

бами, туземныя поселенія видимо избѣгаютъ большихъ дорогъ. На цѣлые переходы не встрѣчается ни одного человѣка и мѣстность, несмотря на довольно значительное населеніе, кажется поэтому почти необитаемою. Въ высшей степени оригинальны заброшенныя поселенія, представляющія собою густыя и почти совершенно непролазныя чащи. Одичавшія культурныя деревья смѣшаны здѣсь со всевозможными дикими растеніями и тѣсно сплетены различными вьющимися и ползучими представителями растительнаго царства; среди нихъ особенно выдаются яркія и разноцвѣтныя виды Spomea, крупнолистныя тыквы и люфа со своими оригинальными плодами, напоминающими палицы дикарей.

По берегамъ Гадда узкою полосою тянутся рощи прекрасныхъ пальмъ рафія. Къ сожалѣнію, рощи эти не мало пострадали отъ степныхъ пожаровъ. Юнкеру лично пришлось быть свидѣтелемъ пожара, вспыхнувшаго благодаря распущенности людей, сопровождавшихъ его. Густыя облака клубившагося дыма, поднимавшіяся изъ горѣвшей чащи зеленыхъ чудныхъ пальмъ, заволокли горизонтъ; грохотъ и трескъ въ этомъ дымящемъ и пылавшемъ лѣсу, дѣйствовали потрясающимъ образомъ на зрителя.

Ночь съ 27 по 28 февраля на берегахъ рѣки Тирро была одною изъ самыхъ холодныхъ, пережитыхъ въ этихъ странахъ Юнкеромъ; термометръ показывалъ при восходѣ солнца лишь 12° С. Къ югу отъ стоянки Макаса начинается уже культурная область. Резиденція Гамбари, расположенная въ виду горы Идду, оказалась вполнѣ благоустроенною. Самъ Гамбари представлялъ собою интересный типъ авантюриста. Онъ былъ сыномъ простаго кузнеца изъ племени а-бангмба, служилъ драгоманомъ у арабовъ, всячески поощрялъ торговлю невольниками, былъ управителемъ въ восточной части управляемой имъ нынѣ области и на столько прославился своею жестокостью, что Джесси его болѣе года продержалъ въ тюрьмѣ. Не задолго до пріѣзда Юнкера, Эминъ его вновь возвелъ въ прежнее званіе, и въ настоящее время онъ владѣлъ положительно княжескими землями. По манерамъ своимъ и по внѣшности Гамбари походилъ на полуараба.

Ніангара былъ смертельнымъ врагомъ Гамбари и задумалъ воспользоваться появленіемъ Юнкера, чтобы очернить непріятеля. Не придавая особеннаго значенія этимъ навѣтамъ, Юнкеръ, однако, настоялъ на томъ, чтобы Гамбари отпустилъ невольниковъ, которые освобождены были въ свое время Эминомъ и переданы ему для водворенія на родинѣ; изъ нихъ 75 человѣкъ оказались подданными Ніангары. Съ другой стороны, Юнкеръ призналъ

справедливость протеста Гамбари, указывавшаго на то, что онъ не въ состояніи возвратить полнаго комплекта людей уже потому, что многіе изъ нихъ разбѣжались во время транспорта.

Къ югу отъ поселенія Гамбари находится гора Тена, на который ежегодно при распашкѣ почвы или же при копаніи ямъ въ 6—7 метровъ глубины, предназначенныхъ ловли слоновъ, попадаются старинныя желѣзныя кольца крупныхъ размѣровъ въ 1½ фута въ діаметрѣ, 2—3 сант. толщины и 25—30 фунтовъ вѣсу. Кольца эти большей частью круглыя и имѣютъ въ одномъ мѣстѣ небольшой клинообразный выступъ. Изготовлены они изъ желѣзной руды, повидимому, изъ гематита, и, до извѣстной степени, напоминаютъ топоры изъ того же матеріала, описанные Швейнфуртомъ [1]). Кольца и топоры эти относятся къ временамъ далекимъ. Что же касается формы ихъ, то не слѣдуетъ забывать, что негры и понынѣ придаютъ металламъ, являющимся размѣнною монетою, ту или другую своеобразную форму. Въ Бонни, у устья Нигера, желѣзу, какъ мѣрилу цѣнности, придается форма подковообразныхъ полуколецъ; такого же рода кольца дѣлаются изъ мѣди. Въ другихъ мѣстахъ желѣзо получаетъ форму копья (негры джуръ), или же лопаты (бонго, уого). Въ Дарфурѣ въ исходѣ прошлаго столѣтія употребляли кольца изъ олова; нямъ-нямы охотно пріобрѣтаютъ англійскую штабную мѣдь въ 2 сант. въ діаметрѣ; изъ этихъ прутьевъ изготовляется размѣнная монета въ формѣ колецъ [2]).

Послѣ краткаго роздыха на станціи Куббы путешественникъ нашъ направился черезъ богато орошенную и болотистую мѣстность къ владѣніямъ Бангузы, одного изъ послѣднихъ князьковъ мангбаттскаго происхожденія.

[1]) Schweinfurth. Zeitschrift für Ethnologie. 1884, p. S. 276.

[2]) Э. Ю. Петри. Антропологія, стр. 381 и далѣе. Тутъ же даны подробныя указанія на интернаціональность подобныхъ денежныхъ знаковъ.

Резиденція его была въ настоящее время занята войсками враждебнаго ему Гамбари. Въ окрестностяхъ ея располагается не мало горныхъ грядъ и скалъ въ 800—1500 футовъ относительной высоты; упомянутая гора Тена достигаетъ 3000 футовъ. Въ особенности эффектна гора Куббаи, круто ниспадающая южными склонами своими къ равнинѣ. Первый значительный дождь къ сѣверу отъ Бомоканди выпалъ 6 марта; къ югу же отъ этой рѣки первые дожди выпадали уже въ началѣ февраля.

Главную массу населенія описываемой области, къ югу отъ стоянки Бангузы, составляютъ момфу. Часть ихъ подчинена Гамбари, часть мангбаттамъ, часть, наконецъ, мангбалямъ подъ протекторатомъ нубо-арабовъ. Властвующія племена расположены небольшими островками среди своихъ подданныхъ. Несмотря на свою многочисленность, момфу не въ состояніи были отстоять свою свободу и даже оберечься отъ грабителей. Причиной этого являются вѣчные раздоры. Дѣйствительно, здѣсь даже въ районахъ, весьма незначительныхъ, можно было насчитывать цѣлые десятки племенъ и группъ. Къ тому же, момфу народъ чрезвычайно робкій. При приближеніи Юнкера они обыкновенно разбѣгались.

Ближе ознакомиться съ этими племенами Юнкеру удалось лишь на станціи Кодабо, куда прибылъ и Гавашъ-эфенди. На празднествахъ, происходившихъ въ честь гостей, момфу исполняли свои національные танцы, представлявшіе много интереснаго. Танцы эти, какъ у многихъ другихъ негрскихъ племенъ, сводились, собственно говоря, къ переступанію въ извѣстномъ ритмѣ по круговой линіи и въ одну сторону; но зато танцующіе держали оружіе, лукъ и стрѣлы, въ рукахъ и этимъ не мало оживляли свой нѣсколько однообразный хороводъ. Плясали они подъ аккомпаниментъ длинныхъ деревянныхъ трубъ, издававшихъ глубокіе и разнообразные звуки; обычныхъ барабановъ у нихъ не было. Въ концѣ-кон-

цовъ и Гавашъ выполнилъ со своими немногими солдатами примѣрную атаку, произведшую извѣстное впечатлѣніе.

Къ сожалѣнію, содержаніе у Кодабо было изъ рукъ вонъ плохо. Къ тому же Юнкеръ сталъ побаливать. Кожа его утратила всякую эластичность; выпотѣванія кожи, всегда обильныя, почти прекратились; небольшая царапина на пальцѣ руки не заживала, а перешла въ гнойничекъ, а затѣмъ въ изъязвленіе. Такія же изъязвленія выступали уже безъ всякаго внѣшняго повода на ногахъ и крайне медленно заживали. Юнкеръ чувствовалъ себя всегда утомленнымъ и вялымъ. Болѣзненное состояніе свое онъ приписываетъ прежде всего недостатку питанія и лучшимъ средствомъ противъ подобнаго недомоганія, по справедливости, считаетъ движеніе въ пути.

У Гумбали, начальника мангбалле, пріемъ былъ лучше, да и хижины туземцевъ отличались чистотою. Это былъ прекрасный примѣръ того, что нельзя мѣрить всѣхъ негровъ на одинъ аршинъ. У Гамбали Юнкеръ наблюдалъ второй ливень въ это время года.

12-го марта Юнкеръ дошелъ до стоянки Маджегбе, вождя тѣхъ же мангбалле. Это была крайняя юго-восточная точка, достигнутая имъ въ его путешествіяхъ. Область эта, лежащая подъ 2° 30′ сѣверной широты, пріобрѣтаетъ особенный интересъ уже въ виду того, что путь послѣдней экспедиціи Стэнлея пролегалъ всего на какіе нибудь 100 километровъ къ югу отъ нея. Имена, обозначенныя Стэнлеемъ, настолько соотвѣтствуютъ языку момфу, что даютъ возможность расширить районъ этого племени до предѣловъ, захваченныхъ экспедиціею Стэнлея. Кстати замѣтить, нашъ путешественникъ, тщательно избѣгающій всякой полемики, считаетъ въ данномъ случаѣ не лишнимъ отмѣтить, что онъ передалъ Стэнлею копію своей карты въ 2½ метра длины. Въ виду этого Стэнлею, дѣйствительно, не трудно было бы прійти къ означенному

выше выводу. Весьма грубы, по сравненію съ этими объективными разъясненіями, пріемы, пущенные въ ходъ Стэнлеемъ, чтобы принизить значеніе нашихъ знаменитыхъ путешественниковъ Швейнфурта и Юнкера и, конечно, тѣмъ болѣе возвыситъ себя.

Стэнлей не только скептически относится къ ихъ совѣтамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣхается надъ тѣмъ, что Юнкеръ назвалъ Эмина человѣкомъ высокаго роста, и разсказываетъ, что заказанныя по указаніямъ Юнкера брюки для Эмина оказались, будто бы, «на 14 сантиметровъ длиннѣе должнаго» [1]).

Маджегба прекрасно ухаживалъ за Юнкеромъ, стараясь расположить его въ пользу своего сына Гумбали. Поселеніе его отличалось чистотою и удобствами. Съ радостнымъ удивленіемъ Юнкеръ увидѣлъ здѣсь негровъ, играющихъ въ мячъ. Подбрасывая и подгоняя мячи палками, негры веселились и шумѣли на славу. Мячи сдѣланы были изъ резины, добываемой изъ Landolphia florida Bth. или L. owariensis Beaur.; довольно плохой сортъ каучуку даютъ весьма распространенныя здѣсь громадныя фиговыя деревья; ландольфіи встрѣчаются также довольно часто къ сѣверу и къ югу отъ Уэллэ-Макуа. Впрочемъ, туземцы добываютъ каучукъ лишь попутно и пользуются имъ для склеиванія кусковъ «рокко», для палочекъ, употребляемыхъ при игрѣ на маримбѣ, и, наконецъ, для мячей. Первую попытку къ вывозу этого цѣннаго продукта изъ Бахръ-эл-Газаля сдѣлалъ Джесси.

Помимо игры въ мячъ, Юнкеру пришлось полюбоваться здѣсь и другою игрою, повидимому, также интернаціональною. Мальчуганы негры играли «въ ладошки»: усѣвшись попарно другъ противъ друга, они принимались хлопать въ ладоши и затѣмъ въ извѣстномъ порядкѣ быстро прикасались своими ладонями къ ладонямъ, лбу и

[1]) Stanley l. c. S. 52, 54.

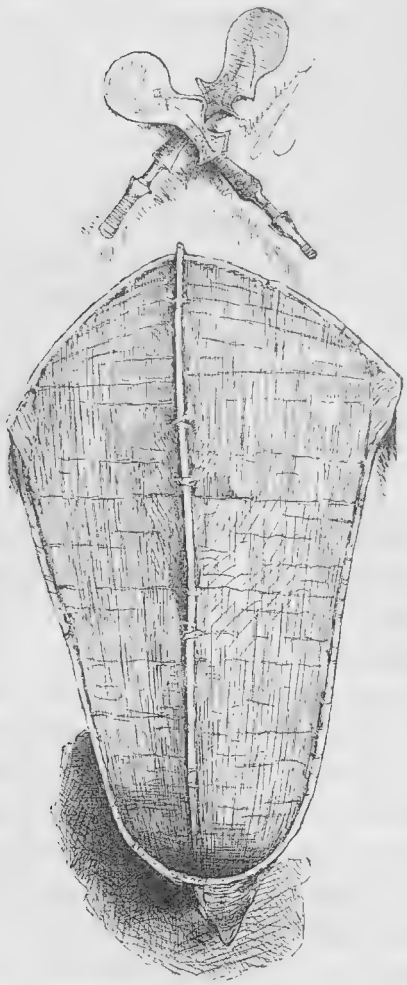
груди партнера; темпъ все болѣе и болѣе учащался, пока, наконецъ, играющіе, къ обоюдному удовольствію, не сбивались и производили невообразимую путаницу; вслѣдъ за тѣмъ игра начиналась снова.

Дрязги и раздоры между князьями и отсутствіе конвоя заставили Юнкера отказаться отъ мысли проникнуть далѣе на югъ или на востокъ. Вернувшись къ Гумбали, онъ двинулся оттуда къ брату его Рунзѣ, резиденція котораго расположена была у подножья вывѣтрившейся гранитной громады футовъ въ 1,000 относительной высоты. Это была гора Эмву. Не мало такихъ отдѣльныхъ громадъ или грядъ попадалось нашему путешественнику и на дальнѣйшемъ пути. Волшебное впечатлѣніе производили высоты эти въ особенности въ темные вечера, когда тамъ и сямъ на террасахъ или въ ущельяхъ загорались огни. Это были костры тѣхъ момфу, которые покинули болѣе удобныя и плодородныя низменности и искали здѣсь спасенья отъ враговъ. Впрочемъ, мангбале, сопровождавшіе Юнкера, выслѣживали ихъ и въ горахъ и вытравливали дымомъ и огнемъ изъ ихъ убѣжищъ.

Этнографическая картина этой области представляется повидимому, въ слѣдующихъ чертахъ: страна момфу, очевидно, простирается по берегамъ рѣкъ Юббо, Бомоканди и Непоко еще далеко на востокъ, а на югъ, какъ выше указано, переходитъ за Непоко и достигаетъ маршрута Стэнлея. Къ востоку отъ момфу и къ сѣверу отъ 3° сѣв. широты располагаются логго. Подобно калика, лубари и другимъ восточнымъ племенамъ, они занимаются скотоводствомъ и поэтому оказываются желаннымъ объектомъ для набѣговъ разныхъ грабителей, въ родѣ Рингіо, оставившаго среди нихъ нѣсколько военныхъ постовъ. По разсказамъ того-же Рингіо далѣе на пути въ Макарака идутъ народы моддо и мберя; къ югу отъ логго живутъ момбутту, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ мангбатту. У нихъ въ ходу громадные плетеные щиты,

служащіе въ сраженіи обороною для нѣсколькихъ человѣкъ сразу.

Момфу отличаются во многихъ отношеніяхъ отъ своихъ западныхъ сосѣдей, а-бáнгба, мангбáлле, майгó, медже, а-биссанга и т. д., которые всѣ болѣе или менѣе походятъ на мангбатту. Момфу имѣютъ своеобразный языкъ, а по внѣшности своей, по болѣе короткимъ и закругленнымъ черепамъ и по окраскѣ кожи, болѣе темной, чѣмъ у мангбатту, примыкаютъ къ группѣ восточныхъ негровъ, типичныхъ для Калика и Лубари. Въ высшей степени оригинальны ихъ желѣзныя издѣлія, изящныя цѣпочки и бусы, страшные ножи и топоры, изящныя и разнообразныя стрѣлы и зубчатыя копья. Въ нашихъ музеяхъ стрѣлы и копья эти зачастую фигурируютъ, какъ издѣлія карликовыхъ акка; но акка ихъ сами не изготовляютъ, а лишь вымѣниваютъ у момфу. Дротики момфу коротки и снабжены тяжелымъ металлическимъ основаніемъ; этимъ основаніемъ дротикъ упираютъ въ ладонь правой руки, тогда какъ лѣвая рука его поддерживаетъ спереди. При метаніи дротика онъ отбрасывается поверхностью ладони. Дротики сохраняются въ нижней расхо-



Щиты и ножи момфу.

дящейся въ видѣ корзины части крупныхъ щитовъ, которые по виду своему отчасти напоминаютъ наши крупные змѣи и плетутся изъ тростника. Характерны, наконецъ, топоры въ видѣ серпа съ двумя боковыми крыльями, которые примѣняются неграми момфу при устройствѣ капкановъ для слоновъ.

Возвратившись послѣ крайне утомительныхъ переходовъ въ Кубби и едва оправившись отъ болѣзни, Юнкеръ рѣшился двинуться на югъ къ рѣкѣ Непоко. Онъ самъ сознается, что въ данномъ случаѣ подчинялся чувству долга и не хотѣлъ обращать вниманія на упадокъ силъ и крайнее оскудѣніе своихъ средствъ. Путешествіе это совершено было совмѣстно съ многочисленнымъ караваномъ Гамбари. Князь этотъ крайне негодовалъ на распоряженія правительства, ограничивавшія его права на смертную казнь своихъ подданныхъ, и увѣрялъ, что момфу теперь не оказываютъ ему должнаго почтенія и даже бунтуютъ. Дѣйствительно, представители народа не являлись на поклонъ къ правителю и это чувствительнымъ образомъ отражалось на пропитаніи каравана. Не изсякали, удивительнымъ образомъ, одни запасы мериссы, до которой Гамбари былъ великій охотникъ. Если онъ удѣлялъ Юнкеру что либо изъ избытковъ своихъ, то онъ тотчасъ-же самъ заявлялся къ нему въ гости въ сопровожденіи такого же отъявленнаго любителя мериссы, араба, Абдъ-Аллы, по прозванію Багла. Человѣкъ этотъ въ свое время сопровождалъ Швейнфурта въ путешествіи, а нынѣ состоялъ начальникомъ серибы Мбелія.

На пути Юнкеръ въ четвертый разъ переправился черезъ рѣку Бомоканди, имѣвшую здѣсь 125 шаговъ ширины; правый берегъ возвышался метровъ на пять надъ рѣкою, которая была довольно глубока. Южный, лѣвый берегъ былъ низменный и рѣка покрыта отмелями и каменьями. Момфу переправляются черезъ рѣку на плотахъ.

Мѣстность къ югу отъ Бомоканди носитъ характеръ

волнистой степи. Сплошной лѣсъ не заходитъ здѣсь такъ далеко на сѣверъ, какъ на западѣ, на пути отъ Баканган къ Канѣ. Почва здѣсь, какъ и повсюду, красный латеритъ; лишь въ широкой долинѣ Бомоканди въ трехъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга переходахъ встрѣтилась свѣтло-сѣрая глина. Рѣчонки въ этой мѣстности глубоко врѣзываются въ почву; берега ихъ покрыты густою лѣсною растительностью.

Поселеніе Гумбы, вождя а-бангба, лежало на водораздѣлѣ двухъ крупныхъ притоковъ Конго, а именно Уэллэ и Арувими, или точнѣе говоря, притоковъ ихъ, Бомоканди и Непоко. Водораздѣлъ этотъ отмѣченъ, впрочемъ, лишь различнымъ направленіемъ стоковъ воды. Вскорѣ каравану пришлось перебраться черезъ т. н. «Мямя», цѣлую систему болотъ, находящихся въ связи съ рѣкою Непоко. Къ западу и къ югу отъ станціи Мбелія располагаются мабоде, изъ которыхъ только ближайшія племена подчинены были Гамбари. Подобно момфу, которые тоже только частью признавали власть Гамбари, они образуютъ значительный народъ, распадающійся на многочисленныя группы и простирающійся далеко за Непоко. А-бангба живутъ колоніями въ окрестностяхъ серибы Мбелія; тутъ же живутъ маджо, племени мангбатту, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ медже. На станціи находился братъ Гамбари, который съумѣлъ ей придать благоустроенный и порядочный видъ; здѣсь жило всего на всего пять арабовъ-нубійцевъ.

Трогательна была встрѣча Гамбари съ подчиненными, которые его уже давно не видѣли. Въ особенности горячо привѣтствовали его женщины: онѣ по нѣсколькѣ минутъ держали его руки въ своихъ рукахъ. По способу привѣтствія негры ближе стоятъ къ европейцамъ, чѣмъ арабы, которые какъ то холодно прикасаются другъ къ другу кончиками пальцевъ или ладонями или даже только сближаютъ ихъ; во всякомъ случаѣ не въ обы-

тип. эд. гоппв.

Подношеніе подарковъ.

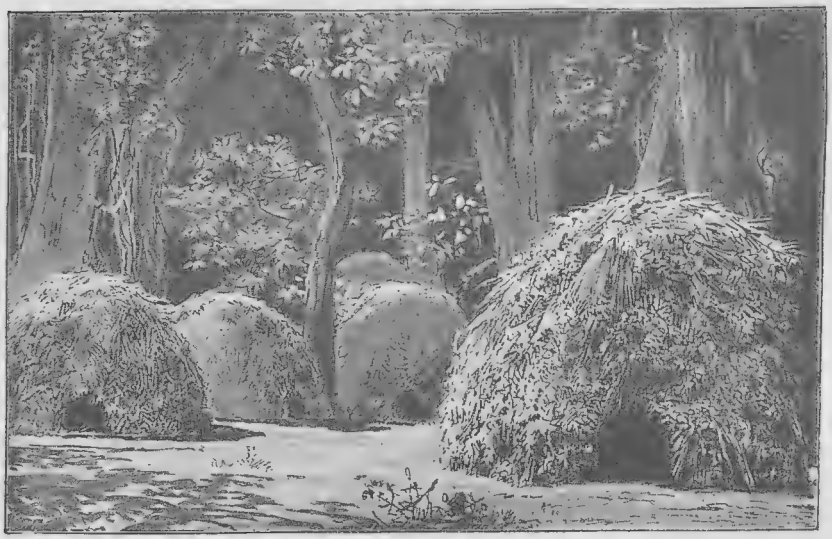
чаѣ арабовъ удержать въ своей рукѣ руку привѣтствуемаго.

Въ честь Гамбари устроены были празднества, но въ то же время со всѣхъ сторонъ стекался народъ съ обильною данью. Свидѣтелями того, что далеко не всѣ вѣрноподданные приносили свои дары отъ души, являлись люди, заключенные въ тяжелыя деревянныя развилины. Среди этихъ плѣнныхъ были и совершенно невинные вожди мабоде, которыхъ притянули этимъ способомъ къ отвѣту за ихъ неподатливыхъ подчиненныхъ.

Чтобы достигнуть желаннаго Непоко, Юнкеру пришлось пойти въ обходъ. Къ югу отъ станціи Мбелія расположены были враждебныя племена момфу и мабоде. Князь мангбатту Санга-Мо́мбеле, къ которому Юнкеръ думалъ теперь направиться и къ которому онъ уже ранѣе посылалъ подарки, прислалъ своего сына къ Гамбари съ извѣстіемъ, что онъ поджидаетъ гостя. Но, чтобы добраться до Санги, пришлось бы пройти обширное болото «Обя». А между тѣмъ здоровье Юнкера замѣтно пошатнулось; его страшно мучили накожныя страданія. Онъ облегчалъ ихъ до извѣстной степени постоянною смѣною холодныхъ и горячихъ припарокъ. Въ половинѣ марта начался періодъ дождей. Но и это не остановило Юнкера: 24 апрѣля онъ, вполнѣ обезсиленный, съ забинтованными руками и ногами выступилъ въ путь. Путешествіе это было крайне затруднительно: повязки нѣсколько разъ въ день промокали и благодаря этому болѣе раздражали, чѣмъ защищали пораженныя части. Дорога шла черезъ высокую траву, кустарники, болота, береговые лѣса.

Единственною отрадою для Юнкера была встрѣча съ акка, тиккитикки арабовъ. Благодаря обѣщанной путешественникомъ наградѣ, развѣдчики его открыли въ чащѣ лѣса поселеніе акка, въ 50 маленькихъ хижинъ. Обитатели хижинъ, однако, успѣли скрыться. Удалось задержать лишь двоихъ. Юнкеръ ихъ осыпалъ подарками и

уговорилъ возвратить бѣглецовъ. Не прошло и четверти часа, какъ около нашего путешественника собралось человѣкъ сорокъ, мужчинъ и женщинъ; приблизительно столько же этихъ маленькихъ людей пряталось за ближайшими деревьями. Юнкеръ раздавалъ имъ подарки, забавлялъ ихъ музыкою, показывалъ имъ изображенія лѣсныхъ животныхъ и, въ концѣ концовъ, дѣйствительно завоевалъ ихъ симпатіи. Къ сожалѣнію, ему не пришлось



Хижины карликовъ вочуа.

долго бесѣдовать съ ними, т. к. необходимо было спѣшить далѣе.

О пигмеяхъ въ области великихъ нильскихъ озеръ говоритъ уже Аристотель. Первыя подробныя свѣдѣнія о карликовыхъ народахъ даны были Швейнфуртомъ, который назвалъ ихъ, по мангбаттски, акками; ростомъ они, по его показаніямъ, не болѣе полутора метровъ и свѣтло-кофейной окраски. Дю-Шалью, извѣстный изслѣдователь странъ тропическихъ и крайняго сѣвера, и Ленцъ разсказываютъ о видѣнныхъ ими абонго свѣтло-шоколад-

тип. ед гоппе.

Встрѣча съ карликами вочуа.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

наго цвѣта. Стэнлей встрѣтился въ области средняго Конго съ представителями многочисленнаго племени уатуа. Не мало свѣдѣній по этому вопросу разсѣяно также въ работахъ новѣйшихъ нѣмецкихъ изслѣдователей Африки; такъ съ карликами встрѣчались смѣлый германскій правительственный коммисаръ Висманъ, (1882 г.), д-ръ Вольфъ (1885 г.), энергичный путешественникъ, къ сожалѣнію, уже покойный, лейтенантъ Франсуа и др. Вольфъ горячо стоитъ за неоднократно уже отмѣченное сходство ба́туа (единств. числа му́туа), открытыхъ имъ въ странѣ Бакоба, съ бушменами. Извѣстныя отличія, существующія между ними, объясняются весьма различными географическими и климатическими условіями, въ виду отстоянія ихъ мѣстожительства, и своеобразнымъ образомъ жизни.

Собственныя наблюденія Юнкера сводятся въ этомъ случаѣ къ слѣдующему: встрѣченное имъ племя называлось ачу́а (вочу́а), у момфу они извѣстны подъ именемъ аффи́фи; корень словъ батуа, уатуа, ачуа одинъ и тотъ-же и допускаетъ мысль объ единствѣ этихъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга племенъ; звукъ в, въ словѣ вочуа является префиксомъ, обозначающимъ въ языкахъ банту множественное число. Что касается роста ихъ, то они въ общемъ были по плечо человѣку средняго роста. Наименьшіе экземпляры доходили нашему путешественнику, который былъ развѣ только средняго роста, до подложечной впадины. Встрѣчались между ними, однако, и люди средняго роста въ нашемъ смыслѣ; это были, т. ск., великаны среди карликовъ. Такимъ образомъ понятіе о народахъ карликовыхъ является до извѣстной степени условнымъ и обычные разсказы о людяхъ, дѣйствительно, крошечныхъ, должны быть отнесены на счетъ пылкой фантазіи негровъ. Разность роста среди представителей вочуа объясняется смѣшеніемъ съ момфу и мабоде. Женщины, которыхъ пришлось Юнкеру видѣть, были одина-

коваго роста съ мужчинами, хотя это можно было бы объяснить случайностью или смѣшеніемъ съ сосѣдними племенами. Вочуа отличались пропорціональнымъ тѣлосложеніемъ; впрочемъ, головы ихъ, овальной формы, были нѣсколько велики. Челюсти у нихъ замѣтно выступали; руки и ноги были изящны; пальцы на нихъ тонки, длинны и снабжены сравнительно крупными ногтями. Окраска кожи подходила у большинства къ цвѣту жаренаго кофе; волоса у нихъ были курчавые, окраски темной ржавчины, и это Юнкеръ считаетъ отличительной чертой даннаго племени, противупоставляя имъ въ этомъ отношеніи «всѣ прочія негрскія расы», у которыхъ окраска волосъ будто бы всегда интенсивно черная. Не мѣшаетъ, однако, вспомнить, что Швейнфуртъ опредѣляетъ число блондиновъ съ пепельнымъ оттѣнкомъ волосъ среди мангбатту (монбутту) не менѣе, какъ въ 5 процентовъ, а Уалькеръ разсказываетъ о рыжихъ неграхъ на Габунѣ. Многіе вочуа обладали густыми бородами и обильною растительностью волосъ на груди. Индивидуумовъ, у которыхъ бы все тѣло покрыто было значительнымъ покровомъ волосъ, Юнкеръ не встрѣчалъ. Отсутствовали и отвислые животы и т. н. стеатопигія, сближающіе ихъ съ готентоттами. Первый изъ этихъ признаковъ, кстати замѣтить, является чисто бытовымъ, такъ какъ проявленіе его обусловливается потребленіемъ неподходящей и трудно перевариваемой пищи; поэтому онъ не можетъ быть отнесенъ къ признакамъ расовымъ. Добавимъ еще, что карликовыя племена зачастую сравнивались съ бушменами, съ которыми ихъ сближаетъ робость людей, вѣчно гонимыхъ, оживленная жестикуляція и извѣстная жестокость по отношеніи къ животнымъ; съ внѣшней стороны они приближаются къ нимъ по своему малому росту, по изяществу рукъ и ногъ и сравнительно свѣтлой окраскѣ кожи. Отличіемъ отъ бушменовъ нужно считать болѣе значительное выступаніе челюстей, болѣе узкій черепъ, значительный волосяной по-

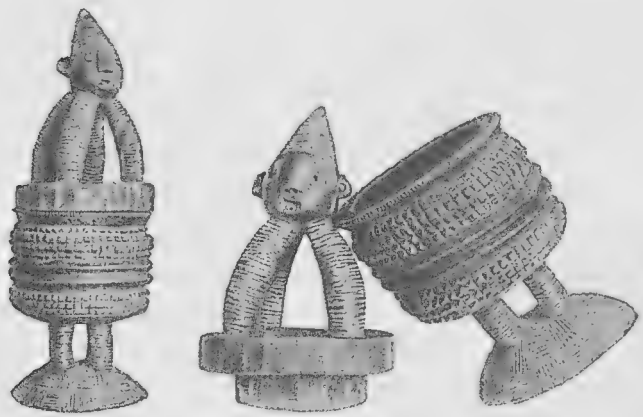
тип. ед. гопре

Дѣвочка вочуа.

кровъ, кожа, не склонная въ такой степени, какъ у бушменовъ, къ образованію морщинъ и складокъ. По языку племена эти, повидимому, занимаютъ обособленное мѣсто и не употребляютъ прищелкивающихъ звуковъ, столь характерныхъ для готтентоттовъ и бушменовъ.

Общій выводъ Юнкера, относительно разбираемыхъ здѣсь племенъ тотъ, что они не представляютъ собою, не смотря на характерный малый ростъ свой, народъ выродившійся, или, какъ выражается Ратцель, «скорѣе соціальную, чѣмъ естественную расу». Напротивъ того, это «здоровые представители большого народа». Образъ жизни они ведутъ бродячій и держатся преимущественно въ районахъ народовъ момфу, мабóде и майгó. Съ другой стороны они избѣгаютъ областей, занятыхъ медже и другими мангбаттскими племенами. Живутъ они небольшими колоніями человѣкъ въ сто и до извѣстной степени примыкаютъ къ тому вождю, на земляхъ котораго они охотятся. Они доставляютъ ему въ видѣ дани дичь, а взамѣнъ ея получаютъ продукты земледѣлія и въ особенности бананы. Этимъ въ сущности и ограничиваются сношенія ихъ съ вождями. Несмотря на малое число и на вороватость карликовъ, окрестные жители побаиваются ихъ за ихъ мстительность. Кромѣ того, они пользуются славою замѣчательныхъ стрѣлковъ и на войнѣ являются лучшими лазутчиками. Замѣчательно характеризуетъ этихъ маленькихъ опасныхъ людей разсказъ о томъ, что они въ случаѣ промаха со злости разламываютъ и растаптываютъ лукъ и стрѣлы. При стрѣльбѣ изъ лука они нерѣдко имѣютъ на сочлененіи кисти небольшую подушечку, чтобы защититься отъ удара отскакивающей тетивы. Интереснымъ свидѣтельствомъ того уваженія, которымъ пользуются вочуа у сосѣдей, служитъ разсказъ о томъ, что если вочуа воткнетъ стрѣлу въ гроздь созрѣвающаго банана, то она считается его собственностью. Достойны вниманія изумительная способность вочуа подмѣчать и передразнивать особенности людей и прекрасная

память ихъ. Курьезные примѣры этихъ способностей давалъ маленькій ачуа, котораго Юнкеръ, за четыре года до описываемыхъ событій, видѣлъ въ Румбекѣ и который нынѣ очутился въ свитѣ Гумбари. Онъ съ неподражаемой ловкостью изображалъ Юсуфа-пашу, ругающагося Гаваша-эфенди, разговоры и движенія человѣка съ четырьмя глазами, т. е. близорукаго Эмина-паши, прозваннаго неграми за свои очки «абу-арба», т. е. отцомъ четырехъ глазъ. Въ концѣ концовъ онъ наглядно изобразилъ самого Юнкера въ тотъ моментъ, когда тотъ его измѣрялъ четыре года тому назадъ и при этомъ дѣлалъ свои замѣтки.



Деревянныя баночки а-занде для румянъ.

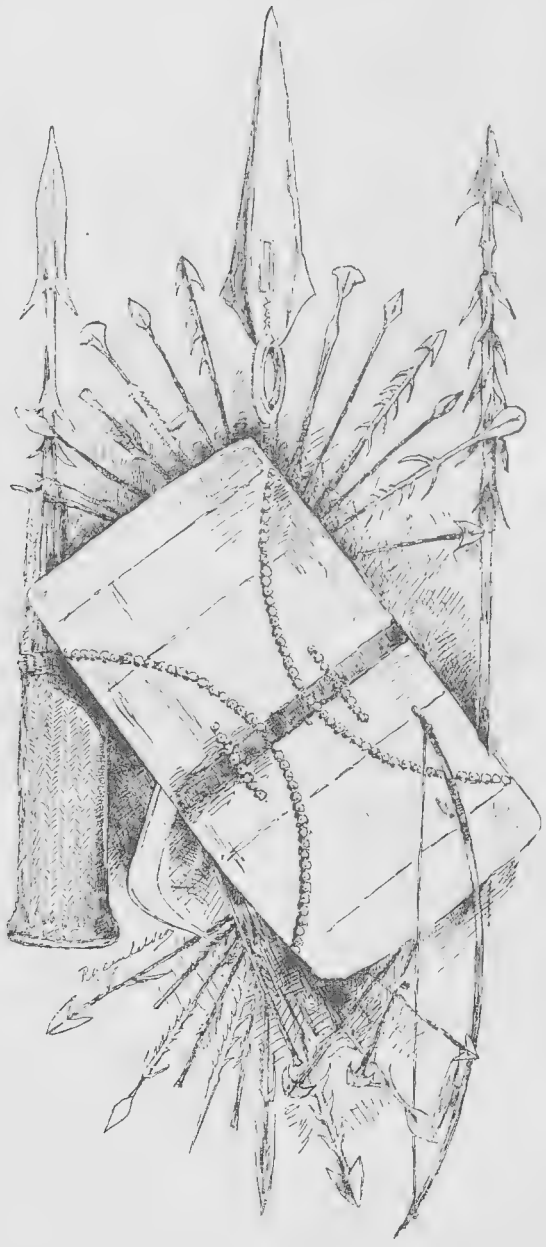
ГЛАВА VIII.

Санга и Семіо.

На пути къ Санга.—Болота. — Въ плѣну у Санги. — Непоко. — Болѣзнь Юнкера.— Изъ области кухоннаго искусства. — Суевѣріе. — Людоѣды. — Разница во вкусахъ. — Мабоде. — Крысы. — Климатическія условія. — Санга и его жены. — Опять въ болотахъ.—Техническое искусство мангбатту. — Образъ жизни медже. — Приключеніе съ змѣею.—Тангази. — Понятіе негровъ о мѣнѣ. — На пути къ Семіо. — Мазинде. — На рѣкѣ Уэррэ. — На станціи Семіо. — Сборы Бондорфа. — Страшный подарокъ. — Пожаръ. — Вѣсти отъ Луптона.

Нельзя не удивляться силѣ духа Юнкера, когда онъ, будучи совершенно обезсиленъ и не имѣя необходимѣйшихъ припасовъ, ни кофе, ни чая, который его болѣе всего поддерживалъ въ путешествіи, ни мыла, ни повязокъ, ни свѣчей, рѣшился не возвращаться на станцію Тангази, а идти впередъ по направленію къ рѣкѣ Непоко.

Путь пролегалъ черезъ болота. Поминутно вязли и проваливались въ трясину люди, носившіе тотъ ангаребъ, на которомъ верхомъ возсѣдалъ нашъ путешественникъ. Провалившійся носильщикъ тотчасъ же сгибалъ ногу и тѣмъ предупреждалъ до извѣстной степени дальнѣйшее погруженіе ея въ вязкую и податливую трясину. Въ то же самое мгновеніе подбѣгалъ другой носильщикъ и подхватывалъ ангаребъ. Слоны, буйволы и даже антилопы не въ состояніи перейти черезъ это болото въ виду тяжести своей или, какъ это нетрудно представить себѣ относительно антилопы, въ виду узости копытъ. Если животныя такого рода попадаютъ въ «обя», то они тамъ погибаютъ или же становятся добычею негровъ-охотниковъ. Случается, что охотники ихъ нарочно загоняютъ сюда. Негры переходятъ черезъ «обя»



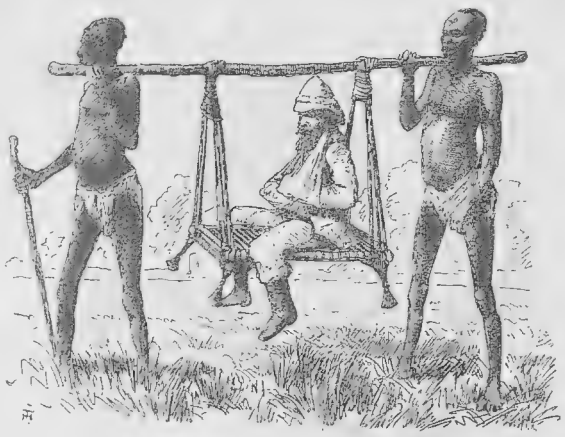
Оружіе негровъ-мангбатту.

по тропинкѣ, обозначенной до извѣстной степени, благодаря утоптанной травѣ. Питателемъ этихъ обширныхъ болотъ является упомянутый уже «Мямя», который въ нижнемъ теченіи своемъ становится широкою открытою рѣкою и впадаетъ къ западу отъ земель Санга въ рѣку Непоко. Болото покрыто низкорослою травою; папирусъ здѣсь встрѣчается несравненно рѣже, чѣмъ на Нилѣ въ области образованія «седда».

Мало по малу въ перемежку съ болотистыми пространствами стали показываться культурные участки. Страна Санги служила убѣжищемъ для всевозможныхъ бѣглецовъ и изгнанниковъ. Такимъ образомъ здѣсь, помимо мангбатту, обитали различные мангбалле, маджо, медже, піару и майго; въ области распространенія послѣднихъ встрѣчались даже карликовые вочуа.

Санга, братъ знаменитаго Мунзы, человѣкъ лѣтъ тридцати, отличался темнобронзовою окраскою, довольно красивымъ лицомъ и тщательно заплетенною бородкою, кончикъ которой обвитъ былъ мѣдною проволокою. На шеѣ онъ носилъ мѣдные обручи, а высокая мангбуттская шляпа его подпиралась трубчатыми костями обезьяны.

Къ ужасу крайне утомленнаго путешественника торжественный пріемъ, оказанный ему Сангою, затянулся на цѣлые часы. И это было тѣмъ утомительнѣе, что его со всѣхъ сторонъ окружали сотни негровъ, одѣтыхъ въ рваныя и пропитанныя всевозможными міазмами одежды изъ коры. Ближе всего къ нему подсѣли жены князя, умащенныя всякими снадобьями и выкрашенныя въ пестрыя клѣтки. Дождь, поливший послѣ полудня, избавилъ Юнкера отъ этихъ мучителей.



На пути къ рѣкѣ Непоко.

Вскорѣ путешественнику пришлось убѣдиться въ томъ, что Санга намѣревается насильно удержать его у себя. Достаточно сказать, что Юнкеръ пробылъ у него вмѣсто нѣсколькихъ дней почти два мѣсяца. Санга содержалъ своего гостя крайне скудно и не пускалъ его къ рѣкѣ Непоко. Юнкеръ какъ то заявилъ о намѣреніи своемъ выкупаться въ рѣкѣ, и вотъ Санга сталъ увѣрять, что онъ никогда не пуститъ дорогого гостя на подобное дѣло, такъ какъ въ рѣкѣ много крокодиловъ. Съ большимъ трудомъ Юнкеръ добился того, чтобы увидѣть эту рѣку. Его понесли туда на ангаребѣ, привязанномъ веревками къ пере-

кладинѣ, которую поддерживало двое носильщиковъ. Этотъ усовершенствованный способъ передвиженія, придуманный нашимъ путешественникомъ, оказался въ высшей степени практичнымъ. Рѣку, о которой онъ мечталъ столько мѣсяцевъ, онъ увидѣлъ 6 мая 1882 года. Вода еще не прибывала и рѣка имѣла не болѣе ста шаговъ ширины; однако же, берега ея, круто поднимавшіеся метровъ на 10 высоты, отступали отъ уровня воды еще на 15—20 шаговъ; образовавшійся такимъ образомъ низменный берегъ, очевидно, долженъ былъ заливаться во время половодья. Вода была чиста и прозрачна; рѣка, какъ разсказываютъ, изобилуетъ рыбою. Опасенія Санги насчетъ крокодиловъ подтвердились: рѣка положительно кишѣла ими.

Стэнлей доказалъ въ свое послѣднее путешествіе, что Непоко нельзя считать верховьемъ Арувими, какъ это въ свое время предполагалъ Юнкеръ. Это одинъ изъ притоковъ его. Источники Непоко лежатъ, подобно тому какъ у Бомоканди, далеко на востокѣ, въ возвышенной странѣ, представляющей постепенный склонъ отъ горъ близъ озера Альбертъ-Ніанза къ западу. Мѣсто впаденія ея въ Арувими или Итури (Стэнлей) отстоитъ на 100 километровъ отъ того пункта, который достигнутъ былъ Юнкеромъ и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ самую южную точку его путешествія въ области Уэллэ-Макуа.

Вотъ какъ Юнкеръ выражаетъ свои впечатлѣнія и думы по поводу достиженія рѣки Непоко въ дневникѣ: «тяжко, но приходится сознаться, что Непоко является предѣломъ моихъ странствованій. Безумно, да и прямо невозможно было бы разсчитывать на дальнѣйшій успѣхъ. Я дошелъ, даже съ точки зрѣнія африканскаго путешественника, до крайнихъ предѣловъ бѣдноты. Благодаря вѣчной скупости и предусмотрительности, я положимъ, все еще обладаю кое-чѣмъ; у меня, напримѣръ, есть въ запасѣ новая рубаха. Но окончательно вышли у меня всѣ

тип. вд. гоппе.

Рѣка Непоко.

необходимыя вкусовыя и цѣлебныя средства, недостатокъ въ которыхъ особенно сильно чувствуется тогда, когда ихъ нѣтъ. Хуже всего, что у меня вышелъ чай, которымъ я въ послѣдніе мѣсяцы пользовался уже весьма рѣдко. Въ прошломъ году я питался почти исключительно мѣстными продуктами, сплошь и рядомъ плохо приготовленными. Положимъ, желудокъ мой все еще переваривaетъ, но общее состояніе питанія, видимо, пострадало. Больное тѣло мое уже замѣтно утратило способность сопротивляться невзгодамъ, и это указываетъ на необходимость возвращенія. Но какъ далекъ я еще отъ имущества своего, сохраняемаго у Семіо! Боюсь я этого долгаго путешествія и не надѣюсь на свои силы. Даже мечты о родинѣ, съ которыми я постоянно носился, какъ будто отодвинулись отъ меня»...

Если бы Юнкеръ былъ хотя сколько нибудь здоровъ, то Сангѣ, конечно, не удалось бы удержать его у себя. Онъ выступилъ бы одинъ, безъ носильщиковъ, и Санга тотчасъ же доставилъ бы ему его багажъ. При данныхъ же обстоятельствахъ нечего было и думать о подобныхъ форсированныхъ походахъ и ему оставалось лишь страдать и сердиться на предательскаго князя. Отношенія между гостемъ и хозяиномъ, дѣйствительно, дошли до того, что Юнкеръ возвратилъ Сангѣ всѣ его подарки; послѣдній, въ свою очередь, заявилъ, что опасается гнѣва бѣлаго человѣка и, поэтому, рѣшилъ скрыться съ своими людьми въ лѣсахъ. Юнкеръ отвѣтилъ, что онъ не намѣренъ удерживать Санги. Тогда Санга остался.

Путешественникъ нашъ чувствовалъ себя настолько плохо, что почти не поднимался съ ангареба. Его постоянно знобило, такъ что онъ долженъ былъ кутаться въ шерстяное одѣяло; при малѣйшей попыткѣ ходить конечности его опухали. Правая рука была настолько изъязвлена, что онъ не могъ ею писать. Въ то же время у него не было бинтовъ. Тряпочки полотна, замѣнявшія

бинты, стирались часто, но безъ мыла, которое уже давно вышло, и поэтому стали жесткими. До чего доводили Юнкера эти постоянныя страданія, причиняемыя язвами, видно изъ того, что онъ однажды цѣлый часъ поливалъ горячею водою свою ногу, обернутую въ толстое полотенце. Весьма понятно, что послѣ этого героическаго леченія нога покрылась пузырями отъ обжога, но затѣмъ язвы стали быстро заживать. Прекраснымъ средствомъ противъ мучительной чесотки, досаждавшей больному въ особенности по ночамъ, оказалось густое темное масло, добываемое изъ зеренъ масличной пальмы и употребляемое простыми женщинами мангбатту для умащиванія тѣла. Маленькій слуга Юнкера Бинза выпрашивалъ, въ виду бѣдности своего хозяина, это масло у женщинъ; отъ нихъ же получалъ онъ остатки факеловъ, изъ которыхъ изготовлялъ факелы большихъ размѣровъ. Въ виду маркости масла путешественникъ долженъ былъ отказаться отъ обычнаго костюма: ему приходилось лежать на клеенкѣ въ разорванной рубашкѣ и въ широчайшихъ шароварахъ изъ тирги.

Положеніе Юнкера было тѣмъ болѣе отчаянное, что ему нечѣмъ было дарить вѣчно алчныхъ посѣтителей. Санга, съ гордостью добраго хозяина, не допускалъ, чтобы кто либо изъ подданныхъ продавалъ гостю съѣстные припасы, а самъ держалъ его впроголодь. Трудно было бы, впрочемъ, и разсчитывать здѣсь на то, чтобы удалось установить правильный обмѣнъ, такъ какъ понятіе о мѣнѣ весьма слабо выработано у этихъ людей. Юнкеръ предлагалъ, напримѣръ, извѣстное число связокъ мелкихъ круглыхъ бусъ за нѣсколько горстей сезама, но обладательница сезама не пожелала мѣняться, такъ какъ ей въ данный моментъ хотѣлось имѣть именно крупныя бусы.

Намекъ на плохое приготовленіе пищи въ выпискѣ, сдѣланной нами изъ дневника, относится къ обычаю негровъ варить куръ не только со всѣми внутренностями,

но и неощипанными. Негритянки ограничиваются тѣмъ, что обжигаютъ перья на огнѣ. Не глубже другихъ хозяекъ проникла въ таинства кухоннаго искусства знаменитая матрона, состоявшая придворною кухаркою у Санги и варившая нѣкогда на отца его и брата Мунзу. Обязанности этой старухи были не только многотрудны, но и опасны: дамокловымъ мечомъ висѣлъ надъ нею приговоръ оракула, долженствовавшаго постоянно провѣрять приверженность ея къ князю, за здоровье и жизнь котораго она являлась первой отвѣтчицею. Князь боялся не только отравы, но и колдовства, подложеннаго въ пищу. Суевѣріе, какъ уже упомянуто, является здѣсь страшною силою. Неподалеку отъ хижины Юнкера толпа однажды напала на женщину, обвиненную въ колдовствѣ. Ей тутъ же вспороли животъ и вырвали желчный пузырь, который немедленно сожгли, какъ вмѣстилище колдовства. Женщину эту затѣмъ съѣли. Человѣческое мясо варится съ кожею; волосы на головѣ предварительно обжигаются на огнѣ.

Говоря объ этомъ страшномъ убійствѣ и о людоѣдахъ вообще, Юнкеръ высказываетъ мысли, исполненныя гуманности и глубокаго значенія: «люди эти, говоритъ онъ, поступаютъ такъ подъ вліяніемъ темнаго суевѣрія, по законамъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ; вокругъ нихъ нѣтъ людей, которые думали и чувствовали бы иначе, нѣтъ примѣровъ лучшей жизни. И вотъ, я невольно задаю себѣ вопросъ, не слѣдуетъ ли быть несравненно болѣе снисходительнымъ къ нимъ, чѣмъ къ тѣмъ убійцамъ въ культурныхъ странахъ, которые, несмотря на все воспитаніе и добрый примѣръ людей нравственныхъ, по холодному и обдуманному расчету рѣшаются на самыя подлыя убійства и возмутительнѣйшія преступленія».

Разбираясь во взглядахъ негровъ на людоѣдство, Юнкеръ указываетъ на то, что негры зачастую съ омерзеніемъ отвращаются отъ многихъ предметовъ, составляющихъ лакомство для европейцевъ. Съ ужасомъ они смот-

рятъ на то, что европейцы ѣдятъ кровавое или недожаренное мясо; прекрасный эйдамскій сыръ съ запашкомъ, приличнымъ его нѣсколько почтенному возрасту, послужилъ поводомъ къ весьма неблаговиднымъ толкамъ относительно неразборчивости Юнкера. Достойно вниманія, какъ различно нѣкоторыя племена относятся къ запахамъ: одеколонъ и душистыя мыла внушали неграмъ отвращеніе. Что касается цвѣтовъ, то негры имѣютъ особыя выраженія только для чернаго, бѣлаго и краснаго цвѣтовъ. Тѣмъ не менѣе они тонко различаютъ другія цвѣта, о чемъ свидѣтельствуютъ, встрѣчающіеся у нихъ удачные подборы бусъ различной окраски.

Юнкеру, впрочемъ, не часто приходилось сталкиваться съ туземцами во время пребыванія его у Санги: князь этотъ пользовался именемъ его, какъ пугаломъ, и безнаказанно грабилъ сосѣдей. Благодаря этому туземцы избѣгали Юнкера, и ему только мимоходомъ пришлось ознакомиться съ мабо́де, схожими по темной окраскѣ кожи съ момфу; племя это обладаетъ своеобразнымъ языкомъ и славится своими металлическими издѣліями. Мабо́де изготовляютъ обручи для головы и плоскіе браслеты для рукъ съ поразительно тонкою гравировкою, а по части разнообразія и изящества наконечниковъ стрѣлъ не уступаютъ момфу. Наконецъ, мабо́де плетутъ большія и красивыя цыновки и сосуды для жидкостей въ родѣ бутылокъ.

Къ числу неудобствъ, которыя давали себя чувствовать на каждомъ шагу у Санги, слѣдуетъ причислить невѣроятное количество крысъ; отъ нихъ не удавалось уберечься никакими ловушками и другими хитрыми приспособленіями, изобрѣтаемыми Бинзою. Крысы эти были такъ наглы, что вытаскивали у спящихъ негритянокъ длинныя жирныя иглы, сдерживавшія ихъ прически, а одному изъ слугъ Юнкера обгрызли даже пятку; когда этотъ человѣкъ очнулся отъ своего поистинѣ негрскаго

сна, онъ былъ уже чувствительно пораненъ. Ко всему этому хижины кишѣли тараканами, которые также ничего не оставляли нетронутымъ.

Для климатическихъ условій этой мѣстности характерно было болѣе равномѣрное распредѣленіе осадковъ въ маѣ и іюнѣ; дожди долго продолжались, но не были такъ сильны и имъ уже рѣже предшествовали бури, наблюдавшіяся въ началѣ періода дождей. Большей частью дожди эти приносились восточными и юго-восточными вѣтрами.

Мало по малу стали выясняться и тѣ многочисленные причины, по которымъ Санга задерживалъ Юнкера: онъ не только пріобрѣталъ извѣстный вѣсъ, благодаря именитому гостю, и не только пользовался именемъ его, чтобы, какъ мы уже упоминали, безнаказанно грабить перепуганныхъ сосѣдей, но ему нужно было удержать его у себя въ качествѣ заложника, такъ какъ братъ его Абондомаси находился въ настоящее время у Гамбари, извѣстнаго своею жестокостью. Юнкеру такимъ образомъ оставалось только отправить слугу своего къ Гамбари съ просьбою отпустить Абондомаси. Слухи о миссіи слуги переполошили Сангу и его придворныхъ. Санга сталъ вновь заискивать у Юнкера; онъ вторично поднесъ ему возвращенные Юнкеромъ подарки и заявилъ готовность дать проводниковъ. Путешественникъ, съ своей стороны, не скупился на упреки и между прочимъ велѣлъ ему передать слѣдующую весьма картинную, но въ то же время внушительную угрозу: онъ вырветъ, говорилъ онъ, свою злобу изъ сердца на Сангу только по ту сторону «обя» и только тамъ погрузитъ ее въ болото. Несмотря на всѣ опасенія, что на выручку Юнкера придутъ солдаты, Санга храбро удержалъ его у себя, пока не выяснилось, что братъ его дѣйствительно внѣ опасности. За то жены Санги мимически выражали Юнкеру свое сожалѣніе по поводу его отъѣзда: онѣ привязались къ нему, такъ какъ онъ ихъ не только развле-

калъ, но подчасъ и защищалъ отъ грознаго владыки ихъ. Не даромъ Санга говаривалъ, что послѣ отъѣзда европейца ему придется обратиться къ оракулу и казнить нѣсколькихъ женъ, ибо, прибавлялъ онъ, если этого не дѣлать время отъ времени, то онѣ начинаютъ зазнаваться.

Путь опять пролегалъ черезъ обширныя болота и былъ тѣмъ болѣе затруднителенъ, что носильщики оказались изъ рукъ вонъ плохими. Къ тому же продолжались дожди. Спасаясь отъ ливней, путешественники переночевали однажды въ зарослях на мѣстѣ прежняго поселенія среди растительности, изумительно роскошной, но въ то же время положительно напитанной влагою.

Наконецъ прибылъ Абондомаси и о чемъ-то долго бесѣдовалъ съ Сангою.

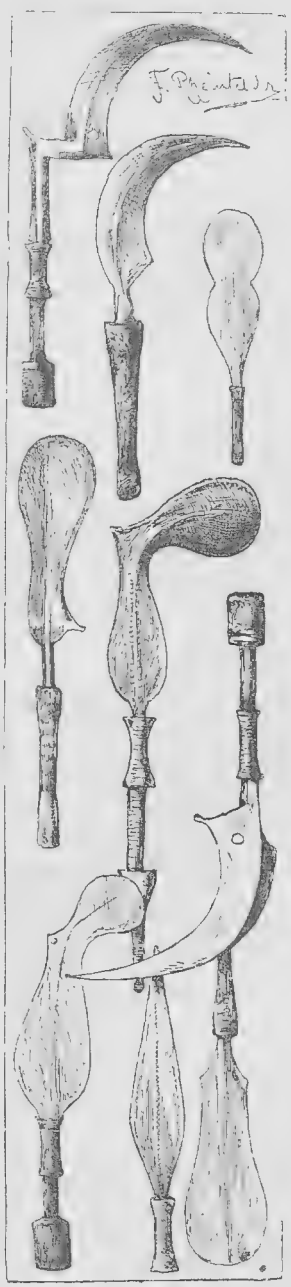
Часъ освобожденія Юнкера, повидимому, насталъ. За послѣднимъ болотомъ, пройденнымъ имъ, онъ уже увидѣлъ своего ослика, возбуждавшаго по обыкновенію величайшее удивленіе толпы. Санга провожалъ Юнкера до этого мѣста, какъ предполагаетъ нашъ путешественникъ, единственно съ цѣлью посмотрѣть на это чудесное животное. Впрочемъ, князь не возвратился тотчасъ же домой, а пустился со своими людьми на охоту. Онъ захватилъ съ собою изъ своего поселенія маленькихъ рыжихъ гончихъ собакъ; на шеѣ у этихъ собакъ были плотные кожаные ошейники въ четыре пальца ширины; они должны были охранять ихъ отъ укусовъ хищниковъ изъ породъ кошачьихъ. На ошейникахъ у нихъ привѣшаны были деревянные колокольчики, служащіе для того, чтобы собаки не потерялись въ густой и высокой травѣ.

Юнкера тѣмъ временемъ считали уже давно умершимъ. Прислужница его, остававшаяся у Малингде, рѣшилась убѣжать. Она опасалась того, чтобы людоѣды-медже ея не съѣли, и вернулась къ нимъ лишь спустя нѣкоторое время. Прочіе слуги Юнкера сильно голодали,

такъ какъ онъ, не разсчитывая оставаться у Санги столь долгое время, не оставилъ имъ запасовъ. Теперь, всѣ ликовали по поводу возвращенія хозяина. Юнкеръ самъ чувствовалъ себя весьма счастливымъ, хотя все еще болѣлъ. Сильно мучили его нарывы на спинѣ; они досаждали ему не мало и на дальнѣйшемъ пути, хотя онъ и заставлялъ ихъ вскрывать.

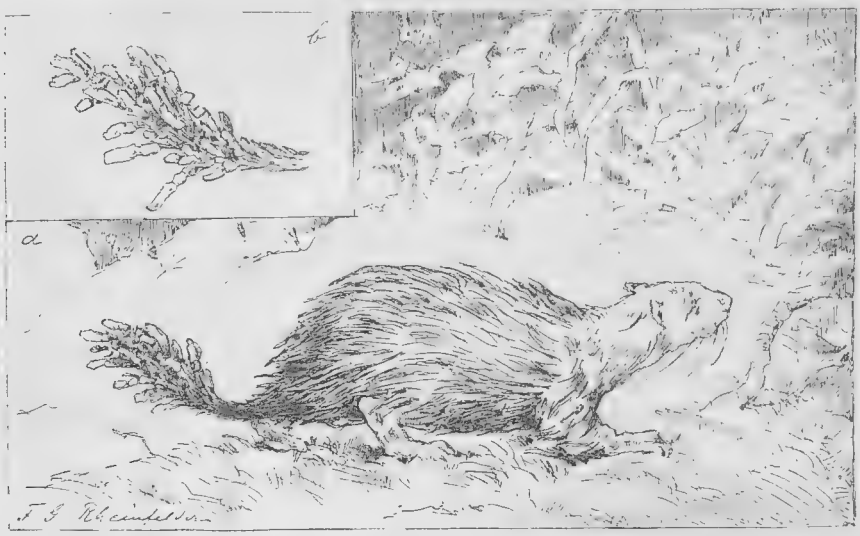
Время у Малингде проходило незамѣтно. Путешественникъ нашъ любилъ наблюдать за тѣмъ, какъ Малингде работалъ у себя въ мастерской, чередуя работу съ бесѣдою о политическихъ и дипломатическихъ вопросахъ и разборомъ безконечныхъ споровъ между своими подданными. Малингде былъ положительный мастеръ по части изготовленія ножей и рѣзьбы на деревѣ.

Интересны были приборы, употребляемые имъ при работѣ: миніатюрныя наковальни въ 2—3 дюйма въ поперечникѣ, еще меньшихъ размѣровъ металлическіе клинья, служащіе молотами и насаженные на расщепленныя деревянныя ручки, къ которымъ они прикрѣпляются особыми повязками. Рѣзьба по дереву производится короткимъ ножомъ, прикрѣпленнымъ къ длинной ручкѣ подъ угломъ 45°; ручка эта при работѣ покоится на внутренней сторонѣ предплечья и



Ножи негровъ мангбатту.

можетъ при случаѣ послужить рычагомъ. Достойно вниманія, что мангбатту знакомы съ выжиганіемъ по дереву, замѣняющемъ у нихъ иногда рѣзьбу. Весьма изящны скамеечки ихъ, испещренныя узоромъ въ полоскахъ. Чтобы изукрасить такимъ образомъ скамеечку, ее оборачиваютъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя должны сохранить натуральную окраску дерева полосками свѣжаго тростнику, а затѣмъ всю скамеечку обжигаютъ на угольяхъ

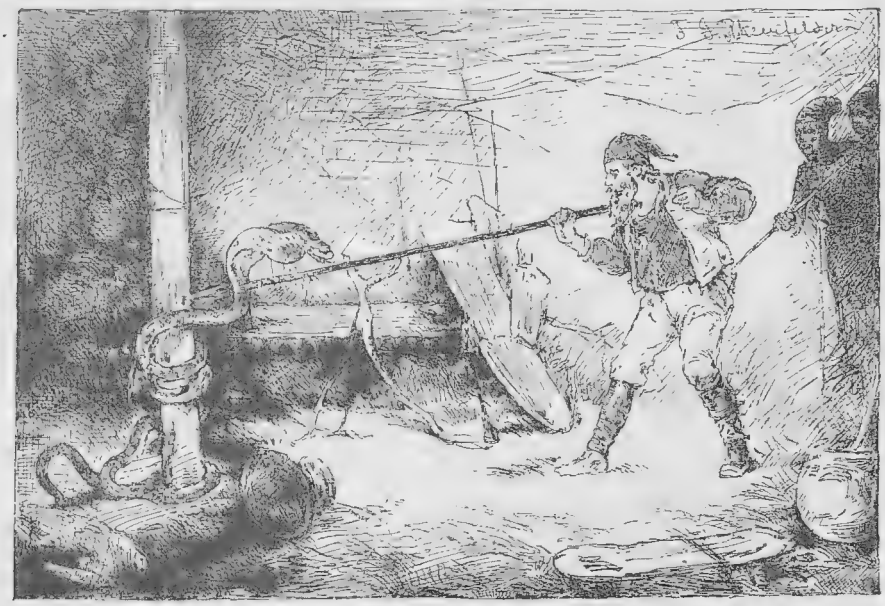


a) Athetura africana. b) Хвостъ ея.

кузнечнаго горна. Наждаковая бумага наша замѣняется у нихъ листьями Ficus asperifolia Miq.

Медже держатъ козъ, но потребляютъ только мясо ихъ, а молокомъ не пользуются, точно также какъ момфу, мабоде и майго, которыхъ уже съ бо́льшимъ правомъ можно было бы назвать скотоводами. Козы у мангбатту служатъ мѣновымъ средствомъ при пріобрѣтеніи женъ. «Жена и коза — понятія болѣе или менѣе равнозначущія у мангбатту», говоритъ Юнкеръ. Достойно не только вниманія, но и подражанія, что у мангбатту выбиваютъ козамъ передніе зубы, чтобы они не портили деревъ. Живутъ мед-

же въ жилищахъ, окруженныхъ заборомъ, какъ въ маленькихъ крѣпостяхъ, и защищаются въ случаѣ нападенія враговъ отравленными стрѣлами. Съ цѣлью отравленія стрѣлъ медже и майго прикрѣпляютъ къ наконечникамъ ихъ напитанныя ядомъ роговыя пластинки съ хвоста Athetura africana, разновидности дикообраза, встрѣчающагося въ этихъ мѣстностяхъ (рис. на стр. 218). Главныя владѣнія племенъ медже граничатъ съ сѣвера



Змѣя Naja haja.

рѣкою Бомоканди; къ востоку лежатъ необитаемыя области, а затѣмъ слѣдуетъ страна Момфу; къ западу простирается область бѣжавшихъ нѣкогда сюда мангбатту вплоть до вассальнаго государства Канны, а именно земли Санга-Попо, брата Санги Мóмбеле, и область Мамбанги. Добавимъ еще, прежде чѣмъ послѣдовать за нашимъ путешественникомъ въ дальнѣйшій путь, что ему у Малингде пришлось испытать довольно страшное приключеніе съ ядовитою змѣею.

Однажды онъ въ хижинѣ своей засталъ экземпляръ Naja haja въ два метра длины. Змѣя эта обвилась вокругъ столба, служившаго опорою для хижины, и, при видѣ Юнкера, обратила на него свою плоскую голову, надувъ свою шею. Въ тоже мгновеніе нашъ путешественникъ пригвоздилъ ее копьемъ къ столбу.

На пути въ Тангази Юнкеру опять пришлось возиться съ лѣнивыми носильщиками, такъ какъ онъ разошелся съ высланными ему на встрѣчу носильщиками Ніангары; опять его безпокоили и мучали докучливые любопытные негры, отъ которыхъ ему удавалось отдѣлаться только угрозами, что онъ будетъ въ нихъ стрѣлять. Не мало его затруднялъ также недостатокъ въ пищевыхъ средствахъ. Понятія о правильномъ обмѣнѣ были положительно недоступны мѣстнымъ неграмъ. Юнкеръ передаетъ по этому поводу слѣдующій характерный случай:

Одинъ изъ негровъ увлекся эмалированною металлическою тарелкою путешественника и предложилъ ему за нее изящный рогъ изъ слоновой кости. Эта была послѣдняя тарелка Юнкера, но онъ ее уступилъ въ виду цѣнности предложеннаго за нее предмета. Но вотъ негръ вскорѣ явился къ нему съ курицею и небольшимъ количествомъ табаку и выразилъ желаніе вымѣнять ихъ на свой рогъ. Юнкеръ тогда рѣшился отказаться отъ всякой мѣны съ нимъ и взялъ свою тарелку обратно. Самъ онъ, впрочемъ, говоритъ, что ему не слѣдовало уступать негру, такъ какъ туземцы въ этихъ случаяхъ обыкновенно повинуются европейцамъ. Ему, однакоже, не хотѣлось остаться въ подозрѣніи, что онъ ввелъ негра въ убытокъ.

Походъ Юнкера возбуждалъ по обыкновенію вниманіе сосѣднихъ князей. Когда онъ остановился у Каранги, вождя племени а-буи, тучнаго человѣка далеко уже не первой молодости, туда же прибылъ сосѣдъ Каранги, князь Сянзя. Князья не привѣтствовали другъ друга;

тип. Эд. Гольце.

Растительность на сѣверномъ побережьѣ Бомоканди.

OCLC

Сянзя остановился со своею свитою въ ста шагахъ отъ хозяина, который, съ своей стороны, не приблизился къ гостю. Такова эта вѣчная подозрительность негрскихъ властителей и вмѣстѣ съ тѣмъ чванство ихъ, благодаря которому каждый считаетъ себя выше своего собрата.

Какъ истый негръ, Сянзя не могъ себѣ, однако, отказать въ удовольствіи сыграть нѣсколько партій въ четъ и нечетъ съ людьми Каранги. Подобно большинству негровъ, онъ былъ страстный игрокъ. На этотъ разъ ему сильно не везло: онъ проигралъ нѣсколько сотъ стрѣлъ и порядочное число куръ. Играть выучились даже слуги Юнкера, въ особенности въ то время, когда онъ лежалъ больнымъ у Санги. Они играли на самодѣльныя деревянныя стрѣлы, употребляемыя при охотѣ на птицъ.

По дорогѣ Юнкеру пришлось въ пятый и послѣдній разъ переправиться черезъ рѣку Бомоканди. Въ мѣстѣ переправы она была до 150 шаговъ ширины, хотя еще не наступило половодье. Сѣверный берегъ ея былъ крутъ. По ту сторону рѣки простирался густой лѣсъ, присутствіе котораго не мало поразило путешественника въ виду его прежнихъ наблюденій надъ предѣломъ распространенія сплошного лѣса. Водораздѣлъ между Бомоканди и Гаддою явился въ данномъ мѣстѣ границею этого лѣса. Далѣе начиналась травянистая степь, кое-гдѣ покрытая жидкими рощицами, а затѣмъ простиралась уже культурная область, населенная племенами момфу, а-биссанга, ніапу и, наконецъ, мунду, принадлежащимъ къ крупному племени а-бангба, часть которыхъ переселилась къ сѣверо-востоку въ страну Макарака.

На пути каравану пришлось столкнуться съ цѣлою арміею муравьевъ. Они шли такъ сказать сомкнутымъ строемъ; въ сторону отходили только мародеры. Страшно было столкнуться съ этими хищниками. Въ особенности пострадалъ Юнкеръ, такъ какъ муравьи забирались къ

нему подъ одежду, и онъ не могъ ихъ такъ легко стряхивать, какъ это дѣлали полуобнаженные негры. Впослѣдствіи, когда на караванъ напали тучи кусающихся мухъ, Юнкеръ опять таки былъ въ выгодѣ; за то негры въ ужасѣ разбѣжались, побросавъ, какъ при пораженіи на полѣ битвы, не только свои ноши, но даже и оружіе.

Послѣ четырехъ съ половиною мѣсяцевъ Юнкеръ возвратился въ Тангази. Онъ сдѣлалъ въ это время болѣе 600 километровъ, испыталъ не мало лишеній и приключеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ собралъ въ высшей степени цѣнныя данныя и богатыя коллекціи. Въ Тангази онъ встрѣтилъ Касати, только что возвратившагося изъ своего путешествія къ Бакангаи и Каннѣ. Путешественнику нашему предоставлена была хижина Гаваша-эфенди. Здѣсь онъ пользовался не только покоемъ и сравнительно изобильною пищею, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился продѣлать серьезное леченіе, чтобы отдѣлаться отъ мучительной сыпи. Леченіе это примѣняется арабами и сводится въ сущности, къ тому, что паціентъ поступаетъ, какъ выше упомянутыя дамы, желающія надушиться (стр. 49). Онъ садится надъ ямою, въ которой тлѣютъ и страшно дымятся щепки какого-то дерева лимоннаго цвѣта; всего его прикрываютъ какимъ-нибудь покрываломъ. Юнкеръ въ этомъ случаѣ пользовался клеенкою. Нечего и говорить о томъ, что паціентъ испытываетъ страшныя мученія: онъ задыхается отъ дыму; огонь по временамъ оживляется и несчастному тогда кажется, что онъ сгоритъ заживо. Во всякомъ случаѣ потъ съ него льетъ ручьями. Черезъ четверть часа паціентъ сходитъ съ ямы; затѣмъ его крѣпко растираютъ свѣжимъ хлѣбнымъ тѣстомъ, а потомъ еще слегка смазываютъ сезамнымъ масломъ. Послѣ этого оригинальнаго леченія Юнкеръ пожелтѣлъ «какъ айва», но за то по крайней мѣрѣ на время отдѣлался отъ мучительной чесотки.

Между прочимъ Юнкеръ навѣстилъ Ніангару и об-

мѣнялся съ нимъ подарками. Когда онъ упрекнулъ Ніангару въ томъ, что тотъ не доставляетъ солдатамъ нужнаго провіанту, на станцію немедленно посланы были запасы зернового хлѣба. Въ общемъ обитатели станціи имѣли полное право жаловаться не только Ніангару, но и на судьбу свою вообще. Правительство постоянно задерживало выплату жалованья, не доставляла чиновникамъ необходимѣйшихъ предметовъ повседневной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно разорило ихъ, препятствуя торговлѣ невольниками, которая обезпечивала ихъ до сихъ поръ. Арабы ходили не только оборванными, но прямо полуголыми или въ туземномъ рокко. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому въ томъ,, что все это мелкое чиновничество явилось впослѣдствіи весьма воспріимчивымъ элементомъ для пропаганды махдистовъ.

Оправившись отъ болѣзни, Юнкеръ 8 августа 1882 года двинулся къ Семіо. Путь, частью уже пройденный имъ, пролегалъ черезъ бывшія земли Мамбанги; каравану пришлось миновать станцію Гавашъ, переправиться черезъ рѣку Уэллэ, пройти страну Бадинде, земли Япати, серибу Рафаи, а затѣмъ черезъ Мбомо пройти къ станціи Семіо.

Черезъ рѣку Уэллэ Юнкеръ переправился въ пятый разъ. По ту сторону рѣки его встрѣтили люди Мазинде, поставленные здѣсь для расчистки пути, въ виду ожидаемаго прибытія путешественника. Самъ Мазинде, сопровождаемый всей своей свитою, поспѣшилъ къ нему чуть-ли не бѣгомъ на встрѣчу. У гостепріимнаго князя Юнкеръ встрѣтилъ рамаданъ, который переимчивые негры справляли не хуже арабовъ. Въ тоже время Юнкеръ по прежнему долженъ былъ разбирать дрязги негровъ и арабовъ и мирить ихъ по мѣрѣ силъ своихъ. Мазинде проводилъ Юнкера на довольно значительное разстояніе, захвативъ съ собою массу людей. Онъ вообще не прочь былъ показать свою власть и силу. Однажды во время

переправы козъ, шедшихъ съ караваномъ, черезъ какую то рѣчонку, онъ отсталъ и вслѣдъ затѣмъ почти на виду Юнкера, сидящаго на своемъ ослѣ, взгромоздился на плечи одного гиганта-негра и торжественно подъѣхалъ къ нему. Онъ до такой степени привязался къ Юнкеру, что при разставаніи съ нимъ у Нзупе, заставилъ его захватить съ собой своего собственнаго сына, маленькаго живого мальчугана, а слугѣ Дзумбе подарилъ дѣвочку-невольницу.

На пути Юнкеръ узналъ нѣкоторыя подробности о борьбѣ Мбіо съ нубійцами. Противъ него пришлось выдвинуть Рафаи-агу со всѣмъ его войскомъ. Лишь послѣ этого сдался послѣдній изъ независимыхъ властителей а-занде къ сѣверу отъ Уэллэ.

Бадинде гостепріимно встрѣтилъ путешественника и проводилъ его до рѣки Уэррэ. Путь пролегалъ черезъ болота и множество рѣчонокъ, берега которыхъ покрыты были густымъ лѣсомъ. По цѣлымъ часамъ приходилось идти или ѣхать по какому-то безконечному морю высокихъ травъ, поднявъ руки, чтобы защитить глаза отъ ударовъ эластическихъ стеблей. Хуже всего было то, что въ этомъ царствѣ полутьмы промокшія одежды и обувь никогда не просыхали какъ слѣдуетъ. Чудная картина представляла эта живописная мѣстность при лунномъ освѣщеніи во время стоянокъ. Видъ Уэррэ произвелъ на нашего путешественника глубокое впечатлѣніе. Какія только воспоминанія не оживали въ немъ при видѣ этой рѣки. Многое онъ пережилъ въ тѣ два года, послѣ того какъ основалъ свою станцію Лакрима у Ндорумы. Теперь онъ переправлялся черезъ рѣку въ третій разъ. Уэррэ имѣлъ здѣсь 75 шаговъ ширины.

Необитаемая мѣстность, покрытая зарослями тростника и простирающаяся между Уэррэ и наиболѣе сѣвернымъ притокомъ его Дума, пройдена была 4 сентября. Рѣка Дума имѣетъ шаговъ 40—50 ширины и отличается стрем-

нинами. При переправѣ черезъ нее чуть не погибли Дзумбе и Бинза, пустившіеся по ней въ маленькой лодочкѣ съ лучшимъ сокровищемъ Юнкера, съ его дневниками.

Рѣка эта составляетъ границу владѣній Япати, лично вышедшаго на встрѣчу Юнкеру. Это былъ типичный а-занде, нѣсколько напоминавшій своею рослою, мужественною и красивою фигурою Ндоруму. Особенно пріятно поразила Юнкера его сдержанность послѣ навязчивыхъ мангбатту. Тѣмъ же тактомъ отличались до извѣстной степени и его люди. Поселеніе Япати расположено на обширномъ, весьма постепенно повышающемся и покрытомъ низкорослою травою, водораздѣлѣ рѣкъ Уэррэ и Мбому. Тутъ же беретъ начало второй значительный притокъ Уэррэ, рѣка Фуллу. Растительность, по мѣрѣ передвиженія каравана, замѣтно измѣнялась. Уже въ окрестностяхъ Уэррэ сладкіе бататы встрѣчаются рѣже, а вмѣсто сладкаго маніока воздѣлывается горькій сортъ, который приходится передъ употребленіемъ выдерживать по цѣлымъ днямъ въ водѣ; вмѣсто зерна элевзины (телебунъ), здѣсь воздѣлывается главнымъ образомъ красноватая дурра. Впрочемъ, это обусловливается скорѣе всего вліяніемъ нубо-арабовъ, требующихъ преимущественно это зерно при уплатѣ податей.

У Япати Юнкеръ получилъ письма черезъ посредство Бондорфа. Однако, Бондорфъ ничего не писалъ о себѣ, хотя Юнкеръ зналъ, что онъ въ бытность свою у Япати заболѣлъ, а затѣмъ возвратился къ Семіо. Прибыли также письма отъ Касати, который писалъ, что Эминъ возвратился въ Ладо и намѣренъ посѣтить провинцію Мангбатту, губернаторомъ который назначенъ былъ Гавашъ-эфенди. Къ сожалѣнію, Эминъ посѣтилъ эту область лишь въ слѣдующемъ году.

Дальнѣйшій путь пролегалъ черезъ арабскія серибы Идрисъ и Делебъ, лежавшихъ въ мѣстности, весьма богато орошенной. Отъ ливней, регулярно разражавшихся въ

послѣобѣденные часы, путники избавлялись только тѣмъ, что дѣлали короткіе переходы. Затѣмъ перейдена была рѣка

Penicillaria spicata (духнъ). Eleusine coracana (телебунъ).
Sorghum vulgare (дуppa).

Мбомо, съ которой Юнкеръ ознакомился въ свое время на пути изъ Демъ-Бекира къ Ндорумѣ. Въ привычныхъ носильщикахъ здѣсь не было недостатка. Всюду чувствовались слѣды продолжительнаго властвованія нубо-арабовъ.

Уандо, старшій братъ Семіо, который, только благодаря расположенію Джесси, стоялъ выше его, встрѣтилъ путниковъ очень гостепріимно, хотя у него былъ трауръ по умершему сыну. Покойный былъ погребенъ подъ навѣсомъ, стоящимъ среди другихъ хижинъ; надъ могилою его былъ насыпанъ высокій холмъ. Отецъ остригъ себѣ волосы на головѣ въ знакъ траура и часто сидѣлъ у могилы сына. Онъ, видимо, искренно горевалъ по немъ и не мало разсказывалъ Юнкеру о достоинствахъ его. Перебравшись на западный берегъ рѣки Келлэ въ страшный ливень, который даже Юнкеру, этому аккуратнѣйшему изъ путешественниковъ, воспрепятствовалъ записывать маршрутъ, путники очутились во владѣніяхъ Семіо. Пріятно поражены они были здѣсь присутствіемъ масличной пальмы. Дерево это встрѣчается преимущественно въ южныхъ широтахъ; къ сѣверу отъ земель а-мади и а-кахле оно не попадалось. Впослѣдствіи, однако, оказалось, что земли Семіо и Сассы отнюдь не бѣднѣе этими пальмами, чѣмъ страны болѣе южныя.

Послѣдній переходъ до станціи Семіо былъ особенно затруднителенъ. Рѣки отъ дождей сильно разлились; къ тому-же башмаки Юнкера стали окончательно расползаться. Ему пришлось надѣть высокіе арабскіе сапоги для верховой ѣзды, настолько неудобные для ходьбы по водѣ и по болотамъ, что его пришлось носить на рукахъ тамъ, гдѣ онъ не могъ пробираться на своемъ измученномъ осликѣ. Страшно мучили путниковъ легіоны комаровъ въ этихъ залитыхъ водою пространствахъ. Наконецъ, они встрѣтили посланцевъ Семіо. Письма Юнкера къ нему залежались на арабскихъ станціяхъ и только недавно были имъ получены. Письма, полученныя изъ Европы на имя Юнкера, блуждали въ настоящее время Богъ вѣсть гдѣ, розыскивая бѣлаго человѣка. Вотъ уже семнадцать мѣсяцевъ, какъ онъ не имѣлъ извѣстій изъ Европы.

По ту сторону послѣдняго болота Юнкера поджидали

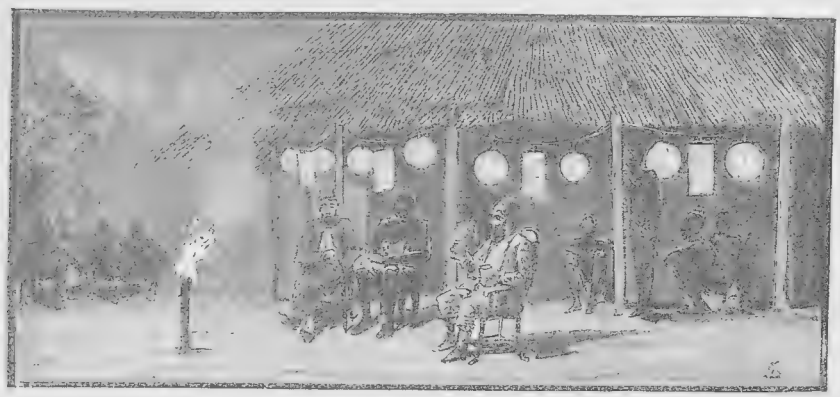
Семіо и Бондорфъ. Встрѣча ихъ была въ высшей степени сердечна. Неистово выражала свои восторги вѣрная «Леди», собака Юнкера.

27 сентября 1882 года Юнкеръ прибылъ на новую станцію Семіо. Интересны тѣ мысли, съ которыми носился нашъ путешественникъ, направляясь къ этой станціи. Вотъ, что онъ писалъ по этому поводу: «задачи, которыя я имѣлъ въ виду, покидая Европу, въ сущности выполнены... Съ чувствомъ удовлетворенія я могу взглянуть на свои маршруты отъ Мешра-эр-Рекъ (апрѣль 1880 года) и до настоящаго времени: они, за ничтожными исключеніями, не представляютъ пробѣловъ. Я имѣлъ несомнѣнное право помышлять о возвращеніи на родину, которая до сихъ поръ, въ тѣ безсонныя ночи, когда я былъ боленъ и одинокъ и когда я, самымъ позорнымъ образомъ, бѣдствовалъ, представлялась мнѣ какою-то недостижимою фатаморганою. Теперь иное дѣло,—я чувствую себя сравнительно недурно, а тамъ... на югѣ и на западѣ еще предстоитъ сдѣлать столь многое. Я долженъ воспользоваться удобнымъ случаемъ. Я чувствую, что иначе меня послѣ всѣхъ моихъ путешествій по Африкѣ вѣчно будутъ преслѣдовать укоры совѣсти. Примемъ во вниманіе мое здоровье: Боже праведный, здоровье для европейца въ Африкѣ понятіе весьма относительное... Мелкія страданія не идутъ въ счетъ, а дезинтерія и тяжелыя формы маляріи, словомъ болѣзни, столь роковыя для многихъ африканскихъ путешественниковъ, меня пощадили; они миновали меня и впослѣдствіи. Что-же касается запасовъ моихъ, то ихъ весьма достаточно»...

Эти и подобнаго рода соображенія побудили нашего неутомимаго и преданнаго своему дѣлу путешественника, еще прежде чѣмъ онъ добрался до послѣдней станціи, рѣшиться на новыя путешествія.

Станція Семіо была прелестно расположена среди масличныхъ пальмъ. На хижинѣ Юнкера развѣвался рус-

скій флагъ. Послѣ захода солнца зажжены были китайскіе фонарики и большіе смоляные факелы, привезенные изъ страны Мангбатту. Юнкеръ, Бондорфъ и Семіо долго еще бесѣдовали, попивая европейское вино и воду съ коньякомъ и покуривая сигары и папиросы. Впослѣдствіи нашъ экономный путешественникъ убѣдился, что этотъ вечеръ ему стоилъ четырехъ бутылокъ, но онъ не жалѣлъ ихъ, такъ какъ окончаніе столь большого путешествія слѣдовало отпраздновать торжественнымъ образомъ.



Первый вечеръ на станціи Семіо.

Бондорфъ, въ продолженіе долгаго отсутствія Юнкера, дѣйствительно болѣлъ и, хотя въ настоящее время чувствовалъ себя довольно здоровымъ, желалъ возвратиться въ Европу. Юнкеръ рѣшился его отпустить и вмѣстѣ съ тѣмъ поручить ему свои коллекціи для отправки въ европейскіе музеи. Въ общемъ онъ, сколько можно заключить по его случайнымъ замѣткамъ, былъ не особенно доволенъ Бондорфомъ, который не воспользовался какъ слѣдуетъ правомъ мѣнять оставленные ему товары съ цѣлью увеличенія коллекцій, не позаботился о томъ, чтобы обнести станцію заборомъ, не устроилъ огорода и т. д.

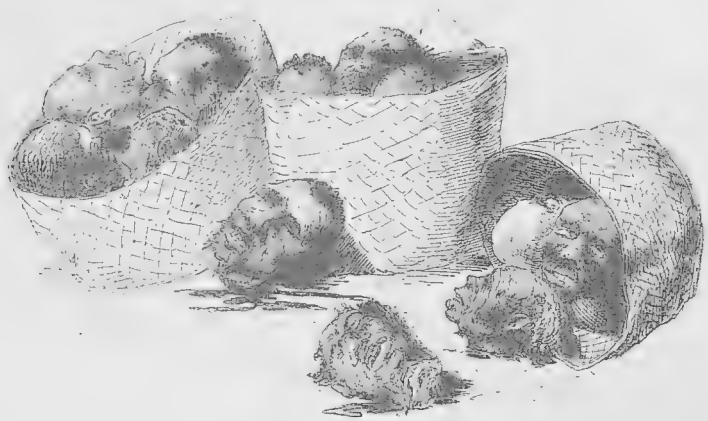
Прежде всего необходимо было позаботиться объ

упаковкѣ коллекцій. Всѣ предметы уложены были въ 32 тюка; 18 тюковъ содержали предметы этнографическіе, а остальные—зоологическіе. Сюда же присоединено было 25 тюковъ съ предметами, которые, по мнѣнію Юнкера, можно было отправить обратно въ Европу, такъ какъ онъ не сомнѣвался въ томъ, что въ слѣдующемъ году закончитъ свои изслѣдованія. Въ виду этого онъ отправилъ обратно половину своей одежды и бѣлья, одну треть всѣхъ консервовъ и т. д. Бондорфъ получилъ два ружья и револьверъ и захватилъ съ собою множество писемъ въ Европу, равно какъ копіи съ тѣхъ писемъ, которыя посланы были сухимъ путемъ черезъ Шекка въ Хартумъ и могли случайно пропасть въ дорогѣ. Бондорфу представлялась возможность отправиться въ сообществѣ съ Семіо, направлявшимся въ Демъ-Солиманъ съ грузомъ слоновой кости и съѣстныхъ припасовъ. Радостное настроеніе Юнкера по поводу отправки коллекцій въ Европу и увѣренность его въ томъ, что онъ вскорѣ послѣдуетъ за ними, были причиною неожиданнаго и великаго счастья для Семіо: путешественникъ подарилъ ему два ружья Маузера и револьверъ. Одарены были и другіе обитатели станціи. Кромѣ того всѣ присутствующіе при пересмотрѣ консервовъ удостоились поотвѣдать европейскихъ лакомствъ. Путешественникъ нашъ признается, что восторги его черныхъ друзей по поводу засахаренныхъ фруктовъ доставляли ему болѣе удовольствія, чѣмъ если бы онъ самъ съѣдалъ эти лакомства. Юнкеръ проводилъ Бондорфа и Семіо, не подозрѣвая того, что ему еще долгіе годы придется оставаться въ африканской глуши, испытывать лишенія и опасности, несравненно большія, чѣмъ тѣ, которыя ему до сихъ поръ приходилось переносить, и что всѣ его богатыя коллекціи осуждены на гибель...

Вскорѣ станція обнесена была заборомъ и вообще устроена сообразно планамъ и нуждамъ Юнкера. Надзоръ

за всѣми этими работами, вначалѣ нѣсколько затруднявшій его въ виду опухоли ногъ, доставлялъ ему, по мѣрѣ того, какъ онъ оправлялся, все болѣе удовольствія. Попутно, но вмѣстѣ съ тѣмъ регулярно, велись метеорологическія наблюденія, разрабатывался дневникъ, чертились карты и пополнялись коллекціи. Прекрасные услуги по части коллектированія оказывалъ замѣститель Семіо, молодой родственникъ его, Фое, замѣчательный стрѣлокъ.

Неожиданное и положительно ужасное съ виду приращеніе получили коллекціи Юнкера, благодаря тому, что



Страшный подарокъ.

онъ какъ то замѣтилъ, что ему хотѣлось бы имѣть черепа туземцевъ. Вскорѣ ему доставили цѣлую кучу отрѣзанныхъ головъ а-кахле. Людей этихъ по случаю какого то бунта перерѣзали, причемъ негры, изъ любезности къ Юнкеру, на этотъ разъ не съѣли головъ своихъ непріятелей.

Спокойная и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельная жизнь Юнкера была весьма неожиданно прервана. Въ степи какимъ-то образомъ подожжена была сухая трава. Въ это время дулъ сильный вѣтеръ по направленію къ станціи. Юнкеръ уже заранѣе велѣлъ на всякій случай выжечь траву около станціи; но такъ какъ часть ея осталось, то онъ рѣ-

шился вторично поджечь ее. Казалось, что станція благодаря этому была достаточно ограждена отъ опасности и Юнкеръ уже отправился къ своему чертежному столу, какъ вдругъ одинъ изъ мальчиковъ негровъ указалъ ему на верхушку пальмы, среди сухихъ волоконъ которой занимался огонекъ. Пальма эта стояла внѣ станціи, но вѣтеръ дулъ на станцію именно со стороны нея. По распоряженію Юнкера люди стали быстро выносить вещи изъ хижинъ. Въ началѣ въ распоряженіи Юнкера были только подростки; взрослые слуги бывшіе въ это время на охотѣ, прибыли только тогда, когда уже вспыхнула одна изъ соломенныхъ крышъ. Сгорѣли три хижины, но только изъ одной не удалось вытащить всѣхъ вещей. Потеря этихъ вещей была, однако, для Юнкера весьма чувствительна. Достаточно сказать, что въ хижинѣ было 1,500 патроновъ. Взрывы этихъ патроновъ продолжались съ четверть часа; казалось, что гдѣ то вдали идетъ оживленная перестрѣлка. — Погибли консервы, послѣдній ящичекъ съ спиртными напитками, запасы товаровъ для обмѣна и подарковъ, музыкальныя машинки, зеркальца и, наконецъ, всякіе пустяки, которые можетъ быть и были, въ данный моментъ, непригодны, но все же сохранялись предусмотрительнымъ путешественникомъ на случай. Сгорѣлъ, наконецъ, провіантъ, полученный отъ Семіо, и пропалъ весь запасъ дроби, сохранявшійся въ 13 мѣшечкахъ. Юнкеръ заставилъ своихъ мальчуганъ-слугъ собрать дробь на мѣстѣ пожара и разсортировать ее по номерамъ. Такимъ образомъ удалось набрать нѣсколько мѣшечковъ дроби. Во время пожара скрылась вмѣстѣ съ обезьяною маленькая карликовая антилопа, послѣднее пріобрѣтеніе домашняго звѣринца и большая любимица Юнкера. Антилопа, однако, появилась на другой день съ поврежденной ножкой и страшно истомленная.

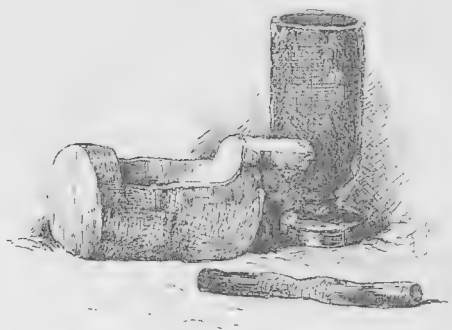
Пожары случаются въ негрскихъ странахъ довольно

часто; путешественникъ на этотъ разъ сберегъ большинство своего имущества, конечно, только благодаря своей осмотрительности и энергіи. Во избѣжаніи повторенія подобныхъ несчастій, онъ позаботился о возведеніи несгораемой постройки изъ глины.

Пожаръ этотъ произвелъ до извѣстной степени потрясающее впечатлѣніе въ моментъ самаго происшествія, но въ сущности не отозвался на дальнѣйшихъ работахъ Юнкера; несравненно болѣе роковое вліяніе на всю судьбу его имѣла гроза, собиравшаяся въ это время на сѣверѣ. Прибывшая почта привезла Юнкеру нѣсколько отрадныхъ писемъ изъ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма серьезныя извѣстія изъ Египта и Судана. Ему сообщали о томъ, что въ Александріи вспыхнуло возстаніе, что въ Суданѣ неспокойно и что въ Кордофанѣ погибъ Юсуфъ-паша-эс-Шелали съ 3000 солдатъ. Дорога черезъ Шекка была отрѣзана. Поневолѣ Юнкеру пришлось призадуматься надъ судьбою Бондорфа. Онъ поспѣшилъ извѣстить объ этихъ событіяхъ Луптона. Но, вскорѣ онъ получилъ письма еще болѣе грознаго содержанія уже отъ самаго Луптона. Въ роковой день 13 ноября, когда случился пожаръ на станціи, Луптонъ ему писалъ, что ему поручено было собрать 7000 рекрутовъ-базингеровъ для отправки въ Фашоду, но, что онъ не знаетъ, откуда ихъ взять. Далѣе онъ писалъ, что въ Даръ-Форѣ начались волненія, что Златинъ-бей, бывшій австрійскій офицеръ, разбилъ арабовъ, но самъ раненъ въ лѣвую руку. Въ началѣ декабря онъ уже писалъ, что возстаніе охватило всю страну динка, что отрѣзанъ доступъ въ Мешра-эр-Рекъ, т. е. къ исходному пункту пароходныхъ сообщеній съ Хартумомъ. Бондорфу при этихъ обстоятельствахъ оставалось только возвратиться къ Семіо, а коллекціи Луптонъ предлагалъ сохранить у себя.

Въ томъ же мѣсяцѣ онъ извѣщалъ Юнкера, что ему приходится стягивать войска съ дальнѣйшихъ станцій,

такъ какъ онъ иначе не въ состояніи противостоять возставшимъ. Дни покоя для Юнкера миновали, но все-же онъ рѣшился предпринять экскурсію къ Уэллэ-Макуа. Гроза, тогда уже разразившаяся на сѣверѣ, казалась ему еще далекою. Не ожидая возвращенія Семіо и Бондорфа, Юнкеръ выступилъ 12 декабря въ сопровожденіи своихъ старшихъ слугъ. Имѣя въ виду лишенія, вынесенныя въ прошлое путешествіе, онъ на этотъ разъ снарядился несомнѣнно основательнѣе и даже захватилъ съ собою ванну.



Ступки для толченія зеренъ.

ГЛАВА IX.

Уэллэ-Макуа и вторичное пребываніе у Семіо.

На пути къ югу. — А-кахле. — Людоѣды. — Пребываніе у Сассы. — Мостъ черезъ Ассу. — Слухи о возстаніи. — Настроеніе арабовъ. — Банджя и а-нгадду. — Морджанъ. — Греческій путешественникъ Потагосъ. — Уриндимма. — Водораздѣлъ Мбили и Уэллэ-Макуа. — Рѣка Уэллэ. — Островитяне. — Своеобразное значеніе татуировки. — Легковѣрность негровъ. — Преобразовательные планы. — Абдъ-Алла и Али-Коббо. — Новѣйшія открытія въ области Уэллэ. — Нзаккара. Путь въ Омбанго. — Семіо и его а-занде.

Послѣ двухъ съ половиною мѣсяцевъ отдыха Юнкеръ опять выступилъ въ походъ. Онъ направился черезъ область, подвластную Рафаи-агѣ, къ рѣкѣ Мбомо. Караванъ держался близъ рѣки впродолженіи нѣсколькихъ переходовъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она поворачиваетъ съ запада на югъ. Здѣсь впадаетъ въ Мбому первый довольно значительный притокъ, Баму. По берегамъ его расположено было множество глубокихъ, съуживающихся книзу ямъ, прикрытыхъ сверху валежникомъ и травою и отстоящихъ другъ отъ друга на 20—30 шаговъ. Это были западни для буйволовъ.

Переправа черезъ эту бурную рѣчонку на двухъ связанныхъ другъ съ другомъ бревнахъ явилась предвкушеніемъ многочисленныхъ трудностей, предстоящихъ на дальнѣйшемъ пути. Вскорѣ послѣдовали болота; въ одно изъ этихъ болотъ упалъ нашъ путешественникъ, такъ какъ лопнула подпруга его ослика. Вотъ показались береговыя заросли рѣки Мбомо и рядъ высотъ, круто обрывающихся къ сѣверу; это т. н. Нангару. Страна въ общемъ имѣетъ характеръ волнистый; всюду виднѣются воздѣланныя

пространства, рощи масличныхъ пальмъ и поля дурры. А-кахле, распадающіеся на множество племенъ и управляемые родственниками и подчиненными Семіо, сохраняютъ свои запасы на деревьяхъ и надъ отдѣльными снопами телебуна строятъ навѣсы. Благодаря этому, деревья эти издали кажутся покрытыми птичьими гнѣздами. А-кахле, повидимому, издавна заселяютъ эту страну; колоніи ихъ не встрѣчаются въ прочихъ мѣстностяхъ. Тѣмъ не менѣе они разбиты на весьма мелкія группы, говорящія на различныхъ нарѣчіяхъ. Въ общемъ они стоятъ на низкомъ уровнѣ культуры и страшно запуганы, такъ что Юнкеру рѣдко удавалось ихъ видѣть; въ особенности тщательно прятали они женъ и дѣтей своихъ. Живутъ они въ жалкихъ глиняныхъ лачугахъ съ крошечными круглыми отверстіями для входа. Съ другой стороны, господствующіе здѣсь а-занде, очевидно, усвоили себѣ въ извѣстной степени не только языкъ и обычаи арабовъ, но и умѣнье ихъ эксплуатировать своихъ подчиненныхъ. По ту сторону Мбому живутъ независимые а-кахле, нерѣдко подвергавшіеся нападенію со стороны Семіо или Сассы; владѣнія послѣдняго вдвинулись въ большую луку, образуемую Мбомою, а съ запада ограничены рѣкою Ассою, южнымъ притокамъ Мбомо. Смотря по тому, съ какой стороны на нихъ нападаютъ, эти несчастные переходятъ то на южный, то на сѣверный берегъ Мбомо.

А-кахле страстные людоѣды. Когда однажды Юнкеру доставлено было нѣсколькихъ негрскихъ головъ, лѣнивые а-кахле наперерывъ спѣшили предложить ему свои услуги, чтобы очистить эти головы. Дѣло въ томъ, что они съѣдали снятое съ нихъ мясо, хотя оно уже начинало разлагаться. А-кахле, по утвержденію Юнкера, не почитаютъ своихъ предковъ и не приносятъ людей въ жертву. Мертвецовъ они хоронятъ въ лежачемъ положеніи съ ногами, обращенными на западъ. Объяснить этотъ обычай они не могли.

Пороги на рѣкѣ Асса.

Путешественники переправились 17 декабря черезъ рѣку Мбомо, которая здѣсь имѣла до 150 шаговъ ширины и была, слѣдовательно, значительно шире, чѣмъ у серибы Делебъ. Южный берегъ ея былъ каменистъ и поднимался террасами. Встрѣча Сассы съ Юнкеромъ была очень дружелюбна, несмотря на то, что Бондорфъ, въ бытность свою у Сассы, не совсѣмъ то сошелся съ нимъ. Ландшафтъ имѣлъ и здѣсь до извѣстной степени культурный характеръ. Кое-гдѣ попадались масличныя пальмы, послѣдніе представители этого рода, такъ какъ на югъ и на западъ до Уэллэ-Макуа пальмы эти уже не встрѣчаются. По мѣрѣ передвиженія на югъ мѣстность становилась все скалистѣе. Особенно характерны были въ этомъ отношеніи берега рѣки Ассы, образующей великолѣпные катаракты. По ту сторону рѣки, берега которой въ мѣстѣ переправы большею частью покрыты густымъ лѣсомъ, поднимается гранитная громада; въ самой рѣкѣ камни до извѣстной степени сглажены водою и послужили основаніемъ для замѣчательнаго въ своемъ родѣ мостика, состоящаго изъ тонкихъ, гибкихъ и въ то же время крѣпкихъ жердей. Между этими жердями свободно прорывались бурныя волны рѣки. Только въ половодье сносило этотъ мостъ. Настилка моста состояла изъ такихъ же тонкихъ жердей, скрѣпленныхъ ліанами и вьющимися растеніями. Перейти черезъ такого рода сооруженіе было своего рода фокусомъ. Рѣка имѣла здѣсь до 100 шаговъ ширины, а въ другихъ мѣстахъ не болѣе 50. За рѣкою почва была по прежнему каменистая; мѣстами встрѣчались значительные подъемы и даже небольшая горная цѣпь съ вершинами Зимбáнго и Галéмба.

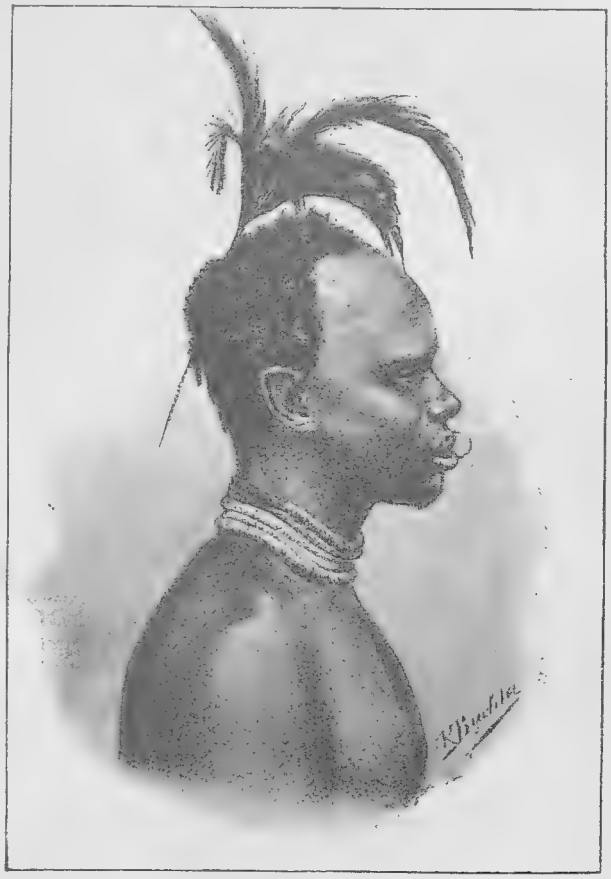
Въ серибѣ Мугару экспедиція встрѣтила обычную грязь и обычныхъ наглыхъ, льстивыхъ и вѣчно пьяныхъ арабскихъ чиновниковъ. Арабы всюду гонятъ водку посредствомъ самыхъ простыхъ приборовъ. Рафаи распорядился, чтобы Юнкера вездѣ принимали какъ слѣдуетъ.

Тѣмъ не менѣе ему по физіономіямъ и намекамъ арабовъ не трудно было угадать, что люди эти прекрасно знали, почему Луптонъ стягиваетъ свои войска. Во всѣхъ народныхъ движеніяхъ слухи распространяются въ массѣ съ изумительною быстротою. Люди эти знали, во всякомъ случаѣ лучше самого губернатора, всѣ подробности того, что дѣлалось на сѣверѣ. Совершенно справедливо Юнкеръ говоритъ, что еслибы арабы, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ это время, могли угадать, чѣмъ кончится возстаніе, то они, конечно, не выпустили бы его живымъ. Положимъ, и теперь нѣкоторые арабы нагло къ нему приставали. Управляющій сосѣдней серибы требовалъ, напримѣръ, отъ Юнкера «реалатъ», т. е. талеровъ, часы и костюмъ. Однако-же пьяница этотъ долженъ былъ удовлетвориться пустяками. Нельзя умолчать о томъ, что арабы здѣсь воздѣлываютъ хлопчатникъ и вырабатываютъ ткани. Благодаря этому, они не ходятъ такими оборванцами, какъ собратья ихъ въ странѣ Мангбатту.

Въ округѣ Мугару находятся послѣднія колоніи а-занде. Далѣе на югъ и западъ идутъ родственные имъ по языку, нравамъ и обычаямъ банджя. По легендѣ они, впрочемъ, происходятъ отъ различныхъ предковъ. А-занде властвуютъ надъ племенами а-кахле и а-нгадду. Послѣдніе по языку родственны а-кахле; болѣе мускулистыя и крупныя фигуры ихъ объясняются, по мнѣнію Юнкера, тѣмъ, что предки ихъ жили въ лучшихъ условіяхъ. По внѣшнему виду они, впрочемъ, болѣе похожи на банджя и носятъ ту же татуировку, направляющуюся отъ висковъ параллельно бровямъ и сходящуюся у корня носа.

Въ настоящее время Юнкеръ направлялся къ банджя. Дожди, перепадавшіе въ это время, т. е. въ концѣ декабря, дали Юнкеру случай вспомнить, что въ области Ндорумы, лежащей на одной широтѣ съ областью князя банджей, Нгерріа, въ это время года не было дождей; —

декабрскіе же дожди наблюдались на пути къ Бакангаи въ области, несравненно болѣе южной. На одномъ изъ привaловъ пришлось вновь испытать пожаръ: сгорѣла хижина прислужницъ, къ счастью безъ особаго ущерба для вещей экспедиціи. Съ этихъ поръ Юнкеръ имѣлъ обыкновеніе держать тюки съ предметами, не необходимыми въ данный моментъ, внѣ хижинъ. У Нгерріи Юнкера настигли посланцы Семіо; онъ только что возвратился къ себѣ домой и послалъ своему бѣлому другу сосудъ съ медомъ и письмо Бондорфа, извѣщавшаго о своемъ намѣреніи возвратиться къ Семіо.



Негръ племени абукая.

Направившись затѣмъ къ серибѣ Морджанъ, караванъ перешелъ двойной водораздѣлъ Мбому-Уэррэ и Асса-Мбили. Морджанъ былъ родомъ абукая. Онъ выросъ на службѣ арабовъ и былъ дѣльнымъ, хотя и нѣсколько тщеславнымъ человѣкомъ. Окруженный своею свитою и женами, онъ торжественно встрѣтилъ

Юнкера при звукахъ трубъ, барабановъ и длинныхъ желѣзныхъ колоколовъ. Незначительное черное войско его стояло въ строю.

Отъ Морджана Юнкеръ направился на западъ, собирая, однако, на всякій случай свѣдѣнія о южныхъ путяхъ. Въ виду политическихъ событій весьма возможно было, что ему придется отступить на югъ. Направившись потомъ на сѣверъ, путники перешли черезъ двойную гору Гуаи, замѣчательную лишь какъ извѣстное исключеніе среди этой волнистой или же слегка холмистой мѣстности. Гора эта, по мнѣнію Юнкера, совпадаетъ съ фантастическою горною цѣпью Георгія, обозначенной здѣсь упомянутымъ греческимъ путешественникомъ Потагосомъ. Оригинальный путешественникъ этотъ, дѣйствительно бывшій въ этихъ мѣстахъ, по своей недостаточной подготовкѣ къ научнымъ наблюденіямъ, сообщилъ, къ сожалѣнію, только весьма спутанныя и смутныя свѣдѣнія. Онъ положительно не былъ въ состояніи правильно оріентироваться по странамъ свѣта и поэтому утверждалъ, что рѣка Бомо (т. е. Мбомо) протекаетъ съ сѣвера на югъ (а не съ востока на западъ). Благодаря этому, сложная гидрографическая картина этой мѣстности у него совершенно перепуталась.

Всюду на дальнѣйшемъ пути по области Морджана и далѣе по области Уриндиммы, орошенной рѣкой Мбили и ея притоками, Юнкера принимали дружелюбно. Въ провіантѣ и въ хорошихъ проводникахъ у него не было недостатка.

Сериба Уриндиммы находилась по ту сторону Мбили, имѣвшей, не смотря на начинающійся спадъ воды, въ мѣстѣ переправы 50 шаговъ ширины и 4 метра глубины. Сериба эта была въ настоящее время, когда всюду стягивались гарнизоны, послѣднимъ форпостомъ Рафаи. Уриндимма любезно согласился провести Юнкера къ Уэллэ-Макуа. Вечеромъ 4 января разразилась буря, сопровож-

даемая ливнемъ. Такимъ образомъ въ этихъ широтахъ перепадаютъ дожди и въ январѣ. Юнкеръ отправился съ Уриндиммою налегкѣ, такъ какъ они расчитывали найти дружественный пріемъ у мѣстныхъ вождей а-занде.

Путь теперь отклонялся отъ Мбили, который направлялся на западъ; впрочемъ, рѣки, черезъ которыя приходилось переправляться въ первые три перехода, всѣ впадали въ Мбили. По дорогѣ Уриндимму отозвали въ виду дѣлъ по сбору войскъ обратно. Онъ не хотѣлъ было отпустить Юнкера къ рѣкѣ одного, боясь отвѣтственности за него. Съ обычною энергіею нашъ путешественникъ, однако, настоялъ на своемъ. Тогда Уриндимма навязалъ ему нѣсколькихъ базингеровъ въ качествѣ тѣлохранителей и позаботился о возможно лучшемъ устройствѣ каравана. Гостепріимные вожди сосѣднихъ племенъ снабдили Юнкера такимъ изобиліемъ провіанта, что караванъ не испытывалъ нужды даже при переходѣ по необитаемой области водораздѣла Мбили и Уэллэ-Макуа. Предѣломъ области обитанія является рѣка Оссо, крупнѣйшій изъ южныхъ притоковъ Мбили. Водораздѣлъ представляетъ возвышенную ровную мѣстность, покрытую прекрасною травою и густыми рощицами. Обильная осадками и почти лишенная сколько нибудь выраженнаго стока, мѣстность эта въ несравненно большей степени благопріятствуетъ лѣсной растительности, чѣмъ области болѣе сѣверныя, гдѣ рощи такого рода имѣютъ характеръ кустарниковый. Путешествіе представлялось тѣмъ болѣе отраднымъ, что сухой періодъ, эта зима тропическихъ странъ, уже приходилъ къ концу. Всюду пробивалась свѣжая трава. Кромѣ того, эта мѣстность была замѣчательно богата дичью. Однако же тропическія ночи изобилуютъ росою даже въ сухое время года. Множество растеній, снабженныхъ всевозможными приспособленіями для удержанія влаги, выживаютъ въ это время только благодаря росѣ. Наволочка подушки Юнкера каждое утро была совершенно напитана водою.

Водораздѣлъ является вмѣстѣ съ тѣмъ южною границею банджя; у Бамбагирро вновь появляются а-занде, самые западные представители этого обширнаго племени, занимающаго пространство отъ Бамбагирро и Багбинне на Уэллэ-Макуа непрерывно на востокъ на 5° широты, до страны Макарака.

10 января караванъ прибылъ къ Багбинне, поселеніе котораго расположено было не болѣе какъ въ 10 минутахъ отъ Уэллэ-Макуа. Престарѣлый вождь съ лицомъ, изрытымъ оспою, молча и съ видимымъ изумленіемъ всматривался въ своего гостя. Онъ самъ признавался впослѣдствіи, что не придавалъ вѣры разсказамъ о томъ, что тамъ гдѣ-то за турками идутъ еще бѣлые люди, но теперь воочію убѣдился въ правдивости этихъ сообщеній. Какъ ни желалъ Юнкеръ скорѣе увидѣть рѣку, но ему пришлось, дабы не нарушить этикета, высидѣть въ обществѣ негровъ весь вечеръ. За то ночью онъ слышалъ издали шумъ ближайшихъ стремнинъ.

На слѣдующій день онъ увидѣлъ Уэллэ-Макуа. Спадъ воды уже начался, хотя разливъ въ этомъ году былъ весьма значителенъ. Юнкеръ имѣлъ передъ собою рукавъ въ 500 шаговъ ширины и островъ Доя; за этимъ островомъ слѣдуетъ рукавъ такой же ширины. Скопленіе воды въ этомъ мѣстѣ объясняется тѣмъ, что съ востока въ эту рѣку впадаютъ притоки Бомоканди и Уэррэ или Эпи, а къ югу отъ острова Доя — Мбима или Мбелима. Рѣка Уэррэ-Эпи беретъ свое начало въ области Ндорумы, протекаетъ болѣе 2½ градусовъ долготы и впадаетъ въ главную рѣку на разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ Багбинне. Съ другой стороны широкій разливъ рѣки объясняется тѣмъ, что она здѣсь чрезвычайно мелка. Надъ поверхностью воды выступаетъ множество камней; въ періодъ наибольшаго спада воды рѣку, какъ говорятъ, можно перейти въ бродъ.

Странное отношеніе существуетъ между обитателями

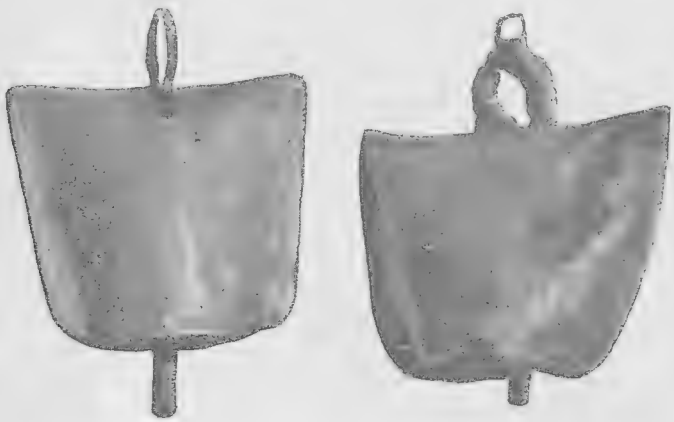
тип. Ед. Гоппе

Уэллэ-Макуа близъ Багбинне.

берега а-занде и островитянами племени а-ба́гарамбо. Въ половодье островитяне нападаютъ на а-занде, которые не имѣютъ хорошихъ лодокъ и боятся воды. Но какъ только вода начинаетъ спадать, роль сосѣдей мѣняется. Когда Юнкеръ пожелалъ прокатиться по рѣкѣ, то спускъ его лодки произвелъ страшный переполохъ. Островитяне стали быстро спускать свои лодки въ воду, чтобы своевременно скрыться; обитатели станціи также переполошились, рѣшивъ, что островитяне собираются на нихъ напасть, и стали кричѣть «вурра, вурра!» (война; на языкѣ нямъ-нямовъ также—щитъ), трубить въ трубы и бить въ военный барабанъ. И все это произошло, несмотря на то, что Юнкеръ послалъ предварительно вѣстниковъ на островъ, съ цѣлью успокоить островитянъ на счетъ своихъ намѣреній. Поѣздка по рѣкѣ была прелестна, хотя и затруднена множествомъ подводныхъ камней. Необходима, наконецъ, была извѣстная осторожность относительно островитянъ, которые не показывались, но несомнѣнно зорко наблюдали за лодкою. Юнкеръ добрался до стремнинъ, представлявшихъ весьма эффектный видъ. По дорогѣ онъ присталъ къ острову Доя и вышелъ изъ лодки одинъ и безъ ружья. Вскорѣ ему удалось уговорить островитянъ навѣстить его. Одна изъ женщинъ племени а-ба́гарамбо, находившаяся долгое время въ услуженіи у Багбинне и получившая теперь нѣсколько подарковъ отъ Юнкера, убѣдила своихъ сородичей послѣдовать приглашенію чужеземца.

А-ба́гарамбо похожи на тѣхъ а-бабуа, которыхъ путешественникъ изучалъ ранѣе у Бакангаи. Повидимому, это вѣтвь того же племени. Они вооружены подобными же копьями и прекрасными ножами въ ножнахъ; на головѣ они носятъ высокія плетеныя шляпы и парики, густо усаженные ракушками каури и спускающіеся до таліи. Что касается западныхъ и восточныхъ а-занде вообще, то существенной разницы между ними не замѣчается, по-

мимо тѣхъ уклоненій, которыя вызываются мѣстными географическими условіями. Вниманіе путешественника, однако, привлекла одна женщина, грудь и животъ которой покрыты были весьма искусною татуировкою въ мелкихъ точкахъ. Подобная татуировка въ высшей степени мучительна и можетъ быть нанесена только въ теченіе многихъ лѣтъ. Негры, обыкновенно, выражаютъ привязанность къ своимъ возлюбленнымъ тѣмъ, что мучаютъ ихъ татуировкою. Судя по обилію украшеній, эта женщина должна была пользоваться совершенно особенною симпатіею своего обожателя.



Желѣзные колокола а-занде.

17 января Юнкеръ возвратился къ Уриндиммѣ, у котораго негры ему сообщили въ высшей степени странное извѣстіе; оказалось, что по слѣдамъ Юнкера идетъ его братъ верхомъ на слонѣ въ сопровожденіи ручныхъ львовъ и леопардовъ; впереди его спѣшатъ люди съ осломъ. Дѣйствительно, на другой же день послѣ прибытія Юнкера показались люди съ осликомъ. Все же остальное было плодомъ фантазіи разсказчика и его братіи. Первый толчекъ къ этой сказкѣ далъ, очевидно, самъ Юнкеръ, сообщившій какъ то неграмъ, что существуютъ ручные слоны, на которыхъ ѣздятъ, и что Эминъ можетъ быть пріѣдетъ,

на такомъ слонѣ въ страну Мангбатту. Что касается ослика, то онъ присланъ былъ Луптономъ, который извѣщалъ Юнкера о дальнѣйшемъ ходѣ борьбы съ возставшими и уговаривалъ его возвратиться. Онъ даже написалъ по этому поводу оффиціальное письмо на арабскомъ языкѣ. Несмотря на это письмо и всѣ попытки египетскаго чиновника, пребывавшаго въ это время у Уриндиммы, задержать путешественника, Юнкеръ рѣшился идти далѣе. Онъ чувствовалъ себя совершенно безопаснымъ среди негровъ именно потому, что не принадлежалъ къ египетской администраціи.

Сигнальный барабанъ изъ желѣза.

25 января онъ двинулся на западъ. Рѣка Мбили на столько обмелѣла, что ее можно было перейти въ бродъ; вода стояла теперь не выше 3—4 футовъ. Санза, вождь племени банджя, у котораго остановился Юнкеръ, оказался человѣкомъ толковымъ. Вниманія достойны были сообщенія его по вопросу объ отношеніяхъ туземцевъ къ египетскому правительству. Онъ утверждалъ, что торговля невольниками не уменьшилась и что чиновники попрежнему притѣсняютъ и высасываютъ туземцевъ. Подобно другимъ вождямъ, онъ отзывался благопріятно о Рафаи, говоря, что преступленія чиновниковъ совершаются безъ его вѣдома. «Намъ постоянно толкуютъ», восклицалъ онъ, «о гокумѣ (управленіи) и о волѣ «кебиръ инъ джуръ» (великаго, властнаго; подъ этимъ именемъ разумѣлся губернаторъ провинціи Бахръ-эл-Газаль). Но почему же не допускаютъ къ нему представителей народа, чтобы они разсказали ему о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ?» Мысли эти приближаются къ тѣмъ преобразовательнымъ планамъ,

съ которыми носился нашъ путешественникъ. По его мнѣнію, губернаторъ долженъ былъ бы при ревизіи своихъ областей лично знакомиться съ вождями и приглашать ихъ самихъ или представителей ихъ въ опредѣленные сроки къ себѣ. Помимо этого необходимъ былъ бы еще контроль европейца, разъѣзжающаго по округамъ. При такихъ условіяхъ можно было бы предварительно даже оставить арабовъ-чиновниковъ, имѣющихъ предъ европейцами то преимущество, что они ближе къ туземцамъ по языку, по обычаямъ и по правовымъ воззрѣніямъ своимъ. Совершенно справедливо Юнкеръ указываетъ на то, какъ трудно найти порядочнаго европейца на должность средняго разряда въ этихъ странахъ. «Нельзя умолчать о томъ», говоритъ онъ, «что многіе изъ такъ называемыхъ культурныхъ людей только и держатся своихъ нравственныхъ началъ, пока у нихъ нашъ судъ, да полиція...»

Дальнѣйшій путь пролегалъ черезъ множество рѣчонокъ, весьма богатыхъ рыбою. Рѣка Ремби служитъ границею округа Уриндиммы и вмѣстѣ съ тѣмъ вассальныхъ владѣній Рафаи. Далѣе идутъ области, выкупленныя у нѣкоего Гнауи-бея и управляемые нынѣ Абдъ-Аллою и Али-Коббою, служившими прежде у Гнауи. На нѣсколько дней караванъ остановился въ серибѣ Дуаро, обитатели которой производили столько матеріи дамуръ, что у нихъ ея хватало даже на продажу; точно также здѣсь процвѣтало земледѣліе и воздѣлывалось много ямса (dioscorea alata). Станція эта, впрочемъ, по отдаленности отъ административныхъ центровъ, снабжалась въ высшей степени скудно всѣми предметами первой необходимости, такъ что обитатели ея благодарны были путникамъ даже за небольшое количество соли.

Волнистая и частью даже холмистая мѣстность на дальнѣйшемъ пути была изрѣзана мелкими притоками и истоками рѣки Ганго. Въ этой мѣстности въ 1876 году блуждалъ пресловутый докторъ Потагосъ, маршрутъ котораго, однако, съ трудомъ согласуется съ маршрутомъ Юнкера.

Въ серибѣ Абдъ-Алла караванъ встрѣтили гостепріимно; здѣсь также воздѣлывался хлопчатникъ и вырабатывался дамуръ. Оказалось, что Абдъ-Алла ничего не зналъ о распоряженіи Луптона относительно стягиванія гарнизоновъ. Его писецъ недавно умеръ и онъ, поэтому, преспокойно отправлялъ всѣ казенныя посылки далѣе на западъ, не читая ихъ.

Три послѣдующихъ перехода вели по мѣстности необитаемой, покрытой рѣдкимъ лѣскомъ и изрѣзанной многочисленными потоками, текущими среди низменныхъ береговъ. Караванъ перешелъ болѣе 20 рѣчонокъ, впадающихъ въ Ганго, параллельно къ которому пролегалъ путь. На второмъ переходѣ пришлось перебраться черезъ сѣрую гранитную скалу, единственное значительное возвышеніе въ этой мѣстности. Небольшая и кишѣвшая тараканами станція Банзинге представляетъ послѣдній форпостъ арабовъ. Далѣе на западъ на многіе переходы простирается необитаемая область; къ сѣверу мѣстность, напротивъ того, густо заселена. Абдъ-Алла былъ въ полной увѣренности, что Юнкеръ отъ Банзинге повернетъ именно на сѣверъ; однако же тотъ пошелъ на юго-западъ къ Али-Коббо. Опять пришлось перейти черезъ рядъ притоковъ Ганго и, наконецъ, черезъ эту рѣку. Мѣстность была ненаселена; покинутыя жилища свидѣтельствовали, однако, о томъ, что здѣсь нѣкогда обитало болѣе или менѣе густое населеніе, истребленное или изгнанное арабами. Лѣсъ постепенно становился гуще; на третій переходъ показался къ западу отъ рѣки Мбили сплошной лѣсъ. Ночи были чрезвычайно холодныя. Температура опускалась до 15—14° С. и Юнкеръ дрожалъ отъ холода, несмотря на свое шерстяное одѣяло.

Ближе къ рѣкѣ Мбили почва понижается. Рѣка въ мѣстѣ переправы имѣла до 120 шаговъ ширины; берега ея покрыты были роскошною тропическою растительностью. Отъ истоковъ своихъ въ области Нгерри и до

мѣста переправы Мбили имѣетъ до 250 километровъ длины; притокъ его Ганго достигаетъ почти половины этой длины. Вниманія заслуживаетъ столь характерная для многихъ рѣкъ системы Конго параллельность этихъ притоковъ съ главными рѣками Уэллэ-Макуа и Мбомо.

Послѣ перехода по густымъ тропическимъ лѣсамъ караванъ прибылъ на станцію Али-Коббо. Арабы отпустили Юнкера весьма неохотно къ рѣкѣ; они опасались того, чтобы онъ не вздумалъ переправиться на другую сторону, но въ еще большей степени боялись они того, чтобы онъ не вступилъ въ сношенія съ туземцами. Дѣйствительно, они съумѣли отстранить отъ Юнкера всѣхъ туземныхъ вождей, но за то дали ему проводниковъ до рѣки. Путь былъ труденъ, такъ какъ дороги были вырублены въ лѣсу только тамъ, гдѣ обыкновенно проѣзжалъ самъ начальникъ, а маленькая, жалкая и грязная станція Абдъ-Алла лежала совершенно въ сторонѣ.

Нубо-арабы называютъ эту рѣку также Уэллэ или Макуа, или же Уршáлъ. Рѣка образуетъ здѣсь обширный архипелагъ, а главный рукавъ ея, называемый а-бассангами Уэ, имѣетъ болѣе 1000 шаговъ ширины. Часть острововъ и островковъ архипелага населена упомянутыми а-бассангами, которые оказываются хорошими рыболовами, земледѣльцами и извѣстными охотниками на слоновъ. На болѣе далекихъ островахъ живутъ племена мугембеля, мумборо и арангба. Область къ югу рѣки хорошо заселена. Здѣсь живутъ а-мабенге или а-мубенге, вытѣсненные сюда банджями; на западъ отъ нихъ—памбумо, къ югу мугру и затѣмъ мунзамба, а далѣе къ западу марау. Юнкеръ пріобрѣлъ превосходныя рѣзныя издѣлія изъ дерева негровъ а-мубенге и марау. Хороши также ихъ желѣзныя издѣлія. Мѣдь имъ была извѣстна еще до прибытія арабовъ; по всему вѣроятію они получаютъ ее черезъ посредство племени нзаккара, расположеннаго къ сѣверу отъ Мбомо. Ткани, выдѣлываемыя ими, напоминаютъ ткани а-бабуа.

Вспоминая все то, что имъ собрано было относительно Уэллэ, Юнкеръ предполагаетъ, что рѣка эта отъ источниковъ своихъ и до области Али-Коббо имѣетъ болѣе 1000 километровъ длины. Впаденіе Сира и Кибби находится на высотѣ 1200 метровъ надъ уровнемъ моря; Али-Коббо на высотѣ 440 метровъ. Такимъ образомъ рѣка на 1000 километровъ имѣетъ паденіе въ 760 метровъ. Наибольшее паденіе имѣетъ Кибали до соединенія своего съ Гаддою, а именно 520 метровъ на 350 километровъ протяженія; такимъ образомъ Кибали обладаетъ до извѣстной степени характеромъ горной рѣки. Вопросъ объ устьѣ рѣки Уэллэ представлялся для Юнкера пока еще сомнительнымъ. Долгое время спустя, онъ узналъ, что въ 1884 году бельгіецъ, капитанъ Ганзенъ,—истый авантюристъ по духу и геркулесъ по сложенію, убитый впослѣдствіи однимъ изъ слугъ своихъ, — открылъ, что рѣка Убанги, верховьемъ которой являлся Уэллэ, впадаетъ въ Конго и, что, рѣка изученная Юнкеромъ, дѣйствительно, относится къ системѣ Конго, а не Шари. Но Юнкеръ въ своей африканской глуши не могъ знать въ это время даже того, что основано было государство Конго и что вмѣстѣ съ тѣмъ наступила цѣлая эра географическихъ открытій для странъ западной и центральной Африки. Нелишнимъ будетъ здѣсь упомянуть о томъ, что послѣдующему изслѣдователю области Убанги Фанъ-Желю удалось соединить свой путь съ маршрутомъ Юнкера и достигнуть станціи Али-Коббо. Отъ Бангассо (Бангуссо на картѣ Юнкера) на Мбомо до Уэллэ онъ перешелъ сухимъ путемъ. Точно также онъ проникъ къ рѣкѣ Мбили. При этомъ обнаружилось удивительное совпаденіе въ астрономическихъ опредѣленіяхъ путешественниковъ, свидѣтельствующее о томъ, насколько точно работалъ Юнкеръ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія его путешествія. Разность въ положеніи серибы Абдъ-Аллы и точки опредѣленной Фанъ-Желемъ, равнялось всего 4'. Капитанъ Роже посѣтилъ

Мбили и Ганго, двинувшись къ Макуа отъ рѣки Нтимбири. М. Беккеръ сухимъ путемъ прошелъ отъ Арувими черезъ рѣку Руби и вышелъ къ востоку отъ серибы Абдъ-Аллы [1]). Лейтенантъ Мильцъ дошелъ по рѣкѣ Уэллэ вверхъ по теченію до открытой Юнкеромъ рѣки Мбима [2]). Благодаря этимъ путешественникамъ выяснилось въ деталяхъ и подтвердилась картина, набросанная Юнкеромъ. Что касается политическихъ условій края, то оказалось, что арабы послѣ вторженія махдистовъ отступили изъ этой мѣстности. Нѣкто Джаббиръ, одинъ изъ сыновей Дуары (стр. 246) и воспитанникъ арабовъ, съ которымъ мимоходомъ столкнулся и Юнкеръ, захватилъ власть въ свои руки и основалъ на мѣстѣ прежняго владѣнія Али-Коббо особое султанство. Къ европейскимъ путешественникамъ онъ относился весьма дружелюбно и дозволилъ Роже основать у себя станцію.

У мѣста было бы здѣсь остановиться нѣсколько подробнѣе на новѣйшихъ успѣхахъ бельгійцевъ въ области, впервые изслѣдованной и столь точно описанной нашимъ Юнкеромъ. Къ сожалѣнію, бельгійцы упорно молчатъ о своей дѣятельности въ бывшей провинціи Эмина. Строжайшему контролю подвергаются даже частныя письма членовъ «Нильской Экспедиціи». За достовѣрное можно принять слѣдующее: [3]) въ февралѣ 1891 г. экспедиція покинула Стэнлей-пуль и въ іюлѣ уже находилась у Джаббира. Начальникомъ экспедиціи былъ фанъ-Керковенъ, ближайшими помощниками его: Понтье, Мильцъ, Деланге и Дэненъ. Кромѣ того, въ экспедиціи участвовало еще нѣсколько европейцевъ. Мильцъ направился къ сѣверу, къ другу Юнкера Семіо; Понтье прослѣдовалъ по Уэллэ до впаденія Бомоканди, гдѣ его смѣнилъ съ цѣлью дальнѣйшихъ изслѣдованій Дэненъ. Прочіе члены

[1]) Le Mouvement géographique 1890, 1891.
[2]) Petermanns Mitteilungen. 1891 S. 296.
[3]) Le Mouvement geógraphique 1893, № 17.

экспедиціи направились по водораздѣлу рѣкъ Уэллэ и Бомоканди черезъ страну Абарамбо, достигнувъ большой луки, образуемой рѣкою Уэллэ, и вышли, вмѣстѣ съ тѣмъ, на путь Юнкера. Послѣ продолжительной остановки приступлено было къ изслѣдованію странъ, лежащихъ къ югу отсюда, причемъ экспедиція добралась до Непоко. Пройдя страны Мангбатту и Момфу, экспедиція, затѣмъ, направилась на востокъ и приблизительно подъ 3° с. ш. проникла въ неизслѣдованныя дотолѣ страны, изучила верхнее теченіе Уэллэ, Кибали, принимающаго въ области племени логго два значительныхъ притока, Сора и Оби, затѣмъ прошла по водораздѣлу ихъ и у Лемима на р. Кибби, вновь вступила на путь Юнкера (1878). Отсюда экспедиція прошла въ Ваделаи. Достовѣрно далѣе, что фанъ-Керковенъ погибъ, какъ говорятъ, вслѣдствіе неосторожности своего слуги, уже въ августѣ 1892 г. Начальство надъ экспедиціею принялъ Мильцъ, который ее довелъ до Ваделаи; въ настоящее же время главою ея считается Делангъ. По частнымъ слухамъ, проникшимъ, благодаря одному изъ бывшихъ участниковъ экспедиціи, въ прессу, бельгійцы окончательно утвердились въ бывшей «Экваторіальной провинціи» и нашли себѣ вѣрныхъ союзниковъ въ борьбѣ противъ арабовъ въ лицѣ туземныхъ князей. Бельгійцы располагаютъ небольшою арміею, ядромъ которой являются бывшіе солдаты Эмина. Центромъ управленія краемъ считается Ніангара.

Негръ-занде (рис. Швейнфурта)

Послѣ двадцатидневнаго отсутствія, Юнкеръ прибылъ опять въ Банзинге. О томъ, что дѣлалось въ Бахръ-эл-Га-

залѣ здѣсь ничего не знали. Ясно было только одно, что владѣтели отдаленныхъ серибъ не думали отпускать свои войска въ мудирію. Тоже самое приходилось констатировать Юнкеру и въ послѣдующіе годы, когда египетское правительство еще въ большей степени нуждалось въ поддержкѣ своихъ агентовъ.

Избѣгая путей, излюбленныхъ арабами, Юнкеръ двинулся по мѣстности, густо заселенной банджями, и всюду встрѣчалъ хорошій пріемъ. Въ области рѣки Данго лѣса уже рѣдѣютъ и чередуются съ обширными открытыми равнинами. Впрочемъ, и тутъ каменистыя и пустынныя пространства, настоящія «гамада» бедуиновъ, смѣняются глубокими ущельями съ чудными галлерейными лѣсами, оживленными безчисленными животными. Водораздѣлъ между Мбомо и Мбили имѣетъ совершенно пустынный характеръ.

А-мади (рис. Швейнфурта).

За рѣкою Данго начинается область, управляемая Рафаи-Мбому, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ вышеупомянутымъ Рафаи-агою. У Сингіо, одного изъ выдающихся вождей этой мѣстности, Юнкеръ встрѣтился съ послами Бангуссо, вождя нзаккаровъ, къ которому впослѣдствіи проникъ Фанъ-Жель. Они говорятъ на языкѣ, понятномъ многимъ изъ банджя, и имѣютъ метательные ножи (пинга), сходные съ ножами ихъ западныхъ и восточныхъ сосѣдей. Волоса на головѣ они носятъ сплетенными на затылкѣ бантомъ или чепчикомъ. Изготовляемые ими широкіе и красивые браслеты изъ слоновой кости высоко цѣнятся въ Даръ-Форѣ и Кордофанѣ. Въ горахъ этой страны добывается мѣдь. На востокѣ область нзаккаровъ ограничивается рѣкою Шинко, крупнѣйшимъ изъ притоковъ Мбому. Къ сѣверу отъ нихъ живутъ а-кахле.

По каменистой и мѣстами волнистой мѣстности путники дошли до крутого обрыва рѣки Мбому; здѣсь съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ открывается чудесный видъ на рѣку, лѣсистые берега, скалы и воздѣланную мѣстность по ту сторону рѣки. Мбому имѣетъ около 250 шаговъ ширины и спокойное теченіе; лишь кое-гдѣ, благодаря спаду воды, выступаютъ камни. Неподалеку отъ мѣста переправы находится впаденіе рѣки Уарра, соперничающей съ Шинко по величинѣ. Рѣка Мбому имѣетъ отъ истоковъ своихъ въ области Ндорумы и до впаденія Уарра около 330 километровъ длины, причемъ на первые 150 километровъ протяженія выпадаютъ двѣ трети общей суммы паденія ея (210 метровъ), а одна треть на среднее теченіе въ 180 километровъ. Значеніе свое рѣка эта пріобрѣтаетъ, благодаря сѣвернымъ притокамъ, орошающимъ обширныя области.

Переправа черезъ Мбому совершена была на лодкѣ; затѣмъ караванъ направился по правому берегу Уарра, текущей по широкой долинѣ, окаймленной въ свою очередь крутыми и лѣсистыми берегами. Уже на Мбомо Юнкеръ чувствовалъ себя нездоровымъ. Онъ страдалъ колотьями въ области селезенки, а затѣмъ начались колики и рвота желчью. Еще хуже почувствовалъ онъ себя на остановкѣ у Ямала, вождя банджіевъ, живущихъ къ сѣверу отъ рѣки Мбому. Нервы у него окончательно разстроились и онъ не могъ отдѣлаться отъ чувства боязни передъ наступленіемъ грозы, а между тѣмъ грозы въ послѣднее время стали учащаться. Температура въ это время начала замѣтно повышаться и доходила днемъ до 36° С., а ночью не опускалась ниже 20° С.

Въ серибѣ Рафаи-Момбу, который самъ въ это время находился на пути къ Луптону со своимъ войскомъ, также не имѣлось извѣстій изъ Бахръ-эл-Газаля. 4 апрѣля Юнкеръ двинулся по направленіи къ Омбанга въ обходъ враждебнымъ нгоббу, по владѣніямъ которыхъ можно было

пройти только съ сильнымъ конвоемъ. Впрочемъ, по странѣ нгоббу проходятъ гонцы съ почтою, совершая этотъ опасный путь по ночамъ. Юнкеръ по прежнему болѣлъ. Изъ за него теперь приходилось зачастую останавливаться на отдыхъ, чего прежде никогда не случалось. Если бы онъ чувствовалъ себя удовлетворительно, то для него было бы отрадою путешествіе по этой прекрасно орошенной мѣстности, покрытой рощами, напоминающими парки, и обильной дичью, хотя и не въ такой степени, какъ это описываютъ путешественники въ болѣе южныхъ частяхъ восточной Африки. Дичь эта, а въ особенности антилопы, привлекаютъ царя животныхъ, льва, а слѣдомъ за нимъ идетъ гіена, питающаяся отбросами его пищи. Дѣйствительно, ночью на одномъ изъ приваловъ всѣхъ переполошилъ крикъ. Оказалось, что левъ унесъ одного изъ людей. На другой день караванъ шелъ не безъ опаски и женщины пугливо поглядывали на лѣсную чащу. Но оттуда смотрѣли на путниковъ только любопытныя антилопы, да по временамъ хлопотливо выбѣгали на дорогу цѣлыя стаи цецарокъ. Характерны для этой мѣстности безчисленныя мелкія постройки термитовъ въ формѣ сахарныхъ головъ или грибовъ; мѣстами равнина, покрытая жидкою травою, положительно усѣяна ими. Болѣе крупныя постройки термитовъ встрѣчаются на югѣ, но за то они тамъ не такъ многочисленны и не группируются въ одномъ мѣстѣ, какъ здѣсь.

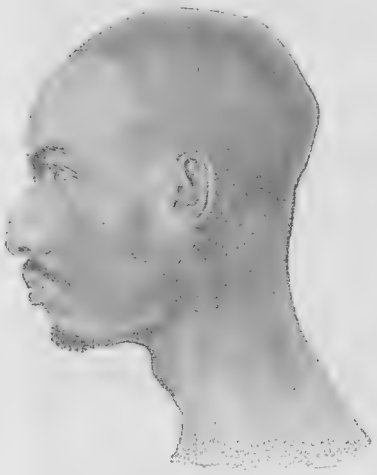
Рѣка Воворо служитъ границею владѣній Рафаи-Мбомо и Кордофали, округъ котораго простирается отъ Воворо къ западу и нѣсколько переходитъ рѣку Шинко; Кордофали управляетъ бандами, креджами и другими племенами. Рѣка Воворо и ея притоки имѣютъ уже характеръ арабскихъ рѣкъ, а именно плоскіе берега. Тутъ нигдѣ нѣтъ типичныхъ для юга глубокихъ долинъ и точно также отсутствуютъ многія растенія, встрѣчавшіяся прежде довольно часто. Тѣмъ не менѣе, небольшіе лѣсочки по

берегамъ рѣкъ отличаются поразительною роскошью. Во всякомъ случаѣ, при опредѣленіи границъ растительности слѣдуетъ считаться не только съ градусами широты, но и долготы. Извѣстные представители растительнаго міра, какъ, напримѣръ, масличная пальма и пальма рафія, встрѣчаются на востокѣ только на югъ отъ Уэллэ, а къ западу значительно далѣе на сѣверъ. На распространеніе животныхъ и растеній имѣютъ большое вліяніе водораздѣлы. Въ данномъ случаѣ водораздѣлъ Нила и Конго, направляющійся съ юго-востока на сѣверо-западъ, является выраженною границею для организмовъ. Словомъ, за границу растительности, по мнѣнію Юнкера, слѣдовало бы принимать не широты, а діагональ, проведенную между долготами и широтами и повышающуюся въ данномъ случаѣ къ западу.

Мало по малу въ караванѣ сталъ чувствоваться недостатокъ въ носильщикахъ. Кордофали получилъ приказъ выслать новыхъ рекрутовъ. Его солдаты всюду разыскивали людей, годныхъ для военной службы, и насильно уводили ихъ съ собой. Оттого то всѣ сколько нибудь здоровые люди попрятались въ разныхъ недоступныхъ углахъ. А между тѣмъ область эта была и безъ того опустошена набѣгами торговцевъ-невольниками и, главнымъ, образомъ, Сиберомъ и сыномъ его Солиманомъ. Благодаря этому Юнкеру мало приходилось сталкиваться съ неграми-банда.

Судя по всему, племена, разбитыя въ разныхъ мѣстахъ къ сѣверу отъ Мбомо, имѣютъ много общаго по внѣшности и замѣтно отличаются отъ а-занде, банджя, бонго и другихъ племенъ, обитающихъ по берегамъ большихъ притоковъ Нила и въ низменностяхъ, покрытыхъ наносною почвою ихъ; но точно также они отличаются и отъ племенъ къ югу отъ Уэллэ. Окраска кожи представляетъ у нихъ различные насыщенные переходы отъ темно-коричневаго къ черному, никогда, однако, не достигая дѣйствительно чернаго цвѣта. Единственная типичная

негрская примѣта, по мнѣнію Юнкера, руноволосость, свойственна этимъ племенамъ. Толстыя губы мало характерны, такъ какъ онѣ встрѣчаются и у племенъ европейскихъ, точно также какъ попадаются негры и негритянки съ тонкими губами. Далѣе среди нихъ встрѣчаются люди съ изящными и даже классическими носами; черепа у нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ приближаются къ брахицефаліи (или, вѣроятнѣе, мезоцефаліи?). Вниманія заслуживаютъ негры съ выраженнымъ семитическимъ типомъ.



Занде семитическаго типа.

Переправившись черезъ Воворо, имѣющій каменистое ложе, у станціи Янго, караванъ перебрался черезъ южные отроги кагга (гора) Джау, а затѣмъ черезъ кагга Энза. Въ поселеніяхъ, попадавшихся по дорогѣ, крыши и стѣны хижинъ обложены были терновникомъ, долженствовавшимъ защищать ихъ отъ львовъ. Однажды отвели Юнкеру хижину, огороженную со всѣхъ сторонъ тенетами, употребляемыми для загона дичи. По увѣреніи туземцевъ, львы избѣгаютъ хижинъ, защищенныхъ подобнымъ образомъ.

Наконецъ, караванъ прибылъ на станцію Омбанга, бывшую при Сиберѣ однимъ изъ важнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ. До сихъ поръ сохранились здѣсь остатки прежняго благоустройства въ видѣ глиняныхъ четырехугольныхъ башенъ. Въ одну изъ обширныхъ глиняныхъ построекъ загнаны были цѣлыя сотни несчастныхъ рекрутовъ... Ихъ держали на скудной пищѣ и нѣсколько разъ въ день выгоняли подъ конвоемъ на водопой. Во избѣжаніе попытокъ къ побѣгу они заключены были въ дере-

тип. Эд. Гонне.

Рекруты на станціи Омбанга.

вянныя развилины или закованы въ цѣпи. Наборомъ рекрутовъ завѣдывалъ старый арабъ Магометъ-эфенди-Назари. Это былъ большой ханжа, котораго Юнкеръ уже тогда заподозрилъ въ сочувствіи къ махдистамъ. Дѣйствительно, онъ вскорѣ скрылся съ 30 донколанами въ лагерь возставшихъ.

Въ Омбангѣ Юнкеръ получилъ письмо отъ Луптона, извѣщавшаго его объ удачахъ своихъ въ борьбѣ съ возставшими племенами и о томъ, что онъ совѣтовалъ Бондорфу теперь же отправиться въ Хартумъ. Юнкеръ, съ своей стороны, не смотрѣлъ на дѣло такъ оптимистически, а рѣшился предварительно возвратиться къ Семіо. Путешествіе это было совершено безъ особыхъ приключеній. По мѣрѣ приближенія къ владѣніямъ Семіо, учащались лѣсочки и потоки; вмѣсто льва здѣсь появлялся леопардъ, по характеру своему предпочитающій мѣстности, гдѣ ему представляется возможность прятаться. Семіо вышелъ навстрѣчу своему другу.

По дорогѣ каравану пришлось перейти, между прочимъ, рѣку Гоангоа, одинъ изъ истоковъ Уарра, а, наконецъ, и эту рѣку, которая, какъ указано было, впадаетъ въ Мбомо.

Послѣ четырехъ съ половиною мѣсяцевъ путешественникъ нашъ опять находился въ условіяхъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ потребностямъ европейца.

На станціи все оказалось въ порядкѣ. Сгорѣвшія постройки возобновлены были подъ руководствомъ Бондорфа. Самъ Юнкеръ вслѣдъ затѣмъ привелъ въ надлежащій порядокъ свой огородъ. При пересмотрѣ вещей многое, что ему казалось излишнимъ, раздарено было неграмъ. Въ особенности щедро одаренъ былъ Семіо, получившій между прочимъ хартумскія ткани, которыя уже теперь стоили раза въ три-четыре дороже первоначальной цѣнности своей. Арабы Абдъ-Аллы не мало на-

живались впослѣдствіи благодаря продажѣ самодѣльныхъ тканей. Цѣннымъ подаркомъ для Семіо явились 500 пистоновъ для ружей. Пистоновъ не хватало даже въ мудиріи и Луптонъ ихъ просилъ у Юнкера.

Благодаря Фое значительно обогатились зоологическія коллекціи. Между прочимъ, Юнкеру доставлена была шкурка карликоваго мускуснаго животнаго, Hyaemoschus aquaticus, обитающаго въ районѣ, сравнительно ограниченномъ, среди болотъ Нгоббу и Докко; вниманія заслуживалъ также Manis Temminckii, степной

Manis Temminckii.

броненосецъ, броня котораго доставлена была Юнкеру. Животное это трудно выслѣдить, такъ какъ оно живетъ въ подземныхъ норахъ и выходитъ на добычу только по ночамъ. Прибавилось и кое-что къ звѣринцу Юнкера, какъ, напримѣръ, маленькая обезьяна, сдружившаяся съ большою черепахою чуть-ли не въ футъ длины и любившая разъѣзжать на ней, и парочка попугаевъ, сѣрыхъ съ красными хвостами, Psittacus erythacus, настолько привязавшихся другъ къ другу, что когда самецъ случайно сдохъ, самка не пережила его и двадцати минутъ. Она подражала всѣмъ движеніямъ и стонамъ самца, который расшибся при паденіи. Сѣвер-

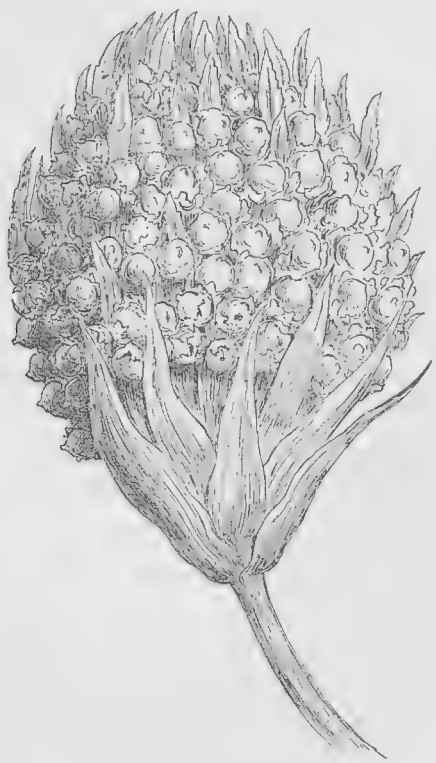
Женщина племени а-занде.

SERIHOTECA

ною границею этихъ попугаевъ является, по мнѣнію Юнкера, Уэллэ-Макуа, за которымъ встрѣчаются только отдѣльныя парочки; точно также они встрѣчаются въ земляхъ а-мади, къ сѣверу отъ Уэллэ и къ западу отъ Альбертъ-Ніанзы, въ странѣ Буньора и Буганда. Появляются они обыкновенно парочками или стаями въ 6—10 штукъ.

Семіо пользовался неизмѣнною благосклонностью Юнкера и не мало поучался изъ разговоровъ съ нимъ. Иллюстраціею къ разсказамъ путешественника о Европѣ служили при случаѣ разныя вкусныя вещи изъ запасовъ его. Семіо могъ похвастаться тѣмъ, что отвѣдывалъ страсбургскихъ пироговъ и т. п. рѣдкостей. Съ другой стороны, онъ не мало сообщалъ Юнкеру о бытѣ своихъ а-занде и разсказы его были тѣмъ болѣе интересны, что изображали народъ его въ моментъ перехода къ высшей культурѣ. Невѣсты покупались теперь только у людей простыхъ, причемъ цѣны на нихъ стояли въ 30—40 и болѣе наконечниковъ копій; плату эту получаетъ отецъ невѣсты. Лица княжескаго рода, обыкновенно, выбираютъ себѣ невѣсту по указаніямъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, такъ какъ личныя сношенія между владѣтельными лицами ничтожны. Затѣмъ посылаются подарки отцу невѣсты, который либо самъ догадывается, или наводится своими приближенными на то, что означаютъ эти подарки. Тогда онъ, въ случаѣ согласія, посылаетъ свою дочь жениху. Отецъ можетъ взять себѣ въ жены свою собственную дочь, если она на то согласна; обычай этотъ все еще держится среди а-занде княжескаго рода. Почитаніе покойнаго отца здѣсь уже утратило то значеніе, которымъ оно пользовалось въ старину, однако же, человѣческія жертвоприношенія на могилѣ умершихъ еще практикуются тамъ, гдѣ этому не препятствуютъ арабы. Весьма подробны были также разсказы Семіо о вѣчныхъ междоусобіяхъ и кровавыхъ

дрязгахъ негровъ. Среди туземцевъ, съ которыми Юнкеру приходилось сталкиваться у Семіо, оказался одинъ, страдающій проказою. Пораженные этою страшною болѣзнью люди изгоняются изъ селеній, хотя, и это необходимо замѣтить въ виду нашихъ обычныхъ представленій о жестокости дикарей, ихъ постоянно снабжаютъ пищею.



Плодъ масличной пальмы.

ГЛАВА X.

Махдисты и Эминъ.

Движеніе махдистовъ.—Личность Махди.—Его военные успѣхи.—Осада Обеида.—Златинъ-бей.—Гибель Гикса.—Отчаянное положеніе Гордона въ Хартумѣ.—Юнкеръ на пути въ Ладо.—Смерть Мамбанги и Рингіо.—Ладо.—Достоинства и недостатки правленія Эмина.—Плѣнъ Луптона и его дальнѣйшая судьба.—Тревога въ Ладо.—Дуфиле.—Опять въ Ладо.—Станція Амади.—Предательство Анфины.—Ямкинза.—Камисоа.—Занятія Юнкера у Анфины.

О дальнѣйшихъ событіяхъ на сѣверѣ Юнкеръ получалъ отрывочныя свѣдѣнія отъ Луптона, героически боровшагося съ динками. Въ виду неполноты этихъ свѣдѣній, мы позволяемъ здѣсь вставить краткій обзоръ исторіи махдистскаго движенія на основаніи новѣйшихъ источниковъ.

Движеніе махдистовъ заслуживаетъ особаго вниманія въ виду необычайно быстраго распространенія ислама по Африкѣ. Магометанство борется здѣсь, какъ извѣстно, съ большимъ успѣхомъ съ христіанскою пропагандою: оно доступнѣе пониманію простыхъ дикарей въ виду реальной привлекательности рисуемыхъ имъ картинъ загробной жизни и крайней упрощенности своихъ основныхъ догматовъ; оно ближе къ дикарямъ и въ лицѣ своихъ проповѣдниковъ, не стоящихъ, подобно христіанскимъ миссіонерамъ, неизмѣримо выше толпы, а непосредственно принадлежащихъ къ этой толпѣ. Носителями ислама въ Африкѣ являются мелкіе арабскіе торгаши, дервиши и нищіе. Извѣстною силою оказывается исламъ и на востокѣ. Онъ имѣетъ большое значеніе для Россіи,

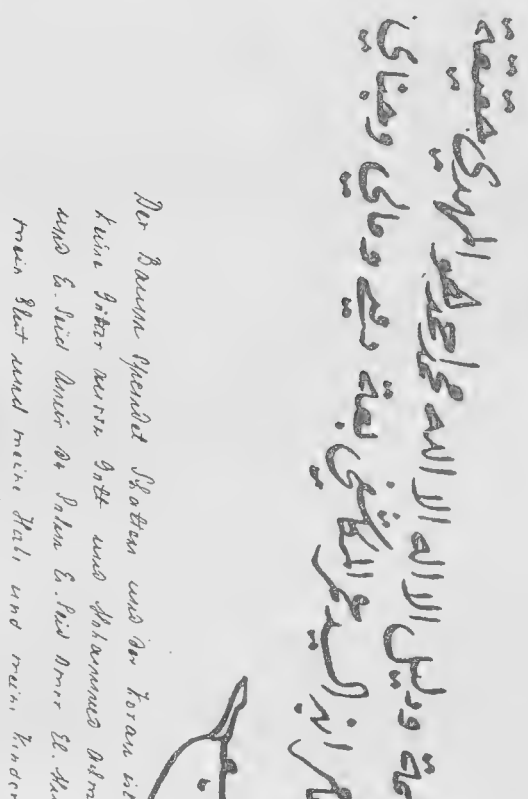
такъ какъ уже болѣе половины всѣхъ тюркскихъ народовъ находится подъ властью ея. Между тѣмъ исламъ претерпѣваетъ несомнѣнное разложеніе при столкновеніи съ европейскою культурою; примѣромъ этого можетъ послужить Турція и Египетъ. Въ виду этого попытки къ обновленію и къ возрожденію «воинствующей религіи» получаютъ совершенно своеобразный интересъ. Подобныя попытки, никогда не достигавшія, впрочемъ, такихъ размѣровъ и не переполнявшія страницы исторіи такими кровавыми ужасами, какъ движеніе махдистовъ, дѣлались и прежде, напримѣръ, въ Персіи и въ юго-западной Азіи.

Уже за нѣсколько лѣтъ до появленія Махди въ Суданѣ много говорили о бродячемъ дервишѣ Ахметъ-Магометѣ, волновавшемъ сердца вѣрующихъ своею горячею проповѣдью о томъ, что магометане забыли истинную вѣру. Собравъ своихъ приверженцевъ и всюду подготовивъ себѣ почву своею проповѣдью, дервишъ поселился на островѣ Аба на Бѣломъ Нилѣ и всенародно объявилъ себя махдіемъ, «Халифа-эр-разуль», что значитъ, преемникъ пророка и избранникъ Божій, призванный обновить міръ. Народъ стекался къ нему со всѣхъ сторонъ, какъ къ святому; проходившія по рѣкѣ суда домогались его благословенія; съ этою цѣлью къ острову приставали даже правительственные пароходы. Въ виду того, что ученіе дервиша направлено было прежде всего противъ египетскаго правительства, высланы были въ концѣ іюля 1881 года войска, чтобы его арестовать; однакоже онъ ихъ разбилъ. Махди перешелъ послѣ этого къ горѣ Гадиръ, гдѣ находится святой камень, на которомъ будто бы молился пророкъ Магометъ, кстати замѣтить, никогда не бывавшій въ Суданѣ. Сюда къ нему со всѣхъ сторонъ стекались приверженцы стараго порядка и, главнымъ образомъ, бывшіе торговцы невольниками, уцѣлѣвшіе отъ суровой расправы Джесси. Въ декабрѣ 1881 года мах-

дисты окончательно истребили выступившее противъ нихъ войско Рашидъ-бея, мудира Фашоды, и убили его самого. Успѣхи эти усилили обаяніе новоявленнаго пророка. Про него слагались самые баснословные разсказы и толпа охотно вѣрила тому, что онъ превращаетъ пули враговъ въ воду. Наконецъ, въ мартѣ 1882 года правительство выслало противъ него войско въ 6000 человѣкъ подъ предводительствомъ Юсуфа-паши-Шелали. Армія его достигла Гадира, но 7 іюня ночью была вырѣзана махдистами, пробравшимися въ лагерь (см. выше стр. 233). Теперь открытъ былъ возставшимъ весь Кордофанъ. Одинъ за другимъ сдавались укрѣпленные пункты этой обширной и богатой провинціи. Дошла очередь и до Обеида, имѣвшаго около 100,000 жителей. Приступъ махдистовъ былъ отбитъ; тогда они оцѣпили городъ и рѣшили его выморить голодомъ. Дѣйствительно, жители выстрадали всѣ ужасы голода и болѣзни: осажденные не брезгали даже мясомъ коршуновъ, пожиравшихъ трупы ихъ умершихъ товарищей; ѣли гумми, листья, кору деревъ и т. д. Мудиръ Магометъ Саидъ-паша сдался 19 января 1883 года. Городъ былъ разграбленъ; мудиръ, многіе офицеры и граждане города были убиты на мѣстѣ или казнены впослѣдствіи.

Въ эту эпоху такъ называемаго Махди видѣлъ католическій миссіонеръ Іосифъ Орвальдеръ, захваченный вмѣстѣ со своими товарищами въ Деленѣ и проведшій десять лѣтъ, исполненныхъ страшныхъ мученій, въ плѣну у махдистовъ. Вотъ какъ онъ характеризуетъ Махди въ своей глубокоинтересной книгѣ: «Aufstand und Reich des Mahdi im Sudan und meine zehnjährige Gefangenschaft. Innsbruck 1892»: Махди-донголанинъ лѣтъ 40 съ небольшимъ. Это человѣкъ сильнаго тѣлосложенія и черной окраски кожи; онъ отличается пріятными чертами лица и привлекательною улыбкою; верхніе рѣзцы его зубовъ нѣсколько разступаются, что въ Суданѣ счи-

тается примѣтою счастливцевъ. Женщины называли его первымъ красавцемъ въ мірѣ. Магометъ-Ахметъ учился въ «мезитѣ», въ школѣ, гдѣ усвоилъ себѣ мусульманскую премудрость. Онъ говорилъ увлекательно и писалъ удачныя воззванія. Европейцевъ онъ видимо щадилъ, въ особенности лицъ духовнаго званія, хотя не всегда былъ въ состояніи оберечь ихъ отъ фанатическихъ выходокъ своихъ приверженцевъ. Европейскую науку, олицетворяемую въ его глазахъ египетскою цивилизаціею, онъ ненавидилъ отъ души. Въ образѣ жизни онъ старался подражать пророку и требовалъ отъ вѣрующихъ, чтобы они вели скромную жизнь, носили одежду въ заплатахъ, не пили мериссы, не курили и не жевали табаку. Подобно пророку, онъ назначилъ халифовъ, изъ которыхъ



Девизъ махдистовъ (переводъ—факсимиле Эмина).

первымъ и притомъ его наслѣдникомъ былъ Абдуллахи изъ племени баггара, человѣкъ энергичный, умный, хотя и необразованный. Войско раздѣлено было между тремя халифами, которые въ свою очередь имѣли подчиненныхъ эмировъ. Махди въ это время пользовался уже величайшимъ почетомъ; его прославляли пѣвцы, его именемъ клялись и многіе люди утверждали, что видѣли, какъ отъ лица его исходитъ сіяніе. Девизомъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ девизомъ махдистовъ является прилагаемое здѣсь въ факсимиле и въ переводѣ Эмина изрѣченіе, гласящее: «дерево даетъ тѣнь, а достоянье ваше—коранъ и откровеніе: нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и Магометъ-Ахметъ истинный послѣдній посланникъ Божій и Сеидъ... его намѣстникъ. Кровь и имѣнье свое и дѣтей своихъ я продалъ (пожертвовалъ) во имя Господа».

Наиболѣе крупнымъ успѣхомъ, послѣ взятія Обеида, былъ переходъ Златинъ-бея къ махдистамъ. Мы уже выше говорили объ этомъ смѣльчакѣ, которому удивлялись даже враги его. Это былъ чудесный наѣздникъ, выдерживавшій по 24 часа на конѣ; онъ спалъ, какъ простой солдатъ, на землѣ, ѣлъ солдатскую пищу, былъ щедръ и справедливъ. Примѣромъ его выдержанности можетъ послужить разсказъ о томъ, что, когда ему однажды въ битвѣ пулей почти оторвало палецъ на рукѣ, онъ обратился къ стоящему рядомъ съ нимъ человѣку съ приказомъ отрубить ему ножемъ палецъ, висѣвшій на кожѣ, а затѣмъ опять поскакалъ впереди своихъ войновъ въ битву (см. выше стр. 233). Златинъ одержалъ болѣе 27 побѣдъ и отстаивалъ свою провинцію болѣе двухъ лѣтъ, борясь не только съ явными, но и тайными врагами, а именно съ интриговавшими противъ него египетскими офицерами. Въ концѣ концовъ у него вышли военные снаряды и осталось не болѣе пяти патроновъ на каждаго изъ немногочисленныхъ уцѣлѣвшихъ его воиновъ. Тогда солдаты отказались отъ дальнѣйшей борьбы. Прослышавъ, что изъ Хартума идетъ армія подъ начальствомъ Гикса, Златинъ заявилъ, что готовъ сдаться махдистамъ,

подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ его оставили губернаторомъ. Въ случаѣ удачи Гикса онъ расчитывалъ ему передать свою провинцію, а въ случаѣ неудачи, ему, конечно, приходилось считаться съ рѣшеніями махдистовъ насчетъ его дальнѣйшей судьбы. Златинъ принятъ былъ въ лагерѣ махдистовъ чрезвычайно торжественно и съ барабаннымъ боемъ. Его, однако же, отставили отъ губернаторства, хотя назначили состоять офицеромъ при халифѣ Абдуллахи. Впослѣдствіи, впрочемъ, его заключили въ тюрьму.

Генералъ Гиксъ двигался тѣмъ временемъ съ поразительною медленностью впередъ. Снаряженіе его было неудовлетворительно, страна, по которой онъ проходилъ, опустошена, среди войска его господствовала страшная рознь между египтянами и европейцами, а проводники оказались измѣнниками. Достаточно сказать, что, когда въ критическую минуту нападенія махдистовъ, войска изнемогали отъ жажды, проводники умолчали о томъ, что въ разстояніи четверти часа отъ мѣста стоянки находилась большая цистерна. Махди объявилъ при приближеніи Гикса священную войну и, собравъ громадное войско, окружилъ египетскую армію со всѣхъ сторонъ. При Шейканѣ войска столкнулись; 3 ноября началось нападеніе, а 5 ноября уже все было кончено. Гиксъ и его офицеры были убиты; барону Секендорфу, отличавшемуся гигантскимъ ростомъ, отрублена была голова, такъ какъ его приняли за вождя англичанъ. Побѣда надъ Гиксомъ еще болѣе подняла Махди въ глазахъ толпы. Теперь никто не сомнѣвался въ его божественномъ призваніи. Ему воздавали чуть-ли не божескія почести; вода, употреблявшаяся имъ для омовенія, считалась цѣлебнымъ средствомъ. Фанатики утверждали, что видѣли при Шейканѣ ангеловъ, выступившихъ противъ египтянъ.

Извѣстіе о прибытіи въ Хартумъ извѣстнаго Гордона на время смутило махдистовъ и радостно взволновало плѣнныхъ европейцевъ. Надежды несчастныхъ плѣнниковъ, однако, рушились, когда Гордонъ предложилъ Махди по-

любовный раздѣлъ, предоставивъ ему весь западный Суданъ и свободу торговли невольниками. Махди со смѣхомъ принялъ это предложеніе, рѣшивъ, что хитрый европеецъ желаетъ выиграть время переговорами. Онъ, въ свою очередь, посовѣтовалъ ему подчиниться и прійти къ нему на поклонъ; съ этою цѣлью онъ послалъ ему полный костюмъ послѣдователя Махди. Очевидно, самъ Махди не подозрѣвалъ того, какая его ждетъ удача. Въ сущности положеніе Гордона было отчаянное. Упомянутый нами авторъ, Орвальдеръ [1]), совершенно справедливо говоритъ, что Гордонъ самъ по себѣ ничего не могъ сдѣлать. Если его появленіе въ Хартумѣ произвело такое впечатлѣніе, что многіе изъ европейцевъ, покинувшихъ городъ, тотчасъ же возвратились, то только потому, что его считали предтечею англійской экспедиціи и представителемъ англійскаго народа. Для сторонниковъ европейцевъ, точно также, какъ и для махдистовъ, личность Гордона являлась ручательствомъ того, что Англія взялась разрѣшить распрю между египтянами и махдистами. Между тѣмъ Гордонъ прибылъ одинъ и кромѣ того сдѣлалъ ошибку, совершенно непонятную для человѣка, столь опытнаго въ государственныхъ и военныхъ дѣлахъ. По дорогѣ въ Хартумъ онъ сообщилъ нѣкоторымъ почетнымъ туземцамъ, что въ Каиро рѣшено уступить Суданъ. Лица эти поспѣшили перейти къ Махди и распространить вѣсть о безсиліи египтянъ и Гордона. Помощь, которую онъ ожидалъ съ сѣвера, не прибывала; войска его были ненадежны и терпѣли пораженія; Берберъ, въ которомъ въ свое время останавливался Юнкеръ, былъ взятъ приступомъ. Однако-же талантливый Гордонъ въ короткое время организовалъ свое войско и сталъ успѣшно отражать нападенія непріятеля. Но вотъ, въ началѣ августа 1884 года двинулся къ Хартуму самъ Махди съ войскомъ въ 200.000 человѣкъ. Ясно было,

[1]) Ohrwalder. l. c. S. 86.

что Хартумъ долженъ былъ погибнуть, если къ нему на помощь не придутъ англичане.

Разрозненныя свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ, доходившія до Юнкера, не располагали его къ тому, чтобы покинуть Семіо. Бондорфъ, напротивъ того, торопился въ Хартумъ и жаловался на то, что не можетъ набрать носильщиковъ для коллекцій Юнкера. Тогда Юнкеръ разрѣшилъ ему оставить коллекціи въ правительственномъ магазинѣ въ Вау. «Я, впрочемъ, не предполагалъ», прибавляетъ нашъ путешественникъ, «что ему можетъ понадобиться 40 носильщиковъ для его собственнаго багажа».

Къ осени стали возвращаться рекруты, высланные Семіо. Несчастныхъ рекрутовъ въ свое время сгоняли со всѣхъ сторонъ въ Вау, гдѣ не было ничего подготовлено къ содержанію такой массы народа, а затѣмъ черезъ нѣкоторое время распустили по домамъ. Судить о томъ, сколько ихъ погибло, можно было по тому, что изъ двухъ сотъ человѣкъ, высланныхъ Семіо, возвратилось только трое. Къ чести Луптона нужно сказать, что онъ былъ противъ насильственнаго сбора рекрутовъ.

Послѣ долгихъ колебаній Юнкеръ рѣшился 18 октября выступить въ Вау. Тепло распростился онъ со своими пріятелями неграми, а Семіо, по обыкновенію, проводилъ его. Настигнувшее его по дорогѣ извѣстіе о томъ, что Рафаи-ага погибъ въ борьбѣ съ возставшими, заставило его остановиться. Если бы онъ продолжалъ свой путь, то ему, по всему вѣроятію, пришлось бы раздѣлить печальную участь Луптона. Провожавшіе его негры, во главѣ съ Семіо, вели себя какъ истые негры: то они волновались при малѣйшихъ слухахъ и страшно преувеличивали опасность, то увлекались игрою въ мячъ, мериссою или охотою. Сильное впечатлѣніе на всѣхъ произвелъ приказъ Луптона, чтобы Семіо немедленно явился къ нему съ 1000 воиновъ и всѣми базингерами. Юнкера онъ просилъ повліять на Семіо въ этомъ смыслѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

писалъ, что если ему на этотъ разъ не удастся сладить съ возставшими, то всѣмъ имъ—конецъ.

Въ виду этихъ условій, нашему путешественнику ничего больше на оставалось, какъ пуститься на югъ въ Ладо, куда его приглашалъ Эминъ. Попутно онъ надѣялся поработать въ пользу Луптона у мѣстныхъ князей. Юнкеръ убѣдился въ томъ, что Семіо двинулся къ Луптону и одарилъ его на прощаніе разными предметами. Между прочимъ ему пришлось передать Семіо своего мальчугана — акку, который такъ отъѣлся, что не былъ въ состояніи совершить трудное путешествіе въ Ладо. Дзумбе добровольно послѣдовалъ за своимъ хозяиномъ, несмотря на то, что въ это время обзавелся семьею. По дорогѣ Юнкеръ получилъ письма отъ Эмина, Касати и изъ Европы. Насколько благопріятны были послѣднія письма, на столько мрачны были извѣстія отъ Эмина. Возстаніе дѣлало успѣхи и Эминъ принималъ крутыя мѣры. Между прочимъ Эминъ писалъ о судьбѣ Мамбанги, съ которымъ Юнкеръ нѣкогда обмѣнялся кровью (см. стр. 172, 173). Въ свое время Мамбанга бѣжалъ къ Санга-Попо; вскорѣ, однако, онъ подговорилъ Гаваша-эфенди низвергнуть Сангу и сдѣлать его самого властителемъ надъ землями послѣдняго. Гавашъ поспѣшилъ арестовать Сангу и его союзниковъ Гамбари и Ніангару, руководясь тѣмъ, что князья эти не принадлежали къ числу податливыхъ. Дѣло не обошлось безъ грабежа и кровопролитій. Когда объ этомъ узналъ Эминъ, онъ велѣлъ смѣстить Гаваша и Мамбангу; въ концѣ концовъ послѣдняго тайно разстрѣляли, хотя Эминъ его передъ этимъ принималъ ласково и даже богато одарилъ. По этому поводу Юнкеръ не можетъ удержаться отъ горькихъ упрековъ по адресу Эмина. Въ его глазахъ онъ въ данномъ случаѣ является представителемъ вѣроломной восточной политики и въ то же время жертвою излишней довѣрчивости къ навѣтамъ лицъ, окружавшихъ его. Эминъ, съ своей стороны, какъ мы уже

замѣтили (см. выше стр. 173), считалъ Мамбангу за опаснаго бунтовщика и между прочимъ сообщалъ, что онъ поклялся убить Юнкера и Касати. Имѣя въ виду свое непосредственное знакомство съ людьми этого рода, Юнкеръ полагаетъ, что для Мамбанги достаточнымъ наказаніемъ была бы ссылка.

Путь на югъ пролегалъ по верховьямъ рѣкъ, впадающихъ въ Мбому. Низовья этихъ же рѣкъ путешественникъ нашъ изучилъ на пути отъ Уандо къ Семіо. Переправа черезъ рѣки не представляла здѣсь затрудненій; дважды каравану пришлось пересѣчь рѣку Мбому. За этою рѣкою начинается страна Ндорумы. Въ началѣ путника принимали въ высшей степени гостепріимно, въ особенности родственники Семіо. У двоюроднаго брата его Линди, свято соблюдавшаго въ костюмѣ и въ обычаяхъ а-зандскую старину, ему удалось прослушать оригинальный концертъ, исполненный на пяти громадныхъ маримбахъ. Клавиши этихъ инструментовъ напоминали по своимъ размѣрамъ цѣлыя полѣнья. А-занде играли такъ хорошо, что доставили истинное удовольствіе Юнкеру. Въ странѣ Ндорумы Юнкера принимали, напротивъ того, весьма негостепріимно и это было тѣмъ чувствительнѣе, что область эта была мало населена, а носильщики изъ рукъ вонъ плохи. Когда Юнкеръ добрался до поселенія Ндорумы, то онъ остановился въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ него и заявилъ, что не пойдетъ далѣе, пока не прибудетъ самъ Ндорума. Когда-то Юнкеръ опасался встрѣчи съ этимъ властелиномъ, а теперь, ближе ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, онъ не обратилъ никакого вниманія на Ндоруму, когда тотъ прибылъ съ повинной головой, и осыпалъ его насмѣшками, когда князь сталъ оправдываться тѣмъ, что его не предупредили о прибытіи путешественника. Въ сущности онъ не былъ особенно сердитъ на него: онъ слишкомъ доволенъ былъ тѣмъ, что уже сдѣлалъ большую часть труднаго пути, да къ

тому же прекрасно зналъ, что Ндорума не пользуется особенною властью. Отъ прежней станціи Лакрима, на которую три года тому назадъ положено было столько труда, не осталось ни малѣйшаго слѣда. Все исчезло, заросло или истреблено было термитами и огнемъ.

За Ндорумою слѣдовала область, принадлежавшая нѣкогда Мбіо. Въ настоящее время она была сильно опустошена. Переправившись черезъ Уэррэ, Юнкеръ покинулъ бассейнъ Конго. Рѣки и болота, черезъ которыя затѣмъ приходилось переправляться, принадлежали къ системѣ Нила и отличались низменными берегами; таковы были рѣки Юбба и Суэ, которой караванъ держался нѣсколько дней. Здѣсь уже не было роскошныхъ галлерейныхъ и террасовыхъ лѣсовъ. За страною Мбіо показалась знакомая гора Багинзе, схожая, соотвѣтственно указаніямъ Швейнфурта, по флорѣ своей съ горами Абессиніи, затѣмъ другія высоты, живописныя ущелья, а близъ Дамволо громада гнейса, расколовшаяся такимъ образомъ, что образовался просвѣтъ въ метръ ширины, чрезъ который открывался чудесный видъ на темные лѣса, холмы и пожелтѣлые, выгорѣвшіе луга. Вотъ караванъ

Горная расщелина близъ Дамволо.

вступилъ въ область Эмина. Здѣсь находился наиболѣе западный пунктъ, достигнутый путешественникомъ въ 1877 году (глава IV); здѣсь же представлялась ему возможность сомкнуть маршруты путешествій съ 1877 по 1878 годы съ маршрутами съ 1880 по 1884 годы. Среди старыхъ знакомцевъ Юнкеръ встрѣтилъ Анзея, лишеннаго въ настоящее время самостоятельности. Рингіо былъ умерщвленъ по распоряженію Эмина. Повидимому, онъ и въ этомъ случаѣ руководился указаніями одного изъ своихъ приближенныхъ, выставлявшаго Рингіо какъ заговорщика. Юнкеръ сомнѣвается въ правдивости этого обвиненія, имѣя въ виду его двадцатипятилѣтнюю вѣрную службу правительству. Во всякомъ случаѣ, Рингіо сошелъ со сцены одновременно съ другими крупными дѣятелями прежняго времени, Бахитомъ, Фадлъ-Аллою и Ахметъ-Атрушомъ. Смерть его, однако, была причиною того, что бомбе и макарака стали сторониться правительства.

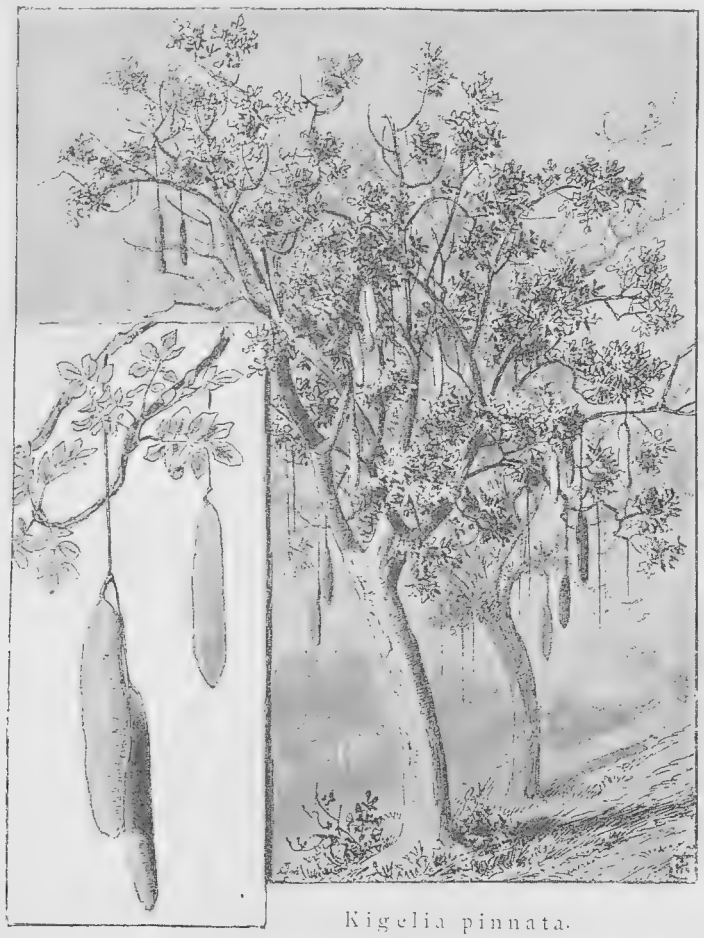
Благоустроенное Кабаенди показалось нашимъ путникамъ чистымъ раемъ. Сериба стараго курда, котораго Юнкеръ нѣкогда навѣстилъ (стр. 86, 87), и сады, окружавшіе ее, все еще находились въ цвѣтущемъ состояніи, несмотря на то, что владѣлецъ ихъ умеръ. Юнкеръ захватилъ съ собою между прочимъ нѣсколько великолѣпныхъ дынь въ подарокъ Эмину, который въ свое время первымъ доставилъ сѣмена этихъ плодовъ въ Суданъ. Въ Ванди, гдѣ былъ похороненъ Коппъ, Юнкера встрѣтили весьма гостепріимно. По мѣрѣ приближенія къ Ладо, страна становилась болѣе благоустроенною. Не мало удивлялись спутники Юнкера богатству и спокойствію страны и прежде всего тому, что здѣсь безопасно разгуливаютъ стада рогатаго скота, тогда какъ такъ легко было бы ихъ отбить... Эминъ встрѣтилъ Юнкера еще за Ладо въ сопровожденіи другихъ европейцевъ.

Ладо, благодаря энергіи Эмина, измѣнилось до неузнаваемости. Эминъ настроилъ рядъ домовъ изъ необожжен-

Тип. ед. голпе.

Жилище Эмина въ Ладо.

ныхъ глиняныхъ кирпичей. Его собственное жилище, въ которомъ онъ принялъ Юнкера, отличалось простотою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстнымъ комфортомъ. Въ ту достопамятную ночь, когда Юнкеру, впервые послѣ столь-



Kigelia pinnata.

кихъ лѣтъ жизни полудикаря, пришлось улечься въ мягкую и чистую постель, онъ долго не могъ заснуть, до такой степени непривычны казались ему всѣ окружавшія его удобства. Эминъ разбилъ большой садъ, называемый правительственнымъ, въ которомъ находилось безчисленное множество лимонныхъ, апельсинныхъ, дынныхъ

(Carica papaya) и прочихъ плодовыхъ деревъ и разводился даже виноградъ. Садъ изобиловалъ цвѣтами и садовникъ-египтянинъ, унтеръ-офицеръ артиллеріи по профессіи, не-

Д-ръ Эминъ-паша.

однократно радовалъ Юнкера изящными букетами, въ которыхъ неизмѣнно фигурировалъ душистый цвѣтъ апельсиновъ и дыннаго дерева. Превосходно устроенъ былъ также садъ правительственнаго аптекаря Виты Гасана, тунисскаго еврея. Зато густой лѣсъ акацій, разстилавшійся прежде передъ городомъ и служившій убѣжищемъ для все-

возможныхъ хищныхъ животныхъ, былъ вырубленъ. Не удалось Эмину только сладить съ рѣкою, которая по прежнему подмывала берегъ. Со времени послѣдняго посѣщенія Юнкера размыто было пространство въ 15—20 метровъ въ глубь страны. Ближайшее изученіе станціи и тѣсное сближеніе съ Эминомъ убѣдили, однако, Юнкера въ томъ, что многочисленные враги Эмина были отчасти правы, обвиняя его въ непрактичности. Судя по разсказамъ Юнкера, этотъ энергичный и прекрасный человѣкъ, былъ прежде всего типичнымъ кабинетнымъ ученымъ. Онъ былъ практиченъ не по природѣ своей, а какъ человѣкъ разсудка. Онъ многое упускалъ изъ виду, что тотчасъ же бросалось въ глаза болѣе практичнымъ людямъ. Такъ Юнкеръ упрекаетъ Эмина въ томъ, что тотъ не обжигалъ кирпичей для построекъ, хотя это практиковалось прежде въ Ладо и было вполнѣ возможно въ настоящее время; онъ не пользовался существовавшимъ локомобилемъ для накачиванія воды и превосходными тачками, въ родѣ тѣхъ, которыя употреблялись при сооруженіи Суэсскаго канала; у него не было лодокъ и т. д. Конечно, это мелочи, но эти мелочи характеризуютъ человѣка... Несравненно серьезнѣе кажутся намъ указанія на то, что Эминъ слишкомъ добродушно относился къ различнымъ недостаткамъ своихъ подчиненныхъ. Считаемъ, впрочемъ, нужнымъ замѣтить, что Эминъ былъ типичнымъ представителемъ востока и, конечно, ближе Юнкера знакомъ съ тѣми затрудненіями, съ которыми приходилось сталкиваться ревностнымъ реформаторамъ. Не мало указаній насчетъ неисправимости египетскихъ чиновниковъ находимъ мы, впрочемъ, и у самого Юнкера. Помимо этого, Эминъ былъ человѣкъ въ высшей степени дѣятельный: онъ не только аккуратно занимался сложными административными дѣлами, но вмѣстѣ съ тѣмъ велъ метеорологическія наблюденія, собиралъ обширныя коллекціи, которыя впослѣдствіи думалъ поручить Юнкеру для отправки въ Европу, велъ обширную

переписку, писалъ дневники и, за отсутствіемъ Виты Гасана, завѣдывалъ его аптекою и лечилъ больныхъ, которымъ, онъ, впрочемъ, никогда не отказывалъ въ совѣтѣ.

Пребываніе на станціи до извѣстной степени отравлено было Юнкеру вѣчною тревогою обитателей ея по поводу отсутствія вѣстей съ сѣвера. Пароходъ изъ Хартума не прибывалъ. Положимъ, и прежде пароходы не всегда ходили аккуратно, но все же за послѣднія шесть лѣтъ ихъ прибыло девять. Теперь уже болѣе года не было ни одного и цѣны на всѣ хартумскіе предметы поэтому необычайно повысились. Юнкеру приходилось сожалѣть о томъ, что онъ, по обычной добротѣ своей, слишкомъ поспѣшно раздарилъ все добро свое по пріѣздѣ въ Ладо. Тѣмъ временемъ возмутились ближайшія негрскія племена и взяли станцію Шамбе. Обитатели Ладо стали опасаться того, что хартумскій пароходъ, увидѣвъ станцію Шамбе въ рукахъ негровъ, рѣшитъ, что взято Ладо, и возвратится въ Хартумъ. На выручку Шамбе посланъ былъ довѣренный Эмина, донголанинъ, бывшій невольникъ Ибрагимъ.

Но вотъ прибыло роковое извѣстіе отъ Луптона: онъ писалъ о пораженіи Гикса и о томъ, что Златинъ-бей сдался. Теперь было надъ чѣмъ призадуматься. Весь вопросъ сводился къ тому, какъ отнесется Европа къ этому новому несчастью Египта. Очевидно было, что Египетъ самъ по себѣ не въ состояніи сладить съ возстаніемъ. И точно также очевидно было, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію европейцевъ, закинутыхъ въ далекую экваторіальную Африку, что честь Европы требовала энергичнаго вмѣшательства въ дѣла Египта. Тутъ ставилась на карту цивилизаторская работа цѣлаго столѣтія, а эта работа стоила, по глубокому убѣжденію Юнкера, даже «интернаціональнаго крестоваго похода».

Ибрагимъ въ это время сталъ вести себя двухсмысленно. Станцію Шамбе онъ отбилъ у возставшихъ, но не воз-

обновилъ ее, говоря, что ее все равно разрушатъ; про него ходили слухи, что онъ сильно обогатился при этой экспедиціи. Въ виду всего этого нечего было думать о скоромъ отъѣздѣ. Юнкеръ устроился самостоятельно въ Ладо, пользуясь, по прежнему, самымъ любезнымъ содѣйствіемъ Эмина. Дзумбе онъ отпустилъ на свободу, подаривъ ему ружье. Дождливый періодъ въ этомъ году наступилъ позже обыкновеннаго; 4 марта выпалъ первый легкій дождь; передъ тѣмъ стояли знойные дни, съ температурою въ 40—42° С. и знойныя ночи, благодаря которымъ возобновились накожныя страданія Юнкера.

Во второй половинѣ мая, обитатели Ладо не мало были перепуганы возмущеніемъ окрестныхъ бари. Пронесся слухъ, что вождь ихъ, Лоронъ, собирается напасть на станцію сразу съ трехъ сторонъ. Тогда Эминъ сказалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ: «Ты знаешь свое дѣло»! Этой несложной формулы было достаточно: Лоронъ вскорѣ былъ убитъ, вмѣсто него назначенъ вождемъ его сынъ, а станція при этомъ случаѣ получила множество скота.

24 мая получены были новыя письма отъ Луптона. Въ послѣднемъ изъ этихъ писемъ отъ 13 апрѣля онъ писалъ: «Армія Махди въ разстояніи 6 часовъ отъ мудиріи; я буду биться до послѣдняго мгновенія. Если я паду, передайте мой привѣтъ моимъ близкимъ». Тутъ же приложено было пространное воззваніе одного агента Махди, въ которомъ исчислялись всѣ побѣды махдистовъ; между прочимъ здѣсь разсказывалось, что подъ начальствомъ Гикса состояло 36,000 человѣкъ и что на Луптона идетъ 100,000 человѣкъ.

Утромъ 27 мая Юнкеръ сидѣлъ за своими картами и работалъ, когда его позвали въ диванъ Эмина. Онъ засталъ Эмина за бумагами; со слезами на глазахъ, онъ передалъ Юнкеру цѣлый рядъ писемъ: Луптонъ сдался. Сопротивляться не было никакой возможности. Эмиръ Аб-

далла, какъ нынѣ звался Луптонъ, предлагалъ въ арабскомъ письмѣ, написанномъ, очевидно, подъ диктовку махдистовъ, сдаться, перечислялъ побѣды и силы махдистовъ и извѣщалъ объ осадѣ Хартума. Подъ арабскимъ письмомъ стояла англійская приписка: «Все выше сказанное я признаю за истину, но вы и старѣе и мудрѣе меня; не буду, поэтому, пытаться совѣтовать вамъ, что дѣлать». Тутъ же приложено было пространное воззваніе самого Махди, обращенное къ населенію провинцій Бахръ-эл-Газаль и Экваторіальной; въ воззваніи этомъ преимущественно толковалось о божественномъ призваніи Махди. Особаго письма отъ начальника махдистскаго войска, Каремъ-Аллы, удостоился даже Юнкеръ. Ему предлагали пріѣхать въ Вау за своими вещами, причемъ опять таки перечислялись всѣ побѣды Махди. Луптонъ также совѣтовалъ Юнкеру пріѣхать и выражалъ надежду свидѣться съ нимъ. Очевидно, онъ и не помышлялъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя ожидали европейцевъ въ плѣну у махдистовъ и которыя пришлось исчерпать ему самому.

На этомъ обрываются у нашего автора свѣдѣнія о Луптонѣ. Прибавимъ, на основаніи источниковъ по исторіи махдистовъ, что Луптонъ, приглашая Юнкера къ махдистамъ, руководился пріемомъ, оказаннымъ Златину и тѣмъ, что ему самому оставили все его имущество и ближайшихъ слугъ. Находясь у махдистовъ, онъ великодушно помогалъ плѣннымъ европейцамъ. Къ сожалѣнію, этотъ властный и смѣлый человѣкъ не съумѣлъ вынести всѣхъ униженій, сопряженныхъ съ пребываніемъ среди своевольныхъ и наглыхъ арабовъ. Послѣ нѣсколькихъ столкновеній съ арабскими властителями онъ пытался бѣжать къ Гордону, но былъ схваченъ и закованъ въ цѣпи; онъ выдержалъ десять мѣсяцевъ самаго страшнаго тюремнаго заключенія. Плѣнъ этотъ раздѣлялъ съ нимъ Златинъ. Когда впослѣдствіи положеніе его было облегчено, онъ предполагалъ ради того, что бы добыть какія нибудь средства

къ пропитанію, заняться мыловареніемъ совмѣстно съ плѣннымъ миссіонеромъ Орвальдеромъ; затѣмъ его прикомандировали къ нѣкоему Гасану-Зеки, бывшему хартумскому врачу, которому поручено было «изобрѣсть порохъ». Дѣло въ томъ, что у махдистовъ стали приходить къ концу военные снаряды. Порохъ былъ дѣйствительно приготовленъ довольно сносный, но несчастный Луптонъ умеръ уже 8 мая 1888 года отъ тифа.

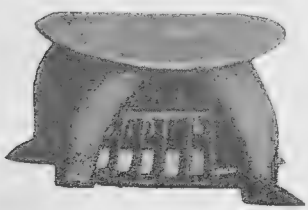
Въ виду указанныхъ выше событій, Эминъ рѣшился созвать офицеровъ и другихъ почетныхъ людей, въ томъ числѣ Виту-Гасана, на совѣтъ. Единогласно рѣшено было что всякое сопротивленіе безполезно и что Эмину, слѣдуя приглашенію махдистовъ, необходимо отправиться въ лагерь враговъ. Въ частной бесѣдѣ Юнкеръ убѣдилъ Эмина повременить отъѣздомъ и ограничиться пока письмомъ. Съ своей стороны онъ отвѣтилъ, что слишкомъ утомленъ долгимъ путешествіемъ, чтобы предпринять вновь столь далекій путь и поэтому поручаетъ свои коллекціи Ибрагиму-агѣ. Юнкеръ ясно сознавалъ, что ему съ его громадными коллекціями нельзя будетъ пробраться на сѣверъ среди волновавшихся арабскихъ племенъ. Поэтому, онъ рѣшилъ попытаться пойти южнымъ путемъ и оставить свои коллекціи на произволъ судьбы. Вита-Гасанъ и нѣкоторыя другія лица, просили Юнкера не уѣзжать до отбытія Эмина къ махдистамъ, такъ какъ опасались, что съ отъѣздомъ его можетъ вспыхнуть возстаніе въ самомъ Ладо. Юнкеръ согласился на ихъ просьбы, хотя и предполагалъ, что рискуетъ болѣе, чѣмъ прочіе магометане, въ томъ числѣ и Эминъ, копты и, наконецъ, еврей Вита-Гасанъ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что махдисты, какъ это выяснилось въ настоящее время, съ особою яростью истребляли именно египетскихъ чиновниковъ.

Послѣ первыхъ волненій Эминъ и окружавшіе его стали хладнокровнѣе обдумывать свое положеніе. Въ сущности, Эминъ находился далеко отъ центра возстанія и распола-

галъ 2,000 строевыхъ солдатъ, вооруженныхъ ремингтоновскими ружьями. У Луптона было только нѣсколько сотъ человѣкъ солдатъ, а остальное его войско состояло изъ ненадежныхъ базингеровъ и драгомановъ, вѣчно враждовавшихъ съ солдатами. Конечно, и въ Ладо приходи-

Двойная скамейка негровъ мангбатту.

лось разсчитывать на помощь изъ Хартума. Безъ нея невозможно было долго держаться. На всякій случай предполагалось отступить еще далѣе на югъ въ Дуфилэ, или даже Ваделаи, гдѣ находилось два парохода. Эминъ уже заблаговременно сталъ переправлять правительственный архивъ и излишнихъ писцовъ своихъ въ Дуфилэ.



Скамья негровъ бонго.

Скамья негровъ бонго.

Туда же рѣшилъ отправиться и Юнкеръ. Онъ снарядился съ помощью Эмина, который ссудилъ его 300 талеровъ, на случай, если ему пришлось бы пробраться далѣе на югъ, гдѣ уже за все приходилось платить наличными. Друзья на всякій случай сговорились относительно

шифрованной переписки; 7 іюня Юнкеръ покинулъ Ладо.

Не легко было, конечно, нашему путешественнику разстаться со своими коллекціями, результатами пятилѣтняго упорнаго труда. Въ этихъ сокровищахъ его заключалась не только работа коллектора, но и извѣстная доля удачи. Работу такого рода едва-ли когда либо удается повторить съ одинаковымъ успѣхомъ. Въ виду скудости снаряженія, Юнкеру пришлось захватить нѣкоторые изъ этнографическихъ предметовъ съ тѣмъ, чтобы подарить ихъ туземнымъ князьямъ. Переѣздъ въ Дуфилэ былъ совершенъ частью сухимъ путемъ, частью же на баркѣ, которую съ большимъ усиліемъ тянуло человѣкъ 10 — 15 бичевникомъ по руслу, усѣянному камнями и скалами. Въ Кирѣ, гдѣ Юнкеръ высадился, онъ встрѣтился съ частнымъ секретаремъ Эмина, Ахмедъ-Махмудомъ, скупавшимъ зерновой хлѣбъ для Ладо; изъ своихъ большихъ запасовъ онъ охотно надѣлилъ Юнкера табакомъ, бусами и нѣкоторыми другими необходимыми предметами. По дорогѣ встрѣчались солдаты, возвращавшіеся изъ покинутыхъ теперь станцій дальняго юга. Многіе изъ людей, прибывшихъ изъ Латука, страдали риштою (Filaria medinensis), столь распространенною въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Ришта часто встрѣчается въ области Бахръ-эл-Газаль; на югѣ она рѣдка и появленіе ея въ Латукѣ объясняется, повидимому, тѣмъ, что тамъ пьютъ болотную, а не проточную воду. Во время пути Юнкеръ сдѣлалъ весьма отрадное наблюденіе надъ бари, которые, подъ вліяніемъ окружающаго ихъ благоустройства, стали постепенно привыкать къ земледѣлію. Даже въ Ладо, гдѣ они попрежнему нищенствовали, попадались женщины бари, нанимавшіяся молоть муку или продававшія дрова и плоды; мужчины продавали птицъ и молоко. Послѣднее, впрочемъ, было весьма не аппетитно, такъ какъ бари имѣютъ отвратительную привычку выполаскивать посуду для мо-

лока коровьей мочею. На привалахъ Юнкеръ останавливался въ удобныхъ серибахъ, устроенныхъ на случай проѣзда Эмина; только въ немногихъ мѣстахъ ему приходилось ночевать въ грязныхъ хижинахъ туземцевъ.

Въ Дуфилэ правителемъ былъ Гавашъ-эфенди, уже прощенный Эминомъ. Онъ встрѣтилъ Юнкера во главѣ другихъ чиновниковъ, но при всемъ своемъ желаніи не могъ ему устроить сколько нибудь сносное пребываніе въ Дуфилэ. Станція переполнена была народомъ, постоянно прибывавшимъ изъ Ладо. Писцы привозили съ собою множество слугъ и всякой рухляди. Иные изъ нихъ требовали до 100 носильщиковъ и претендовали на то, чтобы тащили на ангаребахъ и ихъ самихъ и ихъ женъ. Это было бы немыслимо при управленіи Гордона и Джесси, говоритъ Юнкеръ. Благодаря этой массѣ вновь прибывшихъ лицъ, на станціи становилось тѣсно и цѣны на предметы потребленія непомѣрно повысились. Санитарное положеніе Дуфилэ было отчаянное; къ тому же городъ лежалъ на низменномъ берегу Нила и рѣка въ этомъ мѣстѣ была обыкновенно мелка. У Юнкера переболѣла вся прислуга и ему временно пришлось отказаться отъ собственнаго хозяйства. Дождливый періодъ былъ выраженъ въ этомъ году слабо; за весь іюль выпало едва десять дождей и то незначительныхъ.

Наступилъ августъ. Никакихъ попытокъ къ осуществленію угрозъ со стороны махдистовъ сдѣлано не было. Съ другой стороны не прибывалъ и пароходъ изъ Хартума. Но Юнкеръ, подобно многимъ другимъ, вѣрилъ, или лучше сказать хотѣлъ вѣрить, въ то, что пароходъ этотъ прибудетъ. Безъ всякаго сомнѣнія и на него произвелъ извѣстное впечатлѣніе ложный слухъ о томъ, что Гордонъ прибылъ въ Хартумъ съ 60,000 солдатъ. Когда Юнкеръ въ первыхъ числахъ сентября покинулъ ненавистный ему Дуфилэ и переселился обратно въ Ладо, ему тамъ разсказывали, что Махди показывалъ своимъ приближеннымъ

закрытую корзину, говоря, что въ ней души тѣхъ людей, которые пришли съ Гордономъ и что 20,000 изъ нихъ поглотитъ земля, 20,000 исчезнутъ въ воздухѣ, а остальные перейдутъ къ нему.

Въ виду постоянныхъ смутъ среди окрестныхъ туземцевъ Эминъ рѣшился сосредоточить гарнизоны дальнихъ станцій въ Амади на восточномъ берегу Ейя; станція эта такимъ образомъ должна была стать форпостомъ для Ладо. Теперь же усиленно принялись за укрѣпленіе Ладо. Къ удивленію Юнкера, до сихъ поръ почти ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи; онъ принялъ дѣятельное участіе въ работахъ по укрѣпленію какъ совѣтомъ, такъ и дѣломъ. Эминъ былъ боленъ и вообще рѣдко покидалъ самую станцію, поэтому Юнкеръ замѣнялъ его въ надзорѣ за работами. Тѣмъ не менѣе работы эти затянулись до ноября. Съ другой стороны усиливались запасы провіанту и даже свезено было на станцію множество топлива.

Юнкеръ устроился приблизительно попрежнему и нанялъ вольноотпущенную дѣвушку изъ племени галла, по имени Амина. Съ тѣхъ поръ хозяйство его значительно улучшилось; дѣвушка, между прочимъ, усердно работала въ огородѣ и ухаживала за птицею. Въ серединѣ ноября прибыли вѣстники отъ Анфины, вождя племени вагунго, съ жалобами на то, что сосѣди его, Камисоа и Кабрега, король страны Буньоро, пользуются отступленіемъ египтянъ и возобновили противъ него враждебныя дѣйствія. Путь къ Анфинѣ имѣлъ важное значеніе на случай отступленія къ югу, но въ данный моментъ Эминъ могъ только обнадежить этого князя обѣщаніями помочь ему въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе онъ воспользовался случаемъ, чтобы послать черезъ посредство Анфины письма южнымъ путемъ въ Европу.

Новый 1885 годъ встрѣченъ былъ болѣе или менѣе торжественно. Юнкеръ облачился по этому случаю въ

лучшій костюмъ свой, положимъ, уже ношенный въ Европѣ. Въ общемъ гардеробъ его сильно пострадалъ и, чтобы наставить воротникъ къ своему пальто, ему уже въ Дуфилэ пришлось укоротить полы его. Дѣйствительно, отсутствіе парохода, появленіе котораго было всеобщимъ

Г. Касати.

пожеланіемъ къ новому году, отражалось весьма чувствительно не только на костюмахъ обитателей станціи, прислужницы которыхъ уже стали появлятьея въ костюмѣ дикарокъ, но и на пропитаніи. Сахаръ замѣненъ былъ медомъ, табакъ курили только мѣстный.

Прибывшій въ это время Касати, который уже ранѣе прислалъ Юнкеру довольно значительныя этнографическія

коллекціи, между прочимъ, захватилъ съ собою замѣчательнаго смышленаго шимпанзе. Несмотря на свою воровatость, обезьяна эта стала общимъ любимцемъ. Между прочимъ шимпанзе этотъ поджаривалъ себѣ мясо и бобы на угляхъ и ловко выгребалъ ихъ изъ жара, дѣйствуя, подобно неграмъ, указательнымъ пальцемъ. Онъ очень любилъ возбуждать сожалѣніе и, какъ ребенокъ, часто указывалъ на то или другое мѣсто своего тѣла, которое будто бы болѣло; онъ вполнѣ удовлетворялся, когда по этому мѣсту слегка проводили рукою. Пуще всего онъ боялся воды, но горе тому, кто дразнилъ эту обезьяну и въ то же время показывалъ, что боится ея. Однажды прислужница Юнкера плеснула въ него водой и потомъ убѣжала; онъ тотчасъ же догналъ ее и сильно поколотилъ.

Тѣмъ временемъ въ окрестностяхъ станціи Амади было неспокойно. Зачастую происходили стычки съ туземцами, получались подметныя письма и даже оффиціальныя приглашенія сдаться. Однажды получена была одежда послѣдователя Махди, предназначенная для Эмина. Начальникъ станціи, однако, не счелъ возможнымъ доставить ее губернатору. Это былъ нѣкій Морджанъ-ага, человѣкъ, пользовавшійся извѣстнымъ именемъ, какъ участникъ мехиканской экспедиціи, но въ тоже время крайне недѣятельный. Несмотря на множество припасовъ и нѣкоторыя удачныя вылазки, онъ впослѣдствіи сдалъ Амади махдистамъ.

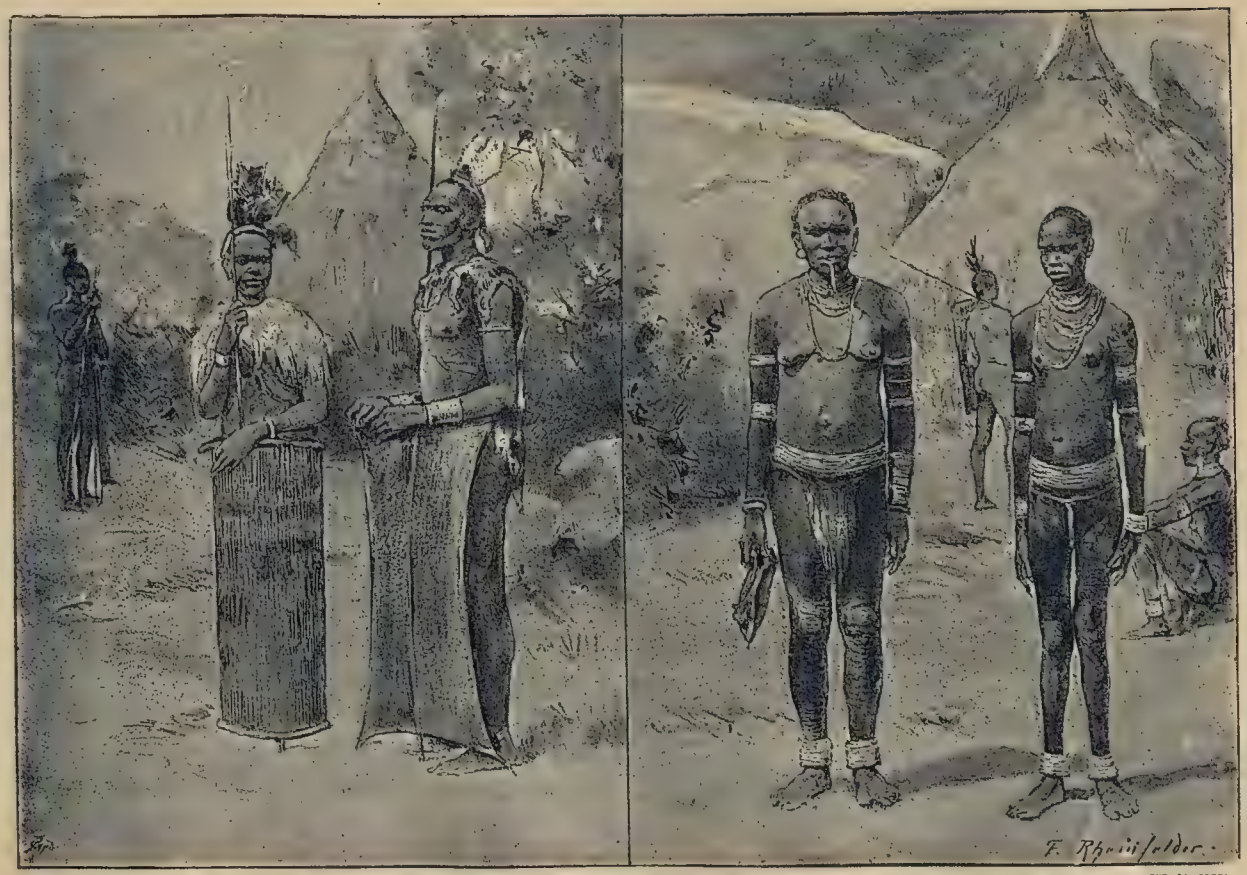
Вскорѣ прибыли новые послы отъ Анфины съ повторною просьбою о помощи и съ извѣстіемъ, что путь къ югу отрѣзанъ врагами и письма изъ Ладо, поэтому, не отправлены по назначенію. Такимъ образомъ обитатели Ладо лишены были возможности получить вѣсти о событіяхъ въ Египтѣ южнымъ путемъ и дать знать въ Каиро о своемъ далеко не завидномъ положеніи. Тогда Юнкеръ въ интересахъ общаго дѣла рѣшился лично отправиться къ Анфинѣ и открыть сообщеніе съ югомъ. Юнкеръ покинулъ Ладо 26 января, захвативъ съ собою множество писемъ,

среди которыхъ находились и письма Эмина къ министрамъ въ Каиро, къ Швейнфурту и къ миссіонерамъ въ странѣ Бугандо. По совѣту Эмина Юнкеръ хотѣлъ было захватить съ собою писца. Желающихъ было множество; предлагалъ свои услуги даже Вита. Въ концѣ концовъ Юнкеръ поѣхалъ одинъ.

Ваделаи, до котораго Юнкеръ добрался изъ Дуфилэ на маленькомъ пароходикѣ, лежитъ на лѣвомъ крутомъ берегу Нила и за послѣднее время было укрѣплено. Это оказалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что негры, въ виду постепеннаго отступленія гарнизона, уже давно рѣшили, что «турку»—конецъ, и что его, слѣдовательно, нечего бояться. На дальнѣйшемъ пути отъ Ваделаи Юнкеръ хотѣлъ было позаняться съемками, но пароходъ постоянно путался среди зарослей папируса и острововъ травы или садился на мель. Въ концѣ концовъ капитанъ отказался отъ всякихъ попытокъ идти впередъ и Юнкеру пришлось пробраться пѣшкомъ до Гатъ-эт-тора, т. е. перевоза. Туземцы, покоренные луры, разбѣгались при видѣ Юнкера и его провожатыхъ. Далѣе на западъ, въ горахъ живутъ непокоренные луры, а еще западнѣе лунду, обширныя стада которыхъ неоднократно являлись приманкою для хищныхъ египтянъ. Переправа совершена была на первобытныхъ негрскихъ лодочкахъ, хотя и съ помощью араба, высланнаго Гавашемъ.

На правомъ берегу обитали шули, которые также не безъ опаски приближались къ чужеземцамъ. Люди эти отличались прекраснымъ сложеніемъ; лица нѣкоторыхъ покрыты были изящными узорами бѣлаго цвѣта, напоминавшими узоры а-биссанговъ, встрѣченныхъ на пути отъ Бакангаи къ Канна. Шули, повидимому обращаютъ большое вниманіе на убранство головы. Волосы они носятъ собранными въ пучекъ, или-же покрываютъ ихъ колпакомъ, украшеннымъ раковинами каури.

Подвигаясь впередъ, путники уже издали слышали



тип. ед. гопне.

Негры племени шули.

шумъ Сомерсетъ-Нила. Вотъ среди прекрасныхъ деревъ блеснула рѣка. Русло ея изобилуетъ крупными каменьями, благодаря чему на рѣкѣ часто образуются стремнины. Нѣсколько въ сторонѣ отъ рѣки, среди воздѣланной мѣстности, находилась резиденція Анфины, вождя племени вагунго. Анфина щеголялъ въ европейскомъ костюмѣ и говорилъ по арабски, но оказался безтолковымъ и къ тому еще косноязычнымъ малымъ. Онъ встрѣтилъ своего гостя, отъ котораго ожидалъ помощи противъ враговъ, почетными выстрѣлами, но никакихъ другихъ приготовленій къ пріему его не сдѣлалъ.

Вождь негровъ шули

Мало того, онъ вскорѣ удалился въ свое жилище, расположенное на островкѣ среди стремнинъ и доступное лишь лицамъ, хорошо знакомымъ съ фарватеромъ. Тогда Юнкеръ, въ свою очередь, сдѣлалъ видъ,

что собирается въ обратный путь. Это подѣйствовало: Анфина, сталъ лично присутствовать при сооруженіи хижины для своего гостя, но работа шла изъ рукъ вонъ плохо. При ближайшемъ знакомствѣ онъ оказался человѣкомъ, преисполненномъ всякихъ суевѣрій. При своихъ поѣздкахъ по рѣкѣ онъ никогда не пользовался общею пристанью, такъ какъ тамъ стояло дерево, которое, по преданіямъ, должно было принести смерть князьямъ. Среди почетныхъ людей, окружавшихъ его, распространены были пищевые запреты: они не ѣли куръ, яицъ и рыбъ; Анфина и его вожди не ѣли баранины. Къ сожалѣнію, Юнкеръ не распрашивалъ ихъ ближе о происхожденіи этихъ запретовъ, имѣющихъ, по большей части, связь съ религіозными или генеалогическими воззрѣніями дикарей.

По отношенію къ Юнкеру Анфина, какъ это оказалось впослѣдствіи, велъ себя самымъ предательскимъ образомъ: онъ добивался лишь того, чтобы задержать его у себя; съ этою цѣлью онъ, по мѣрѣ силъ своихъ, препятствовалъ его сношеніямъ съ Камисоа и разсказывалъ ему всевозможные ужасы о свирѣпостяхъ этого послѣдняго и Кабреги и о твердомъ рѣшеніи ихъ не пропускать къ себѣ европейцевъ. Извѣстное разнообразіе въ тоскливое пребываніе у Анфины и постоянныя ожиданія отвѣта отъ Камисоа, къ которому отправлены были послы, внесли представители могущественнаго и страшнаго племени ланго, которыхъ вагунго-ваньоро называютъ вакиди; они прибыли сюда съ востока съ цѣлью обмѣна рогатаго скота и коровьяго масла на желѣзо въ формѣ лопатъ и невольниковъ

Послѣ неоднократныхъ попытокъ завязать сношенія съ Камисоа, Юнкеръ, въ концѣ концовъ, получилъ посланный ему въ подарокъ трумбашъ обратно съ замѣчаніемъ, что князь разсчитывалъ получить лучшій подарокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ ему прійти. Несмотря на эту нелюбезную форму пригла-

Гип. Эд. Гоппе.

На Сомерсетъ-Нилѣ.

шенія, Юнкеръ рѣшился послѣдовать ему; Камисоа былъ ему необходимъ.

27 марта онъ выступилъ въ путь. Не безъ обычныхъ докучливыхъ ссоръ съ носильщиками, оказывавшимися настолько своевольными и плохими, что ихъ приходилось мѣ-

Негръ Лаго.

нять черезъ каждыя 20 — 25 минутъ, Юнкеръ добрался до Камисоа. По дорогѣ онъ остановился у вдовы Ріонги, дородной матроны Ямкинза, благорасположеніе которой онъ пріобрѣлъ, сообщивъ ей о томъ, что европейцы до сихъ поръ помнятъ гостепріимство ея покойнаго мужа. Когда Юнкеръ принялся за свою скромную трапезу, Ямкинза мгновенно удалилась: женщина племени магунго не должна ви-

дѣть мужчину въ то время, когда онъ ѣстъ, иначе ей грозитъ несчастіе.

Камисоа, сынъ Ріонги, принялъ нашего путешественника, въ сущности, очень дружелюбно, хотя, повидимому, дѣйствительно возвратилъ ему трумбашъ въ надеждѣ поживиться чѣмъ либо лучшимъ. Теперь онъ опять выпросилъ его, послѣ того какъ убѣдился, что Юнкеръ не хотѣлъ подарить ему европейскій костюмъ, который ему, видимо, очень хотѣлось имѣть. Въ свитѣ Камисоа находился толстенькій старичекъ въ ветхомъ темносинемъ мундирѣ съ потертымъ краснымъ воротникомъ; фалды этого мундира успѣли исчезнуть и вмѣсто нихъ болталась сѣрая парусина, быть можетъ уцѣлѣвшая отъ подкладки, а то и спеціально пришитая. Тутъ же находились послы Кабреги, очевидно, подосланные съ тѣмъ, чтобы высмотрѣть, каковъ европеецъ. Отъ нихъ Юнкеръ, между прочимъ, узналъ, что Мтеза, неоднократно упоминаемый европейскими путешественниками король Буганды, умеръ уже въ октябрѣ 1884 года и что ему безъ всякихъ смутъ наслѣдовалъ сынъ его Муанга, у котораго въ настоящее время находилось трое европейцевъ. Камисоа взялся переправить письма Юнкера къ Муангѣ, за что ему обѣщано было три ружья; Юн-

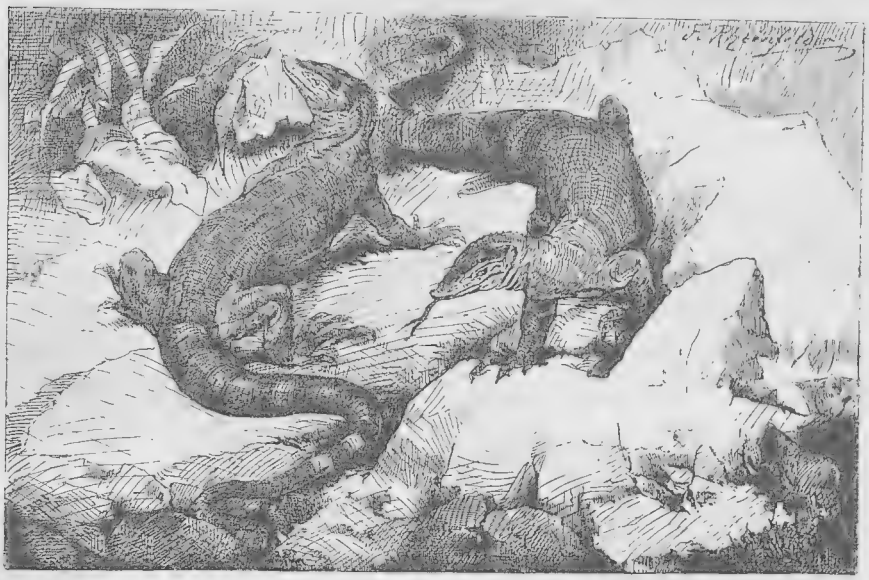
Токъ (Buceros erytrorhynchus).

керъ, съ своей стороны, послалъ подарки Кабрегѣ и Муангѣ. Особенный эффектъ произвелъ на Камисоа и на его приближенныхъ имѣвшійся въ числѣ другихъ подарковъ складной стаканчикъ, который имъ показался чѣмъ-то совершенно неправдоподобнымъ. Къ подаркамъ, предназначеннымъ Кабрегѣ, Юнкеръ, помимо этого стаканчика, приложилъ еще портретъ Горчакова и Шувалова изъ иллюстрированнаго календаря, объяснивъ, что это изображенія большихъ матóнголей, т. е. сановниковъ, изъ его родной страны. Камисоа, въ свою очередь, передалъ подарки Юнкеру, котораго особенно пріятно поразилъ кофе, разводимый въ Буньоро. Туземцы, кстати замѣтить, не употребляютъ кофе жаренымъ, а въ свѣжемъ видѣ зернами, подобно тому, какъ они ѣдятъ кола.

Возвратившись въ Анфинѣ, Юнкеръ, конечно, пожурилъ его за то, что тотъ, какъ теперь вполнѣ выяснилось, его обманывалъ на счетъ Камисоа, но въ то же время и одарилъ этого князька, такъ какъ ему, въ интересахъ сохраненія южныхъ путей, необходимо было пользоваться расположеніемъ Анфины. Здѣсь же онъ получилъ извѣстіе о взятіи Амади, а затѣмъ и страшную вѣсть о паденіи Хартума. Судя по письмамъ Эмина, въ Ладо опять начались оживленныя пренія по поводу того удержать ли за собою станцію, или отступать на югъ. Касати стоялъ за Ладо; большинство офицеровъ требовало отступленія. Однако же, махдисты сами отступили на сѣверъ.

Юнкеръ продолжалъ пребывать у Анфины и энергично принялся за устройство огорода; несмотря на твердое рѣшеніе не коллекціонировать, въ виду очевидной невозможности доставить коллекціи въ Европу, онъ, какъ истый любитель, не могъ себѣ отказать въ удовольствіи присоединить при случаѣ тотъ или другой предметъ къ своимъ собраніямъ.

Такъ онъ пріобрѣлъ прекрасно окрашенный экземпляръ варануса. Животное это задремало у него въ саду на солнцѣ, гдѣ его замѣтилъ мальчуганъ-прислужникъ и пригвоздилъ копьемъ. Но этимъ и ограничилось его геройство, такъ какъ варанусъ страшно бился и мальчикъ, схватившись рукою за древко копья, не зналъ, что сдѣлать со своею жертвою. Подоспѣвшіе люди убили варануса и Юнкеръ его скелетировалъ.



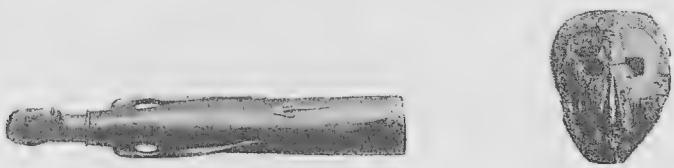
Varanus arenarius.

Ночи въ іюлѣ были прохладныя; передъ восходомъ солнца температура опускалась до 16—17°, въ полдень въ тѣни обыкновенно было около 25°, рѣже болѣе 30°. Въ продолженіи этого мѣсяца только два раза выпадалъ порядочный дождь; съ первыхъ дней августа начался дождевой періодъ, закончившійся лишь 24 ноября. У Анфины же сдохъ старый осликъ Юнкера, прошедшій со своимъ господиномъ около 7000 километровъ; про него дѣйствительно можно было сказать, что онъ выслужилъ тѣ 29 талеровъ, которые за него въ свое время были заплачены.

Вскорѣ обнаружился новый и еще болѣе гнусный обманъ Анфины; онъ задержалъ письма съ юга на 34 дня; когда же его изобличили, онъ послалъ ихъ прямо въ Ваделаи. Достойнымъ сотоварищемъ Анфины оказался и Камисоа, такъ какъ онъ, несмотря на полученныя имъ ружья, въ свою очередь, не доставилъ взятое имъ письмо по назначенію. Черезъ Эмина путешественникъ нашъ узналъ впослѣдствіи, что упомянутыя письма съ юга были ничѣмъ инымъ, какъ приглашеніемъ Кабреги прибыть къ нему. Помимо этого, Эминъ сообщалъ цѣлую серію слуховъ о томъ, что англичане идутъ на выручку и т. п. Слухи эти, конечно, вскорѣ оказывались ложными, но тѣмъ не менѣе достаточны были, чтобы возбудить новыя надежды на то, что Хартумъ не взятъ.

Эминъ переселился 10 іюня въ Ваделаи и оттуда прислалъ Юнкеру книги, бусы для обмѣна и другіе необходимые предметы. Къ половинѣ октября прибылъ къ нашему путешественнику Вита Гасанъ, появленіе котораго онъ привѣтствовалъ отъ души. Вита былъ самъ отличнымъ садоводомъ, но все же отдалъ полную честь трудамъ Юнкера. Дѣйствительно, онъ достигъ блестящихъ результатовъ и, въ отвѣтъ на любезныя посылки Эмина, могъ посылать ему цѣлыя корзины овощей.

За послѣднее время обстоятельства складывались такъ, что необходимость открытія пути на югъ становилась все болѣе неотложною. Вотъ почему рѣшено было, чтобы Юнкеръ и Вита Гасанъ отправились къ Кабрегѣ. Они прибыли въ Ваделаи, а 1 января 1886 года простились съ Эминомъ и Касати, пребывавшимъ въ это время на этой же станціи.



Сигнальный рогъ и деревянная маска негровъ бонго.

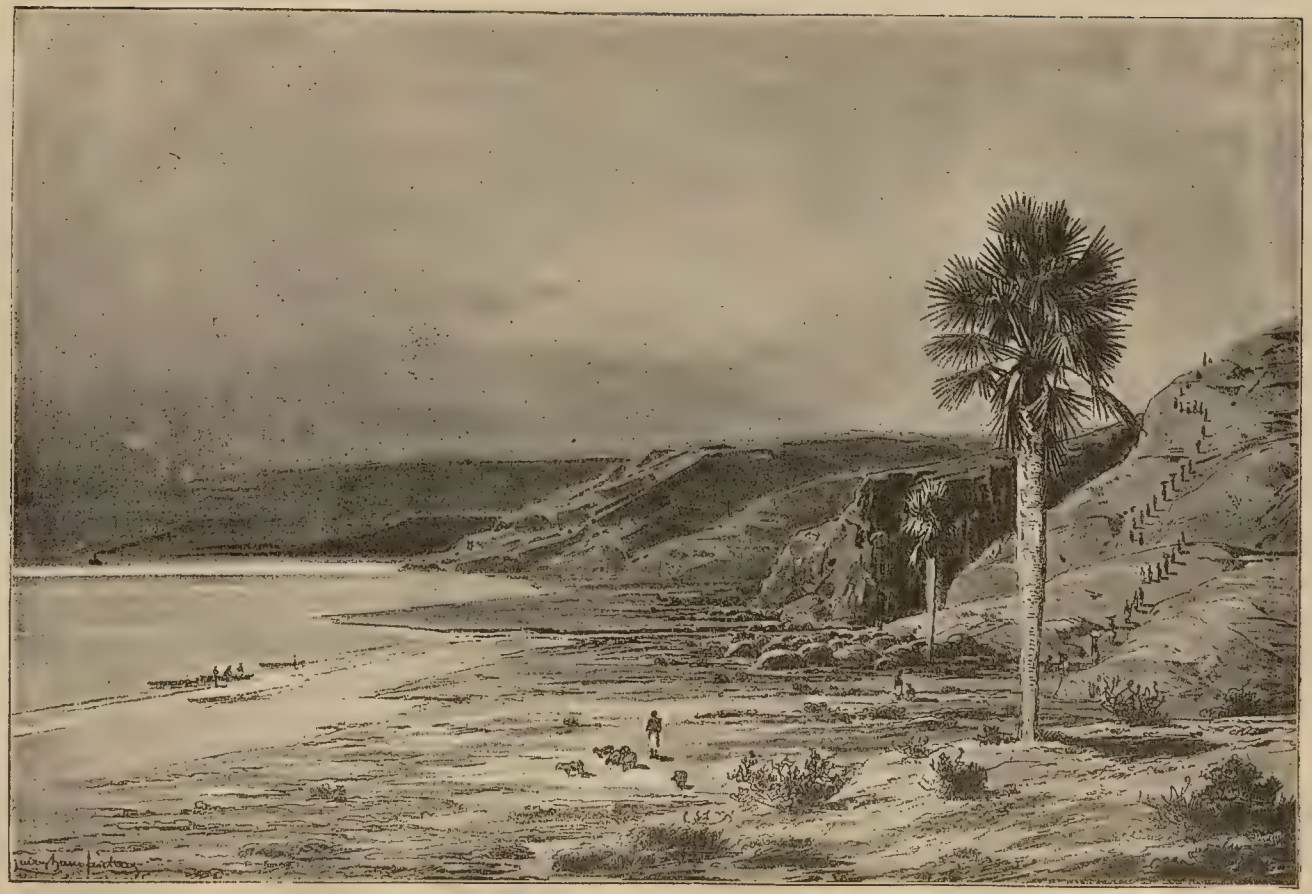
ГЛАВА XI.

Буньоро и Буганда.

На пути въ Буньоро. — Землетрясеніе на озерѣ Альбертъ-Ніанза. — Кибиро и соляной промыселъ. — Пріемъ у Кабреги. — Жены и скотъ Кабреги. — Интриги при дворѣ его. — Французское письмо араба. — Вѣсти отъ миссіонеровъ. — Паденіе Хартума. — Приготовленія къ войнѣ. — Переправа черезъ рѣку Кафу. — Болѣзнь. — Два мѣсяца въ безлюдной мѣстности. — Резиденція Муанги. — Гостепріимство миссіонеровъ. — Преслѣдованіе христіанъ. — Пріемъ у Муанги. — Вымогательства его. — На озерѣ Викторія-Ніанза. — Область къ югу отъ озера. — Типпо Типъ. — Убійство Гизеке. На пути въ Европу. — Нѣсколько словъ о снаряженіи Юнкера.

Юнкеръ оставилъ Эмина среди довольно смутныхъ обстоятельствъ. Люди, окружавшіе его, нерѣдко отказывали ему въ повиновеніи или пускались интриговать. Пришлось отставить нѣсколькихъ видныхъ чиновниковъ и въ томъ числѣ частнаго секретаря Эмина. Благодаря этому число недовольныхъ увеличилось. Ладо и Регафъ осаждены были неграми бари. Къ счастью, бунтовавшіе негры были отбиты и, вслѣдъ затѣмъ, строго наказаны.

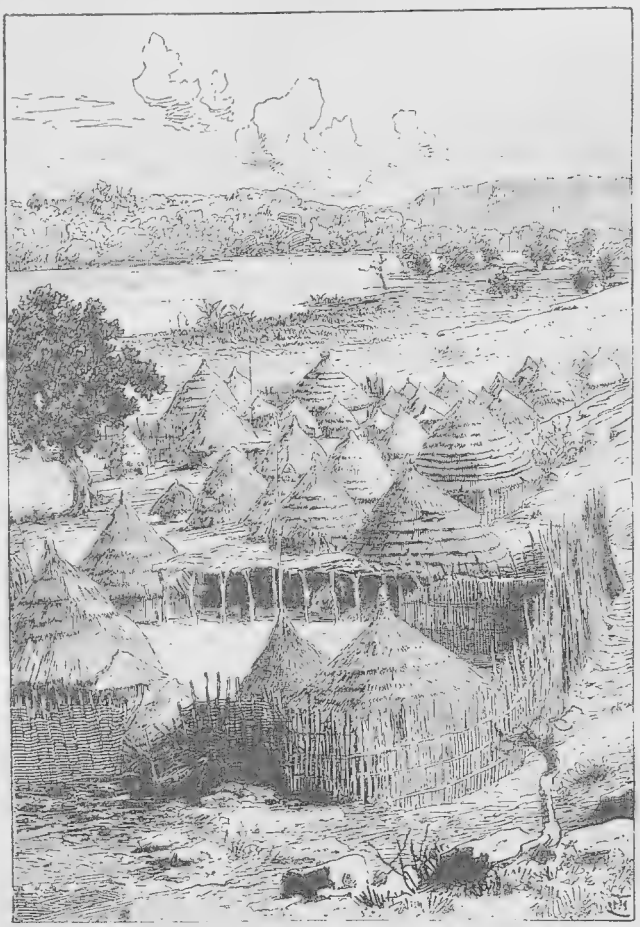
Юнкеръ и Вита вступили на пароходъ «Хедивъ» не безъ нѣкотораго недовѣрія. Это былъ тотъ самый пароходъ, который въ прошломъ году застрялъ на рѣкѣ Бахръ-эл-Джебелѣ при поѣздкѣ Юнкера къ Анфинѣ. За Готъ-эт-Торомъ виднѣются деревушки шули; далѣе на югъ слѣдуютъ поселенія луровъ, окруженныя полями. Ландшафтъ замѣтно измѣняется. Далеко выступающіе на сѣверъ отроги горъ Беккера, расположенныхъ на правомъ берегу Альбертъ-Ніанза, ближе и ближе подступаютъ къ рѣкѣ; они собственно и являются причиною измѣненія въ направленіи Сомерсетъ-Нила, продолженіемъ котораго служитъ Бахръ-эл-Джебель. Озеро Альбертъ-Ніанза, впервые от-



тип. ед. гоппе.

Кибиро на Альбертъ-Ньанзѣ.

крытое Беккеромъ въ 1864 году, называется у ваньора Мвутанъ-Нзиге, т. е. озеро саранчи. Горы на западномъ берегу его достигаютъ 5000 футовъ; восточный берегъ въ началѣ низменный, а затѣмъ начинается обширное плоскогоріе, возвышающееся близъ Кибиро на 450 метровъ. Невдалекѣ отъ Кибиро послышался на озерѣ какой-то странный и вмѣстѣсътѣмъ сильный шумъ, пароходъ содрогнулся, а на берегу раздались отчаянные крики людей.—Это было землетрясеніе, явленіе, довольно обыденное въ этой мѣстности. Однажды случилось землетрясеніе и въ Ладо; виновникомъ его была признана гора Регафъ, которую въ виду этого рѣшено было умилостивлять жертвами.



Поселеніе негровъ мади на Бахръ-эл-Джебелѣ.

Кибиро—небольшое поселеніе, славящееся добычею соли, которою здѣсь занимаются исключительно женщины. Зна-

чительная часть промысловъ сосредоточена въ рукахъ Кабреги, который иногда совершенно воспрещаетъ вывозъ этого цѣннаго продукта въ Бугандо. Благодаря такому запрету въ настоящее время разгорѣлась, подобно тому какъ это и прежде неоднократно случалось, вражда между сосѣдями. Въ Кибиро находятся цѣлебные горячіе источники съ сѣрнистымъ запахомъ и вкусомъ. Помимо этого, берегъ поражаетъ пустынностью; кое гдѣ лишь растетъ ядовитая Calotropis procera и стоятъ отдѣльныя борасовыя пальмы.

Благодаря предупредительности Кабреги, путешественники снабжены были топливомъ, пищею и даже запасами соли. За Кибиро слѣдуетъ довольно трудный подъемъ въ горы, а затѣмъ начинается плоскогорье Буньоро, возвышающееся приблизительно на 500 метровъ надъ озеромъ. Въ сущности пространство между Альбертъ-Ніанза и Викторія-Ніанза наполнено обширнымъ плоскогоріемъ. Видъ на озеро съ высоты былъ великолѣпенъ и превосходилъ по грандіозности своей и цѣльности, производимаго имъ впечатлѣнія, все то, что Юнкеръ передъ тѣмъ видѣлъ въ области Уэллэ-Макуа. Путь въ общемъ шелъ на югъ съ небольшими отклоненіями на востокъ.

Пріемъ, оказанный европейцамъ, прибывшимъ 7 января въ резиденцію Кабреги, былъ далеко не привѣтливъ. Не доходя до резиденціи, носильщики сбросили свои ноши у какихъ-то жалкихъ хижинъ, очевидно, предназначенныхъ для гостей. Долгое время спустя, явились люди съ пищевыми запасами. Когда они на другой день показались вновь, Юнкеръ, какъ опытный путешественникъ, заявилъ имъ, что онъ, въ виду подобнаго пріема, не будетъ распаковывать подарковъ, приготовленныхъ для Кабреги. Король поспѣшилъ извиниться и предоставилъ европейцамъ право выбирать себѣ самимъ мѣсто для сооруженія новыхъ хижинъ. Тщетно прождавъ проводниковъ, они сами рѣшили пойти на поиски за лучшимъ мѣстомъ. Появленіе ихъ въ резиденціи произвело чрезвычайный переполохъ. Какіе-то

люди забѣгали въ разныя стороны и знаками показывали чужеземцамъ, что имъ слѣдуетъ удалиться. Европейцы усѣлись въ тѣни какого-то забора на стульяхъ, которые за ними несли ихъ слуги. Тѣмъ временемъ прибѣжали сановники и заявили, что Кабрега сильно гнѣвается на гостей. Оказалось, что безъ высочайшаго разрѣшенія, а тѣмъ болѣе въ новолуніе, которое какъ разъ наступило, нельзя было приближаться къ резиденціи. Тѣмъ не менѣе вопросъ о мѣстѣ для новыхъ хижинъ былъ тутъ же рѣшенъ въ виду нетерпѣливости Юнкера. Въ продолженіе трехъ дней послѣ появленія новой луны Кабрега, окруженный кудесниками и магами, совершалъ различные мистическіе обряды; затѣмъ, на несчастье европейцевъ, черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія ихъ, умерла бабушка Кабреги и это было причиною новой отсрочки аудіенціи. Король былъ положительно недоступенъ; даже и на рогатый скотъ его нельзя было взглянуть и Бинза съ однимъ изъ солдатъ, сопровождавшихъ Юнкера, чуть не были избиты за свое любопытство. Получить чашку молока отъ этихъ коровъ считалось большимъ отличіемъ; оно шло исключительно на откармливаніе женъ короля, такъ какъ здѣсь тучность считалась за признакъ красоты. Къ осмотру скота не допускались даже туземцы, въ виду опасенія «дурного глаза».

Кабрега принялъ гостей своихъ 13 января въ обширномъ помѣщеніи. Это былъ видный мужчина среднихъ лѣтъ, одѣтый въ туземный костюмъ изъ коры, концы которой скрѣплены были на лѣвомъ плечѣ; волоса его были коротко острижены. По выраженію его веселыхъ глазъ трудно было предположить, что онъ способенъ на самыя страшныя жестокости. Онъ сидѣлъ на высокомъ стулѣ; передъ нимъ лежалъ въ видѣ ковра кусокъ пестрой матеріи, покрытый шкурой леопарда. По обѣ стороны сидѣли придворные на полу, усыпанномъ мягкою, сухою травою. Европейцы усѣлись по правую сторону короля на принесенныхъ вслѣдъ за ними складныхъ стульяхъ. Королю

переданы были подарки Эмина, среди которыхъ находились два индюка, страшно разсмѣшившихъ его своимъ видомъ. Онъ нѣсколько разъ громко хохоталъ, разсматривая ихъ. Затѣмъ вошло нѣсколько арабовъ-торговцевъ, съ которыми европейцы давно хотѣли завязать сношенія, но арабы и на этотъ разъ должны были держаться въ сторонѣ. Вопросъ объ отправкѣ корреспонденціи на югъ

Дѣвушка племени ваньоро.

не былъ затронутъ при первомъ свиданіи съ королемъ, а между тѣмъ на другой день послѣ этого свиданія умеръ сынъ Кабреги отъ оспы, свирѣпствовавшей въ это время въ Буньоро. Это опять замедлило разрѣшеніе главной задачи нашихъ пословъ.

Скоро европейцы настолько освоились среди придворныхъ, что нашли виновника всѣхъ задержекъ и интригъ противъ нихъ. Это былъ арабъ Абдъ-ер-Рахманъ, настолько втершійся въ довѣріе Кабреги, что онъ значилъ у него болѣе всѣхъ министровъ. Арабъ этотъ вскрывалъ и задерживалъ рѣшительно всѣ письма европейцевъ; онъ намѣренъ былъ препятствовать дальнѣйшему путешествію ихъ, опасаясь того, чтобы султанъ занзибарскій, непосредственный его властитель, не узналъ чего либо о его многочисленныхъ продѣлкахъ. Юнкеръ изобличилъ его, спросивъ самымъ невиннымъ образомъ у Кабреги тѣ письма, которыя у него еще имѣлись. Принесено было нѣсколько писемъ, среди которыхъ оказался даже рапортъ Эмина къ египетскому правительству. Аудіенціи у короля обходились довольно дорого: Юнкеръ долженъ былъ ему пожертвовать бѣлый пикейный пиджакъ, а затѣмъ черезъ нѣкоторое время и брюки къ этому пиджаку. За то онъ выхлопоталъ разрѣшеніе на отправку писемъ въ Буганду; впрочемъ, онъ долженъ былъ пригрозить тѣмъ, что въ случаѣ нужды самъ отправится туда; затѣмъ разрѣшены были свиданія съ арабами. Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго свиданія Юнкеру подброшено было письмо, написанное на довольно правильномъ французскомъ языкѣ. Письмо это озаглавлено было: «A Monsieur le voyageur dans cette ville» и подписано «Mohammed Biri, ancien interprète de l'Association Internationale pour l'exploration de l'Afrique». Въ письмѣ говорилось о томъ, что имѣется важное извѣстіе объ экспедиціи Фишера, направлявшейся съ юга и задержанной Муангою, и совѣтовалось не разыскивать отправителя письма. При посѣщеніи арабской колоніи

Юнкеръ обратилъ вниманіе на одного молодого торговца и заговорилъ съ нимъ по арабски. Тотъ свободно отвѣтилъ по французски. Оказалось, что это былъ нѣкій Магометъ-Бири, уроженецъ Триполиса, служившій переводчикомъ въ Каремѣ и бывавшій даже въ Европѣ. Онъ тотчасъ же условился съ Юнкеромъ, что навѣститъ его ночью и, дѣйствительно, прибылъ къ нему въ условленный часъ, вооруженный револьверомъ и въ костюмѣ туземца. Онъ разсказалъ Юнкеру о томъ, что Фишеръ шелъ къ нему на выручку и въ настоящее время направился въ Маньему, что Муанга не пропускаетъ ни одного европейца и велѣлъ казнить епископа Ганнингтона; наконецъ, онъ ему передалъ, что у Абдъ-ер-Рахмана все еще имѣются письма. На основаніи этой бесѣды путешественникъ нашъ безъ всякихъ обиняковъ потребовалъ у Абдъ-ер-Рахмана выдачи писемъ. Послѣ нѣкотораго колебанія коварный арабъ сдался. Оказалось, что онъ ни одного письма не отправилъ по назначенію. Въ этихъ болѣе цивилизованныхъ странахъ путешественникъ положительно на каждомъ шагу наталкивался на обманъ или на хищничество; придворные задержали даже подарки, посланные нѣкогда ихъ страшному королю. Невольно ему вспоминались а-занде, у которыхъ за кражу горсточки маиса отрубалась рука...

Спустя нѣсколько дней, Магометъ-Бири отправился въ Буганду, снабженный письмами къ миссіонерамъ.

Вскорѣ послѣ его отъѣзда прибылъ большой пакетъ отъ миссіонера Макей, въ которомъ заключалось между прочимъ множество телеграммъ агентства Рейтера срокомъ по 2 ноября 1885 года. Телеграммы эти убѣдили Юнкера въ томъ, что Хартумъ дѣйствительно палъ и что Египетъ отказался отъ Судана. Среди писемъ находилась оффиціальная бумага министра-президента Нубара-паши, извѣщавшаго на французскомъ языкѣ Эмина, названнаго страннымъ образомъ «le commandant de Gondokoro», что ему нечего расчитывать на помощь съ сѣвера, но что ему

открывается извѣстный кредитъ, на случай, если онъ порѣшилъ отступить къ Занзибару. Юнкеръ отправилъ эту посылку къ Эмину, удержавъ только широкія поля роковыхъ телеграммъ, напечатанныхъ на шелковой бумагѣ. Эта бумага пригодилась ему для папиросъ.

Приводимъ, пользуясь современными источниками, разсказъ о паденіи Хартума. Въ то время, когда Махди подступилъ къ этому городу съ 200.000 человѣкъ, въ немъ было 40.000 жителей и не болѣе 9.000 солдатъ. Хартумцы впослѣдствіи разсказывали Орвальдеру, что достаточно было бы появиться хотя бы нѣсколькимъ англичанамъ, чтобы поднять духъ жителей. Но вѣчная тревога и вѣчныя разочарованія въ обѣщаніяхъ Гордона, постоянно толковавшаго о прибытіи англичанъ, для которыхъ онъ даже нанималъ квартиры, довели ихъ до того, что они предпочитали вѣрную смерть этимъ постояннымъ мучительнымъ тревогамъ. Трудно объяснить себѣ, съ другой стороны, крайнюю медлительность отряда, шедшаго на выручку Хартума. Англичане не воспользовались побѣдою при Абу-Таліи, промѣшкали четыре дня въ Гоба и, дѣйствительно, опоздали въ Хартумъ на два дня. Экспедиція Стюарта, высланная Гордономъ на сѣверъ, была вырѣзана бедуинами. Тѣмъ временемъ, въ городѣ всюду чувствовалась измѣна. Обнаружены были громадныя растраты пищевыхъ запасовъ, а Гордонъ, по добротѣ своей, кормилъ семьи перебѣжчиковъ, рѣшившихъ, какъ подобаетъ истымъ восточникамъ, что имъ самимъ вѣрнѣе стоять на сторонѣ Махди, тогда какъ, въ случаѣ побѣды Гордона, они въ женахъ своихъ будутъ имѣть заступницъ передъ великодушнымъ англичаниномъ. Несравненно серьезнѣе было то обстоятельство, что Гордонъ окружилъ себя людьми, на которыхъ онъ никоимъ образомъ не могъ положиться. Онъ оставилъ безъ отвѣта письма Златина и Луптона, хотя, безъ сомнѣнія, эти выдающіеся люди оказались бы лучшими помощниками Гордона.

Слухи о приближеніи англичанъ заставили Махди ускорить нападеніе. Ночью 26 января 1885 года махдисты перебрались черезъ валъ съ южной стороны, гдѣ очевидно, по недосмотру Гордона или за отсутствіемъ надежныхъ офицеровъ, могущихъ присмотрѣть за всѣмъ, городъ былъ защищенъ въ высшей степени плохо. Ворвавшись въ Хартумъ, махдисты, прежде всего бросились ко дворцу Гордона и къ зданію миссіонеровъ, гдѣ предполагались большія сокровища. Гордонъ вышелъ на встрѣчу толпѣ и началъ что то говорить; за шумомъ его не было слышно. Одинъ изъ махдистовъ съ размаху вонзилъ ему копье въ животъ. Гордонъ упалъ лицомъ впередъ на копье. Тогда ему нанесли еще нѣсколько ударовъ копьями и отрубили голову. — Махди сильно негодовалъ по поводу убійства Гордона, долженствовавшаго, по его соображеніямъ, въ качествѣ плѣнника, послужить украшеніемъ его столицы. Тѣмъ не менѣе, голова его была выставлена на всеобщее поруганіе на базарѣ въ Омдурманѣ, въ столицѣ Махди. Нечего останавливаться на свирѣпостяхъ махдистовъ. Достаточно сказать, что ими было убито до 10.000 человѣкъ. Австровенгерскій консулъ Ганзаль, пользовавшійся всеобщею любовью европейской колоніи, былъ убитъ, какъ мы уже упомянули, однимъ изъ слугъ своихъ, котораго онъ въ свое время облагодѣтельствовалъ. Тѣло Ганзаля вмѣстѣ съ

Гордонъ-паша.

трупомъ собаки его и попугая облиты были керосиномъ и подожжены, а затѣмъ обгорѣлыми брошены въ рѣку. До извѣстной степени щадили только женщинъ и дѣтей женскаго пола, чтобы сохранить ихъ для гаремовъ. Самъ Махди выбралъ себѣ нѣсколько дѣвочекъ лѣтъ пяти, чтобы вырастить ихъ для своего гарема. Добыча была такъ велика, что курсъ, въ виду избытка денегъ, страшно палъ. Городъ былъ раздѣленъ между эмирами; Абдуллахи, между прочимъ, получилъ прекрасный садъ Гордона. Орвальдеръ, находившійся въ это время въ лагерѣ махдистовъ, того мнѣнія, что обычные разсказы о томъ, что Фарадшъ-паша, одинъ изъ видныхъ офицеровъ Гордона, былъ измѣнникомъ и главнымъ виновникомъ паденія Хартума, ни на чемъ не основаны. Дѣйствительно, онъ ссылается на то, что самъ Фарадшъ былъ казненъ, а офицеры и солдаты его подверглись избіенію.

Въ упоеніи побѣды махдисты было забыли объ англійскомъ отрядѣ, но вотъ два дня послѣ катастрофы, на рѣкѣ показались два парохода. Махдисты переполошились, но все-же высыпали на берегъ. Пароходы встрѣчены были тысячами выстрѣловъ изъ ружей и пушекъ. По берегу бѣжали несмѣтныя толпы остервенѣлыхъ дикарей и дикарокъ, размахивая палками и испуская страшные крики. Тогда пароходы повернули обратно...

Нынѣ среди развалинъ Хартума, заросшихъ эйфорбіями и терновникомъ, уцѣлѣло только три зданія: дворецъ Гордона, зданіе миссіи и арсеналъ. Эти зданія и понынѣ служатъ для цѣлей махдистовъ. Кирпичи, окна, двери, балконы, рѣшетки и тому подобныя принадлежности прочихъ зданій перенесены были въ ближайшій Омдурманъ. Несмотря на голодъ, свирѣпствовавшій въ опустошенной странѣ, и на оспу, появленіе которой махдисты объясняли тѣмъ, что они ѣли англійскіе консервы, въ Омдурманѣ жилось весело. Махди забылъ свои горячія проповѣди о воздержаніи. Онъ предавался

нѣгѣ и роскоши, и, главное, не зналъ предѣловъ въ гаремныхъ наслажденіяхъ. У него была собрана полная галлерея женскихъ типовъ, которыхъ можно было подобрать въ Суданѣ. Тутъ были бѣлокожія турчанки и черныя, какъ смоль, негритянки, и бронзовой окраски нубійки и т. д. Самъ Махди разжирѣлъ, какъ говоритъ одинъ очевидецъ, до безобразія и постоянно жаловался на боль въ области сердца. Здоровье его было въ конецъ расшатано излишествами. Онъ умеръ 22 іюня 1885 года.

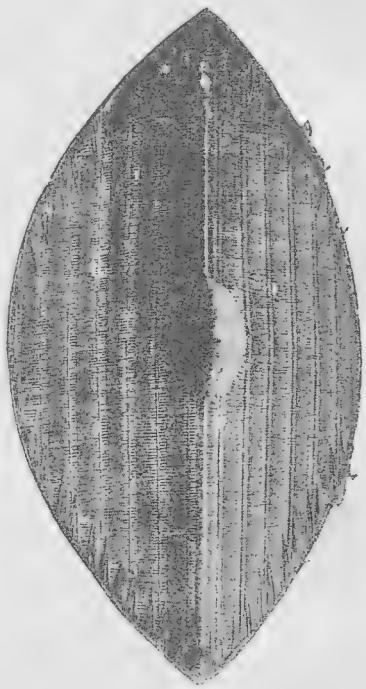
Бразды правленія послѣ смерти Махди принялъ назначенный имъ самимъ наслѣдникъ суровый халифъ Абдуллахи.

Тѣмъ временемъ, въ Буньоро энергично готовились къ войнѣ съ вагандами. Король заблаговременно отправилъ своихъ тучныхъ женъ и свой скотъ въ мѣста, болѣе безопасныя. Передъ отправкою скота розлито было молоко на томъ пути, по которому должны были пройти враги. Жизнь короля, благодаря этому старинному обычаю, становилась заповѣдною какъ для ваганда, такъ и для ваньоро. Вита отправился обратно въ Кибиро, а Юнкеръ рѣшился проникнуть въ страну Буганда, несмотря на протесты Кабреги и на то, что послы, обѣщанные Макеемъ, все еще не прибывали за нимъ. Въ сущности, положеніе Юнкера было крайне не завидное. Кабрега уже давно не присылалъ ему съѣстныхъ припасовъ, а торговцы, въ виду предстоящей войны, исчезли. Въ концѣ концовъ Юнкеръ выступилъ одинъ на югъ.

Ландшафтъ былъ попрежнему разнообразенъ, благодаря многочисленнымъ возвышенностямъ и рѣчонкамъ, заросшимъ папирусомъ. Всѣ эти потоки впадаютъ въ рѣку Кафу, имѣвшую въ мѣстѣ переправы нѣсколько сотъ шаговъ ширины. Переправа черезъ эту рѣку, также почти сплошь покрытую папирусомъ, была совершена на плотахъ, изготовленныхъ изъ папирусовъ, сложенныхъ крестъ накрестъ въ нѣсколько футовъ высоты. Такого рода плоты прекрасно выдерживаютъ значительные грузы и

Переправа черезъ Кафу.

движутся по заранѣе прорубленной въ зарослях просѣкѣ. Рѣка эта впадаетъ вблизи прежней египетской станціи Мрули въ Сомерсетъ-Нилъ. По ту сторону рѣки Юнкеръ такъ неудачно упалъ съ осла, что долженъ былъ слечь. Онъ испытывалъ такую страшную боль въ правомъ бедрѣ, что при малѣйшемъ движеніи у него выступалъ холодный потъ и онъ, не будучи въ силахъ совладать съ собою, громко кричалъ. Вскорѣ заболѣлъ одинъ изъ солдатъ, сопровождавшихъ его. Пришлось остановиться въ жалкихъ заброшенныхъ хижинахъ, попавшихся по дорогѣ. Жители этой мѣстности всѣ разбѣжались. Тщетно развѣвался бѣлый флагъ, выставленный Юнкеромъ на видномъ мѣстѣ, чтобы привлечь людей. Прошло два дня; никто не показывался. Наконецъ, вернулись люди, отправленные послѣ несчастія, случившагося съ Юнкеромъ, къ Кабрегѣ; они получили строгій приказъ разыскать мѣстнаго вождя и доставить, при помощи его, Юнкера къ пограничному болоту Каньонгоро. Это вскорѣ было выполнено ими; затѣмъ они поспѣшили удалиться. И вотъ, больной Юнкеръ очутился въ крохотной хижинкѣ, въ мѣстности совершенно безлюдной. Какъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе, путники наши стали вновь выставлять свой бѣлый флагъ на видныхъ мѣстахъ. Жизнь ихъ превратилась въ самую напряженную борьбу за существованіе. Каждый день Юнкеръ высылалъ слугъ, чтобы набрать на опустошен-



Щитъ негровъ ваганда.

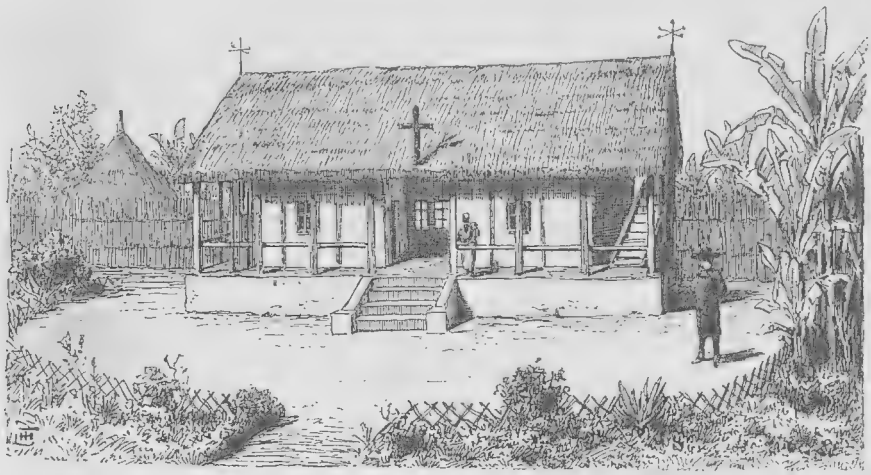
ныхъ поляхъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ корней маньоки и сладкихъ бататовъ; иногда удачная охота доставляла имъ нѣсколько болѣе обильное питаніе; иногда приходили туземцы. Это были ваньоро или ваганда, но при малѣйшихъ слухахъ о приближеніи войскъ, они тотчасъ же разбѣгались. Даже Кабрега прислалъ однажды корову и при этомъ случаѣ освѣдомился о томъ, желаетъ ли Юнкеръ возвратиться или идти далѣе. Вначалѣ Юнкеръ сильно страдалъ и только крѣпкое нажатіе на бедро успокаивало боль; вскорѣ онъ оправился отъ паденія, но за то, благодаря плохому питанію, у него появилась экзема, язвы на ногахъ и отекъ правой ноги. Въ первое время онъ днемъ и ночью сидѣлъ въ креслахъ, такъ какъ не могъ ложиться. Затѣмъ Бинза нѣсколько дней лежалъ въ бреду, заболѣла Амина и, наконецъ, дѣвушка Гашя стала страдать истерическими припадками, далеко нерѣдкими среди негритянокъ.

Война между ваганда и ваньоро въ сущности не приводила ни къ какому рѣшительному исходу. Однако же ваганда, въ концѣ концовъ, отступили, выславъ при этомъ людей за Юнкеромъ. 1 мая путешественникъ нашъ получилъ возможность покинуть свое несчастное жилище у болота, гдѣ онъ провелъ почти два мѣсяца. Болото Каньонгоро въ общемъ напоминаетъ картину, представляемую рѣкою Кафу. Только воды здѣсь меньше, а папирусы гуще. Въ этихъ папирусахъ прорублены были просѣки, устланныя срубленными растеніями. Рѣки на дальнѣйшемъ пути, изъ которыхъ самая крупная Маранджа, также ничто иное какъ болота папирусовъ, но переходъ черезъ нихъ затрудняется большимъ количествомъ воды. Въ общемъ мѣстность эта, частью гористая или холмистая, богато орошена. Населены Буганду и Буньоро болѣе густо, чѣмъ прочія негрскія страны, посѣщенныя Юнкеромъ. По мѣрѣ приближенія къ резиденціи Рубага, учащается число прекрасныхъ построекъ. Такъ Гимбе (Нпунго Накивниги)

кажется издали положительно какимъ-то дворцомъ, хотя всѣ постройки возведены исключительно изъ дерева и изъ соломы. Рубага, близъ озера Викторіи-Ніанза, представляетъ собою обширное поселеніе, состоящее изъ красивыхъ построекъ, окруженныхъ садами. Только у дворца, расположеннаго на холмѣ и представляющаго собою какъ бы отдѣльное поселеніе, обнесенное заборомъ, постройки замѣтно сгущаются.

Пріемъ, оказанный путешественникамъ былъ крайне нелюбезенъ, имъ отвели три заброшенныхъ хижины. Не трудно было догадаться, что владѣльцы ихъ были казнены, послѣ чего, по мѣстному обычаю, хижины должны нѣкоторое время пустовать. О томъ, что казни были здѣсь явленіемъ заурядным, свидѣтельствовали части свѣжихъ человѣческихъ труповъ, разбросанныя по дорогѣ. Къ путешественникамъ приставленъ былъ какой-то человѣкъ, въ родѣ пажа, наблюдавшій за ними нѣсколько часовъ. Объясняться они не могли, такъ какъ никто не зналъ мѣстнаго нарѣчія. Пажа смѣнилъ другой человѣкъ, принесшій отъ Макея письмо съ извѣстіемъ, что король разрѣшаетъ Юнкеру поселиться въ англійской миссіи. Къ письму приложены были кое-какіе припасы, какъ-то: турецкій табакъ, чай, сахаръ и т. д. Пищевые запасы, присланные королемъ, были болѣе, чѣмъ скудны. Къ вечеру получилось письмо отъ патера Лурделя изъ французской миссіи съ приглашеніемъ остановиться у него. Утромъ явился самъ Лурдель съ запасомъ платья и бѣлья. Юнкеръ посѣтилъ вмѣстѣ съ нимъ французскую миссію, члены которой приняли его въ высшей степени любезно. По дорогѣ онъ узналъ массу новостей изъ Европы и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомился съ злобами дня Рубаги: Муанга былъ на охотѣ за гиппопотамами; онъ всегда увлекался этого рода спортомъ, а, теперь, намѣренъ былъ возвратиться съ охоты только тогда, когда закончены будутъ нѣкоторыя общественныя зданія, истребленныя недавнимъ пожаромъ. По дорогѣ въ миссію они видѣли

прудъ, красиво расположенный среди садовъ; здѣсь король любилъ кататься на лодкѣ. Въ высшей степени гостепріимно Юнкера приняли въ англійской миссіи, гдѣ ему отвели прелестную комнатку. Зданіе миссіи было устроено несомнѣнно комфортабельнѣе и богаче, чѣмъ французское. На станціяхъ Экваторіальной провинціи, гдѣ можно было располагать сотнями рабочихъ рукъ, не было ничего подобнаго тому, что здѣсь сдѣлано было почти однимъ Макеемъ. Миссіонеръ этотъ, несо-



Домъ англійской миссіи въ Буганда.

мнѣнно, обладалъ талантами замѣчательнаго техника. Между прочимъ онъ самъ смастерилъ ткацкіе станки, переводилъ и печаталъ новый завѣтъ на туземные языки, велъ метеорологическія наблюденія и т. д.

Но Юнкеръ находился не только подъ впечатлѣніемъ давно невиданнаго комфорта и тѣхъ техническихъ совершенствъ, которыя особенно радовали его, какъ человѣка практическаго. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ всецѣло находился подъ давленіемъ того множества извѣстій изъ міра культурнаго, которыя на него нахлынули со всѣхъ сторонъ. Онъ былъ, по собственному

тип. Эд. Гоппе.

Вожди племени ваньоро.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

выраженію, «несвѣдущъ, какъ ребенокъ, по отношенію ко всему тому, что дѣлалось въ послѣдніе годы на свѣтѣ». Пользуясь прекрасною библіотекою англійской миссіи, многочисленными газетами и бесѣдою съ миссіонерами, онъ вскорѣ погрузился въ ту массу новыхъ географическихъ открытій, которыя сдѣланы были въ Африкѣ въ областяхъ, столь близкихъ къ району его изслѣдованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ознакомился и съ мѣстными политическими условіями. Фишеръ, посланный, какъ убѣдился теперь Юнкеръ окончательно, на выручку къ нему его братомъ, собственно потому не былъ пропущенъ въ Буганду, что Муанга сильно опасался вторженія европейцевъ въ свою страну. Благодаря занзибарскимъ арабамъ-торговцамъ, онъ постоянно слышалъ о томъ, какъ европейцы, англичане и «дечъ», т. е. Deutsche-нѣмцы, забираютъ одну область за другою. Эти же опасенія побудили его казнить епископа Ганнингтона, умершаго вполнѣ мужественно, смертію истиннаго христіанина; это же повело къ страшному приказу Муанги о казни всѣхъ негровъ-христіанъ. Открылась эра жесточайшихъ преслѣдованій, жертвою которыхъ становились всѣ сколько нибудь причастные къ миссіи вообще, а также и множество постороннихъ людей, навлекшихъ на себя, почему-либо, ненависть истребителей христіанъ. Самихъ миссіонеровъ Муанга щадилъ, выжимая изъ нихъ подарки и пользуясь ихъ услугами, какъ опытныхъ техниковъ. Тѣмъ не менѣе вѣрующіе тайкомъ и притомъ ночью пробирались въ англійскую миссію, чтобы послушать поученія миссіонеровъ. Очевидно, христіанская проповѣдь пала здѣсь на благопріятную почву.

Къ сожалѣнію, миссіи различныхъ вѣроисповѣданій относятся другъ къ другу весьма недружелюбно. Достаточно сказать, что онѣ не могли прійти къ соглашенію даже по такому существенному вопросу, какимъ былъ вопросъ объ огражденіи ихъ паствъ отъ преслѣдованій Муанги.

Послѣ отъѣзда Юнкера эти отношенія еще болѣе обострились; судя по послѣднимъ извѣстіямъ, протестантскіе и католическіе новообращенные вступили между собою въ открытую борьбу и свирѣпствовали другъ противъ друга, какъ истые негры. По поводу отношеній миссіи Юнкеръ мимоходомъ высказываетъ благое пожеланіе, чтобы, по интернаціональному соглашенію, въ каждой данной мѣстности разрѣшалось работать только представителямъ одного, а не нѣсколькихъ вѣроисповѣданій. Впослѣдствіи онъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что уже въ самой постановкѣ отношеній къ неграмъ существуетъ весьма замѣтная разница между французской и англійской миссіею. Французы снабжены относительно малыми средствами. Они привлекаютъ къ себѣ преимущественно подростковъ и обучаютъ ихъ ремесламъ, земледѣлію и садоводству. Англичане, напротивъ того, вполнѣ обезпечены въ матеріальномъ отношеніи; они живутъ здѣсь жизнью европейцевъ и обращаютъ главное вниманіе на то, чтобы послѣдователи ихъ усвоили себѣ христіанское ученіе.

Бананъ.

Аудіенціи у Муанги Юнкеръ добился лишь 24 іюня. Тщеславному королю непремѣнно хотѣлось показать Юнкеру свою резиденцію въ наилучшемъ видѣ. Къ сожалѣнію тщеславіе его не простиралось до соперничества въ гостепріимствѣ съ покойнымъ Мтезою. Онъ присылалъ Юнкеру весьма немногое, хотя уже успѣлъ выманить у него достаточное число подарковъ. Пріемъ состоялся лишь послѣ того, какъ путешественника уже разъ просили на аудіенцію и вернули, такъ какъ не все еще оказалось готовымъ. Въ общемъ этотъ пріемъ напоминалъ то, что Юнкеръ уже видѣлъ у Кабреги, хотя здѣсь все было въ несравненно болѣе грандіозномъ масштабѣ. У входа въ громадное зданіе стояли шпалерами солдаты въ разнообразныхъ мундирахъ; они отдали Юнкеру и сопровождавшему его Макею честь. Король сидѣлъ передъ загородкою, отдѣлявшею заднюю часть помѣщенія, куда онъ удалился по окончаніи аудіенціи. Онъ сидѣлъ на высокомъ стулѣ, убранномъ тканями и пестрыми попонами; у его ногъ лежалъ кусокъ матеріи, покрытый нѣсколькими леопардовыми шкурами. Полъ былъ устланъ мягкою травою, на которой расположились придворные и губернаторы. Большая часть губернаторовъ присутствуетъ при дворѣ; этою мѣрою, равно какъ частою смѣною ихъ, предупреждается опасность усиленія власти подобныхъ сатраповъ. Ближе къ выходу стояли весьма занятые при этомъ дворѣ дѣятели, палачи и ихъ свита съ веревками, намотанными вокругъ шеи и рукъ, готовые по мановенію своего властителя схватить любого изъ присутствующихъ. По лѣвую сторону короля сидѣли представители французской миссіи. Въ общемъ здѣсь собрано было до 150 человѣкъ.

Муанга одѣтъ былъ въ простое платье изъ коры, безъ всякихъ украшеній. Это еще молодой человѣкъ, лѣтъ 20 съ небольшимъ, высокаго роста и крѣпкаго сложенія. У него чрзвычайно живой темпераментъ и интеллигентные большіе выпученные глаза. Съ другой стороны излиш-

няя подвижность физіономіи и громкій, часто какъ бы принужденный смѣхъ съ широко раскрытымъ ртомъ придаютъ ему какое-то дѣтское выраженіе. Впрочемъ, можетъ быть онъ велъ себя такъ подъ вліяніемъ гашиша, которымъ онъ увлекался. При каждомъ взрывѣ смѣха онъ подавалъ лѣвую руку, а то и обѣ руки сидѣвшему по правую сторону отъ него первому министру, Катикоро, и хитрый царедворецъ, служившій уже при Мтезѣ и видавшій виды, усердно бралъ его руку между своими и всячески показывалъ, что раздѣляетъ веселость своего властителя.

Усѣвшись рядомъ съ французской миссіей Юнкеръ тотчасъ-же замѣтилъ, что король что-то съострилъ насчетъ него. Что бы прервать эту сцену, онъ поблагодарилъ его за разрѣшеніе вступить въ его страну и перешелъ къ порученіямъ Эмина. Король, видимо, взволновался при мысли, что Эминъ захочетъ пройти черезъ его страну съ войскомъ. Но Юнкеръ ограничился только просьбою о пересылкѣ корресподенціи и о разрѣшеніи доставить ткани въ Ваделаи. Закупку этихъ тканей Юнкеръ рѣшилъ предпринять по собственному почину и на свой счетъ, такъ какъ люди Эмина именно болѣе всего нуждались въ тканяхъ. Въ томъ, что Муанга не разрѣшитъ пройти Эмину съ войскомъ, Юнкеръ уже давно убѣдился, да и самое отступленіе въ Каиро этихъ людей, родившихся въ Суданѣ и чуждыхъ Египту, казалось чѣмъ-то несообразнымъ не только ему, но и самому Эмину. Достаточно сказать, что суданцы-солдаты уже начали опасаться того, что ихъ заведутъ на югъ только для того, чтобы продать въ рабство. На просьбы Эмина король не далъ рѣшительнаго отвѣта, однакоже безпрекословно разрѣшилъ самому Юнкеру отправиться въ Занзибаръ. На подарки его онъ взглянулъ только мелькомъ, а затѣмъ перешелъ къ другимъ дѣламъ. При разборѣ тяжебныхъ дѣлъ выигравшая сторона кричала: «ніанзи-ніанзи!» что очевидно означало благодарность и повторялось разъ де-

сять; при этомъ кричавшіе проводили сложенными руками отъ лица къ землѣ. Король безсвязно переходилъ отъ одного вопроса и отъ одного дѣла къ другому, но зато удары тамтама какъ бы придавали всѣмъ его словамъ особый вѣсъ. Аудіенція продолжалась около двухъ часовъ.

Затѣмъ пришлось сдѣлать визиты министрамъ и раздать имъ подарки. Катикоро, между прочимъ, получилъ складную желѣзную кровать Юнкера. Министры безсовѣстно домогались прибавокъ, да и самъ король прислалъ гонца съ извѣстіемъ, что ему требуются красныя хартумскія туфли; у Юнкера таковыхъ не оказалось, поэтому, ему пришлось разстаться съ красивыми матерчатыми туфлями, подаренными ему французскими миссіонерами. Вскорѣ король заявилъ, что ему желательно имѣть еще 100 тѣхъ монетокъ, которыхъ у него въ подаркѣ оказалось всего 25. Это были талеры; пришлось, скрѣпя сердце, отдать и ихъ. Затѣмъ онъ выманилъ у Юнкера два ружья и, наконецъ, разрѣшилъ отправку тканей къ Эмину только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему выдали извѣстную долю и чтобы товары осмотрѣны были министромъ, который также съумѣлъ попользоваться при этомъ случаѣ.

Юнкеръ закупилъ черезъ посредство Магомета-Бири на 2000 талеровъ товаровъ съ обязательствомъ заплатить ихъ въ Занзибарѣ. Отправляя эти товары, онъ и миссіонеры приложили множество полезныхъ вещей для Эмина и Касати въ родѣ книгъ, газетъ, мыла, кофе и т. д.

Окончательно распростился Юнкеръ съ столицею Муанги только 14 іюля 1886 года. Миссіонеры снабдили его всякими пищевыми запасами положительно въ избыткѣ. Макей, болѣе всѣхъ заботившійся о Юнкерѣ, къ сожалѣнію, умеръ 8 февраля 1890 года, отъ злокачественной лихорадки, послѣ тридцатилѣтней плодотворной дѣятельности въ Африкѣ.

Плаваніе по озеру Викторіи-Ніанза въ іюлѣ мѣсяцѣ

далеко не безопасно, въ виду сильныхъ южныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ. Миссіонерская парусная лодка «Элеверъ», въ которой совершалъ свое плаваніе Юнкеръ, находилась 25 дней въ пути и держалась преимущественно западнаго берега. Макей совершилъ однажды плаваніе по озеру въ 4 дня, направляясь, впрочемъ, по болѣе прямому пути. Юнкеру самому пришлось испытать всю непріятность внезапныхъ шкваловъ. Лодка плыла большею частью только по ночамъ и раннимъ утромъ. По дорогѣ Юнкеру предста-

На озерѣ Викторія Ніанза.

вилась возможность ознакомиться съ флотомъ вагандовъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ сотъ лодокъ. Королевскія лодки имѣютъ высокіе украшенные носы и отъ 40 — 50 гребцовъ; онѣ плывутъ съ большою быстротою и совершаютъ большія путешествія, хотя преимущественно держатся береговъ. Прибрежное населеніе на западномъ берегу смѣшанное. Вниманія заслуживаютъ красивые вагума, потомки племени галла.

Дальнѣйшій путь былъ особенно обиленъ непріятностями. Безотраднымъ оказался уже ландшафтъ, представляе-

мый обширными степями Иньямуези, колючими лѣсочками Уяньзи и обнаженнымъ плоскогоріемъ Угого, къ востоку отъ котораго встрѣчались солончаки. Привлекательнымъ исключеніемъ являлась горная страна Узакара, отличающаяся плодородными и прекрасными долинами. Особенно рѣзка разница между вѣчно зеленою страною банановъ Буганда, чудесными островами Зесе и другими, въ запад-

Лодка негровъ ваганда.

ной части Викторіи-Ніанза и странами къ югу отъ озера въ сухое время года. Здѣсь всюду чувствуется недостатокъ орошенія и природа въ общемъ напоминаетъ картины сѣверныхъ арабскихъ странъ. Въ дождливое время года, напротивъ того, эти области могутъ быть названы плодородными и, дѣйствительно, болѣе воздѣланы, чѣмъ страны къ сѣверу отъ экватора. Соотвѣтственно этому и жилища туземцевъ несравненно болѣе подходятъ къ типу обиталищъ осѣдлыхъ людей.

Населеніе этой области [1]) въ конецъ испорчено многочисленными торговыми караванами, проходящими этимъ путемъ. Князья исключительно живутъ поборами съ каравановъ и отличаются въ своихъ требованіяхъ наглостью, почти невѣроятною; среди подчиненныхъ ихъ чрезвычайно развито воровство.

Въ Табора, въ моментъ прохожденія каравана Юнкера находился пресловутый Типпо-Типъ, столь часто упоминаемый путешественниками и сопровождавшій, какъ извѣстно, Стэнлея въ его послѣднюю экспедицію. Слухи о смерти Типпо-Типа, послѣдовавшей, будто бы, недавно, не подтверждаются. Путешественники отзываются объ этомъ несомнѣнно сильномъ и хитромъ человѣкѣ весьма различно. Тогда какъ иные считаютъ его совершеннымъ негодяемъ, другіе, и въ томъ числѣ Юнкеръ, болѣе или менѣе горячо защищаютъ его. Во всякомъ случаѣ, Типпо-Типъ, или, какъ его въ сущности называютъ, Гамедъ-бенъ-Магометъ, едва-ли безупреченъ въ настоящее время по отношенію къ европейцамъ, не говоря уже о его прошломъ. Онъ былъ торговцемъ невольниками, а затѣмъ сталъ однимъ изъ крупнѣйшихъ торговыхъ агентовъ края. Это человѣкъ большого роста, крѣпкаго тѣлосложенія и довольно упитанный. Окраска кожи у него темная, такъ какъ мать его была негритянка. Когда онъ быстро говоритъ, у него замѣчается нервное подергиваніе и миганіе вѣкъ. По арабски онъ объясняется довольно плохо, какъ и абсолютное большинство арабо-негрскихъ метисовъ восточнаго побережья Африки. Здѣсь всюду говорятъ на діалектѣ Кизуагили. Люди, сопровождавшіе Юнкера, почти всѣ перебѣжали къ арабамъ, расчитывая у нихъ получить лучшій заработокъ. Тогда Юнкеръ лично обратился къ Типпо-Типу, который уже слышалъ о немъ отъ членовъ

[1]) Сравни интересную характеристику этой области у покойнаго P. Schynse Letzte Reisen. Köln. 1892.

австрійской экспедиціи Ленца, выступившей на выручку Эмина; въ числѣ членовъ этой экспедиціи находился и Бондорфъ. Юнкеръ предлагалъ Типпо-Типу 750 долларовъ за доставку вещей къ берегу, т. е. гораздо больше, чѣмъ должны были получить его прежніе носильщики; такъ какъ арабъ не соглашался, онъ предложилъ ему

Типпо-Типъ.

1000, а затѣмъ 1500 долларовъ. Тогда Типпо-Типъ разрѣшилъ Юнкеру присоединить свой багажъ къ каравану, направлявшемуся по тому же пути.

Въ поселеніи его въ это время находился агентъ крупнаго торговаго дома А. Мейера, впервые рѣшившагося закупать слоновую кость въ глуби самой Африки. Положеніе этого агента, нѣкоего Гизеке, было довольно

трудное. Арабы ненавидѣли его какъ опаснаго конкурента и разъ уже пытались его подстрѣлить. Юнкеру пришлось быть свидѣтелемъ второго и, къ несчастью, болѣе удачнаго покушенія. Въ 10 часовъ вечера, онъ спокойно читалъ въ своей палаткѣ газеты, переданныя ему Гизеке, когда вдругъ, почти одновременно, раздалось три, четыре выстрѣла и вслѣдъ затѣмъ крикъ Гизеке: «докторъ! въ меня стрѣляютъ, идите скорѣй, скорѣй»!.. Выстрѣлы произведены были чуть-ли не въ упоръ черезъ стѣнку палатки въ лежащаго на постелѣ Гизеке. Онъ былъ раненъ пулями въ бедро и въ руку; крупною дробью ему оторвало подошвы и пальцы на ногахъ. Черезъ нѣсколько дней несчастный умеръ. Типпо-Типъ былъ чрезвычайно пораженъ этимъ событіемъ, такъ какъ Гизеке пользовался его гостепріимствомъ. Горячіе розыски его не привели ни къ какимъ результатамъ. Только въ 1890 году изобличенъ былъ, какъ убійца, арабскій торговецъ, котораго подозрѣвали уже въ первомъ покушеніи. Человѣка этого повѣсили.

Несмотря на помощь Типпо-Типа, дальнѣйшее путешествіе сопряжено было съ величайшими непріятностями. Хваленый арабъ далъ Юнкеру самыхъ жалкихъ и слабыхъ носильщиковъ. Къ тому-же, самому Типпо-Типпу приходилось постоянно возиться и торговаться съ туземными князьками и это вело къ весьма непріятнымъ задержкамъ.

Еще по дорогѣ Юнкеръ получилъ письма изъ Европы. Легко представить себѣ ощущеніе его при видѣ этихъ извѣстій отъ людей, близкихъ ему, о которыхъ онъ не слыхалъ ни слова въ продолженіи трехъ лѣтъ. 29 ноября онъ увидѣлъ океанъ, тотъ путь, который велъ на родину. Недоставало нѣсколькихъ дней до полныхъ семи лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ Юнкеръ разстался съ моремъ въ Суакинѣ. Въ Занзибарѣ султанъ Саидъ-Баргашъ, нынѣ уже умершій, предоставилъ ему обширный домъ. Онъ пробылъ здѣсь до 21 декабря, расплатился съ долгами и

распростился со своими вѣрными слугами.—Казалось, что злая судьба не желаетъ отпустить этого смѣльчака даже въ послѣдній моментъ. Судно, на которомъ онъ направлялся въ Аденъ, дважды садилось на мель. Восьмую годовщину своихъ путешествій онъ встрѣтилъ на морѣ. 9 января 1887 года, онъ былъ въ Суэсѣ, гдѣ его ожидали братъ, зять, А. Ф. Девріенъ и докторъ Швейнфуртъ. До средины марта онъ оставался въ Каиро, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи предстоящей экспедиціи Стэнлея, а затѣмъ поспѣшилъ въ Россію.

Заканчивая этими строками разсказъ о путешествіяхъ Юнкера, мы считаемъ необходимымъ подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ техническихъ вопросахъ, имѣющихъ весьма высокое практическое значеніе. Вопросы эти касаются снаряженія Юнкера и образа жизни его во время пути. Въ томъ и другомъ отношеніи путешественникъ нашъ несомнѣнно можетъ послужить авторитетомъ въ виду его многолѣтней опытности и того обстоятельства, что онъ, несмотря на всевозможныя лишенія и страданія, представилъ обширный сводъ весьма точныхъ работъ и болѣе или менѣе благополучно возвратился въ Европу.

Скамья негровъ бонго.

Мы говорили уже выше (стр. 42) о томъ, что Юнкеръ въ походѣ всегда носилъ шерстяную рубашку и что онъ въ этомъ отношеніи примыкалъ къ англійской школѣ путешественниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта одежда была весьма полезна въ дождевой періодъ и при рѣзкихъ колебаніяхъ температуры, которыя ощущаются организмами, изнѣженными постоянною высокою температурою, уже при весьма незначительныхъ абсолютныхъ разностяхъ. Но

съ другой стороны, можетъ быть и правы нѣмецкіе ученые путешественники, и прежде всего Рольфсъ, утверждающіе что шерстяной костюмъ, какъ препятствующій свободному и обильному выдѣленію выпотѣваній, является причиною накожныхъ страданій. Дѣйствительно, Юнкеръ подвергался таковымъ въ весьма значительной степени. Чтобы освѣтить этотъ фактъ съ эмпирической точки зрѣнія, достаточно сказать, что овцы въ знойныхъ областяхъ Африки теряютъ свою шерсть, замѣняя ее волосянымъ покровомъ. Тоже самое замѣчается и въ другихъ жаркихъ областяхъ; въ провинціи Маркита даже рогатый скотъ лишается своего обычнаго волосяного покрова. Напротивъ того, на прохладныхъ плоскогорьяхъ Кордильеровъ, безъ малѣйшаго содѣйствія со стороны человѣка, образовалась порода свиней съ шерстистымъ волосомъ. Замѣтимъ, наконецъ, что туземцы въ жаркихъ странахъ ходятъ почти безъ одежды и что волосяной покровъ на тѣлѣ ихъ крайне ничтоженъ. Они точно также приспособлены къ зною, какъ къ холоду приспособлены наши якуты и чукчи, ходящіе въ самые страшные морозы съ открытою шеею или спящіе зимою подъ открытымъ небомъ. Съ другой стороны, нашъ путешественникъ отнюдь не принадлежалъ къ строгимъ послѣдователямъ «шерстяного режима»: онъ носилъ свою шерстяную рубашку только въ походѣ, а по прибытіи на привалъ тотчасъ же купался или тщательно обмывался, а затѣмъ облачался въ просторную одежду изъ бумажныхъ тканей. Эта же одежда оставалась на немъ по ночамъ. Спалъ онъ на ангаребѣ, покрытомъ ковромъ, безъ постельнаго бѣлья, но прикрывался шерстянымъ одѣяломъ. Послѣднее было, конечно, необходимо въ виду обильной росы, выпадающей по ночамъ, и чувствительнаго пониженія температуры. Мы уже выше упоминали о томъ, что путешественникъ не нуждался въ палаткѣ, т. к., по мѣстнымъ условіямъ, ему представлялась возможность пользоваться для ночлега хижинами тузем-

тип. вд. гопле

Юнкеръ и его служители.

цевъ или же проводить сухія ночи подъ открытымъ небомъ.

Въ походъ Юнкеръ всегда выходилъ натощакъ и во время пути пилъ и ѣлъ весьма мало. Иногда онъ, впрочемъ, имѣлъ съ собою поджареные земляные орѣхи (Arachis hypogaea) съ солью. Въ общемъ пищевой режимъ Юнкера долженъ быть признанъ безусловно правильнымъ: онъ пріучалъ себя изподоволь къ пищѣ туземцевъ и въ тоже время не уклонялся отъ обычной пищи европейца. Нѣтъ сомнѣнія, что всякій внезапный переходъ отъ одного способа жизни къ другому, и точно также отъ одного способа питанія къ другому, не проходитъ безнаказанно. Если мы представимъ себѣ, что организмъ путешественника внезапно остается безъ привычныхъ для него жизненныхъ пособій, безъ обычной для него мясной пищи и обычной дозы спиртныхъ напитковъ, и присоединимъ къ этому утомленіе отъ пути и ненормальное состояніе организма подъ вліяніемъ измѣненныхъ климатическихъ условій, то, конечно, ясно будетъ, что организмъ этотъ утратитъ необходимую устойчивость и не въ состояніи будетъ противостоять мѣстнымъ болѣзнотворнымъ условіямъ. Намъ кажется, поэтому, что путешественнику или переселенцу необходимо прежде всего вникнуть въ требованія окружающей его природы, приспособить къ нимъ затраты своего организма, тщательно избѣгать видимыхъ опасностей, не пренебрегать указаніями туземцевъ, но отнюдь не отказываться внезапно отъ привычнаго режима жизни, отъ обыденнаго питанія, одежды и т. д. Въ этомъ отношеніи, Юнкеръ съумѣлъ именно держаться искомой золотой середины между жизнью туземца и европейца.

Вниманія заслуживаютъ также два основныхъ правила въ режимѣ Юнкера: не злоупотреблять предохранительными лекарствами, въ родѣ хинина и т. д. (стр. 137) и, по возможности, не засиживаться на станціяхъ. Весьма

характерно, что путешественники, если только они вообще здоровы, чувствуютъ себя лучше всего въ пути. Знаменитый Генрихъ Бартъ дважды заболѣвалъ по достиженіи цѣли своего путешествія (H. Barth. Reisen und Entdeckungen in Nord-und Centralafrika, Gotha. 1857, B. II, S. 582, 1858. B. IV, S. 447). Фишеръ, посланный какъ упомянуто, на выручку Юнкера, заболѣлъ по возвращеніи въ Европу и умеръ. Въ любопытной книгѣ его «Mehr Licht im dunklen Weltteil», Hamburg, 1885, S. 38, разсказывается о томъ, что охотники на гиппопотамовъ безнаказанно бродятъ по цѣлымъ недѣлямъ по болотистымъ низменностямъ, а по

Plotus Levaillandii.

возвращеніи домой обыкновенно заболѣваютъ лихорадкой.

Снаряженіе путешественника вопросъ въ высшей степени важный, въ особенности въ странахъ, гдѣ приходится пользоваться людьми для переноски тяжестей и заботиться о пропитаніи цѣлыхъ каравановъ. Въ этомъ отношеніи Юнкеръ даетъ цѣлый рядъ прекрасныхъ совѣтовъ. Для предметовъ неломкихъ онъ, напримѣръ, пользовался двойными мѣшками, изъ которыхъ внѣшній окрашенъ былъ сѣрою масляною краскою; въ середину пакетовъ, укладываемыхъ въ эти мѣшки, помѣщаются ящички или другіе твердые предметы. Для предметовъ легкихъ лучше всякихъ металлическихъ и деревянныхъ ящиковъ — плетеныя корзины, обитыя снаружи и снутри крѣпкою паруси-

Тип. Эд. Гоппе.

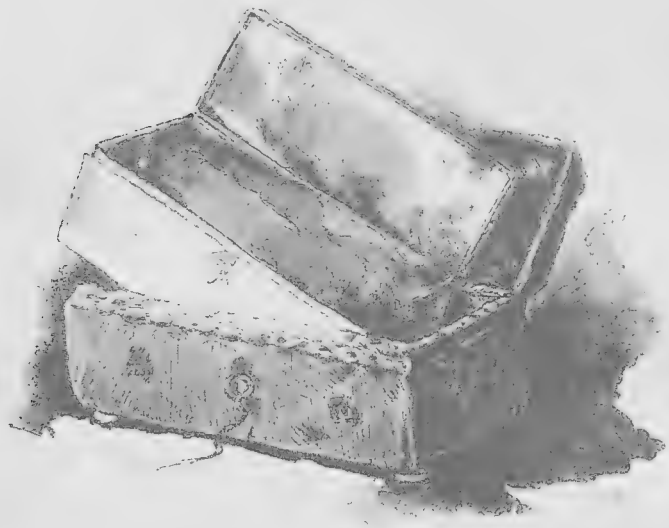
Этнографическая коллекція Юнкера въ музеѣ Императорской Академіи Наукъ.

ною, которая съ внѣшней стороны нѣсколько разъ выкрашена сѣрою масляною краскою. Въ эти корзины вставляются ящики изъ тонкой жести. Ящики подобраны по размѣрамъ своимъ такимъ образомъ, что они, въ случаѣ нужды, могутъ быть вложены одинъ въ другой. При распредѣленіи предметовъ по корзинамъ, соблюдалось такое правило, чтобы въ каждомъ болѣе или менѣе крупномъ помѣщеніи находился извѣстный минимумъ предметовъ самаго различнаго назначенія. Такимъ образомъ, путешественникъ, въ случаѣ пропажи какихъ-либо ящиковъ, пожара, или другого несчастья, всегда располагалъ полнымъ составомъ необходимыхъ предметовъ, хотя и въ нѣсколько уменьшенномъ количествѣ.

Чтобы удобнѣе дѣлать замѣтки въ пути, Юнкеръ носилъ сюртукъ безъ рукавовъ, «которые только грѣютъ», но зато снабженный множествомъ карманчиковъ для часовъ, компаса, анероида, термометра, записныхъ книжекъ и т. п. Карандаши и нѣкоторые приборы висѣли на веревочкахъ различной длины, прикрѣпленныхъ къ петлямъ сюртука. Для записей и письменныхъ работъ служили переплетенныя тетрадки, въ четверку или осьмушку; дневники переплетены былы въ кожаные переплеты. Синимъ карандашемъ наносились рѣки и воды вообще, краснымъ —жилища и воздѣланныя поля; все остальное предварительно записывалось чернымъ карандашомъ. Техника съемокъ Юнкера превосходно разобрана Бр. Гассенштейномъ въ Petermanns Mitteilungen. Ergänzungsheft. Nr. 93. Главнымъ достоинствомъ его работы была, во всякомъ случаѣ, рѣдкая точность. Юнкеръ самоотверженно и неустанно работалъ надъ тѣмъ, чтобы представить вполнѣ надежную картину, посѣщенныхъ имъ областей. Въ этомъ отношеніи имя этого піонера европейской культуры въ экваторіальной Африкѣ, всегда будетъ вспоминаться съ благодарностью. Какъ-бы ни былъ рѣшенъ великій вопросъ о томъ, въ состояніи ли будутъ европейцы фактически за-

селить весь міръ, которымъ они уже почти завладѣли въ политическомъ отношеніи, и останутся ли они, переселясь въ чуждыя имъ страны, тѣми же европейцами, или же вынуждены будутъ сознать свою неприспособленность и непригодность для климата богатыхъ тропическихъ областей, заслуга Юнкера этимъ не умалится. Во всякомъ случаѣ, культурное человѣчество ему обязано тѣмъ, что онъ впервые проложилъ путь въ одну изъ богатѣйшихъ областей міра...

КОНЕЦЪ.



Походная корзина съ желѣзнымъ ящикомъ.

Содержаніе.

стр.

Предисловіе 1

Введеніе.

В. В. Юнкеръ. Юнкеръ, какъ путешественникъ.—Столѣтіе и столѣтисты.—Біографическія свѣдѣнія о Юнкерѣ.—Характеристика Юнкера, какъ человѣка.—Краткій обзоръ путешествій Юнкера.—Кончина его 1

Глава I.

Ливійская пустыня. Александрія. — Бахръ-била-ма. — Караванъ. — Географическій очеркъ пути.—Бедуины.—Переходъ ихъ къ осѣдлости.—Коптскіе монастыри и ихъ книгохранилища.—Фаіумъ.—Лабиринтъ. 11

Глава II.

Долина Барака. Кассала. Кедарефъ и Хартумъ. Каиро.—Сауакинъ.—Бедуины гаденоа.—Путь въ оазисъ То-Каръ.—Рѣка Барака.—Миражи озера.—Кассала и провинція Така.—Звѣринецъ въ домѣ.—Путь въ Кедарефъ.—Кочевья.—Свѣтлый праздникъ въ Кедарефѣ.—Танцы газіе.—Положеніе женщины бедуинки. Костюмъ и украшенія женщинъ.—Путь въ Хартумъ.—Празднества въ Хартумѣ. 27

Глава III.

Собатъ и Ладо. Ромоло Джесси.—Разоруженіе египетскихъ войскъ.—Сеннаръ.—Экспедиція по Собату.—Плаваніе по Бѣлому Нилу.—«Седдъ».—Фашода.—Сериба Собатъ.—Печальная судьба Люкаса.—Рѣка Собатъ.—Нуеры и ніуаки.—Отношеніе Гордона къ европейскимъ путешественникамъ.—На пути въ Ладо.—Разграбленіе негровъ боръ.—Сериба Ладо.—Д-ръ Эминъ.—Негры бари.—Обычная жизнь въ серибѣ.—Негры макарака: ихъ художественное чутье.—На пути въ страну Макарака.—Выносливость негровъ.—Негры ніамбара 55

Глава IV.

Макарака. Кабаенди. Бахръ-эл-Газаль. Калика. Недостатки египетской администраціи.—Торговля невольниками.—Ванди.—Кабаенди.—Экспедиція къ племенамъ абукая и мунду.—Погребеніе живыхъ людей.—Способы погребенія мертвыхъ.—Истребленіе слоновъ.—Экспедиція къ племенамъ

стр.

бомбе, абака и макарака.—Особенности языка.—Суевѣрія.—Парики во вкусѣ Людовика XIV.—Смерть Коппа и Фадлъ-Аллы.—Празднества Бахита-Аги.—Танцы мору.—Сиберъ-паша и сынъ его Солиманъ.—Рѣка Роль.—Есть ли у негровъ чутье къ красотамъ природы?—Станція Румбекъ.—Рѣки: Джау, Тонджъ и Вау.—Станція Джуръ-Гаттасъ.—Ибрагимъ Фаузи.—Ораторы а-занде.—Куриный оракулъ.—Горы Силеи.—Набѣгъ на страну Калика.—Водораздѣлъ Нила и Конго.—Возвращеніе въ Европу.—Свиданіе съ Эминомъ, Джесси и Гордономъ 85

Глава V.

Бахръ-эл-Газаль. Ндорума. Хлопоты въ Каиро. Характеристика Бондорфа.—Сауакинъ.—Хартумъ.—«Седдъ», его происхожденіе и борьба съ нимъ.—Плаваніе по Бахръ-эл-Газалю.—Мешръ-эр-Рекъ.—Свиданіе съ Джесси и Атрушъ-беемъ.—Станція Джуръ-Гаттасъ.—Шимпанзе и Balaeniceps rex.—Племена джуръ и бонго.—Erythrophlaeum guinense. Станція Демъ-Солиманъ.—Ндорума.—Природа экваторіальной Африки.—Пребываніе у Ндорумы.—Отношеніе Юнкера къ неграмъ.—Кудесникъ 118

Глава VI.

А-занде и Мангбатту. Результаты путешествій за 1881 годъ.—Степь и лѣсъ.—Охота на шимпанзе.—Питаніе негровъ.—Людоѣды.—Нравы а-занде, мангбатту и другихъ племенъ.—Воровство. Гостепріимство. Танцы.—Ораторы.—Оракулы.—Искусственная и естественная окраска тѣла.—Украшенія и прически.—Общественный строй негровъ. Нубійцы.—Портреты африканскихъ властителей.—Обмѣнъ крови.—Смерть Мамбанги.—На пути къ Бакангаи 164

Глава VII.

Бомоканди и Непоко. Бакангаи.—Обаяніе европейца. Музыкальныя способности негровъ.—Бангоя.—А-биссанга—Канна.—А-зандская старина. Почитаніе умершихъ.—Средне-африканскій лѣсъ.—А-занде.—Тангази.—Заброшенныя поселенія.—Гамбари.—Древности.—Деньги негровъ.—Момфу.—Болѣзнь Юнкера.—Крайній юго-восточный пунктъ путешествія.—Отношенія Юнкера къ Стэнлею.—Интернаціональныя игры.—Опять на пути въ Тангази.—Мабоде.—Карликовые народы 179

Глава VIII.

Санга и Семіо. На пути къ Сангѣ.—Болота.—Въ плѣну у Санги.—Непоко.—Болѣзнь Юнкера.—Изъ области кухоннаго искусства.—Суевѣріе.—Людоѣды.—Разница во вкусахъ.—Мабоде.—Крысы.—Климатическія условія.—Санга и его жены.—Опять въ болотахъ.—Техническое искусство мангбатту.—Образъ жизни медже.—Приключеніе съ змѣею.—Тангази.—Понятіе негровъ о мѣнѣ.—На пути къ Семіо.—Мазинде.—На рѣкѣ Уэррэ.—На станціи Семіо.—Сборы Бондорфа.—Страшный подарокъ.—Пожаръ.—Вѣсти отъ Луптона 207

Глава IX.

стр.

Уэллэ-Макуа и вторичное пребываніе у Семіо. На пути къ югу.—А-кахле.—Людоѣды.—Пребываніе у Сассы.—Мостъ черезъ Ассу.—Слухи о возстаніи.—Настроеніе арабовъ.—Банджя и а-нгадду.—Морджанъ.—Греческій путешественникъ Потагосъ.—Уриндимма.—Водораздѣлъ Мбили и Уэллэ-Макуа.—Рѣка Уэллэ.—Островитяне. Своеобразное значеніе татуировки.—Легковѣрность негровъ.—Преобразовательные планы.—Абдъ-Алла и Али-Коббо.—Новѣйшія открытія въ области Уэллэ.—Нзаккара.—Путь въ Омбанго.—Семіо и его а-занде 235

Глава X.

Махдисты и Эминъ. Движеніе махдистовъ.—Личность Махди.—Его военные успѣхи.—Осада Обенда.—Златинъ-бей.—Гибель Гикса.—Отчаянное положеніе Гордона въ Хартумѣ.—Юнкеръ на пути въ Ладо.—Смерть Мамбанги и Рингіо.—Ладо.—Достоинства и недостатки правленія Эмина.—Плѣнъ Лунтона и его дальнѣйшая судьба.—Тревога въ Ладо.—Дуфиле.—Опять въ Ладо.—Станція Амади.—Предательство Анфины.—Ямкинга.—Камисоа.—Занятія Юнкера у Анфины. 201

Глава XI.

Буньоро и Буганда. На пути въ Буньоро.—Землетрясеніе на озерѣ Альбертъ-Ніанза.—Кибиро и соляной промыселъ.—Пріемъ у Кабреги.—Жены и скотъ Кабреги.—Интриги при дворѣ его.—Французское письмо араба.—Вѣсти отъ миссіонеровъ.—Паденіе Хартума.—Приготовленія къ войнѣ.—Переправа черезъ рѣку Кафу.—Болѣзнь.—Два мѣсяца въ безлюдной мѣстности.—Резиденція Муанги.—Гостепріимство миссіонеровъ.—Преслѣдованіе христіанъ.—Пріемъ у Муанги.—Вымогательства его.—На озеро Викторія-Ніанза.—Область къ югу отъ озера.—Типпо Типъ.—Убійство Гизеке.—На пути въ Европу.—Нѣсколько словъ о снаряженіи Юнкера 304

Печатано въ артистическомъ заведеніи А. Ф. Маркса, СПб.

БИБЛИОТЕКА
АКАД. НАУК БССР
СССР

БАН
1894
471.